

ЛЕСЛИ ПИРС

ПОМНИ МЕНЯ

Мэри Брод было лишь восемнадцать, когда она украла шелковую шляпку и ее приговорили к смерти.

Приговор был смягчен в последнюю минуту, и ее отправили на корабле с сотней других заключенных в Австралию — в новую колонию Англии на другом конце земного шара. Для девушки из Корнуолла, которая никогда не выезжала дальше Плимута, это было почти таким же шоком, как смерть.

Все, что осталось у Мэри, — это смелость и решительность. Претерпев ужасные испытания во время долгого путешествия на корабле и снедаемая страхом неизвестности в далекой стране, ставшей ее новым домом, она поклялась, что выживет, чего бы ей это ни стоило.

Основанный на правдивой истории роман «Помни меня» — одна из самых захватывающих и трогательных историй о человеческой стойкости.

Лесли Пирс

Помни меня

Джону Роберту, моему личному Босвеллу.

Одни лишь слова не могут полностью выразить моей благодарности тебе

Благодарность

Пэм Квик в Сиднее, Новый Южный Уэльс, не только за всю информацию, книги и фотографии о первой флотилии, которые Вы мне передали, но еще и за то, что Вы есть. Без Вашего живого интереса, без времени, которого Вы на меня не жалели, без Вашей постоянной помощи и поддержки я бы никогда не закончила этой книги. Когда я вернусь в Сидней, то обязательно угощу Вас шикарным обедом. Благослови Вас Бог.

Я прочла десятки книг в процессе работы над книгой «Помни меня», и вот самые выдающиеся из них:

Джудит Кук. «Вызов любой опасности». Правда часто бывает более странной и героической, чем литературный вымысел, а основанная на серьезных исследованиях книга о Мэри Брайант из Фоуэя автора Джудит Кук очень вдохновляет, и ее должен прочитать каждый, кто живо интересуется историей.

Роберт Хагс. «Роковой берег». Пленительная, потрясающая книга о первых годах в истории Австралии.

Питер Тейлор. «Первые двенадцать лет». Удивительно информативная книга, при этом не сухая и не скучная. А также с хорошими фотографиями.

Роберт Холден. «Сироты истории». Достаточно трогательная история о забытых детях первой флотилии.

Шон Риш. «Плавучий бордель». История высланных женщин, которые плыли на «Джулиане». Шокирующе информативная.

Адам Сисман. «Самонадеянная задача Босвелла». Удивительная книга о Джеймсе Босвелле.

Лиза Пикар. «Лондон доктора Джонсона». Удивительно легко читается, невероятно живой образ Лондона XVIII века.

Рой Портер. «Английское общество XVIII века».

Предисловие

История о Мэри Броуд основана на реальных событиях, и, хотя я добавила немного фантазии в описание ее характера, ее друзей и многих невзгод, которые она так стойко преодолела, я придерживалась исторических фактов в отношении ее и других основных персонажей.

К несчастью, мы ничего не знаем о том, что произошло с Мэри после ее возвращения домой в Фоуэй. Все же известно, что она забирала свою годовую ренту у преподобного Джона Бэрона и этот джентльмен также написал Джеймсу Босвеллу по просьбе Мэри, чтобы поблагодарить его за его доброту, и отметил ее пристойное поведение. Но в архивах отсутствуют записи о браках, рождениях и даже смерти, доказывающих, что она обосновалась в Фоуэе.

Я думаю, что такая умная и отважная женщина не захотела бы оставаться надолго в месте, где о ней ходят слухи. Если отчет Босвелла о наследстве ее семьи — правда, а сомневаться в этом нет никаких причин, я думаю, что Мэри, вероятно, переехала, и не исключено даже, что за границу.

Кроме того, я искренне верю, что женщина, которую любили и которой восхищались все мужчины, находившиеся рядом с ней, снова вышла замуж. Мне очень хочется надеяться, что она нашла достойного мужа и у них родились дети.

Мне приятно думать, что все хорошие люди с первой флотилии, будь то каторжники, офицеры или морские пехотинцы, были бы горды и довольны, увидев, какой чудесной страной стала сейчас Австралия.

Кто знает, может быть, Мэри снова проскользнула туда под другим именем и ее потомки все еще живут там, такие же смелые и изобретательные, как она.

1786

Мэри вцепилась в скамью подсудимых, когда судья вернулся в зал суда. Маленькие и грязные окна пропускали лишь скудный свет, но было невозможно спутать ни с чем эту черную шляпу на желтоватом парике. В зале застыло выжидающее молчание.

— Мэри Броуд. Вас перевезут из этого места обратно туда, откуда вас привезли, и там вы будете казнены через повешение, — проговорил он речитативом, даже не взглянув на нее. — Да спасет Господь вашу душу.

У Мэри сжалось сердце и подкосились ноги. Она слишком хорошо знала, что повешение было обычным наказанием за дорожный разбой, но в глубине души надеялась на снисхождение судьбы к ее юному возрасту. Но надо отвечать за свои поступки.

На календаре было двадцатое марта 1786 года, и оставалось лишь несколько недель до двадцатилетия Мэри. Она казалась обычной девушкой во всех отношениях: не особенно высокая, но и не низенькая, не красавица, но и не дурнушка. Единственное, что отличало ее от остальных людей, присутствовавших в тот день в суде присяжных Лентен, — это ее деревенский вид. У нее был свежий цвет лица, который сохранился даже после нескольких недель заключения в замке Эксетер. Темные вьющиеся волосы она аккуратно завязала сзади лентой, а серое шерстяное платье, испачканное в тюрьме, было простым, повседневным.

Казалось, зал суда в Эксетере набит битком, и Мэри слышала вокруг себя гул голосов. Некоторые из присутствующих являлись друзьями и родственниками других заключенных, которых судили в тот же день, но большинство были просто зеваками.

И все же в шуме не было сочувствия, не было возмущения таким строгим решением суда. Во всем зале не нашлось ни одного союзника Мэри. Море грязных лиц повернулось к ней, глаза горели зловещим ликованием, и малейшее движение толпы доносило до Мэри запах немых тел. Они ждали ее реакции, хоть какой-то — слез, или гнева, или мольбы о помиловании.

Она хотела кричать, просить о снисхождении, но тот же дух противоречия, который когда-то толкнул ее на кражу, заставил ее теперь сохранять достоинство — единственное, что у нее осталось.

Рука охранника сжала ее плечо. Теперь Мэри могла только молиться.

Она почти не помнила, как ее везли на повозке в замок Эксетер — тюрьму, в которую ее после ареста привезли из Плимута. Мэри почти не обращала внимания на лязг железных кандалов, соединенных с еще одним тяжелым кольцом вокруг ее талии, на семерых арестантов в повозке и на насмешки толпы на улице. Она думала о том, что в следующий раз она сможет увидеть небо над головой только в день казни, когда ее поведут на виселицу.

Мэри подняла лицо навстречу слабому послеполуденному солнцу. Этим утром, когда ее везли в суд присяжных, весеннее солнце чуть не ослепило ее после тьмы тюремных камер. Она жадно впитывала все вокруг и видела недавно распустившиеся листья на деревьях, слышала воркование голубей, затевавших брачные игры, и наивно принимала все это за добрый знак.

Как она ошибалась! Она никогда больше не побывает в своем любимом Корнуолле. А еще никогда не увидит родителей и сестру Долли. Мэри надеялась только на то, что они никогда не узнают о ее преступлении. Лучше пусть они считают, что она бросила их и

начала новую жизнь в Плимуте, или даже в Лондоне, чем сгорают от стыда, услышав, что ее жизнь окончилась в петле палача.

Звук рыданий заставил Мэри посмотреть на женщину, сидевшую справа от нее. Возраст женщины было невозможно определить, поскольку ее лицо изуродовала оспа. Женщина сжимала над головой изорванный коричневый плащ, пытаясь спрятаться.

— Слезами горю не поможешь, — сказала Мэри, предположив, что женщину тоже должны повесить, — По крайней мере, мы теперь знаем, что нас ожидает.

— Я ничего не крала! — выкрикнула женщина. — Не крала, я клянусь! Это был кто-то другой, но они скрылись и повесили вину на меня.

Мэри бесчисленное количество раз слышала эту историю от других заключенных со дня ареста в январе. Сначала она всем им верила, но теперь она ожесточилась.

— Вы сказали об этом на суде? — спросила она.

Женщина кивнула, и ее слезы потекли еще быстрее.

— Но они ответили, что у них есть свидетель против меня.

У Мэри не хватило духу спросить, как все происходило на самом деле. Она хотела наполнить свои легкие чистым воздухом, а рассудок — красками и звуками суемящегося города Эксетера, чтобы по возвращении в грязную, темную камеру можно было уцепиться за какие-то воспоминания. Горестная история этой женщины только приведет ее в еще более угнетенное состояние. И все же присущая Мэри доброта не позволила ей проигнорировать это несчастное создание.

— Вас тоже должны повесить? — спросила она.

Женщина вздрогнула, оборачиваясь к Мэри, и на ее измученном лице появилось удивление.

— Нет. Меня обвиняют всего лишь в том, что я украла пирог с бараниной.

— Значит, вам повезло больше, чем мне, — вздохнула Мэри.

По возвращении в замок Мэри оказалась в камере с двумя десятками заключенных обоих полов. Она молча нашла себе место у стены, села, поправила цепь на кандалах так, чтобы подогнуть колени, плотно завернулась в плащ и откинулась назад, чтобы обдумать ситуацию.

Эта камера отличалась от той, из которой ее забрали сегодня утром. Она была лучше, потому что через решетку, расположенную высоко в стене, поступал свежий воздух, солома на полу выглядела намного чище и из ведер еще не перетекало через край. Но здесь стояла все та же вонь — тот же пронизывающий резкий запах грязи, испражнений, рвоты, гноя и человеческих страданий, который Мэри вдыхала с каждым вдохом.

Стояла зловещая тишина. Никто не разговаривал громко, не ругался, не выкрикивал проклятий в адрес тюремщиков, как это было в предыдущей камере. По сути, все арестанты сидели практически так же, как она, погружившись в мысли или в отчаяние. Мэри догадалась, что все они тоже приговорены к смерти и испытывают такой же шок.

Она не видела Кэтрин Фрайер и Мэри Хейден, девушек, с которыми ее поймали, хотя их всех вместе отвезли утром в зал присяжных. Мэри не имела ни малейшего понятия о том, вернулись ли они и по-прежнему ждут суда или отделались более легким наказанием, чем она.

В любом случае Мэри была рада, что их нет рядом с ней. Она не хотела об этом вспоминать, но, если бы не они, она никогда бы никого не обокрала.

Было слишком темно, и Мэри не могла разглядеть своих сокамерников, потому что единственным источником света был фонарь в коридоре по ту сторону зарешеченной двери. Но беглым взглядом она определила: кроме того что в камере находились также мужчины (в прежней камере были только женщины), никто особенно не отличался от предыдущих ее сокамерников, с которыми она сидела последние несколько месяцев.

Разница в возрасте арестантов, казалось, была существенной: от девочки лет шестнадцати, рыдавшей на плече женщины постарше, до мужчины, которому было лет пятьдесят, а может, и больше. Трое из женщин походили на проституток, судя по их ярким и даже вполне элегантным платьям, остальные заключенные выглядели очень оборванными — женщины с суровыми лицами, плохими зубами и волосами, как пакля, и мужчины с изможденными лицами, тупо смотрящие в никуда.

Мэри заметила двух женщин из предыдущей камеры. Брайди, одетая в красное платье с потрепанным кружевным воротником, призналась Мэри, что обокрала моряка, пока тот спал. Пег выглядела намного старше. Она была одной из этих сильно обтрепанных женщин. Она упорно отказывалась рассказать что-либо о своем преступлении.

Мэри догадалась по рассказам заключенных, что такие прирожденные лидеры, как Брайди, какими бы подавленными они все ни были сейчас, спустя несколько часов пытались собраться с духом и взять себя в руки. Много из этого было бравадой: если хочешь выжить в тюрьме, необходимо казаться сильным. Драки, крики и выпрашивание еды и воды у тюремщиков — это лишь один из способов заявить своим сокамерникам, что с тобой лучше не связываться.

Мэри не понимала, какой смысл в том, чтобы самоутверждаться сейчас, в данной ситуации. Сама она, безусловно, не чувствовала потребности в этом. Ее интересовало лишь то, сколько дней ей еще осталось жить.

При виде Мэри Брайди подтянула свои цепи и заковыляла к ней через всю камеру.

— Повешение? — спросила она.

Мэри кивнула.

— У тебя тоже?

Брайди присела на корточки, и горестное выражение ее лица сказалось обо всем.

— Этот подонок судья, — сплюнула она. — Он не знает, каково нам. Что с того, что меня повесят? Кто же станет тогда присматривать за стариками?

Вскоре после того как Мэри привезли в Эксетер, Брайди рассказала ей, что ее поймали на проституции, которой она занималась, чтобы помогать своим родителям, живущим на пособие по бедности. Но было что-то такое в ее яркой одежде и в еще более яркой натуре, что говорило об отсутствии особых угрызений совести. И все-таки с самой первой ночи, проведенной Мэри в тюрьме, Брайди была добра к ней и защищала ее, и Мэри чувствовала, что в глубине души она хорошая женщина.

— Я все-таки думала, что ты выкрутишься, с твоим невинным личиком и вообще... — сказала Брайди, протягивая грязную руку и легонько поглаживая Мэри по щеке. — Что же случилось?

— Та дама, которую мы обокрали, была в суде, — ответила Мэри с грустью. — Она на нас указала.

Брайди сочувственно вздохнула.

— Ну, будем надеяться, что они быстро с этим покончат. Нет ничего хуже, чем ждать смерти.

Спустя некоторое время, этой же ночью, Мэри лежала на грязном полу, застеленном соломой, среди своих сокамерников, которые, казалось, крепко спали, и мысли ее возвращались домой, к семье в Фоуэй в Корнуолле. Теперь она уже понимала, что родилась более удачливой, чем многие женщины, которых она встретила с тех пор, как покинула свой дом.

Ее отца звали Уильям Броуд. Несмотря на то что им приходилось переживать тяжелые времена, когда у него не было работы, ему как-то всегда удавалось сделать так, чтобы его семья не голодала и чтобы в очаге всегда горел огонь. Мэри вспоминала, как лежала в постели, свернувшись калачиком рядом с сестрой Долли, и слушала, как морские волны разбиваются о пристань. Она чувствовала себя при этом в полной безопасности, поскольку, как бы надолго ни уходил отец в море, он всегда оставлял достаточно денег, чтобы они могли продержаться до его возвращения.

От одной лишь мысли о Фоуэе с его крошечными коттеджами и мощеными улицами у Мэри сжималось сердце. Сутолока на пристани и поселок никогда не были скучными, поскольку она знала всех, а семья Броуд пользовалась всеобщим уважением. Грейс, мать Мэри, придавала большое значение благопристойности. Она поддерживала крошечный коттедж в безукоризненной чистоте и старалась быть своим дочерям достойным примером, обучая их кулинарии, ведению домашнего хозяйства и шитью. Долли, старшая сестра Мэри, была исполненной долга, послушной девушкой, с радостью следовавшей примеру матери, и все ее мечты ограничивались лишь замужеством, детьми и своим собственным домом.

Мэри не разделяла мечтаний своей сестры. Друзья и соседи часто поговаривали, что лучше бы ей родиться мальчиком. Она не умела держать в руках иглу, а работа по дому ей быстро наскучивала. Зато она была на вершине блаженства, когда отец брал ее порыбачить под парусом, потому что чувствовала себя одним целым с морем и умела управляться с лодкой почти так же ловко, как он. Мэри также предпочитала мужскую компанию, потому что мужчины и мальчики говорили об увлекательных вещах: о других странах, войне, контрабанде и о своей работе на оловянных шахтах. У нее не было времени на хихикающих, болтающих глупости девочек, которые не интересовались ничем, кроме сплетен и цен на ленточки для волос.

Именно жажда приключений заставила Мэри уехать из Фоуэя, и она твердо верила, что сможет оставить свой след на земле, если вырвется оттуда. Когда Мэри уезжала, Долли сказала почти сердитым тоном, что все это потому, что Мэри никогда бы не нашла себе возлюбленного и боялась, что никто никогда не захочет взять ее в жены.

Это было неправдой. Мэри совершенно не хотелось выходить замуж. По сути, она чувствовала скорее жалость, чем зависть, по отношению к девушкам, рядом с которыми выросла и которых уже обременяли двое или трое детей. Мэри знала, что их жизнь становится тяжелее с каждым новым ртом, что они живут в страхе потерять своих мужей, которые могли утонуть в море или попасть под обвал в шахте. Но впрочем, жизнь была тяжелой для каждого, кто жил в Корнуолле, исключая мелкопоместных дворян. Все остальные могли либо ловить рыбу, либо работать в шахте, либо идти на военную службу.

Долли работала в Фоуэе в семье Треффрисов помощницей экономки, но Мэри упрямо отказалась следовать ее примеру. Она не хотела проводить свои дни, выбрасывая мусор и разводя огонь по первому приказу суровой экономки. Она не видела в этом никакой перспективы. Но альтернативой было разделывание и засолка рыбы, и, хотя Мэри делала это

с детства и любила это занятие за возможность поболтать во время работы и за дружелюбие товарищей, она знала, что еще никто не стал богатым, потроша рыбу. От работников шел омерзительный запах, а зимой они замерзали. Мэри иногда смотрела на согнутые спины и скрюченные пальцы женщин, которые провели за этим занятием большую часть своей жизни, и понимала, что это означает раннюю смерть.

От моряков Мэри слышала о Плимуте. Они говорили, что там красивые магазины, большие дома и неограниченные возможности для любого решительно настроенного человека. Мэри думала, что сможет получить работу в одном из магазинов, ведь она, не умея читать и писать, складывала цифры быстрее, чем ее отец.

У ее родителей были смешанные чувства по поводу ее отъезда. С одной стороны, они хотели удержать ее дома в Фоуэе, но наступили тяжелые времена, и они поддержали ее. Возможно, в глубине души они надеялись, что через несколько лет она остепенится, займется приличным делом, найдет возлюбленного и в конце концов выйдет замуж.

Мэри тогда не могла дождаться, когда же она вырвется из Фоуэя, а вот сейчас лежала на твердом холодном полу тюремной камеры и вспоминала тот день, когда оставила свой дом, и ее терзали угрызения совести.

Было раннее утро. Начинался прекрасный июльский день без облачка на голубом небе, и солнце уже светило ярко. За несколько дней до того отец уплыл во Францию, и Мэри настояла, чтобы только Долли спустилась на пристань проводить ее. Она не хотела снова выслушивать нравоучения матери о том, как должна вести себя леди на борту корабля и как избегать общения с незнакомцами.

Ее мать никогда не давала волю своим эмоциям. Но когда Мэри, уже у двери, напряженной походкой подошла поцеловать ее в щеку, та вдруг крепко обняла ее.

— Будь хорошей девочкой, — сказала мать, и голос ее задрожал. — Не забывай о молитве и не попадай в неприятности.

Мэри помнила, как торопилась прочь вместе с Долли, хихикая от возбуждения. И только дойдя до конца узкой улочки и оглянувшись назад, она увидела, что мать все еще стоит в дверном проеме и смотрит на них. Она выглядела такой старой, маленькой и странно уязвимой, потому что с утра не заплела своих кос. Мать казалась серым пятном в своем невзрачном платье и почти сливалась с каменной стеной коттеджа. Мэри не видела лица матери отчетливо, но она знала, что та плачет. И все же Грейс заставила себя весело помахать рукой на прощанье.

— Я не знаю, почему ты думаешь, что в Плимуте будет лучше, чем здесь, — язвительно сказала Долли, когда они спустились к пристани и увидели корабль. — Держу пари, что даже обойдя вокруг земли, ты не найдешь места лучше.

— Перестань, — возразила Мэри, решив, что Долли завидует. Ее сестра была намного красивее, чем она: глаза голубые, как небо, нежно-розовый цвет лица и чудесный маленький вздернутый носик. Но Мэри иногда казалось, что Долли хотела стать более смелой и наверняка возмущалась из-за того, что ее жизнь уже расписана наперед.

— Ничего не могу с собой поделать, — ответила Долли тихим голосом. — Мне будет тебя не хватать. Возвращайся скорее.

Мэри вспомнила, как обняла сестру, а потом пообещала, что, как только устроится, сразу вызовет Долли, чтобы та приехала к ней. Если бы она знала, что это будет их последняя встреча, она бы сказала сестре, как сильно любит ее. И все же тем солнечным утром Мэри никак не могла дождаться, когда же наконец ступит на борт корабля. Ей даже

не приходило в голову, что в Плимуте удача может отвернуться от нее.

Мэри даже не предполагала, что каждую неделю в Плимуте с корабля сотни девушек и только самые грамотные и красивые из них, с хорошими рекомендациями получали лучшие места. Мэри удалось найти работу лишь в пивной для моряков, где она мыла горшки и натирала полы. Кроватью ей служило несколько мешков в погребе.

А накануне дня святого Николая хозяин выгнал ее. Он сказал, что она украла какие-то деньги, но это была неправда. Вся ее вина заключалась в том, что она отказалась стать более уступчивой по отношению к нему. Без рекомендаций она не могла найти другого места, а гордость не позволяла ей вернуться домой в Фоуэй и услышать: «Я же тебе говорила».

В тот момент, когда Мэри встретила на пристани Томаса Кугана, она подумала, что ей уготована прямая дорога в ад. Наверняка ни одна приличная девушка не позволила бы совершенно незнакомому мужчине угостить себя обедом и держать за руку. Она должна была убежать сломя голову в ответ на его предложение пожить с ним, пока она не найдет другой работы. Но Мэри увидела что-то такое в его худом костистом лице, в огоньках, светившихся в его голубых глазах, и в историях, которые он рассказывал о путешествиях во Францию и в Испанию. Все это покорило ее.

Томасу были чужды все те правила, на которых воспитывалась Мэри. Он совершенно не считался с королем, церковью и вообще с какой бы то ни было властью. Томас вел себя как джентльмен и ревностно следил за собственным внешним видом. С ним было просто хорошо, лучше, чем с кем-либо, кого Мэри вообще знала.

Возможно, в какой-то мере это происходило потому, что он так сильно желал ее, стремился обнимать и целовать. Ни один мужчина раньше так не хотел ее, они смотрели на нее просто как на друга. Томас говорил, что она красива, что ее серые глаза как надвигающаяся буря и что ее губы созданы для того, чтобы целовать их.

Тот первый день с Томасом оказался просто волшебным. Шел сильный дождь, и Томас повел Мэри в таверну у пристани и высушил ее плащ у огня. А еще он научил ее пить ром. Ей не понравился вкус рома и то, как он обжигал горло. Но ей очень понравилось, когда Томас наклонился к ней и легонько лизнул ее губы кончиком языка.

— На твоих устах ром кажется сладким, как нектар, — прошептал он. — Пей до дна, красавица моя, это тебя согреет.

Томас пробудил в ней настоящую страсть. Казалось, все ее тело засияло, и виноват в этом был не только ром. Мэри покорили острый ум Томаса, прикосновения его нежных рук и его слова о том, что она находится на грани чего-то опасного, но в то же время восхитительного.

В глубине души Мэри должна была почувствовать, что что-то не так, когда он не попытался затащить ее в постель. Он страстно целовал ее и говорил, что любит, но дальше этого никогда не заходило. На тот момент Мэри верила, что он так осторожен из-за любви и уважения, которые испытывает к ней, и лишь позже она узнала правду.

Томас Куган не заботился ни о ком, кроме себя самого. Он был карманным вором и, заметив ее плачущей на пристани, понял, что ее чистый, невинный вид деревенской девушки может сделать ее идеальной сообщницей. Потребовалась лишь пара сочувственных слов, чтобы завоевать ее доверие.

В первые несколько недель их знакомства Мэри ни разу не пришло в голову, что, когда они стояли рука об руку перед какой-нибудь витриной магазина, свободная рука Томаса

часто была занята присваиванием чье-нибудь бумажника, карманных часов или другой ценной вещи. Девушку настолько очаровало его обаяние, увлекли его интересные друзья и забавный образ жизни, что, когда он сказал ей, что занимается разбоем, она и бровью не повела. А когда Томас исчез вскоре после Рождества, оставив ее в меблированных комнатах, она была безутешна.

Мэри предположила, что он пойман констеблями, и именно это заставило ее сойтись с Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер. Она не хотела потерять лицо перед этими двумя карманницами, к которым Томас относился с большим уважением. Они казались такими светскими, такими милыми, а ей нужны были деньги, чтобы платить за квартиру, пока Томас не вернется.

Сначала Мэри просто стояла на стреме, пока ее напарницы вытаскивали кошельки на людных улицах и базарах. Иногда она отвлекала внимание, симулируя обморок или крича, что у нее украли кошелек. Но в один прекрасный день Кэтрин сказала, что Мэри тоже пора взять на себя некоторую долю риска, и, когда они увидели маленькую, опрятно одетую женщину, которая шла домой по главной улице, нагруженная покупками, это показалось идеальным дебютом.

Возможно, если бы Мэри не хотелось так сильно доказать свою смелость, она бы просто подставила женщине подножку и скрылась с каким-нибудь из ее пакетов. Но вместо этого она одной рукой схватила красивую шелковую шляпку женщины, сгребла все, что та побросала в переполохе, и швырнула пакеты Мэри Хейден и Кэтрин, прежде чем убежать со всех ног. К несчастью для них, люди погнались за ними, окружили их в какой-то аллее и кликнули констеблей.

Подробности ареста и отправки в тюрьму в Плимуте Мэри вспоминала сейчас с трудом, поскольку впечатления от дальнейшего переезда в Эксетер заслонили собой все остальное. Переезд занял четыре дня в открытой повозке, где ее приковали цепями к трем другим женщинам, две из которых были ее бывшими подругами. Они всю дорогу поносили ее за то, что попались. Был январь, и ледяной ветер дул по мрачному вересковому полю, яростно разрезая его пополам. Если кто-то из них хотел облегчиться, с повозки должны были вставать все трое, а охрана косилась на них. Каждый шаг казался пыткой, поскольку кандалы врезались в их нежную кожу, а они еще не привыкли двигаться одновременно. По ночам их заталкивали в конюшню при какой-нибудь придорожной гостинице, и всей пищей, которую они получали, были хлеб и вода. Мэри думала, что умрет от холода. По сути, она всей душой этого желала хотя бы для того, чтобы положить конец презрению и высмеиванию со стороны своих подельниц и мыслям о том, что ее преступление — ограбление на дороге — каралось повешением.

В первую ночь, проведенную в замке Эксетер, Мэри успокоилась и убедилась в том, что сможет привыкнуть к крысам, вшам, грязи, черствому хлебу и сидению на помойном ведре на виду у всех. Мэри помнила, что все это является неотъемлемой частью тюремной жизни и что она заслуживает наказания за то, что совершила. Но она не могла смириться с тем, что через несколько дней умрет. Она никогда больше не будет свободна, не сможет гулять по деревенским улочкам, смотреть, как морские волны разбиваются о берег и наблюдать за тем, как садится солнце.

Думая об этом, Мэри плакала. Ей было очень грустно из-за того, что она не оправдала надежд своих родителей и навлекла позор на семью, и из-за того, что не слушала голос совести, твердивший, что воровать грешно.

Всем был хорошо известен тот факт, что добрая половина приговоренных к смерти получала то или иное помилование. Следующие трое суток сокамерники Мэри только об этом и говорили, и каждый надеялся, что окажется среди тех, кому повезет.

Но Мэри была не глупа. Она знала, что для этого нужно иметь друзей на воле: заботливого и доброго любовника (или любовницу) или приятеля с деньгами, который будет просить за тебя. Пока часы и дни медленно текли, стало ясно, кто из ее сокамерников окажется тем счастливым. Именно им посылали в тюрьму еду, питье, деньги и даже чистую одежду.

Мэри с завистью смотрела на девушку и женщину (оказавшихся, как она впоследствии узнала, тетей и племянницей), когда они ели горячие пироги с мясом, которые приносил тюремщик. Их обвиняли в ограблении меблированных комнат, но со дня ареста они горячо твердили о своей невиновности. Возможно, они говорили правду. А теперь, судя по пирогам и одеялам, которые они получали, кто-то за стенами тюрьмы явно хлопотал об их освобождении.

И все же некоторые из заключенных, даже те, которые не имели никакой надежды на помилование, заметно приободрились в последние несколько дней. Может быть, это произошло потому, что быстрая смерть для них казалась предпочтительнее длительного тюремного заключения или мучительной смерти от лихорадки. Повешение имело даже некий, если можно так выразиться, престиж, ведь посмотреть на него собирались огромные толпы людей. Если приговоренные к казни сумеют принять смерть с достоинством и смелостью, они могут завоевать восхищение наблюдающей толпы и стать героическими личностями, возможно, даже легендой.

Дик Саллион был одним из тех, кто разделял эти чувства, и он все время подбадривал Мэри своим оптимизмом и своеобразной жизненной философией. Как и она, он обвинялся в дорожном разбое. Но преступление Дика больше соответствовало этому описанию, чем проступок Мэри, поскольку он лежал в засаде на отдаленных дорогах, ожидая ничего не подозревающих путешественников, и отбирал у них не только ценности, но и лошадей.

Этот крупный мужчина, почти шести футов росту, с румяным лицом и широкими плечами, обладал таким чувством юмора, перед которым невозможно было устоять. На первое утро после суда Мэри проснулась оттого, что он пел какую-то похабную трактирную песню о человеке, отправлявшемся на виселицу пьяным. Она, разумеется, решила, что Дик навеселе, поскольку те, у кого имелись деньги или вещи на взятки для охранников, могли напиваться день и ночь. Но когда она поднялась с пола и села, он улыбнулся ей, и Мэри увидела, что его голубые глаза горят ясным блеском.

— Что за смысл лежать тут и хандрить? — сказал он, будто разговаривая сам с собой. — Я прожил хорошую жизнь и считаю, что лучше мне висеть, чем потерять рассудок и человеческий облик в таком вот месте.

— Некоторые арестанты предпочитают спать, а не думать об этом, — возразила она.

Еще в январе, в первые дни заключения, Мэри поняла, что желательно подружиться с кем-нибудь жестким и хитрым, чтобы оказаться под его защитой, а поскольку Дик, казалось, подходил по всем статьям, она позволила ему придвинуться к ней ближе и поговорить.

Вскоре Мэри обнаружила, что у Дика не осталось денег на покупку дополнительной воды и питья. Он рассказал ей, что прокутил все, что имел, за первые несколько недель до суда. Но даже если Дик не мог обеспечить ей комфорт в материальном выражении в

последние несколько дней, он был сильным, уверенным в себе и обладал большим жизненным опытом, и его болтовня и смех подбадривали ее.

Дик тоже был родом из Корнуолла. Мэри нравилось говорить с ним о доме, и вскоре она рассказала ему все, что чувствовала по поводу своего преступления и того, что она так опозорила семью.

— Зачем об этом беспокоиться? — спросил он, и его выговор показался Мэри таким же мягким и успокаивающим, как у ее отца. — Нам надо сделать все, чтобы выжить. Это вина правительства, что мы до такого докатились. Высокие налоги, огораживание [\[1\]](#)... Да они нас просто обдирают на каждом шагу! Они живут во дворцах, в то время как многие из нас голодают. Я так же, как и ты, отбирал у тех, кто не очень от этого пострадал. По-моему, так им и надо.

Мэри была воспитана в честности и богобоязненности и не совсем соглашалась с Диком, но не собиралась говорить этого вслух.

— И все-таки, разве ты не боишься смерти? — спросила она вместо этого.

Он пожал плечами.

— Я так много раз смотрел ей в лицо, что она перестала вызывать у меня страх. Что такое виселица по сравнению с поркой на корабле? Впервые я пережил это, когда мне было шестнадцать лет. Это ни с чем не сравнимый ужас: боль такая жуткая, что молишь о смерти. Виселица — это быстро. Не беспокойся, малышка, я буду держать тебя за руку до самого конца.

Слова Дика немного утешили Мэри. Она решила, что если уж ей суждено умереть, то она встретит смерть достойно.

Через четыре дня после суда, около десяти утра, к двери камеры подошел тюремщик и вызвал Нэнси и Энн Браун. Это были тетя и племянница, обвиняемые в ограблении меблированных комнат. Он сказал, что они оправданы в силу новых свидетельств и свободны.

Несмотря на собственное тяжелое положение, Мэри была чрезвычайно рада за них и встала, чтобы обнять их и поцеловать на прощанье. Она в последнее время много разговаривала с этими женщинами и была уверена, что они невиновны, как они утверждали сами. Не успели они покинуть камеру, как тюремщик назвал еще четыре имени — троих мужчин и Мэри.

— Вы все идете со мной, — сказал он резко.

Мэри с ужасом повернулась к Дику, думая, что настал ее час отправляться на виселицу.

Дик положил свою большую руку ей на плечо и сжал его.

— Даже не думай об этом, — произнес он с уверенностью в голосе. — Раз в три месяца они собираются, просматривают список и выбирают, кого лучше выслать. Я предполагаю, что именно это тебя и ждет.

Тюремщик заорал, чтобы все шли за ним, и не дал Мэри времени для того, чтобы попрощаться с Диком и с Брайди.

Мэри шаркала по темному коридору за Уильямом, Эйблом и Джоном, своими сокамерниками. Их кандалы бряцали о грубый каменный пол. Вдруг она услышала голос Дика, прогремевший у нее за спиной:

— Семь лет — вот и все, а потом ты свободна, моя малышка. Будь сильной и смелой, и ты увидишь, что все это когда-нибудь кончится.

Эйбл, тридцатилетний мужчина болезненного вида, оглянулся на Мэри.

— Что он может знать? — сказал он мрачно. — Я слышал, как говорили, что теперь, когда война уже закончилась, каторжников в Америку больше не высылают ^[2].

Мэри и сама об этом слышала, когда жила в Плимуте. Она подумала о том, что лучше бы это было правдой, поскольку она с детства слышала переходящие от моряка к моряку ужасные истории о далеких землях. С заключенными там обращались так же, как с черными рабами: морили голодом, били, заставляли работать на земле, пока они не падали замертво от истощения. Ну а если не в Америку, то куда же их могут сослать и будет ли там хоть немного лучше?

Выйдя во двор, Мэри сразу увидела заключенных, которые строились в шеренгу. Там были и Мэри Хейден, и Кэтрин Фрайер, ее «соучастницы преступления». Всего Мэри насчитала пять женщин и пятнадцать-шестнадцать мужчин. Мэри Хейден тряхнула головой, обернулась и увидела Мэри, а Кэтрин сердито смотрела на нее. Они, несомненно, все еще считали ее виновницей своих мучений.

Судья (по крайней мере, Мэри подумала, что он судья, взглянув на его парик и одежду) спустился вниз на несколько ступенек в сопровождении нескольких мужчин и затем стал читать вслух с пергамента.

Мэри почти не смогла разобрать его слов. Она слышала: «На суде присяжных и общем слушании о тюрьмах его величества короля», потом целую вереницу имен, начинающихся с «сэр», которые были ей неизвестны. И только когда Мэри услышала, как упомянули ее имя, она начала вслушиваться. При словах «его величеству было угодно предоставить им свое королевское помилование» у Мэри подпрыгнуло сердце. Но по мере того как судья продолжал читать, она снова пала духом, поскольку это было, как сказал Дик, помилование при условии, что на семь лет они будут высланы из Англии.

Когда судья покинул тюремный двор, оставляя заключенных с охраной, арестанты повернулись друг к другу, и их восторг по поводу того, что их не повесят, смешивался с паническим страхом перед неизвестностью.

— Я никогда не встречал никого, кто возвращался бы оттуда, — сказал один мужчина мрачно. — Наверное, они все умерли.

— А я знаю одного человека, который вернулся, — громко возразил другой. — И деньги у него в кармане водились.

Мэри попыталась разобраться в гуле противоположных мнений, в гуще которых она очутилась. Лично ей казалось, что семилетний приговор, хоть и тяжелый, все же лучше, чем повешение. Во дворе не было человека, который смог бы ее разубедить в этом, так что ей не было смысла высказывать свое мнение. Но когда стоящая рядом с ней женщина расплакалась, Мэри обняла ее за плечи, чтобы утешить.

— Это лучше, чем смерть, — сказала она мягко. — Мы будем на свежем воздухе и, возможно, даже сможем сбежать.

Эйбл, который стоял перед ней, вероятно, услышал ее слова, поскольку повернулся к ней с презрительным выражением на лице.

— Если мы только не умрем по дороге, — добавил он.

Мэри подумала, что он в любом случае на этом свете долго не задержится. Эйбл постоянно кашлял, был очень тощ и единственный в камере не проявлял энтузиазма, когда им просовывали ежедневную порцию заплесневелого хлеба.

— Пока я дышу, я буду надеяться, — парировала она твердо.

Не прошло и часа, как ворота тюремного двора открылись и въехали две большие повозки, запряженные лошадьми.

Арестанты ломали голову над тем, почему их оставили во дворе, но никто не предполагал, что их перевезут из замка Эксетер в тот же день. Но именно это и планировалось. Без последующих проволочек их сковали друг с другом по пять человек и велели забираться в повозки. И снова Мэри оказалась рядом с Кэтрин Фрайер и Мэри Хейден. По другую сторону от нее была женщина, которую она утешала раньше, по имени Элизабет Коул. За их скамьей сидело пятеро мужчин, одним из них был Эйбл.

На протяжении первого часа, когда повозка медленно катилась из Эксетера, Кэтрин Фрайер и Мэри Хейден выливали на Мэри потоки оскорблений.

— Это все из-за тебя, — твердила Кэтрин, не переставая. — Это ты навлекла на нас эти несчастья.

Элизабет Коул, которую все называли Бесси, сочувственно сжимала руку Мэри и в конце концов велела ее подельницам замолчать.

— А ну-ка, заткните глотки, вы, двое, — резко прервала она их. — Мы теперь все в одной лодке, хотим мы того или нет. Что толку винить Мэри, вас бы все равно поймали рано или поздно. И потом, нам всем тут надоело слушать вашу болтовню.

Мэри тронуло вмешательство Бесси. Это была женщина странного вида — высокая, рыжеволосая, немного косившая на один глаз и без нескольких зубов. Но тот факт, что она осмелилась заговорить, свидетельствовал о том, что она не такая уж забитая, как могло показаться.

За их спиной слышались одобрительные возгласы мужчин. Возможно, это в конце концов убедило бывших подруг Мэри закрыть рты, и они погрузились в молчание.

Через некоторое время один из мужчин с задней скамьи ткнул Мэри в спину.

— Убеди охранников сказать тебе, куда мы направляемся, — прошептал он.

— Почему я? — прошептала Мэри в ответ.

— Ты самая хорошенькая, — сказал он.

Вплоть до этого момента Мэри была твердо уверена, что у нее нет никаких преимуществ: ни вещей, ни денег на подкуп, ни влиятельных друзей. Все, что у нее имелось, — это одежда на ней, причем заношенная и грязная. Но, глянув на сидящих в ряд женщин, она увидела, что моложе, здоровее и сильнее остальных.

Мэри и Кэтрин жили кражами много лет, пока она не встретила их. На тот момент ее ввела в заблуждение их яркая одежда, заставив думать, что они выше ее во всех отношениях. Но дешевый шелк носился не очень хорошо, тем более в тюрьме, и их измученные фигуры и серая кожа, пустота в глазах и речь, пересыпанная сквернословиями, демонстрировали их истинную сущность. Что же касалось Бесси, Мэри пока даже не знала, какое преступление она совершила, не знала ничего о ее происхождении. Бесси выглядела измученной, как большинство людей из самых бедных семей в Фоуэе.

Мэри вдруг поняла, что у нее есть шанс. Она молода и сильна, не испорчена мужчинами, она знала о своей находчивости и была исполнена решимости.

Она подождала, пока кто-нибудь попросится облегчиться, и, когда все женщины спустились с повозки, Мэри стала так, чтобы закрыть своей юбкой от охранника присевшую на корточки подругу, и мягко улыбнулась ему.

— Куда вы нас везете? — спросила она. — Обрато в Плимутскую тюрьму или прямо

на корабль, идущий в Америку?

Охранник был сурового вида мужчина с коричневыми щербатыми зубами, в потрепанной шляпе, низко надвинутой на косящие глаза.

— Вас везут в Девонпорт на плавучую тюрьму, — сказал он со злой усмешкой. — Там вам придется несладко.

Мэри невольно охнула. Хоть она и не видела плавучие тюрьмы, зато знала об их дурной репутации. Это были старые военные корабли, пришвартованные в устьях и бухточках, — государственное решение вопроса переполненности тюрем. Ответственность за администрирование передавалась частным лицам, чьим единственным интересом являлось выжать как можно больше денег из каждого заключенного. Говорили, что те несчастные каторжники, которых туда высылали, умирали либо от голода, либо от непосильного труда в течение первых нескольких лет. Особенность этих печально известных проклятых мест заключалась в том, что арестантов принуждали к рабскому труду — обычно они строили укрепления на берегах рек.

— Я не думала, что туда посылают женщин, — сказала Мэри дрожащим голосом.

— Времена меняются, — хмыкнул охранник. — Если хочешь гам выжить, начинай-ка прихорашиваться.

Мэри сглотнула и посмотрела ему в глаза. Она знала, что тюремщиков и охранников очень сильно наказывали, если они осмеливались дать кому-либо сбежать. Но он, вероятно, подумал, что она достаточно глупа, чтобы знать об этом, и будет надеяться, что, заигрывая с ним, сможет спастись бегством.

— Но ведь судья говорил о высылке. — Мэри попыталась выжать несколько слез.

— Они это и имели в виду, — сказал охранник, на этот раз уже более мягко. — Но с тех пор как началась война, они уже не могут высылать в Америку. Они пробовали Африку, но ничего не получилось. Сейчас поговаривают об одном месте, которое называется Ботанический залив, но это на другом конце света.

Мэри смутно помнила, как моряки в пивной, где она когда-то работала, говорили о человеке по имени капитан Кук ^[3], заявлявшем на всю Англию, что по ту сторону света находится страна. Она пожалела, что не слушала тогда внимательно, но на тот момент это интересовало ее не больше, чем то, действительно ли король Георг ^[4] сошел с ума или какие платья были на знатных дамах, танцевавших на балах в Лондоне.

— Так ты думаешь, что именно туда мы направляемся? — спросила она.

Он пожал плечами и сердито посмотрел на других женщин, столпившихся вокруг Мэри, чтобы послушать, о чем они говорят.

— Возвращайтесь в повозку, — сказал он резко. — Мы должны проехать еще не одну милю, пока не стемнеет.

Забравшись в повозку, Мэри решила, что нет смысла думать ни о чем, кроме настоящего. В повозке, может быть, и неудобно, но лучше сидеть под весенним солнцем, чем в вонючей тюрьме. Она сохранит спокойствие для побега.

Мэри сомневалась в том, что возможность для этого представится до Девоншира. Если охранники во время проезда придерживались тех же правил, что и по дороге из Плимута в Эксетер, она будет оставаться постоянно скованной со своими товарищами.

Но оставалась небольшая надежда на то, что цепи снимут, когда арестанты поднимутся на борт корабля, откуда на весельной лодке их должны доставить в плавучую тюрьму. Если это так, она сможет спрыгнуть и попытаться уплыть. Мэри мысленно улыбнулась. Это была

лишь крошечная надежда, поскольку любой охранник, зарабатывающий свои деньги, предвидит такую попытку, но немногие умеют плавать, как она, даже такие моряки, как ее отец. Ей было приятно подумать о возможности поплавать, смыть с себя тюремный смрад и направиться к кромке берега, который она хорошо знала. Ради этого стоило рискнуть, и, даже если ей не удастся этого сделать сразу, она сможет спрыгнуть с плавучей тюрьмы ночью.

Но по мере того как сгущались послеполуденные тени и становилось холоднее, Мэри снова упала духом. Даже если она сможет сбежать, куда она направится? Мэри не могла вернуться обратно в Корнуолл: там бы ее снова схватили в мгновение ока. И куда она вообще пойдет в таком виде, без денег, в грязной одежде и в ботинках, на которых от дырок не осталось живого места.

С наступлением темноты у Мэри так болело все тело, что ее единственным желанием было поскорее лечь. Даже от малейшего движения, ее собственного или ее подруг, кандалы врезались в ее лодыжки. Она оторвала полосу от нижней юбки, чтобы перевязать ноги под железом, но хлопок закаменел от засохшей крови и раздражал раны вместо того, чтобы защищать их. Мэри дрожала от холода. Ее живот мучительно сводило от голода, а спина так онемела, что Мэри сомневалась, сможет ли снова ходить.

Через четыре дня, когда повозка наконец добралась до Девонпорта, подруги Мэри так сильно пали духом, что даже не прореагировали, увидев их корабль-тюрьму, пришвартованный у берега. Последние два дня, не переставая, лил сильный дождь, и все они основательно вымокли. Многие дрожали от лихорадки, и все были истощены от недосыпания в амбарах и сараях, куда их запирали на ночь.

В тот день в повозке никто не разговаривал. Раздавались только стоны, чихание, шмыгание носом и звяканье цепей в моменты, когда заключенные тщетно пытались усесться поудобнее. Эйбл серьезно заболел. Он не мог сидеть и после каждого напряженного приступа кашля сплевывал кровь.

— А вот и ваш новый дом — «Дюнкирк», — сказал охранник, поворачиваясь со злорадной усмешкой и указывая на старую плавучую тюрьму, пришвартованную к берегу. — Кораблик не бог весть какой, это уж как пить дать, но лучшего вы и не заслуживаете.

Мэри страдала не меньше подруг, но то ли благодаря молодости и здоровью, то ли потому, что ее голова была занята мыслями о побеге, казалось, плавучая тюрьма произвела впечатление только на нее.

С обрезанными чуть ли не под корень мачтами, окруженная легким туманом, тюрьма имела зловещий вид давно потерпевшего кораблекрушение судна, ждавшего лишь хорошей бури, которая окончательно разобьет его на части. Но ужаснее внешнего вида было зловоние, которое доносил оттуда ветер.

Мэри и без того дрожала так, что зубы стучали друг о дружку, но теперь по ее спине пробежал ледяной холод, а пустой живот свело от подкатившей тошноты. Она почувствовала, что ее ожидает настоящий ад, в сто раз худший, чем замок Эксетер.

Мэри считала Эксетер самым жутким местом на свете и поначалу радовалась, что они уехали оттуда, наслаждаясь свежим воздухом и солнцем. Но прошло не так уж много времени, и Мэри захотела вернуться в замок. Прошлой ночью, замерзшая, промокшая и голодная, чувствуя боль в каждой клеточке тела, она даже предпочла бы петлю на шее, чтобы положить всему этому конец. А сейчас оказалось, что ее ждут еще большие ужасы.

— Смотри не смотри... — сказал охранник и откинулся на сиденье, чтобы ткнуть Мэри палкой. Он уже поколачивал некоторых заключенных, если они слишком долго взбирались в повозку или слезали с нее. — Это расплата за грехи. И все вы ее заслужили.

Пару дней назад Мэри осыпала бы его ругательствами, плюнула бы ему в лицо или даже бросилась бы на него с кулаками, но сейчас у нее не осталось сил для возмущения.

— Нас сейчас отведут туда? — спросила она вместо этого. Ее живой ум подсказывал, что лучше с ним не ссориться.

— Нет, сейчас уже слишком поздно, — сказал он и подхлестнул остановившихся лошадей. — Сначала вам предстоит еще одна ночь в амбаре.

Этой ночью в амбаре спали не только арестанты с двух повозок, прибывших из Эксетера. Они не успели зайти и плюхнуться на грязный пол, как двери открылись снова и к ним присоединилось еще несколько десятков человек.

Они проделали длинный путь из Бристоля и находились в еще худшем состоянии, чем товарищи Мэри. Их одежда превратилась в лохмотья, у всех поднялась температура, а нога одного из них оказалась заражена гангреной — этот запах нельзя было спутать ни с чем.

Кто-то неуверенно попытался завести разговор, спрашивая о друзьях, заключенных в Эксетере и в Бристольской тюрьме Брайдвелл, но главное, что беспокоило всех, — это то, как долго их продержат на корабле-тюрьме до высылки.

— Я слышал, из Грейвсенда сбежала партия заключенных, — заявил мужчина свирепого вида, прибывший из Бристоля. — Охранники открыли огонь и нескольких убили, но остальным удалось уйти. С тех пор всех заковывают в цепи.

Бесси, сидевшая рядом с Мэри, расплакалась.

— Лучше бы уж нас повесили, — всхлипывала она. — Я больше не могу.

Та же мысль посещала и Мэри, но при виде крайнего отчаяния Бесси она воспряла духом.

— С нами все должно быть в порядке, — настаивала она, крепко обнимая женщину обеими руками. — Нам просто холодно, мы промокли и голодны, и поэтому у нас путаются мысли. Через пару дней все будет выглядеть по-другому.

— Ты такая смелая, — прошептала Бесси. — Ты не боишься, как все?

— Нет, — сказала Мэри, не раздумывая. — Теперь я знаю, что меня не повесят.

Глубокой ночью, когда Мэри лежала рядом с другими женщинами, отчаянно пытаюсь согреться об их тела, она поняла, что действительно не боится. Ее возмутило то, что с людьми могут так жестоко обращаться. Она испытывала муки совести из-за преступления, которое повлекло за собой такое наказание, с тревогой думала о том, что же будет дальше, но не дрожала от страха. Взглянув правде в глаза, Мэри уже больше ничего не боялась. Она научилась плавать в возрасте шести лет, прыгая в море. После того как Мэри обнаружила, что может держаться на плаву, море перестало страшить ее. Как и все остальное. Она всегда была отчаянной и, рискуя, испытывала приятное волнение. Даже когда она впервые обнаружила, чем зарабатывает на жизнь Томас, она не ужаснулась. Это показалось ей всего лишь интересным приключением, почти шалостью.

Мэри вспомнила, как отец любил повторять о том, что у нее острый ум. Она всегда была умнее, чем ее ровесники или Долли. Мэри схватывала все на лету, задумывалась над тем, как все работает, и быстро запоминала информацию. В ее памяти всплыло, как отец хвастался соседям, что Фоуэй слишком скучен для Мэри и что, несомненно, однажды она сколотит

себе состояние.

Как же он будет смотреть людям в глаза, когда новость о ее преступлении опубликуют в «Западном экспрессе»? Он не умел читать, но в Фоуэе было множество грамотеев, которые с удовольствием передадут ему такую сенсационную новость.

Осознание того, что она находится в каких-то сорока милях от дома, вызвало у Мэри невероятную тоску. Она представила, как мать сидит на табуретке у камина и что-то штопает. Мэри походила на мать: те же густые вьющиеся волосы, которые она заплетала в тугую косу и закручивала вокруг головы, те же серые глаза. Когда Мэри была маленькой, она любила наблюдать, как мать расплетает косы поздно вечером, пробегая по ним пальцами, пока волосы не падали темной сияющей копной на ее плечи. Из обычной женщины она сразу превращалась в красавицу, и Мэри с Долли часто спрашивали, почему она не оставляет волосы распущенными, чтобы все могли ими восхищаться.

— Тщеславие — это смертный грех, — отвечала мать обычно и, тем не менее, всегда улыбалась, потому что ей было приятно иметь красивую тайну, невидимую для всех и известную только в их семье. Мать всегда сдерживала свои чувства, и девочки с самого раннего возраста научились определять ее настроение исключительно по ее поведению. Когда она сердилась, то стучала горшками и яростно ворошила угли в камине; когда была обеспокоена, просто молчала. Мать проявляла свою любовь сдержанно, лишь изредка погладив нежно по щеке или обняв за плечи. И все же теперь, когда Мэри знала, что больше никогда не увидит мать, эти маленькие жесты казались такими бесценными и важными.

Мэри вспомнила, как мать обняла ее на прощанье в то последнее утро, когда она покидала Фоуэй. Мэри в свою очередь не обняла ее как следует, потому что так торопилась уйти. Именно это будет последним воспоминанием ее матери: дочь, которая уехала, равнодушно хихикая, и которую она никогда больше не увидит.

Глава вторая

К счастью, когда заключенным велели покинуть амбар на следующее утро, дождь перестал. Но небо все еще было серым, резкий ветер дул с реки, и все арестанты сбились в кучу, чтобы согреться.

Весь завтрак состоял из воды и куска черствого хлеба. Мэри посмотрела на тюремный корабль «Дюнкирк» и убедилась, что он действительно такая развалина, как ей показалось вчера в вечернем полумраке. Она догадалась, что кормить там станут не лучше, чем в Эксетере.

И все же настроение у нее было более приподнятым, чем вчера. Несмотря на промокшую одежду, она достаточно хорошо выспалась, и к тому же сегодня не нужно никуда ехать. Мэри понимала, что в ближайшее время о побеге и думать нечего. Ее удерживали не только кандалы, избавиться от которых она не надеялась. На набережной было полно моряков, вооруженных мушкетами и наблюдавших за арестантами.

Десятки кораблей разных размеров покачивались на волнах, перевозя пассажиров через реку или подвозя товары к большим кораблям, стоявшим на глубине. Сегодня Мэри не чувствовала запаха тюремного корабля, но она не знала точно: то ли это происходило потому, что ветер изменил направление, то ли этот запах просто померещился ей прошлой ночью? Было приятно вдыхать свежий воздух, и если не обращать внимание на товарищей по заключению и на голод, а просто упиваться пейзажами, звуками и запахами, то можно представить, что она дома в Фоуэе.

* * *

В полдень Мэри все еще ждала на набережной и все еще оставалась прикованной к четырем женщинам. К этому времени нескольких мужчин-арестантов перевезли на лодках на «Дюнкирк», и женщины наблюдали, как те поднимаются по трапу на палубу и исчезают из виду. Но затем интерес к этой процедуре пропал. Большинство арестанток пыталось привести в порядок свой внешний вид, причесывая или заплетая волосы, залечивая раны от кандалов на лодыжках. Каждая, у которой были с собой пожитки, рылась в них в поисках другого платья или нижней юбки.

У Мэри не было никаких вещей, кроме расчески, да и ту дала ей одна заключенная в Эксетере, так что весь ее уход за внешностью свелся к тому, чтобы вычесать побольше вшей. В это утро охранники расщедрились на ведро с водой, чтобы заключенные смогли умыть лицо и вымыть руки, но Мэри испытывала мучительное желание скинуть с себя грязную одежду и вымыться полностью. В последний раз она делала это перед своим арестом, и сейчас она чувствовала вонь от своего тела.

Ни одна из женщин не была настолько озабочена своим грязным видом, но Мэри вскоре, после того как покинула дом, обнаружила, что привитая ей матерью тяга к чистоте на самом деле редкость. Когда она поделилась с Бесси мыслями на этот счет, женщина вопросительно посмотрела на нее.

— Должно быть, мы не так уж плохо выглядим, — сказала она. — Военные моряки с нас глаз не сводят.

Мэри исподтишка глянула на небольшую группу мужчин и увидела, что ее явно выделяют, выказывая ей особое внимание. Она подумала, что красные куртки, облегающие белые бриджи и высокие, тщательно вычищенные ботинки, хоть и скромного вида, давали военным незаслуженное преимущество перед гражданскими. Но Мэри не питала никаких иллюзий на этот счет и хорошо понимала, что они смотрели на нее не из-за ее выдающейся красоты.

Мэри всю свою жизнь провела среди моряков и знала, что первое, что они делают, сходя с корабля, — это отправляются на поиски женщин. В основном им доставались проститутки, а это означало высокий риск заражения.

Эти военные находились в немного другой ситуации. Они будут охранять заключенных, как мужчин, так и женщин, здесь и далее на транспортном корабле. Мэри догадалась, что они знают, что получают лишь небольшую увольнительную на берег, если получают ее вообще. Естественно, они надеялись, что среди этой кучки оборванных, павших духом женщин найдется кто-то, готовый удовлетворить их сексуальные потребности. Молодая, свежая, здоровая деревенская девушка идеально подходила для этой цели. Мэри подумала, что скорее бросится с «Дюнкирка» прямо в кандалах, чем позволит так себя использовать.

Ближе к вечеру Мэри и еще нескольких женщин отвезли на лодке на плавучую тюрьму. Цепи, сковывавшие их вместе, сняли, но арестантки остались в кандалах от лодыжек до талии. Когда они подплыли ближе к кораблю-тюрьме, Мэри увидела, что наружные борта зеленые и скользкие от водорослей. Запах от человеческих испражнений по мере приближения к кораблю все усиливался, пока женщин не начало тошнить.

Их подняли по скользкому трапу и выстроили в шеренгу, чтобы осмотреть, измерить и записать данные об их преступлениях.

— Мэри Бруд! — выкрикнул молодой морской пехотинец и приказал ей встать возле линейки, размеченной на обломленной мачте. — Пять футов шесть дюймов, — крикнул он другому мужчине, который записывал. — Серые глаза, черные волосы, видимых шрамов нет. Преступление: дорожное ограбление. Семь лет высылки.

Когда все арестантки прошли через подобную процедуру и каждой вручили по старому вонючему одеялу, открылся люк и моряк грубо втолкнул их внутрь, вниз по крутому наклонному трапу. Бесси споткнулась о свои кандалы и за несколько футов до пола упала, вскрикнув от боли. Они находились в узком проходе, который, как оказалось, вел к каютам охранников. Затем открылся еще один люк.

В ту же минуту женщин захлестнуло волной тошнотворного запаха и все они невольно отшатнулись с написанным на лицах ужасом. За последние несколько недель все они более или менее свыклись с грязью, но это во много раз превосходило то, через что они прошли ранее.

— Заходите! — крикнул охранник и начал загонять их палкой внутрь, вниз по ступенькам. — Вы скоро привыкнете. Мы же привыкли.

Мэри сопротивлялась, но охранник ударил ее по плечу и столкнул вниз через люк туда, где был трюм, когда корабль еще плавал. Ей бросилась в глаза масса мертвенно-бледных лиц, а когда она привыкла к темноте, то увидела ряд деревянных нар, которые служили кроватями. На каждой из них лежало по четыре женщины. Здесь все-таки был какой-то свет и воздух, проходивший через открытые люки с моря, и еще одна решетка в дальнем конце, через которую Мэри смутно разглядела мужскую камеру. Резкий запах шел от пола, покрытого перелившимся через край содержимым отхожих ведер. Это место явно никогда не

убиралось.

Мэри поняла, что это означало: вместе с женщинами здесь живут сотни крыс, тараканов и вшей. Одного взгляда на изможденные серые лица арестанток, на волосы, похожие на паклю, и на костлявые тела было достаточно, чтобы понять: питание здесь скудное. В таких условиях легко могла вспыхнуть эпидемия холеры и за одну ночь унести их всех.

Мэри подумала, что ей повезет, если она сможет выжить в таких условиях и дождаться момента высылки.

Час или два спустя Мэри находилась в таком же отчаянии, как и все остальные. Вокруг слышались лишь плач и стоны и периодически раздавался сумасшедший крик женщины, которая, похоже, потеряла рассудок. Одна женщина кормила новорожденного, и Мэри сказали, что он родился здесь же и роды приняли другие женщины.

Балки оказались слишком низкими, чтобы подняться во весь рост, так что выбор был невелик: или сидеть, или лежать на деревянных досках. Когда вносили ужин — жидкий мучнистый суп и черствый хлеб, — женщины дрались, чтобы получить свою долю, и, когда Мэри добиралась до горшка, он оказывался уже пуст. Крысы даже не ждали наступления темноты. Они бегали по балкам и под нарами и даже перепрыгивали через лежащих.

Но самым ужасным Мэри казалось то, что ни на что лучшее нечего было и надеяться. Она узнала, что заключенным никогда не разрешают подниматься на палубу, их камеру никогда не убирают, им запрещено стирать свою одежду и отхожие ведра опорожняются только раз в день.

В конце концов она уснула, устроившись между Бесси, лежавшей с внутренней стороны «кровати», рядом с корпусом корабля, и девочкой по имени Нэнси, которой исполнилось только четырнадцать лет. С краю на их полке лежала женщина, которую звали Анна, ей было за пятьдесят.

Засыпая, Мэри подумала о том, что наверняка есть какая-то вероятность побега. Другие женщины утверждали, что это невозможно, но, по ее наблюдениям, здесь не было ни одной, отличавшейся умом.

Она найдет способ сбежать отсюда.

В течение следующих нескольких дней Мэри наблюдала за своими сокамерницами и слушала их. В то время как все ее существо рвалось колотить по двери, орать, требовать свободы, даже настаивать, чтобы ее повесили и прекратили ее мучения, она знала, что должна держать себя в руках. Сохраняя спокойствие, разузнавая о порядках на плавучей тюрьме и наблюдая за другими женщинами, она вооружится знанием.

Мэри отметила, что большинство женщин были так глубоко погружены в свои страдания, что почти не поднимались со своих спальных мест и не разговаривали, и она догадалась, что они надеялись на скорую смерть, которая освободит их.

Сначала Мэри сочувствовала им, но, по мере того как она медленно привыкала к новой обстановке и знакомилась с теми женщинами, в которых еще горела искра надежды, она начала испытывать к остальным презрение.

Почти все женщины, которые разговаривали между собой и даже находили над чем посмеяться, были осуждены за кражу. Четырнадцатилетняя Нэнси взяла немного еды домой для семьи, жившей в Бодмине, когда работала посудомойкой. Анна унесла платье из прачечной в Труро, где она работала. Была здесь и женщина, которая выслеживала добычу

для карманников, а еще одна присвоила себе одеяло, сушившееся на веревке. Мэри познакомилась с арестанткой, укравшей пару серебряных ложек. Среди этих женщин не было закоренелых преступниц, все они совершили преступления по случаю, по нужде.

Когда Мэри призналась, что осуждена за разбой, она увидела восхищение на лицах слушавших ее женщин. Еще в Эксетере она поняла, что такое иерархия преступлений. Разбой находился на самой верхушке этой иерархии. Мэри казалось абсурдом, что пару схваченных свертков судили по той же статье, что и ограбление почтовой кареты. Но она предположила, что технически разбой отличался от кражи в магазине или на постоялом дворе.

Хоть Мэри и знала, что на самом деле она такая же, как большинство арестанток, — простая провинциальная женщина, сбившаяся с пути, — она моментально поняла, что умнее будет это не показывать. Статус имел такое же решающее значение для выживания, как еда и питье. Она сделает это своим преимуществом.

Мэри заметила еще одну деталь: не все женщины грязные и в лохмотьях. На четырех была сравнительно приличная одежда, их волосы выглядели так, будто их недавно мыли, и они казались менее исхудавшими, менее истощенными, и глаза у них не выглядели такими запавшими. Из-за их внешности и еще потому, что их игнорировали другие арестантки, Мэри вскоре поняла, что эти женщины водили дружбу с охранниками и морскими пехотинцами. Безусловно, они торговали своим телом, чтобы получить некоторый дополнительный комфорт.

— Как им не стыдно! — воскликнула одна старая служанка-ирландка, презрительно поджимая губы. Судя по ее кашлю, она болела чахоткой. — Грязные шлюхи!

Мэри всегда считала, что любая женщина, продававшая свое тело, была безнадежной грешницей. В Плимуте она видела проституток, цеплявшихся в переулках к морякам, слышала об ужасных болезнях, которыми они заражали, и от отвращения у нее закружилась голова.

Но дни медленно текли на «Дюнкирке», а ужасы не уменьшались, а все увеличивались, и Мэри поймала себя на том, что ее взгляды на этот вопрос меняются. Хоть она и продолжала думать, что обмен своего тела на еду и чистое платье означает прямую дорогу в ад и к вечному проклятию, но разве она уже не была и аду? Она поставила перед собой цель — выжить любой ценой, и, если нужно пожертвовать целомудрием, чтобы спастись от голодной смерти, она готова пойти на это.

Мэри стремилась не только получить больше еды и возможность периодически выбираться из этого вонючего трюма на свежий воздух. Первое место в планах Мэри занимал побег, а для этого ей нужно, чтобы с нее сняли кандалы. Она не была уверена, что ее любовник сделает это, но надеялась убедить его. Возможно, если она сумеет ему понравиться, он даже поможет ей сбежать.

К несчастью, Мэри не имела понятия о том, как заполучить «друга» с верхней палубы. Уродливые скоты, которые приходили опорожнять ведра и приносили еду, несомненно, являлись отбросами команды, и они были единственными, с кем она могла общаться, причем совсем не долго.

По истечении третьей недели Мэри начала отчаиваться. В конце апреля наступил ее двадцатый день рождения, и май привел ее в еще более угнетенное состояние, вызвав счастливые воспоминания о том, как отмечали праздники в их деревне. Она проводила все время у открытого люка, глядя на море, наблюдая за отблесками заката на воде, и ей так сильно хотелось выбраться отсюда, что она боялась потерять рассудок.

Мэри знала имена всех сорока женщин, откуда они были родом, какое преступление совершили, и имела представление об их семьях. Она даже заметила перемену в отношении к ней со стороны Кэтрин Фрайер и Мэри Хейден, возможно, потому, что они поняли, что она умнее и сильнее остальных, и решили быть на стороне победителя.

Мэри также разговаривала с некоторыми заключенными-мужчинами, то есть перекрикивалась с ними через решетку. Поскольку их часто забирали для работы на берегу, она узнала от них имена некоторых более человеческих офицеров, находившихся на борту.

Капитан-лейтенант Ваткин Тенч заинтересовал Мэри. Заключенные рассказывали, что он молод, справедлив и рассудителен. Это был умный человек, и в прошлом во время войны в Америке сам находился в заключении. Он казался идеальным для плана Мэри, но пока что она не знала, как попасть в его поле зрения.

Она из кожи вон лезла, чтобы подружиться с теми женщинами, на которых приклеили ярлык шлюх. Это оказалось нетрудно, поскольку они были только рады, что кто-то интересуется ими, и Мэри обнаружила, что в общем они такие же, как она, — слегка рискованные, более интересные, чем другие женщины, и добросердечные.

Но хотя они часто давали ей кусочки еды или новую ленточку для волос и одалживали тряпки, когда у нее была менструация, все они держали рты на замке касательно своих мужчин и о том, как их впервые «подобрали». Мэри понимала почему. Они боялись потерять своих любовников и вытекающие из их связей преимущества.

Мэри подумала о том, что можно затеять драку с другой женщиной и наделать такой переполох, что ее вытащат из трюма. Но скорее всего, ее за это выпорют, и, даже если ей удастся увидеть Тенча, в подобных обстоятельствах она вряд ли сможет ему понравиться.

Однажды вечером, как всегда, принесли горшок супа и хлеб, и, как обычно, самые сильные проталкивались, чтобы ухватить куски побольше. Только страх умереть от голода заставлял женщин драться из-за супа. Он был неизменно холодным и жидким и состоял в основном из ячменя, небольшого количества овощей и кусочков жилистого тухлого мяса. Мэри потребовалось несколько дней, чтобы преодолеть отвращение, прежде чем она смогла локтями пробиваться к своей доле.

В тот вечер она стояла у двери и разговаривала с Люси Перкинс, девушкой из Сен-Остелла, когда несколько охранников отперли дверь и вошли. Мэри тут же оказалась в привилегированном положении и могла получить большую порцию, но, когда она заняла свое место в очереди и женщины за ее спиной начали толкаться, она обернулась и посмотрела назад.

Вид жалобных лиц тех, кто был слишком болен или слаб, чтобы подняться с постели и взять свою долю, шокировал ее. Некоторые протягивали свои миски, но слабый крик о помощи тонул в общем шуме, и никто, кроме самих несчастных, не замечал их плачевного положения.

Мэри возмущала несправедливость. Даже в детстве она ненавидела старших детей, которые запугивали малышей и тех, кто слабее. Поняв, что здоровые женщины, которые были в состоянии драться за пищу, обрекали больных на смерть, лишая их еды, она вдруг пришла в ярость.

Повернувшись к очереди лицом, Мэри широко расставила руки, преграждая дорогу к горшку с супом.

— Пусть сначала больные получают свою долю, — скомандовала она.

Наступила тишина. На чумазах лицах было написано удивление.

— Мы должны заботиться о больных, — сказала Мэри громким, отчетливым голосом. — Пусть охранники обращаются с нами как с животными, но мы люди, а не дикари. — Увидев Бесси в хвосте очереди, она крикнула ей: — Возьми их миски и принеси сюда, Бесси. Когда дадут им, пусть берут остальные.

Мэри услышала ропот несогласия, и это испугало ее. Но она не собиралась отступить. Она понимала, что охранники наблюдают с той стороны решетки, и надеялась, что если более сильные женщины набросятся на нее, то они зайдут.

— Да кем ты себя считаешь? Королевой, мать твою? — выкрикнула Эджи Крю, одна из самых оборванных и грязных женщин.

У Мэри уже были ранее стычки с этой женщиной. Мэри считала Эджи совершенно озверевшей. Она часто крала у других, не умывалась по утрам, когда приносили ведро с водой, и унижала всех, осыпая площадной бранью. Она насмежалась над Мэри, когда та выполаскивала испачканные во время менструации тряпки, и за ее попытки объединиться с некоторыми другими женщинами и попросить ведра с водой для того, чтобы вымыть пол. Сейчас тощее лицо Эджи пылало злостью, и она явно лезла в драку.

— Кто я такая? Я думаю, что я просто женщина, которая не хочет вести себя как животное, — сказала Мэри, посмотрев на нее жестким взглядом. — Так поступать неправильно. Еду нужно делить поровну, и я об этом позабочусь.

Бесси с мисками больных женщин протолкнулась сквозь толпу.

— Наполни их, Джейн, — приказала Мэри молодой беременной женщине, стоявшей у самого горшка и державшей в руке половник. Мэри много разговаривала с Джейн. Мало того что ее выслали за кражу подсвечника, приходской священник, который сдал ее констеблям, еще и изнасиловал ее.

Джейн послушно начала разливать суп в миски, и Мэри велела женщинам, которые стояли ближе, отнести миски больным.

— Потом вы получите свою порцию, — сказала она, чтобы подбодрить их.

На какой-то момент Мэри показалось, что она победила. Больные получили свою долю, а остальные женщины стали в стройную очередь за едой, но когда Мэри обернулась посмотреть на горшок с супом и убедиться, что там достаточно еды, ее внезапно ударили по голове миской. Она упала вперед, сбив кого-то с ног, и в тот же момент Эджи Крю заорала, призывая других женщин избивать Мэри.

Дверь распахнулась, и ворвались охранники, набросившиеся на заключенных с дубинками. Они подняли Мэри на ноги и бесцеремонно вытащили ее наружу.

Она знала, что они наблюдали за всем происходящим через решетку в двери, но она также поняла, что нечего надеяться на то, что они станут на ее сторону. Еще в замке Эксетер Дик Саллион объяснял ей, что все администрирование тюрем выставлялось на частный тендер, чтобы сэкономить государственные деньги. Он упомянул, что это хороший бизнес для аморальных людей: они нанимали тюремщиками самых жестоких людей, тех, которые не считали зазорным урезать пайки. В свою очередь владельцы тюрем закрывали глаза на то, что их персонал брал взятки и обращался со своими подопечными крайне жестоко.

Как раз из такой породы были те двое, что держали ее за руки, — уродливые, хитрые лица, сломанные зубы, тусклые глаза.

— За что вы меня? — спросила Мэри, когда смогла перевести дыхание. — Я никого не била.

— Ты призывала к мятежу, — сказал один. — Проклятая смутьянка.

— Ведите меня к капитан-лейтенанту Тенчу, — произнесла она смело. — Я все ему объясню.

Они не ответили, а просто потащили ее по коридору и вверх по наклонному трапу, на палубу. Мэри была уверена, что ее где-то привяжут и высекут, но в этот момент, когда ее легкие наполнил мягкий, свежий воздух, опьянивший ее после долгого пребывания в зловонном трюме, ей стало все равно, что с ней будет дальше.

Мэри увидела ночное небо, усеянное мириадами звезд, и луну, прочертившую серебряную дорожку на темной речной воде до самого берега, и это показалось ей знаком, что настал ее час. Она получила шанс, на который так надеялась.

— Я хочу видеть Тенча! — закричала Мэри во всю силу своих легких. — Пошлите за ним, сейчас же!

Один из охранников ударил ее, сбив с ног.

— Заткнись, — зашипел он и добавил тираду из ругательств.

Мэри тут же поняла, в чем дело. Они вытащили ее из камеры не для официального наказания. Они намеревались расправиться с ней по-своему, чтобы никто ничего не узнал, а затем затолкнуть ее обратно в трюм.

Решительность являлась одной из самых сильных черт характера Мэри. Хотя она и была готова лечь под кого-то, кто будет кормить ее, позволять ей мыться и, возможно, даже станет проявлять к ней какое-то тепло, она не собиралась допустить, чтобы ее изнасиловали эти два кобеля. По тому, как они пытались заставить ее замолчать, Мэри также догадалась, что на «Дюнкирке» имелись люди, не одобрявшие насилие над заключенными. Поэтому она продолжала кричать, и, когда один из охранников попытался закрыть ей рот, она укусила его за руку и толкнула, все громче выкрикивая имя Тенча.

— Что происходит? — послышался громкий голос, и, когда те двое отпустили ее, Мэри увидела силуэт стройного мужчины в проеме двери, ведущей в одну из многих пристроек, возведенных на палубе.

— Мистер Тенч? — закричала Мэри. — Они вытащили меня из камеры, но я не сделала ничего дурного! Пожалуйста, помогите мне!

— Прекрати эти крики и иди сюда, — сказал он. — Вы тоже, — добавил он, обернувшись к охранникам.

Пристройка была частично офицерской кают-компанией, частично офисом. В центре стоял стол, заваленный бумагами и освещенный парой свечей. Мэри показалось, что мужчина только что что-то писал, поскольку напротив табурета, с которого он, по всей вероятности, встал, лежал раскрытый блокнот и стоял чернильный прибор.

Мэри не знала и не могла знать, был ли это Ваткин Тенч. Но золотая тесьма на его красном мундире, который сидел как влитой, и безукоризненно белые бриджи свидетельствовали о том, что это офицер, и он разговаривал как джентльмен. Стройный стан, темные волнистые волосы и карие глаза произвели впечатление на Мэри, и она подумала, что ему где-то двадцать четыре — двадцать пять лет. У него было простое лицо, небольшие правильные черты лица и светлая чистая кожа. Хотя он и казался раздраженным из-за того, что его потревожили, но, безусловно, не производил впечатления человека со скверным характером.

— Твое имя? — спросил он резко.

— Мэри Бруд, сэр, — сказала она. — Я хотела, чтобы женщины позволили больным получить свою порцию супа, — добавила она быстро. — Некоторым это не понравилось, и

одна ударила меня, тогда эти двое вытащили меня наружу.

— Она спровоцировала драку, — заявил один из охранников. — Нам пришлось ее изолировать.

— Подождите снаружи, вы двое, — сказал молодой офицер.

Охранники ушли. Один из них бормотал что-то себе под нос. Когда дверь закрылась, офицер устроился на своем табурете и строго посмотрел на Мэри.

— Почему ты выкрикивала мое имя? — спросил он.

Мэри почувствовала облегчение, узнав, что нашла того, кто ей нужен.

— Мне говорили, что вы честный человек, — сказала она.

Тенч небрежно кивнул и попросил Мэри объяснить, что произошло.

Теперь, когда она нашла слушателя для своих жалоб, она не утаила от него ничего. Мэри рассказала, как более сильные женщины добывали пищу, в то время как слабые голодали, и что, по ее мнению, им давали недостаточно еды, только чтобы женщины не умерли от голода.

— Мы приговорены к высылке, — сказала она горячо. — И это неправильно: пытаться убить нас еще до того, как мы сели на корабль.

Тенч был удивлен уже тем, что услышал свое имя в криках о помощи. Его еще сильнее поразил очевидный ум этой женщины. Но прежде всего его тронуло то, что она имела смелость вступить за более слабых сокамерниц.

Он сам был военнопленным в Америке и боялся умереть от ужасных условий в плену. Когда он занял это место на «Дюнкирке», то ужаснулся, узнав, что его соотечественники способны на еще большие зверства. К своему разочарованию, он обнаружил, ЧТО морской офицер не может сделать ничего, чтобы помешать этому. Плавучие тюрьмы управлялись частными компаниями, и морские пехотинцы просто обеспечивали порядок, не имея никакого контроля над администрацией.

Когда он выразил свои чувства по этому поводу, то получил строгое взыскание, и, поскольку он был всего лишь младшим офицером и никто выше его по рангу не принял его сторону, он больше ничего не смог сделать и, по правде говоря, стал безразличен. Когда Тенч забирал мужчин для работы на берегу, он проявлял доброту по отношению к ним. Он пытался проверять, чтобы охранники давали пищу заключенным в полном объеме, и, когда кого-то приводили к нему для наказания, он всегда был справедлив. Но Тенч знал, что этого недостаточно.

Корнуолльский диалект Мэри сломил его безразличие. Он провел детство в Пензансе и хранил приятные воспоминания о его жителях. Он почувствовал желание узнать побольше об этой женщине, прежде чем отпустить ее обратно в камеру. Понимая, что она, вероятно, поплатилась собственным обедом во время этой потасовки, Тенч высунулся из двери и приказал одному из моряков принести что-нибудь с камбуза.

— Меня высекут? — спросила Мэри, как только он снова захлопнул дверь. Она не слышала, что он сказал своим подчиненным, и предположила, что он послал одного из них за кем-то выше рангом.

— Нет, — сказал Тенч. — И на будущее я прикажу охранникам следить, чтобы еда раздавалась поровну.

— Раз уж вы проявили участие, нельзя ли увеличить пайки? — спросила она дерзко.

Тенч боролся с желанием рассмеяться. Эта женщина живо напомнила ему тех корнуолльских шахтеров, которых он знал, упрямых, жестких и бесстрашных. Он помнил из

ее личного дела, что она напала на женщину, которую затем обокрала, и все же ее спокойные серые глаза вовсе не говорили о порочности ее натуры. И точно так же ее невинное лицо не соответствовало ее дерзким просьбам. «С этой женщиной нужно держать ухо востро, — подумал он. — Но она, безусловно, достойна восхищения».

Охранник внес тарелку с хлебом и сыром и сардины. Тенч придвинул еще один табурет к столу и велел Мэри есть.

Она уже так давно не видела сыра и сардин, что с трудом сдержала слезы. Мэри накинулась на еду, держа тарелку одной рукой, словно боялась, что Тенч может выхватить ее, пока она не закончит есть.

Тенч также налил ей немного рома и разбавил водой, взяв стакан этого неразбавленного напитка и себе. Наблюдая, как она склонилась над тарелкой, он увидел, что, хотя ее волосы кишели вшами, шея была очень чистой, что крайне удивительно для заключенной.

— Сейчас я пошлю за кем-то, чтобы тебя отвели обратно в камеру, — сказал он, когда она закончила.

Мэри всегда легко находила общий язык с мужчинами, но она не имела ни малейшего понятия о том, как флиртовать с ними, и не знала, нашел ли он ее привлекательной. Когда она заглянула в его мягкие карие глаза, то подумала, что прочла в них любопытство, и пожелала всем сердцем вдруг очутиться в чистом платье, со свежeweымытой головой, чтобы иметь какой-то шанс.

— Могу я остаться еще ненадолго? — выпалила она порывисто.

Тенч улыбнулся, и его глаза сверкнули.

— Нет, не можешь, Мэри, — сказал он. — Мне нужно работать. Но почему ты хочешь остаться? Я дал тебе еды, и тебя не будут пороть.

— Потому что... — начала Мэри, но, к своему ужасу, почувствовала, как слезы наворачиваются ей на глаза. Она не могла найти слов, чтобы объяснить, что значит находиться в зловонном трюме и что чувствуешь, когда желудок полон. И Мэри, разумеется, не могла сказать ему, что в ее планы входит предложить ему свою девственность в надежде получить взамен некоторые привилегии.

Возможно, он понял кое-что из этого, поскольку положил ей руку на плечо.

— Тебе нужно возвращаться, — сказал Тенч мягко. — Но мы еще поговорим.

В ту ночь доброта Ваткина Тенча подбодрила Мэри. Лежа между Бесси и Нэнси, она не обращала внимания на стоны, кашель и рыдания других женщин. Она точно так же не реагировала на крыс, бегавших вокруг. Вместо этого Мэри погрузилась в воспоминания о его удивлении, о блеске его волос и о его мягком обращении. На несколько коротких минут она почувствовала себя чистой, забыла о том, что стала каторжницей. Это был своего рода побег, и очень приятный.

Мэри не знала, был ли в этом замешан Тенч, но через несколько дней ее, Бесси и двух других женщин, Сару Джильс и Ханну Браун, вызвали из трюма для работы. В распределении еды уже произошла явная перемена, так как охранники стояли в трюме и следили, чтобы все, больные и здоровые, получали одинаковые порции. Для Мэри этого было достаточно. А вызов на работу стал неожиданным дополнительным вознаграждением.

В качестве работы им дали стирку одежды, в основном рубашек. Это было нелегкой задачей, поскольку им пришлось нести четыре тяжелых деревянных лохани на палубу из

склада, а это оказалось сложно делать в кандалах, затем спускать ведра на канатах в реку, чтобы наполнить их водой. Но было так приятно находиться на солнце, смотреть на берег и видеть буйную зелень полей и лесов, и, даже если охранники следили за каждым их шагом, это казалось в миллион раз лучше, чем сидеть взаперти в трюме.

— Как ты думаешь, мы сможем помыться, когда закончим со стиркой? — прошептала Мэри Саре, пока они терли грязные рубашки кусками твердого мыла.

Сара была одной из тех женщин, которых другие называли шлюхами. Маленькая и симпатичная, с рыже-золотыми волосами, она была вдовой с двумя маленькими детьми. Ее муж-рыбак пропал в море, когда его корабль разбило штормом, и Сара оставила детей с матерью в Сент-Иве и поехала в Плимут. Ее история была похожа на историю Мэри: ей пришлось воровать, потому что она не могла найти работу. Сара находилась на «Дюнкирке» уже восемь месяцев.

— Можешь, если хочешь, — сказала Сара и засмеялась, будто Мэри пошутила. — Но я надеюсь, ты не собираешься делать это без одежды.

— Конечно же нет! — Мэри вспыхнула. — Я просто заберусь в лохань в платье и как раз заодно его постираю.

— Ты будешь купаться в кандалах? — Сара подняла одну бровь.

— Ну не могу же я их снять, — ответила Мэри небрежным тоном и обернулась к Бесси. — А ты хочешь искупаться?

Бесси начала хихикать, и это заразило их всех. Сара намылила руки и начала выдувать мыльные пузыри, Ханна брызгала на Мэри водой, а та в ответ шлепала ее мокрым бельем. Если охранники и заметили это, они не стали вмешиваться и останавливать их, и вдруг заключенные почувствовали себя обычными девчонками-школьницами на воскресном пикнике. Они хихикали, болтали и пели. Бесси даже немного пританцовывала, гремя цепями и отбивая ритм ногой.

Когда постиранные рубашки сохли на веревках, они полностью закрыли женщин от глаз охраны.

— Теперь давай, если хочешь, — подтолкнула Сара Мэри. — Пока мы не вылили воду из лоханей.

Бесси и Ханна наблюдали, распираемые желанием присоединиться к Мэри, но боялись, как бы их за этим не поймали. Мэри шагнула в лохань, охнув от холода. В восторге от почти сладострастного прикосновения воды к коже она рассмеялась.

— Так хорошо! — выдохнула она, опускаясь так, что вода дошла ей до талии, и приглашая взглядом остальных последовать ее примеру и залезть в другие лохани. — Если хотите, забирайтесь быстро, пока нас не поймали.

Бесси и Ханна не колебались, и только Сара медлила, сказав, что будет «на стреме». Три женщины яростно терли свои тела и одежду, зная, что времени у них на это немного, и все же улыбались от восторга, видя, как с них стекает грязь.

Намылив волосы, Мэри прямо с головой опустилась несколько раз в лохань. Когда она вынырнула в последний раз, то, к своему ужасу, увидела уставившихся на нее двух охранников и офицера. Быстро глянув на Бесси и Ханну, Мэри заметила, что они уже выбрались из своих лоханей и тщетно пытались выжать воду из платьев. Сара стояла взволнованная, с побелевшим лицом.

— Мы не делали ничего дурного, сэр, — сказала Мэри, обращаясь к офицеру. Это был дородный мужчина с крупным носом, и выглядел он ошеломленным. — Мы просто

использовали воду, прежде чем вылить ее за борт. Мы закончили всю стирку.

Мэри не видела ни одной разумной причины, по которой мытье могло рассматриваться как нечто достойное наказания. Но вид ее мокрых подруг насторожил ее. Их платья плотно облегали тела, отчетливо вырисовывая изгибы их груди и бедер, и охранники смотрели на них с нескрываемой похотью. Мэри осознала, что ее тело точно так же выставлено напоказ, и ее одолело смущение.

— Извините, сэр, — произнесла она, пытаясь вылезти из лохани. — Но вы не можете винить нас. Нам никогда не дают достаточно воды, чтобы тщательно вымыться.

— Почему вы, женщины, всегда оборачиваете любую ситуацию в свою пользу? — спросил офицер.

Мэри посмотрела на своих подруг и увидела, что они онемели от страха. Офицер был старше, чем Тенч, вероятно, лет тридцати или больше, и говорил высоким голосом и очень быстро. И все же она не видела в его глазах жестокости, только крайнее изумление.

— А вы разве нет? — парировала Мэри. — Что же еще нам остается? Этот трюм, в котором вы нас держите, не вонял бы так, если бы нам разрешали мыться и подниматься наверх, чтобы делать зарядку, и если бы там время от времени чистили пол. Даже животные в подобном месте взбунтовались бы.

Один из охранников посмеивался, но офицер строгим взглядом заставил его замолчать.

— Заберите этих троих обратно, — сказал он, указывая на Бесси, Сару и Ханну. — А с этой я разберусь.

Охранники протолкнули подруг Мэри между веревками с развешенным бельем, оставляя ее наедине с офицером. Она тщетно пыталась отжать свою юбку, ожидая, что он заговорит.

— Твое имя? — спросил он. —

— Мэри Броуд, сэр, — сказала она. — Позвольте узнать и ваше.

Ей показалось, что она увидела блеснувшую улыбку, и она провела рукой по волосам и ответила вызывающей усмешкой. Ее мать и сестра часто отмечали, как хороши ее волосы мокрыми, когда они закручивались в кудряшки, и Мэри надеялась, что это правда. Она была мокрой и замерзла на холодном ветру, но если бы она начала дрожать, то имела бы жалкий вид.

— Лейтенант Грэхем, — представился он. — Мне кажется, Мэри, ты не совсем понимаешь всю серьезность данной ситуации.

Имя Грэхем она тоже слышала от мужчин-заключенных. Он имел репутацию опасного человека, если его разозлить, но в остальном был вполне сносным.

— О, я понимаю, сэр, — сказала Мэри смело. — Я вижу, что не доживу до высылки, если только судьба не улыбнется мне и я не получу возможность время от времени мыться и получать немного дополнительной еды.

Он окинул ее долгим, оценивающим взглядом, который, казалось, проник сквозь ее одежду, и в этот момент она поняла, что он хочет ее.

Мэри решила отдать свое сердце Тенчу, видя в нем своего избавителя, и лейтенант Грэхем казался крайне плохонькой заменой. Его лицо было толстым и вялым, и она подозревала, что под его ухоженным париком осталось немного волос. Но что плохого в том, чтобы иметь кого-то в качестве резерва на случай, если Тенч не соблазнится? И Грэхем не выглядел отталкивающе: у него были здоровые зубы и чистая кожа. Кроме того, она искала не настоящую любовь, а лишь возможность выжить и организовать побег.

— Ты на что-то намекаешь? — спросил он, и глаза его сузились. Они были мутно-карие и не волновали ее так, как глаза Тенча.

— Я не имею права ни на что намекать, сэр, — сказала Мэри, изобразив реверанс и нахально усмехнувшись. — Я просто говорю то, что чувствую.

В ответ на это он велел ей вернуться обратно в трюм, но, когда охранник грубо столкнул ее вниз по наклонному трапу, она почувствовала, что Грэхем смотрит на нее с интересом.

Внизу, в трюме, послеполуденное мытье обсуждалось всеми женщинами, у которых было достаточно сил, чтобы интересоваться остальными. Когда Мэри втокнули внутрь, они прервали болтовню и подняли на нее глаза.

— Что с тобой случилось? — спросила Бесси, в отчаянии сжав руки. — Мы боялись, что тебя накажут или... — она прервала себя, не желая произнести слово «изнасиляют».

— Я сказала ему, что нам нужно больше воды, свежего воздуха и чтобы вычистили эту дыру, — ответила Мэри. Она не намеревалась обсуждать ничего далее, поскольку ей было холодно в мокрой одежде и она хотела поговорить наедине с Сарой.

Ей удалось сделать это только поздно вечером. Мэри сняла с себя мокрую одежду, повесила ее на гвоздь, вбитый в балку, сушиться и завернулась в свое одеяло, но каждый раз, когда она поднимала глаза, ища Сару взглядом, та разговаривала с Ханной.

Была почти кромешная тьма, когда Мэри увидела, как Сара направилась к ведру. К этому времени большинство женщин уже укладывалось спать. Мэри поднялась и потащила к ней, придерживая одеяло.

— Когда ты закончишь, мы можем поговорить? — прошептала она.

В темноте она увидела, как Сара кивнула головой.

Ведро казалось лучшим местом, чтобы поговорить вдали от других женщин, хотя рядом с ним было довольно тесно. Когда Сара закончила, они уселись на балку.

— Ну что? — спросила Сара.

— Кто твой любовник? — Мэри решила, что не имело смысла ходить вокруг да около.

Сара колебалась. Было слишком темно, и Мэри не видела, рассердил ли ее вопрос.

— Это Тенч или Грэхем? — настаивала Мэри.

— Нет, ни тот, ни другой, — прошептала Сара. — Но ты не должна задавать такие вопросы, Мэри.

— Почему? Я вынуждена это делать хотя бы для того, чтобы знать, к кому не стоит подбираться, — прошептала Мэри в ответ.

— Тенча в такое не вовлечешь, — сказала Сара с вздохом. — Большинство из нас пытались это сделать. И я желаю тебе удачи, если ты собираешься попробовать с Грэхемом, он твердый орешек.

— Как мне к нему подступить? — спросила Мэри.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как Сара пожала плечами.

— Каждый раз, когда видишь его, показывай, что рада встрече. Этого обычно достаточно, чтобы тебя вызывали под каким-нибудь предлогом. Но не надейся на многое. Ты только разочаруешься.

— Твой мужчина снимает с тебя цепи?

— Иногда, не часто, — сказала Сара устало. — А сейчас иди спать, Мэри, я не хочу тебе об этом рассказывать, это нехорошо.

Мэри услышала грусть в голосе Сары и инстинктивно поняла, что только отчаяние заставило ее пойти на подобное, и она не хотела, чтобы с ее помощью другая девушка

решилась на это.

— Мы должны делать все, что в наших силах, чтобы выжить, — произнесла Мэри, взяв Сару за руку и сжав ее. — И это все, Сара, больше ничего. Я не вижу в этом ничего постыдного.

— Увидишь, когда другие от тебя отвернутся, — сказала Сара сорвавшимся голосом.

— Лучше презрение, чем голодная смерть, — настаивала Мэри.

Больше недели она ждала, каждый день надеясь, что ее снова вызовут работать. Потеплело, и в трюме стало душно. В одну из ночей умерла женщина по имени Элизабет Сомс, и обнаружили это только на рассвете. Но больше всего Мэри шокировало то, что никто ничего не мог о ней сказать. Элизабет пробыла здесь взаперти многие месяцы и все же не завела настоящих друзей, и о ней никто, похоже, ничего не знал.

— Она уже была здесь, когда меня привезли, — сообщила Сара, когда Мэри обратила на это внимание. — Элизабет уже тогда болела и почти не разговаривала. В любом случае она была уже старая, так что не беспокойся на этот счет.

Но Мэри беспокоилась именно об этом. Она думала о том, куда охранники забрали тело Элизабет и где ее похоронят, есть ли у нее родственники и сообщат ли им о ее смерти. После этого случая ее желание сбежать усилилось.

Единственным утешением, которое Мэри могла найти, были воспоминания о доме. Она обнаружила, что если глубоко погрузиться в эти воспоминания, то можно забыть о жаре, голоде, вони и о других женщинах. Иногда Мэри представляла, как идет по дороге к Бодиннику вместе с Долли и матерью, чтобы сесть на лодку до Лоствителия. Насколько Мэри помнила, она только дважды побывала там, в последний раз ей было двенадцать, а Долли четырнадцать. Но оба раза погода стояла жаркая, солнечная, и она помнила, как сидела в лодке, опустив руку в холодную прозрачную воду.

Большую часть их поездки лодка проходила вдоль крутых, густо заросших кустарником берегов, где деревья росли у самой кромки, и их корни тянулись к воде, похожие на узловатые пальцы рыбаков. Это была волшебная поездка. Стрекозы парили над водой, цапли терпеливо стояли на мелководье, и часто из-за деревьев выглядывал робкий олень. Зимородки усаживались на корни деревьев, ожидая, что мимо проплывет неосторожная рыба. Они то и дело брызгали ослепляющей вспышкой бирюзы и возвращались, держа в клюве свой серебряный приз.

Дальше Лоствителия Мэри никогда не выезжала из дому, пока не поехала в Плимут. Возможно, он был не больше, чем Фоуэй, но ей эта поездка казалась волнующей, потому что туда с грохотом приезжали дилижансы из таких далеких мест, как Бристоль и Лондон. Мэри наблюдала с широко открытыми глазами, как выходили из них пассажиры, восхищалась красивой одеждой и затейливыми шляпками женщин и удивлялась: если они настолько богатые и важные особы, чтобы так далеко путешествовать, почему у них такой несчастный вид?

В последний раз, когда они ездили туда, отец дал ей и Долли по два пенса на карманные расходы. Пока мать покупала ткань на новую одежду, они заглянули в каждый магазин и обследовали каждый базарный лоток до последнего, прежде чем решили, на что потратят деньги. Долли приобрела несколько искусственных ромашек для своей воскресной шляпы, а Мэри купила воздушного змея. Долли сказала, что глупо тратить деньги на что-то, что можно сделать дома бесплатно и что в любом случае девочки не запускают воздушных змеев.

Мэри не волновало то, что она единственная девочка, запускающая воздушного змея, и подумала, что со стороны Долли было глупо купить ромашки на шляпку. И потом, змеи, которые делались дома, оказывались слишком тяжелыми, чтобы хорошо летать. Ее же змей сделан из красной бумаги с желтыми лентами, а бечевка смазана воском и легко скользила в руках.

На следующий день после церкви Мэри взяла воздушного змея па холм, возвышавшийся над поселком, чтобы запустить его. Долли пошла с ней, но только потому, что хотела продемонстрировать новое украшение на своей шляпке. Как в любой погожий день с хорошим бризом, там было много мальчишек, запускающих змеев, и все они с завистью смотрели на Мэри, когда ее змей легко взвился в небо, поднимаясь все выше над их змеями, сделанными дома.

Долли преодолела свое предубеждение против этой игры в основном потому, что там было несколько мальчиков, которые ей нравились, и среди них ее возлюбленный Альберт Моулс. В глубине души Мэри понимала, что не должна позволять Долли убедить себя дать поддержать ей змея. Та хотела сделать это, только чтобы привлечь внимание Альберта.

Налетел сильный ветер, и, к ужасу Мэри, Долли не удержала бечевку, и та проскользнула у нее между пальцев. Змей вырвался и полетел за ветром по направлению к пляжу в Менабилли.

Все погнались за ним. Некоторые мальчики побросали своих собственных змеев, чтобы догнать самого прекрасного. Мэри помнила, как она мчалась, словно ветер, полная решимости обогнать всех мальчишек, и все они гикали и кричали от неожиданного приключения.

Внезапно змей стал трагически падать, поскольку ветер стих, и приземлился на скалах у маленького пляжа. Был отлив, и Мэри, не думая о своем воскресном наряде и туфлях, мчалась во весь опор через водоросли, песок и грязь с одной только мыслью — спасти своего змея.

Она споткнулась о камень, наполовину скрытый под водой, и упала лицом вниз. До змея добрался Альберт, потом он вернулся к ней и помог встать.

— Ты бегаешь быстрее, чем большинство мальчишек, — сказал он восхищенно.

Теперь, когда Мэри лежала, потев, в вонючем трюме, она подумала, что должна помнить взбучку, которую получила от матери, когда вернулась домой в вымокшей и испачканной грязью одежде. Возможно, она также должна помнить злой взгляд Долли из-за того, что получила похвалу от Альберта. Наверное, умнее было послушаться отца, который говорил, что девочки, которые ведут себя как мальчики, всегда попадают в неприятные истории.

И все же ни тогда, ни сейчас все это не имело для нее большого значения. Ничто не могло отвлечь ее от восторга при виде парящего в небе красного змея, теплых солнечных лучей на ее лице и мягкой травы под ногами, радости от свободного, сумасшедшего бега, красоты этого маленького пляжа, где она так часто ловила крабов и моллюсков. Для нее было очень важно сейчас держаться за эти воспоминания и думать о себе как об этом воздушном змее, который пытался вырваться на свободу. Ведь разве ей не говорили в воскресной школе, что если достаточно сильно просить о чем-то в молитве, оно придет к тебе?

Но сложно было поверить в то, что Господь прислушивается к ее молитвам. Разве он

знал, как Мэри смертельно боялась, что больше никогда не увидит Фоуэй? Разве она просила слишком многого — снова вернуться на этот холм и посмотреть на красивый маленький поселок на закате солнца? Наблюдать, как причаливают рыбацкие лодки, груженные трепещущими серебряными сардинами, и слушать, как поют мужчины в таверне у пристани?

Слезы навернулись Мэри на глаза, когда она подумала, что упустила возможность заставить мать и отца гордиться ею и что она никогда не сможет потанцевать на свадьбе у Долли. Мэри понимала, что они в отчаянии оттого, что она такая нескладная, но она также всегда знала, что они любят ее. Что они будут чувствовать теперь, если она не вернется домой?

Как раз тогда, когда Мэри начала думать, что жаркая погода никогда не настанет и что она застрянет в трюме навечно, ее снова вызвали на работу. На этот раз вызвали только ее и Сару.

Мэри пришло в голову, что Сара, вероятно, каким-то образом к этому причастна, поскольку со дня стирки она дважды пропела ночь не в трюме, но если она и была в этом замешана, то не подавала вида. Им снова велели стирать рубашки, и когда они спускали с корабля ведра, то увидели несколько мужчин-заключенных, которых тоже вели работать.

Хотя Мэри часто разговаривала с мужчинами через решетку и отождествляла разные голоса с именами, она не представляла, КТО из них как выглядит. Но в тот момент, когда она увидела крупного мужчину, ростом намного выше шести футов, с жесткими светлыми волосами, густой бородой и светло-голубыми глазами, она догадалась, что это был Уилл Брайант — мужчина, который нравился большинству женщин-заключенных.

Мэри он тоже нравился, потому что он был родом из Корнуолла и хорошо знал Фоуэй. Они несколько раз разговаривали, но, когда прошел первый восторг от того, что она встретила кого-то, с кем можно поделиться воспоминаниями о родном городе, она нашла его в некоторой степени хвастливым. Он хвастал, что был одним из немногих осужденных за контрабанду.

Это показалось ей странным, поскольку на такое преступление все в Корнуолле обычно закрывали глаза, так как каждый — и нищий и богатый — в какой-то мере являлся вовлеченным в это. Поскольку Уилл был рыбаком и имел свою лодку, он должен хорошо знать изрезанное побережье и, безусловно, обладать всеми необходимыми навыками для вывоза контрабанды на берег, но Мэри не верила, что это все, что он совершил. Ей также не нравилось, что он считал себя самым умным, самым авторитетным заключенным на «Дюнкирке».

Но, увидев его, она вынуждена была признать, что он красив. Даже въевшаяся грязь не могла испортить его крупные черты лица, а слишком большой по размеру рубашке не удалось скрыть его мускулистое тело. Его светлые волосы сияли на солнце, в голубых глазах горела живая искорка, а его кожа отливала коричневым золотом после работы на солнце. Уилл, по всей вероятности, был лишь на несколько лет старше ее, все еще крепкий и здоровый, несмотря на то что больше года провел в плавучей тюрьме. Он явно нашел способ получать дополнительную еду, что свидетельствовало о его изобретательности.

— Кто такие вы двое? — закричал он, будто они торговцы на рыночной площади, а не арестанты в кандалах.

— Я Сара, а это Мэри Бруд, — крикнула Сара в ответ. — Хороший день для работы снаружи!

— Теперь и работать будет не так тяжело после встречи с вами, красавицы, — ответил он нахально, и остальные мужчины засмеялись. — Если вы попозже сможете отлучиться, встретимся в таверне и я угощу вас стаканчиком.

Мэри невольно улыбнулась. Человек, который способен шутить перед десятичасовым тасканием камней, заслуживал восхищения.

— А я угощу каждую двумя стаканчиками, мои дорогие, — крикнул другой мужчина. У него был ирландский акцент, и Мэри сразу поняла, что это Джеймс Мартин — мужчина, заставлявший всех женщин смеяться от замысловатых и часто непристойных комплиментов. Но в то время как Уилл поразил ее своей внешностью, Джеймс разочаровал ее. Его большой нос выделялся на изможденном лице, темные волосы напоминали паклю, а уши торчали. Его плечи были покатыми, а зубы с коричневым налетом.

— Я думала, что конокрад должен выглядеть более лихим, — сказала Мэри Саре, когда мужчины стали спускаться по трапу в ждавшую их лодку.

Сара засмеялась.

— У этого типа больше нахальства, чем у всех остальных, вместе взятых, — ответила она. — Я не думаю, что ему нужна еще и симпатичная внешность, чтобы привлекать женщин.

— А кто двое остальных? — спросила Мэри. У одного были ярко-рыжие волосы и веснушки, и он выглядел примерно ее ровесником. Другой казался еще моложе — не старше шестнадцати. Он был невысокий, нервный, с острыми чертами лица, делавшими его похожим на птицу. — У юноши приятная улыбка.

— Их привезли примерно тогда же, когда и меня. Тот с огненными волосами — Сэмюэль Берд. Он слегка мрачноват, не из тех мужиков, которые умеют поднять настроение на целый день, как Уилл и Джеймс, — сказала Сара с усмешкой. — А малышка зовут Джейми Кокс. Он много не разговаривает, слишком робкий, как мне кажется. Ему повезло, что Уилл Брайант и Джеймс Мартин за ним приглядывают, иначе мне становится жутко при мысли о том, что сделали бы с ним некоторые скоты в трюме.

Мэри спросила, что она имеет в виду.

Сара покачала головой.

— Если ты не знаешь, то не надейся услышать это от меня, — проговорила она. — Есть такие поступки мужчин, о которых лучше не вспоминать.

После того как мужчин-заключенных отвезли в лодке на берег, на палубе стало спокойно. Солнце обжигало руки и головы женщин, и дымка от жары мерцала на воде. Они дружно молчали и терли одежду, и, казалось, слова были не нужны, так как обе они упивались легким бризом, криком чаек и мягким покачиванием плавучей тюрьмы на воде.

Позже, когда женщины выполоскали первую партию рубашек, они искупались в этой воде и с восторгом хихикали, помогая друг другу мыть волосы. Два охранника, развалившиеся на ящиках на другой стороне палубы с трубками во рту, не сказали ни слова. Возможно, жаркое солнце растопило лед в их сердцах.

Одежда высохла быстро, пока они таскали ведра для второй Партии стирки, но Мэри была в отчаянии из-за выцветшего и изношенного вида своего платья. Еще пара стирок — и оно просто рассыплется.

— Что мы станем делать, когда эти платья превратятся в лохмотья? — спросила она у Сары. Многие женщины были уже полуголыми и прижимали остатки своей одежды, чтобы

прикрыть тело.

— Мой дал мне это платье, — сказала Сара, потупив глаза. — Требуй одежду и еду, Мэри, не позволяй им легко отделаться.

Мэри какое-то время задумчиво смотрела на подругу. Платье Сары было из голубого хлопка, вовсе не нарядное и слишком широкое для ее стройной фигуры. Но оно выглядело намного лучше остальных во всем трюме. Мэри догадалась, что в Пензансе Сара кружила головы многим, поскольку ее рыжие волосы были красивыми, а темные глаза светились теплым блеском.

— Это ужасно? — прошептала Мэри. — Я никогда этого не делала.

Сара вздохнула.

— С моим мужем это казалось чудесным, — сказала она, и ее голос дрогнул. — В первый раз немного больно, но он был таким нежным, и я любила его. Боюсь, что у тебя так не будет. Те мужчины, которые здесь хотят женщину, не заботятся о чувствах. Все, что им от тебя нужно, — это теплое тело, которое они смогут использовать как захотят.

— Я могу каким-то образом сделать это лучше? — спросила Мэри нервно.

— Не сопротивляйся, пытайся притвориться, что тебе это нравится, — вздохнула Сара. — Но не думай, что он будет любить тебя. В конце концов мы только заключенные.

Глава третья

Около полудня Ваткин Тенч вернулся на плавучую тюрьму на маленькой лодке. У Мэри замерло сердце, когда она услышала его голос, доносящийся снизу. Но она продолжала выливать воду из лохани через борт, ожидая, когда он появится.

Когда он взобрался на палубу, Мэри улыбнулась. Он был в белой рубашке и белых бриджах, и его лицо блестело от пота. Ему было жарко, он выглядел уставшим, но в глазах Мэри это только сделало его еще более желанным.

Увидев женщин, он кивнул.

— Добрый день, Сара, Мэри. Я надеюсь, вы сегодня хорошо себя ведете?

По его насмешливому тону и легкой улыбке стало ясно, что он слышал о купании в лоханях для стирки. Мэри было интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что они повторили это сегодня. Но их платья почти высохли, и они не торопились с остальным бельем, чтобы оттянуть момент возвращения в трюм.

— Мы бы еще лучше себя вели, если бы нам дали чего-нибудь поесть, — выкрикнула Мэри. — Можно на это надеяться?

Она увидела, как Сара отвернулась, и догадалась, что та считает ее слишком прямолинейной.

— Разве вам недостаточно того, что вы выбрались из трюма на несколько часов? — спросил Тенч, подходя к ним на несколько шагов. В его голосе не было никакого раздражения, и Мэри решила, что должна очаровать его сейчас или потерять свой шанс навсегда.

— О да, сэр, мы очень ценим, что нам дали возможность выйти на палубу, посмотреть на леса и поля, услышать, как поют птицы, и почувствовать лучи солнца на своем лице, — сказала она, сдерживая смех, потому что понимала, что это звучит неискренне. — Я бы больше ни на что не жаловалась, если бы мы могли работать так каждый день.

Услышав эти слова, Тенч улыбнулся, и его белые зубы сверкнули на фоне загорелого лица.

— Расскажи мне о себе, Мэри, — произнес он, а потом добавил: — и ты тоже, Сара.

Мэри показалось, что судьба вдруг улыбнулась ей, ведь Тенч сидел на тюке и выглядел расслабленным, разговаривая с ними. Ни один охранник не подошел к ним, и ничто их не отвлекало. Казалось, две обычные девушки болтали с приятелем после работы.

Мэри дала Саре высказаться первой. Сара поведала о смерти мужа, о детях и о том, что боится никогда не увидеть их снова. Она объяснила, что ее родители уже не в том возрасте, чтобы воспитывать детей, и, если они умрут, детей отправят в работный дом ^[5].

Тенч внимательно слушал. Мэри увидела, как он сжал губы, будто был рассержен, что семейные обстоятельства Сары не приняли во внимание, когда судили ее.

Рассказ Мэри был коротким. Она рассказала ему о своей семье в Фоуэе и о том, как уехала в Плимут искать работу.

— Как бы я сейчас хотела оказаться дома, — сказала Мэри с сожалением, когда Сара тактично отошла проверить, как сушится белье. — Мне больно думать, что я никогда не окажусь в Корнуолле, никогда больше в своей жизни не увижу семью.

Мэри ждала, что Тенч начнет разуверять ее, скажет, что семь лет — это не такой долгий срок, но по его серьезному выражению лица она поняла, что он не станет ее обнадеживать.

— Женщинам-каторжницам тяжелее возвращаться, — произнес он. — Мужчины могут наняться на корабль, направляющийся домой, когда истечет их срок.

Ему не нужно было добавлять, что у женщин нет такой возможности и поэтому они вынуждены оставаться. Мэри догадалась об этом по его тону.

— Я вернусь, — сказала она решительно. — Вернусь любой ценой. Вы не знаете, куда нас должны отправить?

Тенч пожал плечами.

— Говорили о Ботаническом заливе в Новом Южном Уэльсе — и стране, которую открыл капитан Кук. Но еще никто не был там, чтобы подтвердить или опровергнуть, что это разумное решение. Америка исключается с тех пор, как они завоевали свою независимость. Попробовали Африку, но с Африкой не получилось.

— Если мы останемся здесь, на «Дюнكيرке», то все умрем, — сказала Мэри мрачно.

Тенч вздохнул.

— Я согласен, что здесь плохо, но что может сделать правительство? Все тюрьмы переполнены.

Мэри хотела ответить, что, если бы людей не отправляли за решетку за такие мелкие преступления, как кража пирога, тюрьмы не были бы переполнены. Но она хотела сохранить интерес Тенча, а не отпугнуть его.

Вместо этого Мэри попросила:

— Расскажите о себе, сэр. Я слышала, вы участвовали в войне с Америкой?

— Участвовал, — грустно усмехнулся он. — А еще был военнопленным. Может быть, именно поэтому я чуть больше сочувствую заключенным, чем другие пехотинцы. Я тоже вырос в Пензансе, так что я знаю, как тяжела жизнь в Корнуолле для большинства людей.

Мэри сидела на палубе рядом с лоханью с водой, полностью поглощенная рассказом Тенча о его счастливом детстве в Пензансе. Он, разумеется, рос совсем в другом мире. Большой дом со слугами, школа-интернат в Уэльсе, семья с хорошей репутацией и деньги. Но их объединяла любовь к Корнуоллу и подлинный, идущий от сердца интерес к простым людям. Лишь в двух словах Тенч смог набросать яркую картину своей жизни на военноморском флоте, в Америке и в Лондоне.

— Мне нужно идти, — сказал он вдруг, вероятно, осознавая, что разговаривает с ней слишком долго. — Вылей эту лохань и убери за собой. Я принесу чего-нибудь поесть.

— Он не из тех, кто подбирает женщин, — произнесла Сара резко, когда Тенч зашагал прочь. Она хранила молчание все то время, пока Мэри разговаривала с ним, только кивая и улыбаясь время от времени. — Ты не получишь от него того, что хочешь, Мэри.

— Откуда ты знаешь? — спросила Мэри, обидевшись. Она подумала, что Сара, будучи старше, насмехается над ней.

— Я знаю, что такое мужчины, — ответила Сара просто. — Он из тех, кто сохранит себя для женщины, на которой женится. Редкая порода.

Мэри подумала, что Сара ошиблась, когда Тенч вернулся с куском хлеба, сыром и апельсином и отдал все им. Но когда он торопливо ушел, велел им заканчивать и возвращаться в трюм, Сара посмотрела на его стройную фигуру и вздохнула, провожая его взглядом.

— Он добрый, хороший человек, — сказала она. — Безусловно, если ты сможешь вызвать его интерес, он всегда будет помогать тебе, Мэри. Но не надейся на любовь и даже на то, чтобы спать с ним в одной постели. Такие мужчины не западают на каторжниц.

Хлеб и сыр оказались слегка заплесневелыми, но это было неважно, в конце концов, это вполне приличная еда. Апельсин же привел женщин в неопиcуемый восторг, поскольку этот фрукт был для них редким лакомством даже до тюрьмы. Они с жадностью съели его вместе с кожурой, слизывая с подбородка последние капли сока и смеясь друг над другом.

Едва они успели вылить воду, оставшуюся после стирки, за борт, как появился лейтенант Грэхем. Он был одет по всей форме, страдал от жары и выглядел раздраженным.

— Вам пора возвращаться в трюм, — произнес он резко.

— Мы как раз собирались спустить вниз высохшее белье и сложить его, — сказала Мэри.

Ее лицо и руки обгорели. Она ощущала знакомую боль и знала, что кожа будет болеть еще не один день. Но здесь Мэри чувствовала себя свободной и даже счастливой и не хотела спускаться в трюм.

— Мои люди сделают это сами, — проговорил он, посмотрев на нее пронизательным взглядом. — Я знаю вас, женщин. Вы, вероятно, решили украсть пару рубашек.

— Вы ошибаетесь, сэр, — ответила Мэри возмущенно. — Мы просто хотели закончить работу как следует.

Он откинулся назад, облокотившись на остаток спиленной мачты, и ухмыльнулся.

— Разве? Я думаю, вы готовы продать свои души за новое платье, еду и каплю рома.

Мэри глянула на Сару, увидела ее озабоченное лицо и догадалась, что та уже передала, что Мэри можно соблазнить на роль любовницы. Поговорив с Тенчем, Мэри уже не испытывала никакого интереса к Грэхему, но ее здравый смысл подсказал ей, что не стоит окончательно сбрасывать его со счетов.

— Я не продала бы свою душу, — сказала она многозначительно. — И я еще не задумывалась о том, чтобы продать свое тело. Пока...

— Все женщины шлюхи, — произнес Грэхем с отвращением. — А сейчас заканчивайте и возвращайтесь в трюм.

Его слова укололи Мэри, но, поднимая лохань, чтобы вылить остатки воды, она почувствовала его взгляд на своих ногах. Мэри подоткнула подол платья за железный обруч вокруг талии и забыла его опустить.

Мэри обернулась к Грэхему и вызывающе подмигнула. Она не сомневалась, что сможет его соблазнить, если Тенч останется к ней равнодушным.

На протяжении следующих нескольких недель Мэри регулярно вызывали работать. Иногда она работала только с Сарой, иногда с другими женщинами. Но она быстро заметила, что ее все время выбирали, будь то стирка, штопка или чистка овощей. К сожалению, она не знала, кто вписывал ее имя в список — Тенч или Грэхем.

Практически каждый раз она встречала обоих мужчин, и, хотя Тенч не останавливался поговорить так надолго, как в тот раз, он почти всегда совал ей какую-нибудь еду. Грэхем, напротив, с каждым разом задерживался все дольше и часто отзывал Мэри от других женщин под предлогом какого-нибудь нагоняя.

Мэри не могла понять этого человека. Он бывал очень резким и даже отвратительным, а мог проявлять настоящую доброту, как тогда, когда она занозила ногу на палубной доске. Несколько женщин пытались вынуть занозу, но безрезультатно. К концу дня Мэри еле стояла, и когда Грэхем увидел, как она хромает, он подозвал ее.

— Что с твоей ногой? — спросил он.

Мэри объяснила, и он попросил ее дать посмотреть. Девушка повернулась к нему спиной и с трудом, так как мешали цепи, подняла ногу, согнув ее в колене.

— Она зашла внутрь, — сказал Грэхем. — Я возьму иглу, чтобы вытащить ее. — Затем он приказал остальным женщинам вернуться в трюм, а Мэри велел оставаться на месте.

— Сядь, — проговорил он резко, вернувшись с иглой и маленькой бутылочкой с какой-то жидкостью.

Мэри сделала, как он велел, и Грэхем присел на тюк перед ней, поднял ее ногу и положил ее себе на колено. Ей было больно, когда он воткнул иглу, но он в конце концов зацепил щепку, затем помазал содержимым бутылочки ранку, и она зашипала. Мэри вскрикнула от боли.

— Это чтобы убить инфекцию, — пояснил он. — Теперь перевяжи чем-нибудь ногу и не ходи по грязи, пока она не заживет.

— Это будет трудно в трюме, — возразила она.

— Ты когда-нибудь перестанешь жаловаться? — спросил Грэхем, все еще не выпуская ее ногу.

В этот момент Мэри окончательно убедилась, что он действительно заинтересовался ею.

— Если вы думаете, что это жалобы, то просто дайте мне завиться своим делом, — сказала она с широкой усмешкой. — А о чем бы вы хотели послушать? О грязи, о вони или о нехватке нормальной еды? — Тут Мэри засмеялась, чтобы смягчить свои слова. — Но я не хочу испортить вам аппетит перед ужином. С вашей стороны было очень любезно позаботиться о моей ноге.

Грэхем ничего не ответил, но его рука скользнула по ее икре, как раз над кандалами, полностью соприкасаясь с кожей.

— Ты следишь за собой больше, чем другие, — произнес он, и голос его неожиданно стал более низким и глубоким. — Мне нравится это в тебе. Я не хотел бы, чтобы твоя рана загноилась.

— Чистота — это просто один из способов выжить в этой плавучей тюрьме, — ответила Мэри. — Это моя цель — выжить, чего бы мне это ни стоило.

Услышав эти слова, Грэхем улыбнулся, его полное лицо потеплело, и на какую-то долю секунды он показался даже красивым.

— Чего бы ни стоило? — переспросил он, подняв одну бровь.

Мэри боялась на него взглянуть. Она поняла: Грэхем хотел, чтобы она сказала, что доступна. Мэри знала: при желании он может взять ее силой, и почувствовала некоторую нежность к нему за то, что он проявляет внимание к ее чувствам.

— Я никогда не была с мужчиной, — сказала она мягко, по-прежнему глядя в пол. — Я всегда намеревалась ждать дня свадьбы. Но этого уже не произойдет. Я вполне могу умереть от голода еще до того, как увижу страну, в которую меня собираются выслать. Так что если мужчина предложит мне еду и новое платье, я думаю, что за это я сделаю то, что он захочет, если он проявит ко мне доброту.

— Ты не против, если это не будет любовью?

Этот вопрос показался Мэри до странного чувствительным. От мужчины такого типа она не ожидала подобного.

— Любовь не приходит к таким женщинам, как я, — ответила она. — Мне достаточно доброго отношения.

Грэхем велел ей возвращаться, но, когда она поднималась, дал ей полоску хлопковой ткани, чтобы перевязать ногу.

— Держи ее в чистоте.

Это были его последние слова, но глаза сказали намного | больше.

В ту ночь Мэри оказалась на перепутье. Она хотела Ваткина Тенча, к нему она чувствовала нечто намного большее, чем благодарность. Но она понимала, что Сара права: он не дотронется до женщины, на которой не женат. И все же если Мэри позволит Грэхему добиться ее, а Тенч узнает об этом, он обязательно станет ее презирать.

На следующей неделе она не могла думать ни о чем другом, мучаясь сомнениями, как быть: позволить себе умереть от голода, не потеряв самоуважения, или бороться за выживание с помощью единственного оружия, которое у нее есть.

Затяжную жару прервала ужасная буря. Старая плавучая тюрьма шаталась и дрожала, балки стонали, будто вот-вот сломаются. Люки пришлось задраить, и они оставались закрытыми несколько дней, пока дождь лил как из ведра. Женщины лежали на своих полках в полной темноте, прислушиваясь к крикам заболевших. И без того зловонный воздух так сгустился, что даже дышать было трудно.

Малышка Роуз, болевшая с самого рождения, умерла первой, а на следующий день за ней последовала ее мать и еще одна женщина с их полки. На протяжении следующих суток у восьми женщин поднялась температура, а у двенадцати, включая Мэри, начались рвота и понос. Большинство арестанток ослабело так, что они даже не могли добраться до ведер и лежали в собственных испражнениях.

Мэри отметила, что единственными, кто не страдал так сильно, были так называемые шлюхи. Только у них еще хватало сил вытирать потные от температуры лица других женщин, только они всегда находили несколько подбадривающих слов. Даже Мэри, считавшая себя такой крепкой, едва могла добраться до ведра.

Тогда она окончательно решила, что вопрос выживания важнее вопроса морали.

В конце концов дождь утих и люки снова открыли, обнаружив целый фут трюмной воды под нарами, с плавающей на поверхности рвотой и экскрементами. Болезнь продолжала косить арестанток и унесла еще двоих. Мужчины перекрикивались через решетку с женщинами, они страдали не меньше. Мэри услышала, что умер Эйбл, ее сокамерник по Эксетеру, а еще мальчик пятнадцати лет и двое мужчин.

Однажды утром Мэри разговаривала с Уиллом Брайантом. Даже он не казался таким дерзким и самоуверенным, как прежде.

— Если мы заразимся холерой, то все умрем, — сказал Уилл мрачно. — Мы должны найти способ, чтобы заставить их вымыть трюмы. Здесь столько крыс, что я просто боюсь за нас всех.

— Я попробую что-нибудь сделать, — ответила Мэри.

— Что такая мелочь, как ты, может сделать? — возразил он высокомерно.

— Я могу попросить за нас, — сказала она. Мэри поняла, что Уилл сомневался в ней, и это придало ей решимости.

— Ты можешь попробовать, но это ни к чему не приведет, — произнес он. — Они хотят, чтобы мы все умерли, тогда они смогут наполнить плавучую тюрьму новыми арестантами, которые тоже умрут. Сколько же денег это им сэкономит — целую уйму!

— Ты позоришь Корнуолл и всех его жителей! — заорала Мэри на него. — Такие

разговоры точно никому не помогут.

— Если тебе удастся сделать так, что трюмы вымоют, я на тебе женюсь, — крикнул Уилл в ответ и хрипло захохотал.

— Берегись, как бы я не поймала тебя на слове, — крикнула Мэри в свою очередь.

Сара слабо улыбнулась, когда Мэри рассказала ей о своих планах.

— Охранники не приведут тебе сюда ни Тенча, ни Грэхема, — сказала она. — На тебя даже не посмотрят.

— Я должна попробовать, — настаивала Мэри.

Стучать по двери не было никакого смысла: никто никогда не подходил. Мэри просто подождала, пока охранник спустится и скомандует двум женщинам вынести отхожие ведра, и, как только он открыл дверь, она налетела на него.

— Я должна увидеть капитан-лейтенанта Тенча или лейтенанта Грэхема, — заявила Мэри.

— Отвали, — сказал он, отталкивая ее палкой. — Никого ты не увидишь.

— Увижу, — возразила она и схватила его за руку. — Если ты не передашь одному из них мое сообщение, я позабочусь, чтобы тебя наказали.

— Ты? Чтобы меня наказали? — Его узкие глаза стали еще уже. — Ты что же, думаешь, там наверху кто-то послушает слова чертовой каторжницы?

— Только попробуй этого не сделать, — ответила Мэри угрожающе. — Повторяю еще раз: передай им сообщение или берегись.

— Отвали, — ответил он, но на этот раз в его тоне было меньше уверенности. Он приказал двум женщинам взять ведра, загородив Мэри дорогу палкой.

— Скажи им! — заорала она, когда он хлопнул дверью и закрыл ее на засов. — Скажи им, будь ты проклят, это важно!

Мэри попыталась снова заговорить с охранником, когда женщины вернулись с ведрами, но ответ был тот же. Час шел за часом, никто не приходил. Она посмотрела через люк на темно-серое небо и заплакала. Еще у нескольких женщин поднялась температура, и Мэри боялась, что, если все останется так, как есть, все они через неделю будут мертвы.

— Ты сделала, что смогла, — сказала Сара, пытаясь ее утешить. — Уилл сказал правду: им все равно, если мы умрем.

— Может быть, это и справедливо по отношению к большинству из них, но я не поверю, что так думает Тенч или Грэхем, — возразила Мэри. — Просто не поверю.

Она не знала, какое сейчас время суток, потому что солнца не было видно, но ей показалось, что близилось к вечеру, когда вошел охранник.

— Эй, ты, наверх, — скомандовал он.

Это был не тот, которому Мэри раньше угрожала, но она почувствовала, что он знает обо всем, поскольку впервые он не ударил ее палкой. Дойдя до конца наклонного трапа, Мэри глотнула свежего воздуха, и от этого у нее закружилась голова.

На палубе стоял лейтенант Грэхем.

— Ты хотела видеть меня? — спросил он.

Мэри рассказала все.

— Трюмы нужно вычистить, — умоляла она. — Если этого не сделают, мы все сдохнем от холеры.

Грэхем оставался безучастным, и это взбесило ее.

— Если мы все заболеем, вы тоже заразитесь, — произнесла она горячо. — Ради всего святого, сделайте что-нибудь, вы же не хотите, чтобы на вашей совести была смерть всего корабля.

Он посмотрел на нее одним из своих долгих, пронизательных взглядов.

— А что ты сделаешь для меня, если я сделаю то, что ты просишь?

Мэри сглотнула. Она не ожидала, что он будет торговаться с ней.

— Все, что вы захотите, сэр, — ответила Мэри.

— Я не хочу, чтобы это произошло против твоей воли, — сказал Грэхем, и впервые по его лицу Мэри увидела, что он нервничает.

— Я тоже не хочу, чтобы вы помогали тем людям, которые находятся внизу, против своей воли, — ответила она.

Он отвел глаза и посмотрел на море, и Мэри увидела, что он борется со своей совестью. Не из-за того, правильно ли будет дать заключенным умереть из-за нехватки свежего воздуха, а правильно ли уступить просьбе женщины, потому что он хочет ее.

После паузы, которая показалась ей бесконечной, он снова повернулся к ней.

— Я отдам приказ, чтобы трюмы вычистили, — сказал Грэхем сурово. — А ты придешь ко мне, когда остальных женщин отошлют обратно.

К тому времени, когда женский трюм вычистили, было уже темно. Женщин подняли на палубу, и вечерний суп и хлеб раздали там, а охранники тем временем спустились вниз выполнить свою работу. Для тех женщин, которые никогда не выходили из трюма с того момента, как их привезли сюда, это оказалось настоящим потрясением. Они в страхе припали к палубе, дрожа от свежего морского ветерка, и глаза их были пусты, словно они ослепли от дневного света.

Состояние некоторых из них шокировало Мэри. В темноте трюма она не могла видеть всего ужаса. От некоторых остались лишь кожа да кости, все было бледные, исхудалые и апатичные, и грязь так глубоко въелась в их кожу и волосы, что одного мытья оказалось бы мало, чтобы отчистить их. Мэри увидела язвы на коже под кандалами, и ползающих по ним вшей, и следы от крысиных зубов на тощих руках и ногах. Она поняла, что, к несчастью, чистка трюма не поможет им, если они не получат лучшей еды. Мэри сомневалась, что все они доживут до высылки.

Когда охранники вернулись на палубу, взмокшие от работы, и в вечернем воздухе резко запахло уксусом, Мэри задрожала от страха перед тем, что должно было с ней случиться.

Она знала, что означает слово «секс». В крошечном коттедже в Фоуэе не было укромных мест, и она слышала, как ее родители занимались этим в темноте. Пока Мэри жила в Плимуте, она наблюдала все это вокруг себя, так что сам акт ее не пугал. Томас часто страстно целовал ее, и, если бы он настоял, она с радостью позволила бы ему продолжить. Но между соблазнением и принуждением была огромная разница.

Кроме страха, что ею овладеет мужчина, которого она едва знает, Мэри думала о том, что рассказала Сара. Хотя офицеры закрывали глаза на связь кого-либо из их числа с каторжницей, это не всегда мешало им сойтись вместе и выпороть ее впоследствии, если она чем-то вызовет их недовольство. Мэри догадалась, что теперь, после того как она осмелилась пожаловаться на трюм, она будет под особым наблюдением.

Лейтенант Грэхем показался в тот момент, когда охранники приказали женщинам возвращаться вниз. Он жестом велел ей идти за ним к корме корабля и исчез в одной из

пристройке.

Как только Мэри вошла, он закрыл дверь и запер ее. Комната была очень похожа на ту, в которую заводил ее Генч, — крошечная, с койкой, письменным столом и парой табуретов. Грэхем зажег свечу на письменном столе, и тут Мэри увидела на полу маленькую ванну, полную воды.

— Для меня? — спросила она.

— Да. От тебя воняет, — сказал Грэхем с довольно смущенным видом. — Вымойся хорошенько, и волосы тоже. Я вернусь позже.

— Ты снимешь их? — Мэри указала на цепи.

Какое-то мгновение он колебался, от чего она поняла, что раньше он этого не делал, затем вынул из кармана ключ и освободил ее лодыжки и снял обруч с ее талии. После, не говоря ни слова, ушел.

Какое-то время Мэри не испытывала ничего, кроме дикой радости из-за того, что освободилась от цепей. Передвигаться с легкостью и не слышать ненавистное бряцание, с которым она жила так долго, было блаженством. Но через несколько минут она снова собралась с мыслями и прыгнула к двери, чтобы проверить, заперта ли она. Дверь, конечно, оказалась заперта, как Мэри и ожидала, а два иллюминатора слишком малы, чтобы она могла пролезть через них, поэтому она скинула одежду и погрузилась в ванну.

К ее восхищению, вода была теплой, а мыло, которое он оставил, не походило на тот грубый кусок, которым они стирали одежду. Ванна оказалась слишком маленькой, и в ней можно было только сидеть на корточках, но Мэри испытала настоящее блаженство, особенно когда эти проклятые цепи не тянули ее вниз.

Она вытиралась полотенцем, которое он оставил, когда заметила на стене зеркало и подошла посмотреть на себя. Мэри отшатнулась от неопишуемого ужаса. Ее когда-то пухлые красные щеки стали впалыми, и глаза, казалось, вылезли из орбит. Когда она посмотрела на свое тело, то увидела, что оно тоже похудело, так что торчали ребра. Ее коричневое лицо и руки до локтей казались чужими, тогда как остальное тело было зловеще бледным.

Но ее свежeweмытые волосы все-таки выглядели красивыми, они сияющими темными колечками спадали ей на плечи. Мэри тщательно вытерла их полотенцем и причесала расческой Грэхема, чтобы вычесать вшей, потом помыла ее в ванне и положила на место.

Услышав шаги возвращавшегося Грэхема, она нырнула в койку, быстро укывшись одеялом.

Грэхем медленно вошел. В руках он держал маленький поднос, который он поставил и снова запер дверь. Мэри была слишком смущена, чтобы разговаривать, но от запаха еды она не удержалась и села.

— Это для меня? — воскликнула она, с трудом веря в свое счастье, потому что увидела пирог, такой, как пекла ее мама, с золотистой корочкой, щедро политый подливкой.

— Я подумал, что ты, наверное, хочешь есть, — сказал он грубовато, не глядя на нее, будто ему было неловко.

— Это так любезно, сэр, — произнесла Мэри.

— Не нужно называть меня здесь сэром, — сказал он, передавая ей пирог и садясь на край койки. — Меня зовут Спенсер. А теперь ешь, пока он не остыл.

Мэри не нужно было повторять дважды, она тут же с ликованием налетела на пирог. Это был пирог с кроликом и овощами — самое замечательное лакомство, которое она ела с тех пор, как уехала из Фоуэя, и, хотя еда интересовала ее больше, чем мужчина, который ее

принес, Мэри не могла не заметить, что он сам получал удовольствие от ее явного восторга.

Лейтенант сам удивлялся собственным эмоциям, когда наблюдал, как Мэри ест. Он ожидал, что будет испытывать вину оттого, что предаст доверие жены, или такое сильное желание, что, вернувшись в каюту, он не сможет дождаться, пока Мэри съест свой обед. Но вместо этого он сумел отодвинуть на задний план и свою вину, и свое желание, потому что, наблюдая, как она ест, он почувствовал удовлетворение. Мэри не заметила, что во время еды ее грудь обнажилась, и Грэхем увидел два маленьких холмика с бледно-розовыми сосками. На одну грудь пролилось немного подливки, и он еле сдерживался, чтобы не наклониться и не слизнуть ее.

Он женился на Алисии, своей кузине, в двадцать лет, это было десять лет назад. Они вместе играли детьми, учились танцевать и верхом возвращались домой в деревню рядом с Портсмутом. Всегда само собой разумелось, что они в конце концов поженятся. Алисия переехала в дом его родителей, и ее приняли как дочь. Она рисовала, шила и играла на пианино, была любезна со всеми гостями и никогда не жаловалась, если он надолго уезжал. Жена родила сына, а потом дочь, не потеряв при этом своей прекрасной фигуры.

Грэхем считал свой брак очень удачным. Они с женой прекрасно ладили, и он знал, что другие мужчины завидуют ему из-за того, что у него такая красивая и веселая супруга. Он не понимал, почему иногда испытывал разочарование.

Теперь, когда он смотрел, как Мэри ест, он понял почему. Алисия была для него как кусочек фрукта, очень вкусного и соблазнительного, но который не насыщал его так, как может насытить мясной пирог. Алисия никогда не ссорилась с ним, всегда признавала его правоту, что бы он ни говорил. Она всегда выглядела великолепно, когда он возвращался домой в увольнительную, но страсти, настоящего чувства между ними не существовало никогда.

У Мэри не было и тени той красоты, которой обладала Алисия. Даже если одеть Мэри в самое дорогое шелковое платье, уложить ее волосы в элегантную прическу, она все равно останется той, кем есть на самом деле, — простой деревенской девочкой без светских манер.

И все же она казалась такой желанной, особенно сейчас, вымытая дочиста, с волосами, струящимися по плечам. В ней чувствовался тот вызов, которого не доставало Алисии. Мэри была гордой, смелой, волевой и решительной. Если бы заставить эту каторжницу влюбиться в себя! Грэхем почувствовал, что, если это у него получится, он откроет для себя нечто новое и замечательное. Его возбуждало даже то, что он рискует своей карьерой на флоте, приведя ее в свою каюту. Раньше он не делал ничего настолько смелого в своей жизни.

— Это было чудесно, — сказала Мэри, удивив его своей благодарностью. — И ванна тоже была великолепной.

Она знала, что теперь должна лечь с ним в постель. Согревшаяся и чистая после ванны, с полным желудком, Мэри чувствовала, что готова почти на все. Она почему-то считала, что он не будет груб с ней, если уж позаботился о ней и принес такую хорошую еду.

— Хочешь немного рома? — спросил Грэхем.

— Только чуть-чуть, — сказала Мэри. Она не особенно любила этот вкус, но ей нравилось, как он согревает. Кроме того, Сара предупредила ее, чтобы она пила все, что ей предложат, сказав, что это притупит ее ощущения.

Грэхем вручил ей немного рома в стакане и начал вылезать из своей одежды. Мэри выпила ром залпом, увидев его белые волосатые ноги и вдруг испугавшись, что она этого не

вынесет. Ей стало еще страшнее, когда он отбросил в сторону рубашку. У него была куриная грудь и толстый белый живот, который дрожал, когда он двигался.

В своей жизни она не раз видела полуголых мужчин. Рыбаки и моряки часто работали в воде, раздевшись по пояс, у них были крепкие, стройные, мускулистые тела. Мэри думала, что так выглядят все мужчины, и вид неожиданно белого, рыхлого тела Грэхема вдруг заставил ее почувствовать тошноту. Но дороги назад не было, поэтому она нырнула под одеяло, оставляя для него место рядом с собой, и отвернулась.

Он очутился на ней через секунду после того, как оказался в койке, и вжал ее в матрас своим весом. Его руки блуждали по ее телу, а губы прижались к ее губам, как пиявки. Мэри не знала, как отвечать ему. Ее единственным опытом был Томас, который целовал ее нежно и чувственно, так что она желала еще.

Рот Грэхема передвинулся с ее губ к ее груди, он сосал ее так сильно, что стало больно. Мэри слышала его дыхание, затрудненное и тяжелое, как у лошади после долгого галопа. Она почувствовала, как его пенис, твердый и горячий, уперся ей в живот, и, к счастью, он оказался маленьким. Через несколько секунд, уткнувшись лицом в ее шею, Грэхем раздвинул ее бедра и с силой вошел в нее.

Мэри не было больно, но и удовольствия она тоже не испытала. Ей казалось, что шест просовывают в сухую трубку, где для него едва хватало места. Ей не понравилось, как Грэхем схватил ее за ягодицы, хрюкая, как свинья.

Но к счастью, это длилось недолго. Похрюкивание постепенно становилось громче, его тело казалось все более горячим, он потел все сильнее и вдруг глубоко вздохнул и замер, по-прежнему уткнувшись ей в шею лицом.

И только тут она ощутила, что благодарна ему. После всего того, через что она прошла за последние шесть или семь месяцев, ей было приятно чувствовать, как ее обнимают, приятно лежать в теплой удобной постели. Мэри подняла руку и погладила его по шее и по плечам, думая, должна ли она что-то сказать.

Но что она могла сказать? Что она любит его? Нет. Что он возбуждает ее? Нет. И спросить, собирается ли он повторить это с ней сегодня ночью или в другой раз, она тоже не могла. Это еще раз напомнило ей о ее статусе несчастной каторжницы, за которой не признавали никаких прав, включая право на чувства или на какие-то потребности. Мэри была почти уверена, что большинство людей даже не представляло, что заключенные способны думать.

Грэхем сполз чуть-чуть вниз, устроился головой на ее груди и почти мгновенно заснул, крепко обняв ее при этом.

Мэри какое-то время лежала спокойно. Через иллюминатор струился чистый, свежий воздух, и только легкое дыхание Грэхема нарушало тишину. Ей было приятно думать о том, что, когда она уснет, по ней не будут бегать крысы и не заболит от голода живот. И все же она не могла спать, поскольку ей вдруг пришло в голову, что она, возможно, сможет сбежать.

Грэхем запер дверь, когда вошел, и она была уверена, что он положил ключ в карман куртки. Сможет ли она выбраться из койки, найти свою одежду и его ключи, не разбудив его? Стоит ли снаружи охранник?

Мэри получила ответ на свой последний вопрос, услышав тяжелый топот ботинок у двери. Какое-то время она внимательно прислушивалась, представляя себе, где находится охранник, совершавший обход по палубе. Когда он в следующий раз приблизился к их двери,

она сосчитала, за сколько секунд он делает полный круг. Мэри насчитала девяносто секунд. Но на третьем круге он где-то остановился, вероятно, чтобы закурить трубку или отдохнуть.

Мэри поняла, что для организации побега прямо сегодня остается слишком много неизвестных факторов. Она не знала, насколько крепко спит Грэхем; она не была уверена в местонахождении ключа; Мэри не проверила, с какой стороны плавучей тюрьмы удобнее всего спуститься к воде. Спрыгнуть с борта было бы глупостью: она тут же всполошила бы охрану звуком всплеска. Мэри могла надеяться только на то, что Грэхем снова ее захочет. Тогда она постепенно сможет завоевать его доверие и тем временем тщательно исследовать расположение палубы и продумать лучший способ побега.

Мэри снилось, что она дома, в постели со своей сестрой Долли, и она проснулась оттого, что ее живот ласкала чья-то рука. Но это была рука Грэхема, а не ее сестры. Мэри притворилась, что спит, надеясь, что он тоже заснет, но, к своему удивлению, услышала, как он зажег свечу.

Ей до смерти хотелось открыть глаза и посмотреть, что он делает, но, если она проснется, он может отослать ее обратно в трюм, а ей было слишком тепло и удобно, и Мэри не хотела потерять это удовольствие. Она почувствовала, как он сдвинул одеяло, и ощутила легкое тепло от свечи совсем рядом.

Мэри тут же поняла, что он сидит со свечой в руке и рассматривает ее тело. Это нервировало ее, но она все еще не открывала глаз. Грэхем мягко тронул пальцем ее интимное место, убирая волосы, а затем двумя пальцами раздвинул половые губы.

Ей стало еще тяжелее притворяться спящей, зная, что он смотрит на ту часть ее тела, которую не видел никто, кроме нее. Ей было интересно, почему он захотел посмотреть. Он никогда не видел этого раньше? Или проверяет, не больна ли она?

Но когда его палец скользнул внутрь, ее охватило странное чувство. Ей было приятно так же, как от поцелуев Томаса, и она невольно чуть раздвинула ноги. Осторожное трение стало чуть настойчивее, и Мэри знала, что он смотрит туда, а не на ее лицо, потому что чувствовала его дыхание на своем животе. Она приоткрыла глаза и увидела, что он не держит свечку, как она предполагала. Свечка стояла по другую сторону койки. Одной рукой он тер свой пенис, одновременно другой рукой лаская ее интимное место.

Мэри крепко зажмурила глаза. Она не хотела, чтобы вид толстого живота испортил ей то удовольствие, которое Грэхем ей доставлял. Хоть ей и казалось странным, что мужчина предпочитает заниматься такими вещами, пока она спит, она в любом случае не имела ни малейшего понятия, чем могут заниматься любовники.

Его палец проскальзывал внутрь ее снова и снова, и Мэри изо всех сил старалась лежать неподвижно и сдерживать крик. Она слышала, как дыхание Грэхема становится более тяжелым, его рука все быстрее движется по пенису, и затем, когда она уже собиралась потянуться к нему и попросить, чтобы он вошел в нее, он хрюкнул и замер.

Через несколько секунд он вернулся к ней в постель и снова крепко заснул. И опять Мэри лежала и не спала, взволнованная ощущениями, которые он вызвал в ней, и еще более удивленная его действиями. Грэхем просто вел себя осторожно и не хотел разбудить ее, когда решил сделать это? Было ли это ненормальным или обычным мужским поведением?

В конце концов она, вероятно, заснула, потому что почувствовала, как он трясет ее.

— Проснись, Мэри, — сказал он. — Тебе пора возвращаться.

Едва начало светать, когда она шла обратно, снова закованная в цепи. Небо на востоке слегка тронул нежно-розовый блеск. Грэхем шел перед ней, и, когда дошел до первой из двух

дверей, ведущих в трюм, повернулся к ней.

— Не рассказывай об этом никому, — проговорил он с напряженным лицом. — Если тебя спросят, почему ты отсутствовала, скажи, что тебя заперли наверху на палубе в качестве наказания. В следующий раз я постараюсь достать тебе платье.

Он больше ничего не сказал, только отпер первую дверь, затем спустился ко второй и отпер ее тоже, мягко подталкивая Мэри и не сказав ни слова на прощание.

Если кто-то и видел или слышал, как она вошла, никто ничего не сказал. Мэри направилась к своей полке, оттолкнув Анну, занявшую ее место, и легла. После теплой и мягкой койки Грэхема доски казались очень жесткими и холодными. Но она заметила, что в трюме более свежий воздух, и была этим довольна. Все же последние слова Грэхема ее встревожили, потому что он явно не знал, как реагируют каторжницы, если одна из них уходит на всю ночь. Они не спросят ее, где она была, они просто отвернутся от нее.

К своему крайнему удивлению, Мэри не почувствовала враждебности к себе, когда проснулась в трюме. Наоборот, ее, похоже, возвели в героини.

— Тебя пороли? — спросила Анна первой, и тут все женщины, даже больные, поднялись, чтобы похвалить Мэри за ее смелое требование увидеть Грэхема. Только Сара понимающе взглянула на нее и хмыкнула, когда Мэри рассказала, что ее приковали наверху на палубе до рассвета.

Апатия, казалось, почти прошла у всех женщин теперь, когда трюм стал чище. В течение дня Мэри не смогла поговорить с Сарой, поскольку все они хвалили ее, задавали вопросы и замечали, что еще никто не осмеливался сделать что-либо подобное. Утром мужчин тоже вывели, чтобы почистить их трюм, и позже, когда они вернулись, Мэри снова осыпали похвалами.

Уилл Брайант крикнул ей через решетку:

— Ты смелая девчонка, сохрани тебя Господь за то, что ты сделала.

— Теперь ты должен на ней жениться, — закричал Джеймс Мартин, и Мэри рассмеялась вместе с остальными мужчинами. Ее развеселили их непристойные высказывания и похвалы в ее адрес.

— Я не буду настаивать, Уилл Брайант, — крикнула она в ответ. — Я знаю, какой ты пустомеля, и потому не захватила с собой свадебного наряда.

Хоть Мэри и было приятно, что ею восхищались, она также испытывала чувство вины. В следующий раз, когда Грэхем вызовет ее, она не только потеряет их уважение. Они могут возненавидеть ее за то, что она их обманула.

С наступлением темноты ей удалось проскользнуть на полку Сары и поговорить с ней.

— Я была с Грэхемом, — прошептала Мэри. — Что мне теперь со всем этим делать?

— Если бы не ты, было бы еще много смертей, — прошептала Сара в ответ. — Кроме того, если бы каторжницы знали, что наверху кто-то их хочет, они бы все до одной предлагали свою задницу. Да бог с ними. Как это было?

— Не так уж плохо, — ответила Мэри. Как бы она ни хотела поделиться с подругой всем, что пережила, она не могла этого сделать из-за уважения к Грэхему. В конце концов, он был добр к ней.

Через четыре дня Мэри снова вызвал лейтенант Грэхем. На этот раз ее вызвали одну, чтобы вычистить камбуз, и, когда она закончила грязную работу, появился Грэхем и велел ей идти к нему в каюту. Близился вечер, и через пару секунд после того, как за ней закрылась

дверь, она услышала, как с работы возвращаются мужчины-заключенные.

Грэхем снова снял с нее кандалы, и для нее снова была приготовлена ванна. Но он не тратил времени на раздевание и овладел ею быстро, прежде чем она успела вытереться, и когда он кончил, то ткнул ей платье и нижнюю юбку.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказал он. — Нас заметят. Одевай это и убирайся.

— Можно мне чего-нибудь поесть? — спросила она, надевая нижнюю юбку.

— Я думал, ты украдешь что-нибудь, пока будешь на камбузе, — произнес Грэхем с ухмылкой.

— Мы не договаривались, что я буду красть то, что мне нужно, — ответила Мэри резко. Почти все время, что она провела на камбузе, за ней следил один из охранников, и, к ее разочарованию, единственным, что она смогла стащить, был кусочек сыра. — Я держу свое слово, держи и ты свое.

Когда Мэри надела новое платье, он отвернулся и достал продукты.

— Хорошо, — произнес Грэхем, все еще не поворачиваясь. — Но держи свой рот на замке обо всем этом. Если ты произнесешь хоть слово, я велю тебя выпороть.

Он вручил ей холодный мясной пирог и яблоко.

— Спасибо, сэр, — сказала она и сделала нахальный реверанс. — Я не буду этим хвастаться. Моя гордость не позволяет мне опуститься так низко.

Когда он наклонился застегнуть замок на кандалах, Мэри почувствовала его обиду. Она могла бы добавить что-нибудь полюбезнее, но была слишком занята мясным пирогом.

Недели и месяцы медленно тянулись длинной чередой. Пришла осень, а за нею зима, и вместе с ней перспектива замерзнуть насмерть. У женщин было лишь по одеялу на каждую, и они еще теснее сбивались в кучки по ночам. Умерло еще несколько женщин постарше, но их место заняли новоприбывшие, а новостей о высылке по-прежнему не поступало.

Уилл Брайант находился на «Дюнкирке» уже два года, и он часто со смехом говорил Мэри, что его семилетний срок истечет, прежде чем они поднимут парус.

Мэри по-прежнему отчаянно думала о побеге. Она подробно изучила расположение верхних палуб, кто в какое время дня патрулировал и когда было меньше охранников. Но ей еще не представилось ни одной реальной возможности сбежать, несмотря на всю ее бдительность. Мэри, безусловно, не собиралась предпринимать что-либо, не обдумав все как следует, ведь в случае поимки ее ожидала, как минимум, сотня ударов кнутом.

Поэтому, как и Уилл, она научилась смиряться со своим заключением, концентрируя свою энергию на поисках путей, как облегчить свои страдания, оставшись при этом живой и здоровой. Хотя ее отменное здоровье и постоянная работа на верхней палубе вызывали некоторую зависть у других женщин, она все же сохранила их уважение к себе, всегда отстаивая их интересы в случае необходимости. Мэри также брала все, что попадалось ей под руку и могло быть полезным: тряпки, которые женщины могли использовать во время менструации, мыло и небольшое количество еды, когда она могла достать ее, — и раздавала тем, кто нуждался больше всего.

Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер вместе с Эджи в качестве громогласного рупора пытались сделать все, что в их силах, чтобы настроить женщин против Мэри, но ее могли обвинить только в том, что она была гордой и держалась особняком. Мэри не возражала, когда так говорили о ней, — она не считала гордость пороком. И когда ее называли одиночкой, она предполагала, что это так, поскольку она сама себе голова и стоит выше тех

мелких сплетен, которые кое-кто распускал о ней. Но никто никогда не называл ее шлюхой, хоть она и понимала, что стала ею, несмотря на то что была близка только с лейтенантом Грэхемом.

Раз или два в неделю Мэри спала в его каюте. Он приносил ей еду, время от времени давал чистую одежду и проявлял некоторую привязанность. Но она ничуть не приблизилась к пониманию мужчин.

Временами ей казалось, будто он влюблен в нее, иногда же он, похоже, ее ненавидел. К этому времени она уже знала, что Грэхем женат и имеет двоих детей, и, когда он говорил о своей жене Алисии, в его голосе звучало почти благоговение. Но при этом он упорно укладывал Мэри в постель и, казалось, отчаянно хотел, чтобы она сказала, что любит его. Иногда он доставлял ей некоторое удовольствие, но чаще секс был таким же, как в первую ночь, — быстрым, резким и без всяких эмоций.

На самом деле Мэри испытывала к Грэхему жалость, так как она ощущала, что он непростой человек и, казалось, не имел настоящих друзей. Он не любил военный флот по-настоящему и много раз говорил Мэри, что хочет подать в отставку. Мэри догадывалась, что он трус, который постоянно живет в страхе, ожидая приказ направиться туда, где его может ждать опасность. И все же он любил власть, которую имел, будучи офицером, и знал, что в гражданской жизни для него нет места.

Мэри подозревала, что даже брак, который он так упорно называл счастливым, держался лишь потому, что муж и жена слишком долго находились порознь. Капитан-лейтенант Ваткин Тенч, которого Грэхем унижал при каждом удобном случае, казался гораздо более счастливым человеком.

Тенч был еще одной проблемой Мэри, потому что она чувствовала, что влюбилась в него. Хоть она и сомневалась, что когда-либо сможет посмотреть ему в глаза, если встретит его, с той первой ночи, когда они разговаривали, он покорила ее сердце. Это произошло не из-за его внешности, которая не была особенно примечательной, и не из-за того, что на него можно было положиться как на источник дополнительной еды. Это случилось потому, что он заботился о людях, даже о заключенных. Он мог командовать, не проявляя жестокости, и обладал чувством юмора.

Мэри любила его готовность к улыбке, какую-то тягу к жизни, благородство духа и отсутствие предрассудков. Она уже давно оставила всякую надежду сделать его своим любовником, но рассчитывала на него как на друга.

Теперь Мэри уже знала, что скорее он, чем Грэхем, вписывал ее имя в списки на работу на палубе. Он всегда был добр, разговаривая с ней, и сочувственно выслушивал, когда она обращалась к нему с жалобами. Хотя в большинстве случаев Тенч не мог уменьшить те страдания, которые выпадали на долю заключенных, поскольку все решения принимались на более высоком уровне, он, тем не менее, делал все, что было в его силах.

Тенч очень хорошо знал о сделке Мэри с Грэхемом, но он не проявлял презрения к ней. Он был умным и безрассудно смелым человеком и повидал мир больше, чем кто-либо из знакомых Мэри. Тенч любил порядок и спокойствие, при этом был храбр и верен своему королю и своей стране. С точки зрения Мэри, он вряд ли стал бы лгать или брать взятки, но к тем, кто их брал, он проявлял понимание.

Тенч любил книги и как-то рассказал Мэри, что ведет подробный дневник, который, по возможности, надеется как-нибудь в будущем опубликовать. Мэри часто думала, упоминает ли он о ней в своем дневнике, поскольку чувствовала, что интересуется его. Однажды Тенч

сказал, что много пишет о своих взглядах на систему наказаний, потому что в будущем этот вопрос вызовет интерес историков.

Однажды, незадолго до Рождества, Мэри вызвали стирать вместе с Бесси. Это был промозглый холодный день, и впервые Мэри предпочла бы остаться внутри. Перспектива стоять на открытом воздухе, нагнувшись над тазом и опустив руки в холодную воду до самых подмышек, казалась не из самых приятных. Только возможная встреча с Тенчем делала это терпимым.

Это было еще хуже, чем она думала. Северный ветер, как ножом, резал едва одетых женщин. Бесси расплакалась через пару минут после того, как опустила руки в холодную воду, и как Мэри ни старалась, она не смогла ее подбодрить.

Они не постирали белье так тщательно, как делали это летом, и к полудню работа была окончена. Всю палубу украшали гирлянды веревок с влажными рубашками, обреченными на замерзание.

Когда женщины направились обратно в трюм, появился Тенч.

— Я хочу сказать пару слов Мэри Брод, — объяснил он охраннику. — Через несколько минут я сопровождаю ее сам.

К удивлению и восторгу Мэри, он провел ее в свою каюту на палубе и дал ей чашку горячего чая. Она обхватила чашку ладонями, чтобы согреться.

— Благослови вас Бог, — сказала Мэри с благодарностью. — Я так замерзла, что думала: еще пара минут — и я умру.

— Я привел тебя сюда не просто, чтобы дать тебе согреться, — возразил Тенч. — У меня для тебя есть новости. Твоя высылка подготовлена.

— Когда и куда? — спросила Мэри, надеясь, что это произойдет скоро и что там будет хоть немного теплее.

— Мы направляемся в Новый Южный Уэльс, — сказал он.

Какое-то время Мэри просто смотрела на него, широко открыв глаза. Раньше он рассказывал ей все, что знал об этой стране, которая находилась на другой части света. Капитан Кук сообщил об открытом им месте, которое он назвал Ботаническим заливом и которое, по его мнению, подходило для колонии каторжников. Но на тот момент, когда Тенч рассказывал ей об этом, он не считал Новый Южный Уэльс вероятным местом высылки каторжников с «Дюнкирка».

— Мы направляемся? — спросила Мэри. — Вы хотите сказать, и вы тоже? — Она подумала, что не возражает, чтобы ее послали туда, если Тенч тоже там будет.

Он улыбнулся:

— И я тоже. Им нужны морские пехотинцы, чтобы следить за порядком и за вами всеми. Я очень доволен перспективой. Это новая страна, которую я очень хочу увидеть. Англии необходимо присутствие в этой части света, и, если эта страна — все, что было открыто, она может стать для нас важным местом.

Энтузиазм Тенча согрел Мэри больше, чем горячий чай. Когда он продолжал рассказывать о посылаемой флотилии из одиннадцати кораблей, о каторжниках, которые будут строить города, о фермерстве и о том, что по окончании срока каторжникам бесплатно дадут земли, она разделяла кое в чем его восхищение. Мэри всегда хотела путешествовать, долгое путешествие морем не пугало ее, и, если они будут первыми, кто сойдет на берег в Ботаническом заливе, это, вероятно, сулило хорошие перспективы для людей с таким быстрым умом, как у нее.

— Поклянись, что ты не скажешь другим женщинам, — предупредил он ее. — Я говорю это тебе только потому, что надеюсь, что это тебя подбодрит. Я наблюдал за тем, как ты стирала на холоде, и мое сердце устремилось к тебе.

Тенч продолжал рассказывать ей, что в Ботаническом заливе были местные чернокожие жители, что государство имело сведения о наличии там льна и леса и что климат там хороший, намного теплее, чем в Англии. Он сказал, что капитан Кук сообщил о множестве странных животных и птиц, среди которых было большое животное, покрытое мехом и прыгающее на задних ногах, и огромная птица, не умеющая летать. Но хотя Мэри хотела больше узнать об этой новой, такой далекой стране, в ее голове звенели слова Тенча: «Мое сердце устремилось к тебе».

— Когда мы отправляемся? — Это было все, что она могла спросить.

Тенч вздохнул.

— У нас есть приказ посадить тебя на корабль седьмого января, но я подозреваю, что пройдет какое-то время, прежде чем мы поднимем парус. Капитан Филип, командующий этой кампанией, еще не удовлетворен запасами товаров и пищи, которые мы берем с собой.

— Я буду на одном корабле с вами? — спросила Мэри.

— А тебе хотелось бы? — удивился он, и его темные глаза строго посмотрели на нее.

— Хотелось бы, — ответила Мэри прямо, отбросив ложную скромность.

— Я думаю, что смогу устроить это, — сказал Тенч и улыбнулся. — А теперь никому ни слова, особенно лейтенанту Грэхему.

— Он тоже плывет? — спросила она.

Тенч отрицательно покачал головой.

— Это тебя огорчает?

Мэри улыбнулась.

— Нет,нисколько. Я не думаю, что он подходит для такого приключения.

Тенч хмыкнул, и Мэри подумала: означает ли это, что Грэхем отказался ехать?

— Да, Мэри, он не подходит для такого приключения. Но ты и я... да, возможно, мы увидим то, о чем даже не мечтали.

Глава четвертая

Заключенным не сообщили о дате их высылки вплоть до утра седьмого января, когда их должны были перевезти на борт «Шарлотты».

С того момента как Тенч сказал Мэри, когда это должно произойти, она находилась в состоянии возбуждения, усугублявшегося тем, что она не могла ни с кем поделиться новостью. То Мэри с ликованием утешала себя, что ей остались считанные дни на «Дюнкирке», то с ужасом думала, что путешествие морем на край света окажется еще хуже.

По мере того как дни медленно текли, а официальных новостей не было, Мэри начала думать, что Тенч ошибся. Она даже не могла попросить Грэхема проверить эту информацию, потому что он, безусловно, дал бы Тенчу нагоняй за то, что тот рассказал ей обо всем.

Лейтенант Грэхем, однако, вел себя очень странно. Он все чаще кидался в крайности — от нежности до злобы. Это было для Мэри подтверждением ее предстоящего отъезда.

— Ты просто шлюха, — сказал он с ядом в голосе однажды ночью. — Наверное, ты думаешь, что отличаешься от других женщин в трюме, но это не так. Ты просто чертова шлюха, как и все остальные.

При этом в другой раз, когда она одевалась, готовясь возвращаться в трюм, он упал перед ней на колени и прижался к ней, уткнувшись головой в ее грудь.

— О Мэри! — простонал он. — Почему я так мало для тебя сделал, зачем я так использовал тебя?

В ночь на Рождество Грэхем сильно напился и сказал ей, что любит ее. В ту ночь секс был неторопливым и очень нежным. Он целовал раны от кандалов на ее лодыжках и со слезами на глазах умолял ее простить ему все те моменты, когда он поступал жестоко по отношению к ней.

— Мне нечего прощать тебе, — сказала Мэри. Его предыдущие оскорбления совсем не обидели ее, особенно если учесть все то хорошее, что он сделал для нее.

— Тогда скажи мне, что ты любишь меня, — умолял Грэхем. — Убеди меня, что ты приходишь ко мне, чтобы получить нечто большее, чем еду и чистую одежду.

— Да, это так, — солгала Мэри, сожалея, что он не сдержал своего обещания относительно их сделки, как это сделала она. — Но ты не свободен, чтобы любить меня, Спенсер, поэтому, пожалуйста, не говори мне об этом, чтобы я не надеялась напрасно.

Мэри не любила его, она даже не была уверена, нравится ли он ей, и все же в ту ночь Грэхем тронул ее, задел какую-то струнку в ее душе. Возвращаясь наутро в трюм в новом сером платье, она подумала: как бы сложились их отношения, если бы они встретились при других обстоятельствах?

В ночь на седьмое января он снова вызвал ее, и она ждала, что он сообщит ей о том, что завтра она уедет. Но он ничего не сказал об этом. Не было никаких нежностей, никаких извинений и никаких пожеланий ей на будущее. Он просто грубо взял ее, а потом холодно велел возвращаться в трюм. Если бы Мэри не знала наверняка, то могла бы подумать, что ему неизвестно, что ее ждет.

Едва начало светать, охранники открыли дверь трюма и прочли имена женщин, которые должны были подняться на палубу. Мэри не удивил резкий приказ, но ее ошеломило то, что из двадцати женщин некоторые оказались старыми и больными.

Реакция женщин, которых вызвали на палубу под дождь со снегом, была понятна: подозрительность, недоумение и смятение. Они прижимали к себе изорванную одежду и сбились в кучу, чтобы согреться. Мэри пришлось вести себя так же, как и они, поскольку, если бы кто-нибудь догадался, что она знает, куда они направляются, у нее были бы неприятности из-за того, что она не сказала им. И все же, стоя на палубе и дрожа от холода, Мэри радовалась, что Сару и Бесси вызвали, а Эджи, ее старого врага, оставили внутри.

Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер тоже оказались в списке, и Мэри встретила это с смешанными чувствами. Периодически они проявляли дружелюбие, но она чувствовала, что они всегда будут ждать ее падения. Среди сорока женщин Мэри удалось держать с ними дистанцию, но сейчас, когда это число сократилось до двадцати, это станет труднее.

Также были вызваны тридцать мужчин, шестеро из которых выглядели такими большими и слабыми, что с трудом держались на ногах. Вряд ли они выдержат такую долгую поездку. Но Мэри обрадовалась, увидев среди арестантов Уилла Брайанта и Джейми Кокса, хоть и разочаровалась, не найдя Джеймса Мартина и Сэмюэля Берда. Мэри привязалась ко всем четверым во время болтовни через решетку: Уилл и Джеймс всегда заставляли ее смеяться, а Джейми стал ей как младший брат. Все его преступление заключалось в том, что он украл кружева на сумму в пять шиллингов, и теперь он беспокоился о том, как его мать-вдова справляется без него. Он был таким мягким и обходительным, что Мэри испытала облегчение узнав, что он находился под покровительством большого Уилла. Она надеялась, что Джеймс и Сэмюэль станут заботиться друг о друге, когда их товарищи уедут.

Новость о том, что их немедленно перевозят на «Шарлотту», сообщил мужчина, которого Мэри никогда раньше не видела. Под его плащом была штатская одежда, а на голове красовалась треугольная шляпа, отделанная золотой лентой. Казалось, он чувствовал себя не в своей тарелке, обращаясь к каторжникам. Возможно, он нервничал, поскольку ожидал, что его сообщение будет встречено с гневом. Так оно и произошло: у большинства арестантов вырвался крик негодования, поскольку многие уже отсидели половину своего срока, у них были мужья, жены и дети, и они боялись, что больше их не увидят.

Как всегда, на протесты никто не обратил внимания, и охранники угрожающе придвинулись ближе. Только Мэри осмелилась задать вопрос.

— Сэр, мы получим одежду для этого путешествия? У некоторых из нас остались чуть ли не лохмотья, и я боюсь, что многие умрут от холода, прежде чем мы достигнем жарких стран.

Мужчина уставился на Мэри поверх очков. — Ваше имя? — спросил он.

— Мэри Брод, сэр, — ответила она. — А некоторые женщины уже больны. Будет ли здесь врач, который осмотрит их, прежде чем мы отправимся?

— Все будет проконтролировано, — сказал он, но в его голосе не было уверенности. На вопрос об одежде он не ответил.

Наступили сумерки, прежде чем всех заключенных с «Дюнкирка» отправили на пароме на «Шарлотту», стоявшую в Плимутском проливе. При виде «Шарлотты» Мэри испытала удивление, потому что это было маленькое трехмачтовое парусное судно длиной около ста футов. Но корабль выглядел прочным, и Мэри так замерзла, что хотела поскорее оказаться на борту.

Слухи о том, что они поднимут парус через несколько дней, были вскоре опровергнуты. Оказалось, что остальные корабли флотилии не готовы и что-то не решено с заработной

платой моряков. На «Шарлотте» оказалось лучше, чем на «Дюнкирке», так как порции с едой были больше и к двадцати арестанткам не добавили других женщин, так что у них стало просторнее. Мужчинам повезло меньше, поскольку к ним присоединилось множество заключенных со всех концов Англии и всего их стало восемьдесят восемь. Но когда «Шарлотта» стояла на якоре в заливе и люки задраили из-за плохой погоды, многие женщины тут же заболели морской болезнью. Через несколько дней условия стали такими же тяжелыми, как на «Дюнкирке».

Проходила неделя за неделей, а новостей об отплытии не поступало. Поскольку все они еще были закованы и большую часть дня их держали в темноте, а корабль при этом болтало по волнам, первоначальный оптимизм вскоре сменился отчаянием. Многие из них не вставали с коек и искали спасение во сне. Те, кто не мог спать, пререкались между собой.

Временами Мэри горячо желала снова оказаться на «Дюнкирке». Ей ужасно не хватало разговоров с Тенчем и заключенными-мужчинами, и даже свиданий с Грэхемом. Тенч был в увольнительной, и в те редкие случаи, когда женщинам позволяли подниматься на палубу, немногие пехотинцы и моряки, которых они видели, просто игнорировали их.

Короткие моменты на палубе стали мучением для Мэри. Хотя это и было чудесно — дышать чистым соленым воздухом, стоять во весь рост и ходить, — вид Корнуолла на горизонте терзал ее невыносимой болью. Ей становилось еще хуже, когда их заставляли возвращаться в вонючий трюм, и они при этом не знали, когда снова смогут выйти наружу.

Мэри лежала на койке и дрожала, и ей невольно приходили на память самые заветные воспоминания о доме и семье. Как они с Долли всегда расчесывали друг другу волосы на ночь, смеясь, когда появлялись искорки. Отец, который рубит дрова и кричит в окно, что лучше бы у него были сыновья, тогда бы это делали они. Мама, которая напрягает зрение, чтобы вдеть нитку в иголку при свете свечи. Она не шила и не штопала при дневном свете, потому что ей казалось грехом тратить дневные часы на то, что ей нравится делать.

В основном это были теплые воспоминания, но время от времени Мэри думалось о чем-то горьком. Например, как мать побила ее и Долли за то, что они купались в море голышом.

В тот день, когда это случилось, Мэри не поняла, почему мать так рассердилась. Ей это показалось абсолютно лишеным здравого смысла. В конце концов, это был очень жаркий день, и, безусловно, если бы она и Долли испортили свою новую одежду соленой водой, это оказалось бы намного серьезнее.

Конечно, идея принадлежала не Долли: она не умела плавать, и все, чего хотела, — это немного поплескаться. Это Мэри уговорила ее.

Мэри вспомнила, как это произошло. Долли было около шестнадцати. Во вторую половину дня в воскресенье она не работала, поэтому они пошли прогуляться на пляж в Менабилли. Обе девочки надели новые розовые платья. Питер Броуд, который был моряком и о котором в семье говорили, что он зарабатывает много денег, привез этот шелк из одного из своих заграничных плаваний, и мама потратила несколько недель на шитье.

Долли была в полном восторге от своего нового платья. Она обожала розовый цвет, и фасон платья был очень модным — с присобранной талией и небольшим турнюром. Мэри не разделяла восхищения сестры и не хотела одеваться так же, как она. Больше всего Мэри возмущало то, что Долли всегда удавалось выглядеть безупречно, что бы она ни надела, потому что она была от природы аккуратной. Но когда они одевались одинаково, Мэри казалось, что теперь ее недостатки стали заметнее. Сестры очень походили друг на друга из-

за того, что у них были одинаковые темные вьющиеся волосы, но Долли выглядела намного изящнее благодаря осиной талии и грациозной походке, которые очаровывали всех. Рядом с ней Мэри чувствовала себя невзрачной и неуклюжей.

К тому времени, когда они добрались до пляжа, им стало очень жарко, и Долли разочаровалась, не увидев там никого, кому можно было бы показать свою обновку.

— Зря мы пришли сюда, — сказала она с раздражением. — Теперь нам придется возвращаться по жаре.

— Тогда давай охладимся в море, — предложила Мэри.

Долли, конечно, беспокоилась за свое платье, но после непродолжительных уговоров Мэри убедила ее, что они могут зайти за пляж, пройти через лес, там снова выйти к воде, снять платья и поплескаться.

Одно повлекло за собой другое. Когда они очутились в укромном месте, где были сокрыты от любопытных глаз, Долли решила, что нет смысла мочить нижнюю юбку и сорочку, поскольку она была уверена, что Мэри забрызгает свои. Возможно, ей захотелось хоть единственный раз стать такой же отчаянной, как ее младшая сестра, и, когда Мэри сняла с себя все до нитки и вошла в воду, Долли охотно последовала за ней.

В тот день они обе веселились как никогда. Мэри поддерживала Долли под живот и пыталась научить ее плавать. Та никак не могла понять, что делать, так что Мэри тащила ее по воде за руки. Они были так поглощены своей игрой, что забыли посматривать, не следит ли кто за ними.

Позже, уже одетые, они хихикали всю дорогу домой, и Долли рассказывала Мэри смешные истории о работавших с ней служанках.

Когда они вернулись, мать стояла у порога, и даже на расстоянии девушки поняли, что она сердится. Ее губы напоминали прямую линию, а руки были сложены на груди.

— Вы маленькие испорченные девчонки! — завопила мать, когда они подошли. — Немедленно идите в дом и объясните свое поведение.

Как оказалось, один рыбак со своей лодки увидел, как они купались, передал это кому-то, кто поторопился сообщить об этом их матери.

— Какой позор, — не переставая повторяла она. Мать загнала их вверх по лестнице и велела снять одежду.

Мать била их палкой по ягодицам и по спине, пока у Долли не пошла кровь. Тогда она наказала Мэри, отправив ее в постель без ужина, а Долли отослала к хозяевам.

Мэри тогда подумала, что ее мать была жестокой и что она испортила им все удовольствие. Мэри не понимала, что дурного в том, чтобы искупаться гольшом. И она продолжала винить мать, когда Долли больше никуда не хотела ходить с ней.

Мэри вздохнула, вспомнив этот день. Она тогда была так невинна, почти не обращала внимания на свою едва намечавшуюся грудь, не говоря уже о том, чтобы заметить, как желанна Долли. Ей, конечно, не приходило в голову, что мать испугалась, подумав о том, что могло бы случиться с девочками, если бы их заметила пара моряков.

Но теперь Мэри знала, какими животными могут быть мужчины. Ей казалось, что с ней случилось почти все, от чего пыталась предостеречь ее мать. И даже отсутствие месячных.

Мать всегда туманно говорила о том, что происходит между мужчиной и женщиной, но она предупреждала их о том, что называла «странным делом». Мать говорила, что когда не приходят месячные, это значит, что у девушки будет ребенок.

Мэри старалась убедить себя, что этого не может быть, что, возможно, это результат

волнения по поводу ожидания их отплытия. Но к марту ей пришлось признать возможность того, что она ждет ребенка от Грэхема, и она посоветовалась с Сарой.

— Похоже, что так, — сказала та, задумчиво глядя на Мэри, — бедняжка, если бы я узнала, что беременна, то бросилась бы за борт прямо в цепях. Я слышала, что из-за живота можно получить отсрочку перед виселицей, но чтобы из-за этого не выслали, об этом мне не известно.

Мэри еще больше пала духом, так как ожидала, что Сара разгонит ее страхи.

— Ну хорошо, если уж он у меня будет, то пусть родится здесь, а не на «Дюнкирке», — сказала она с вызовом. Мэри была свидетельницей того, как рожала Люси Перкинс, и этот ужас до сих пор стоял у нее перед глазами. С Люси не сняли цепей, и после двадцати часов схваток ребенок родился мертвым. Люси умерла через несколько дней. Ни за каким врачом не посылали, и единственную помощь она получила от других женщин. Сара была одной из них. — И потом, ты мне поможешь, правда?

— Конечно, помогу, — ответила Сара быстро, возможно, тоже вспомнив о тех родах. — Ты сильная и здоровая, с тобой все будет в порядке.

В ту ночь Мэри не смогла уснуть. Она лежала и волновалась. Не так о рождении ребенка, как о том, что Тенч подумает о ней, когда узнает. Теперь он потерян для нее навсегда.

* * *

Было начало мая. Вскоре после того как Мэри исполнился двадцать один год, они наконец услышали, что отплывают в воскресенье, тринадцатого числа, и присоединяются к флотилии. Всего плывет одиннадцать кораблей, шесть из которых перевозят около шестисот заключенных и целую компанию морских пехотинцев, некоторых с женами и детьми. На остальных кораблях будет провиант и различные запасы на первые два года.

Во время долгого ожидания большинство заключенных писали домой, или, если они были неграмотными, за них писали другие. Однажды, еще в апреле, когда Мэри и еще одной женщине разрешили подняться на палубу для зарядки, Тенч предложил написать письмо за Мэри, но она отказалась от его предложения.

— Лучше пусть они не знают, куда я направляюсь, — сказала она, грустно глядя на Корнуолл через беспокойное море. За последние несколько дней сушу тронуло весенней зеленью, и Мэри с ностальгией вспомнила примулы на травянистых берегах, гнездившихся птиц и новорожденных барашков среди вереска. Мэри с трудом верила, что ее оторвут от этих мест, которые она так любит. — Пусть они лучше думают, что я забыла о них, чем представляют меня в кандалах.

Тенч опустил глаза на ее кандалы и вздохнул.

— Возможно, ты права. Но я думаю, что моя мать хотела бы знать, что я жив и думаю о ней, даже если бы я был на корабле-тюрьме.

От этих слов Мэри стало еще грустнее. Пройдет не так много времени, и у нее вырастет живот. Тогда он увидит, что она ждет ребенка. Мэри сомневалась, что после этого он захочет оставаться ее другом. Мэри еле смирилась с мыслью, что никогда не увидит семью, но ей казалось, что она не переживет, если Тенч от нее отвернется.

Когда «Шарлотта» наконец снялась с якоря и выплыла из Плимутского пролива, многие

женщины плакали и навсегда прощались с Англией.

— Я вернусь, — сказала Мэри твердо. — Клянусь.

В то время как многие женщины жаловались на обострение морской болезни, на шум ветра в парусах, порезы и синяки от падений в штормовую погоду, Мэри испытала приятное возбуждение, как только корабль сдвинулся с места. Шум ветра в парусах был для нее музыкой, и она с восторгом наблюдала, как корабль рассекает носом прозрачную воду.

Капитан корабля, королевский морской офицер по имени Гилберт, был гуманным человеком и велел снять цепи с заключенных. Затем он надевал их только в качестве наказания или когда они заходили в порт. Когда же корабль поплыл вдоль побережья Франции и погода улучшилась, люки снова открыли и вонь в трюмах постепенно рассеялась.

Мэри всегда любила ходить под парусом, но никогда не плавала ни на чем больше рыбацкого судна. На «Шарлотте» все было по-другому: здесь можно гулять и даже находить укромные местечки между свернутыми канатами и рундуками [\[6\]](#), чтобы спрятаться от всех остальных.

Вдруг она поняла, почему ее отец с таким нетерпением ждал следующего плавания. Было так здорово чувствовать волнующую палубную качку под ногами, и с трепетом видеть, как покоренный ветер подгоняет корабль, и наблюдать, как все — от юнги до капитана — работают как одно целое, чтобы поддерживать скорость и направление. И все же постоянное поддержание курса корабля оказалось непростой задачей, и Мэри видела гордость на лицах моряков каждый раз, когда им удавалось обогнать «Скарборо» или «Леди Пенрин».

Но более всего Мэри ценила возможность оставаться на палубе продолжительное время. Она могла терпеть трюм по ночам, когда лежала, завернувшись в одеяло, между Сарой и Бесси. Это не казалось ужасным, если она почти целый день проводила снаружи.

Наверху, на палубе, Мэри была свободна от злопыхательства и пререканий других женщин. Она чувствовала ветер в своих волосах и солнечные лучи на лице и забывала о грязи и запахах трюма. Ее страхи относительно будущего рассеялись как дым. Мэри чувствовала себя такой же свободной, как морские птицы, которые следовали в кильватере.

На палубе оказалось почти так же шумно, как и в трюме: рокот моря, крики моряков, скрип канатов и потрескивание парусов. Но Мэри нравились эти звуки, а ветер и брызги с моря были такими искристыми, что ослепляли ее.

Мэри радовалась, что море пугало большинство женщин и что ветер казался им слишком холодным, чтобы долго оставаться снаружи. Одна, ухватившись за поручни на палубе, она могла представлять себя наследницей, направляющейся в Испанию или даже в Америку. Мэри могла сказать самой себе правду. Теперь она делает то, что хотела всегда: путешествует по свету.

Когда они отправились в путь, Мэри увидела, что моряки были очень похожи на мужчин из Фоуэя, — сильные, выносливые, дружелюбные, всегда смотревшие на нее с широкой улыбкой. Когда рядом не было других женщин, ей иногда удавалось поговорить с ними и задать вопросы о пути в Ботанический залив. Некоторые из них только и ждали случая рассказать ей о портах, в которые они заходили ранее. Они объяснили, что им нужно пересечь Атлантический океан и доплыть до Рио, чтобы использовать попутные ветры, вместо того чтобы спускаться вниз по побережью Африки. Мэри подумала о том, скольких из них изначально силой завербовали в Морфлот, поскольку они, казалось, проявляли некоторое сочувствие к заключенным и возмущались поведением большинства пехотинцев,

которым во время путешествия особо нечего было делать.

Многие пехотинцы путешествовали с женами и детьми. Женщины боязливо ступали по доскам палубы, и Мэри жалела их, даже если они вели себя слишком заносчиво и не улыбались. Они были такими же пленницами, как и она, но, в то время как Мэри знала, насколько безобидно большинство из заключенных, эти женщины, вероятно, представляли себе, что все они отчаянные головорезы, которые только и ждут возможности захватить корабль и перебить всех до последнего на борту.

Мэри радовалась, что редко видела Тенча на палубе, потому что замечала, как меняется ее тело, хотя это и не было очевидно для остальных. Ее грудь стала полнее, и живот немного округлился. Она была потрясена тем, что ее связь с Грэхемом привела ее в такое затруднительное положение. Мэри никогда не думала, что это может случиться с ней, но она уже смирилась с этим. Частично она приняла свое состояние, потому что ее воспитали с мыслью, что все дети — дар Божий и поэтому должны быть приняты всем сердцем. Хоть Мэри и испытывала некоторые страхи по поводу родов и из-за того, станет ли она хорошей матерью, ее странным образом согревала перспектива, что у нее появится кто-то, кого она сможет любить и о ком будет заботиться. Мэри надеялась, что у нее родится мальчик, и представляла, что он будет похожим на маленького Люка, сына одного из пехотинцев.

Люку было семь лет. Этот крепыш с черными волосами и голубыми глазами улыбался ей, когда не видела мама. Мэри любила смотреть, как он пытается помочь морякам, — он был явно влюблен в море так же, как и она. Когда корабль обогнул побережье Франции и направился к Испании, погода стала теплее и мать Люка часто сидела с ним на палубе, обучая его чтению и письму. Мэри было жаль, что она не умела этого и не сможет научить своего ребенка.

Именно страх за безопасность своего малыша заставил ее наконец обратиться к хирургу Уайту. Отец всегда говорил, что корабельные хирурги либо мясники, либо пьяницы, но она никогда не видела Уайта пьяным. Его веселое лицо и мягкое обращение, когда он осматривал ее перед отплытием, опровергали мысль о том, что он может быть мясником.

Мэри не рассказала о своем затруднительном положении никому, кроме Сары, и была уверена в том, что никто, и в особенности Тенч, не догадался об этом. Но как ни неловко ей было признаваться в этом врачу, она понимала, что должна это сделать.

— Я думаю, что беременна, — выпалила она, предварительно спросив, может ли он дать ей что-нибудь для раны на ноге, которая не хотела заживать.

Он поднял одну лохматую седую бровь, потом задал ей пару вопросов и велел лечь так, чтобы он мог прощупать ее живот.

— Со мной все будет в порядке? — спросила Мэри, когда Уайт ничего не сказал.

— Конечно, роды на море не отличаются от родов на суше, — ответил он немного резковато. — Я думаю, ты должна родить в начале сентября, когда мы окажемся в более теплом климате. Ты сильная и здоровая, Мэри, с тобой все будет в порядке.

Тогда Мэри поняла, что зачатие, вероятно, произошло на Рождество, в ту ночь, когда Спенсер Грэхем был таким нежным.

— Кто отец? — спросил хирург, и его острые темные глаза сверлили ее, будто пытались прочесть ее мысли. — Ты должна сказать, Мэри, потому что отца нужно привлечь к ответственности. Если это заключенный, вы можете пожениться, а пехотинца можно заставить дать ребенку свое имя.

Мэри была удивлена, что кто-то беспокоится, от кого она забеременела, и еще более

удивлена, что его можно привлечь к ответственности. Но Мэри не хотела выдавать Грэхема. Без него она бы не выжила на «Дюнкирке». И потом были еще его жена и дети. Они не заслуживали той боли, которую испытали бы, узнав, что он им изменил.

— Его имя, Мэри? — произнес Уайт еще тверже.

— Я не знаю, кто отец, — сказала она, вызываясь сложив руки на груди.

— Я тебе не верю, — проговорил он с упреком. — Возможно, другим женщинам я поверил бы, но не тебе. Теперь скажи мне, и я сам этим займусь.

— Не скажу, — ответила Мэри упрямо.

Уайт был раздосадован.

— Твоя преданность достойна восхищения, но неуместна, Мэри. Ты хочешь, чтобы у твоего ребенка в метрике стояло «незаконнорожденный»?

— Это не хуже, чем иметь мать-каторжницу, — парировала она.

Уайт покачал головой и отпустил ее, сказав напоследок, что она должна подумать еще раз и сообщить ему, если передумает.

На следующий день после ее визита к хирургу разразилась гроза. Люки снова были задраены, и Мэри пришлось остаться в трюме. После свободы на палубе было ужасно снова очутиться запертой в темноте вместе с другими женщинами, большинство из которых мучались от морской болезни. Корабль крутило и качало, отхожие ведра перевернулись. В трюм ворвалась ледяная морская вода, намочив арестанток. Единственное, что Мэри могла делать, — это сидеть, плотно укутавшись в одеяло, заткнуть нос и молиться, чтобы шторм поскорее утих.

Три недели потребовалось на то, чтобы доплыть до Санта-Крус-де-Тенерифе — первого порта, в который зашел корабль, и к этому времени Мэри получше познакомилась с двумя моряками из Девоншира. Именно от них она узнала, что на одном из кораблей мужчины-заключенные прорвались через перегородки и добрались до женщин прежде, чем корабль успел отплыть. Еще они рассказали, что арестантки, которых привезли из лондонских тюрем, злобные, закоренелые преступницы. Они постоянно дрались между собой и были готовы отдаться любому за рюмку рома.

Мэри это напугало, поскольку она думала, что заключенные на других кораблях не отличались от заключенных на «Шарлотте» Некоторые из них были достаточно дурными людьми. Она знала, что они охотно стянут пенни с глаз покойника [7]. Но по меньшей мере, ей было известно, с кого нельзя спускать глаз, и Мэри чувствовала себя в безопасности, зная, что капитан Гилберт никогда не позволит мужчинам-заключенным на его корабле угрожать женщинам.

Это был добрый, но в то же время строгий человек. В те редкие моменты, когда мужчины-заключенные находились на палубе вместе с женщинами, за их поведением пристально наблюдали пехотинцы. И страха оказаться снова закованными в кандалы или быть выпоротыми было достаточно, чтобы как мужчины, так и женщины вели себя пристойно.

И все же, как и на «Дюнкирке», здесь имели место запрещенные отношения, но не с офицерами, а с пехотинцами и моряками. Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер были из числа тех, кто чаще всего преступал эту черту, отдаваясь любому, кто этого захочет. Но ни Мэри Бруд, ни Сара не последовали их примеру. Они, смеясь, говорили, что если не могут заполучить офицера, то им не нужен никто. Правда заключалась в том, что им уже не нужно было бороться за выживание. Сейчас у них имелось достаточно еды и воды для мытья, а после дня,

проведенного под солнцем на палубе, приятнее вернуться на ночь обратно в трюм, чем терпеть унижения и побои пропитанного ромом моряка.

Единственным мужчиной-заключенным, которого Мэри часто видела, был Уилл Брайант. Иногда к нему присоединялся Джейми Кокс. Остальным мужчинам не разрешали подниматься на палубу надолго. Мэри не знала, происходило ли это потому, что арестанты своей численностью превосходили команду, или капитан Гилберт считал, что женщинам-заключенным и семьям пехотинцев свежий воздух нужнее. Но у Уилла были особые привилегии. Похоже, он смог добиться, чтобы ему разрешили рыбачить и пополнять таким образом рацион корабля, так что каждый день он проводил добрую часть суток на палубе. Мэри восхищалась его находчивостью и думала, что у них есть много общего.

Когда корабль бросил якорь в Санта-Крус, чтобы пополнить запасы свежей воды и провизии, команду корабля отпустили на берег, а заключенных снова заковали в цепи и задраили люки трюмов. Был июнь, стояла душливая жара, и арестанты лежали, изнемогая от зноя, в темноте. После относительной свободы, которой они упивались раньше, это казалось невыносимым. Для Мэри это было еще более невыносимо, потому что сейчас, когда у нее вырос живот, ей стало неудобно на жесткой скамье, а от нехватки свежего воздуха ее тошнило.

Но когда они снова подняли парус, направившись в Южную Америку, в Рио, цепи сняли и им снова разрешили подниматься на палубу. Однажды днем Мэри сидела, греясь на солнышке, и слышала, как Уилл ругается из-за того, что порвал свою рыбацкую сеть. Встав, она направилась к корме, где он расположился, и предложила ему починить сеть.

Уилл стал еще более привлекательным за время плавания. Улучшенный рацион увеличил объем его тела, глаза были голубые, как небо над их головами, светлые волосы и бороду выбелило солнце, а кожа стала золотисто-коричневого цвета. А еще у него была нахальная усмешка и масса дерзости.

— Ты знаешь, как заштопать сеть? — спросил он с удивленным видом.

— А какая девушка из Фоуэя этого не знает? — рассмеялась она.

Мэри подумала, что, поскольку она сидела и проводила время с пользой, штопая сеть, никто не подошел и не приказал им разойтись. Они с Уиллом провели всю вторую половину дня вместе и болтали, в основном о Корнуолле.

— Ты так похорошела, — сказал неожиданно Уилл. — Когда появится малыш?

Мэри охватило внезапное смущение. Она не предполагала, что об этом мог знать кто-либо кроме хирурга Уайта и Сары. Если догадался Уилл, возможно, Тенч тоже знает!

— В сентябре, — пробормотала Мэри, покраснев до корней волос. — Откуда ты знаешь?

— У меня есть глаза, — рассмеялся Уилл. — Такие вещи долго не скроешь, особенно когда ветер натягивает платье на твоём животе.

Мэри начало подташнивать.

— Об этом всем известно?

Уилл пожал плечами.

— Почему мне знать. А что? Ты боишься?

— Немного, — призналась она. — Я не хочу, чтобы обо мне плохо думали, и я ничего не знаю о младенцах.

— Не беспокойся о том, что о тебе подумают другие, — сказал он с усмешкой. — Пока мы доберемся туда, дети будут у многих. А что касается того, что ты ничего не знаешь о

малышах, это вполне естественно. Другие женщины тебе помогут, так что не беспокойся ни о чем.

Мэри тронуло, что он может быть таким чувствительным: она всегда думала, что у него жесткий характер. Немного позже Уилл рассказал ей, что слышал, как один каторжник на «Александрере», еще одном корабле, спрятался на палубе во время остановки на Тенерифе и позже, когда наступила ночь, спустился к морю и украл лодку, привязанную к корме.

— Этот простофиля выдал себя: пошел на датский корабль и попросил, чтобы его взяли на борт. Я бы направился в город и спрятался, пока флотилия не уйдет.

— Я на «Дюнкирке» всю дорогу мечтала о побеге, — призналась Мэри. — Но сейчас в моем положении об этом нечего и думать. Но как только родится ребенок, я снова буду ждать подходящего случая.

— А я сначала посмотрю, что такое Ботанический залив, — сказал Уилл. — Если я смогу рыбачить, построить себе приличный дом и выращивать кое-какие овощи, возможно, там будет не так уж и плохо.

— Но мы не знаем, что из себя представляют заключенные с других кораблей, — поделилась своими опасениями Мэри. — Здесь все из Девона и из Корнуолла и почти все неплохие люди. Но я слышала, что женщины на «Дружбе» хуже некуда, особенно из Лондона. Их заковывают в кандалы за драки друг с другом. Как только мы сойдем в Ботаническом заливе, придется с ними уживаться.

— Держу пари, ты с любым справишься, — сказал Уилл. — Я тоже. Так что проживем.

Спустя несколько дней Тенч заговорил с Мэри. Он спросил, нравится ли ей путешествие, и объяснил, что редко появляется на палубе, потому что у него слишком много обязанностей в других местах.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил Тенч, внимательно посмотрев на нее. — Хирург сказал мне, что ты ждешь ребенка.

Мэри смогла только кивнуть. Она почувствовала некоторое облегчение оттого, что ее тайна наконец раскрылась, но она боялась, что он спросит то же, что и Уайт.

— Я не сужу других, — сказал Тенч мягко, будто догадываясь, о чем она думает. — Я просто беспокоюсь о тебе. Тебе повезло, что на борту Уайт, он хороший хирург. Ты получаешь достаточно еды?

Мэри снова кивнула. Она не верила своим ушам и боялась раскрыть рот.

— Если тебе что-нибудь понадобится, приходи ко мне, — произнес Тенч, прикоснувшись к ее плечу. — Я попробую достать тебе в Рио немного фруктов. В таких долгих путешествиях всегда грозит цинга. Но капитан Гилберт, похоже, хорошо знает, что нам нужно, лучше, чем кто-либо другой.

Он ушел, и Мэри, глядя на его прямую спину, аккуратно подстриженные темные волосы и сияющие чистотой белые бриджи, пожалела, что носит ребенка не от него.

По дороге в Рио они несколько раз попадали в ужасный шторм. Корабль швыряло из стороны в сторону в бурном море, и трюмы залила вода, смывая женщин с коек. Снова и снова заключенные думали, что они погибнут, ведь каждый треск корабельных балок казался сигналом, что корабль ломается на части. Даже Мэри, не страдавшая раньше морской болезнью, почувствовала недомогание и рвала, пока в желудке уже ничего не осталось, и так ослабела, что была не в силах двигаться.

Но шторма прошли, и за ними последовал период мертвого штиля, когда корабль почти

не двигался с места. Именно в один из таких дней, когда Мэри стояла у поручней на палубе, наблюдая то за остальными кораблями флотилии, то за дельфинами и морскими свиньями, Тенч предложил ей поискать себе мужа среди мужчин-заключенных.

У него не часто появлялась возможность поговорить с ней, а когда им удавалось перемолвиться словом, это всегда было лишь несколько минут. Но с того дня, как Тенч сказал ей, что знает о ее беременности, он всегда передавал ей что-нибудь каждый раз, когда видел ее. Иногда это был кусок твердого сыра или пара корабельных галет. Несколько раз он приносил яйца, сваренные вкрутую. Тенч беспокоился о ее здоровье, и этого было достаточно для Мэри. Она не хотела, чтобы он получил из-за нее выволочку от капитана.

— Ты представляешь себе, как будет в Ботаническом заливе? — начал Тенч, глядя не на нее, а на море и на стоящие на якоре остальные корабли флотилии. — Я имею в виду, ты учла, что мужчин будет намного больше, чем женщин?

Мэри покачала головой.

— По трое мужчин на каждую женщину, — продолжал он, хмурясь, будто был этим сильно озабочен. — Я подозреваю, что для вас, женщин, это может оказаться проблемой.

Мэри с изумлением поняла, что Тенч намекает на возможность насилия.

— А вы, пехота, разве не будете за нами приглядывать? — спросила она.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал он серьезно. — Но даже с самыми благими намерениями мы не сможем находиться рядом с вами всюду и всегда.

Мэри передернуло. Она знала от Уилла, что многие арестанты — отчаянные парни, но и женщин таких было много. Больше всего Мэри боялась кражи еды и личных вещей, но теперь Тенч дал ей понять, что воровство будет не единственной проблемой.

— Неплохо бы тебе подумать над тем, чтобы выйти замуж, — сказал он.

На какую-то долю секунды Мэри решила, что он делает ей предложение, и ее сердце подпрыгнуло.

— Замуж? — повторила она.

— За кого-то из заключенных, разумеется, — сказал Тенч быстро. — Твоему ребенку нужен отец.

Мэри почувствовала, что краснеет, и надеялась, что он не поймет почему.

— Но я почти никого из них не знаю! — произнесла она с возмущением.

Тенч глянул через плечо, проверяя, не следит ли кто за ними.

— Мне пора идти, — проговорил Тенч. — Подумай над тем, что я сказал, хорошо?

Тенч ушел, прежде чем Мэри успела ответить.

Мэри действительно обдумала то, что сказал Тенч. Чем больше она об этом думала, тем больше его слова обретали смысл. Вполне вероятно, что мужчины, которых долгое время держали взаперти и не подпускали к женщинам, могли быть опасны, как и некоторые из женщин.

Но Мэри желала Тенча, она чувствовала, что это любовь на всю жизнь и никакой другой мужчина не сможет вызвать у нее таких чувств. Но Мэри была реалисткой: возможно, она ему нравилась, и вполне может быть, что он даже питал к ней какие-то романтические чувства, но у нее не было времени, которое понадобилось бы, чтобы влюбить его в себя так сильно, чтобы он перешагнул черту и женился на женщине-каторжнице. Кроме того, через три года он должен вернуться в Англию, а ей останется еще четыре года каторги.

Среди мужчин-заключенных, которых Мэри знала, только Уилл Брайант вызывал у нее

восхищение. Он был сильным и ловким, к тому же умел читать и писать, владел настоящим ремеслом, и их объединяла общая любовь к лодкам и морю. А еще он был красив и обладал лидерскими качествами.

Чем больше Мэри думала об Уилле, тем сильнее убеждалась, что он будет идеальным мужем. Конечно, вряд ли он считает ее хорошей партией, она ждет ребенка, и он не от Уилла. И Мэри не такая уж привлекательная. Но должен же быть какой-то способ заставить его считать, что она станет ему хорошей женой.

Все восемь недель до Рио Мэри не думала практически ни о чем, кроме того как убедить Уилла стать ее мужем. Из-за ее положения хирург Уайт дал ей разрешение оставаться на палубе весь день в хорошую погоду и увеличил ее рацион. Это означало, что она могла видеться с Уиллом ежедневно. Мэри чинила его сети, разделявала рыбу, часто давала немного еды из своего дополнительного рациона и льстила ему.

Почти каждый день она открывала в Уилле какую-то новую грань. Его хвастовство бывало утомительным, он думал, что может делать практически все, что угодно, лучше остальных, но он был сильным, практичным и неглупым. К тому же в его характере чувствовалось что-то мягкое. Уилл всегда интересовался, как она себя чувствует, и однажды спросил, может ли он положить руку ей на живот, чтобы услышать, как бьет ножкой малыш, и изумился, почувствовав это. Он защищал тех, кто слабее, и был веселым человеком, редко пребывая в унынии.

Когда корабль пришвартовался в Рио, на каторжников снова надели цепи, люки задраили и команда сошла на берег. заключенным периодически разрешали выходить на палубу на короткое время, и те, у кого имелись деньги, могли купить продукты у смуглых мужчин, подплывавших к кораблю на маленьких лодочках, чтобы поторговаться.

У некоторых более счастливых каторжников были родственники достаточно близко от Девонпорта, которые привезли им перед отправлением корабля новую одежду, еду, деньги и другие вещи. У некоторых имелись денежные запасы, которые им удалось не растратить во время пребывания в тюрьме на «Дюнкирке». Уилл был одним из них — он сказал Мэри, что держит деньги в мешочке под рубашкой. Он купил апельсинов и половину отдал Мэри. Еще он вручил ей кусок белого хлопка.

— Нашьешь одежды для малыша, — сказал Уилл со странной робкой улыбкой.

Когда Тенч вернулся на борт, слегка ослабевший после пьянок и загулов с другими офицерами, у него тоже был для нее подарок — одеяло для ребенка.

— Уилл купил мне хлопка, чтобы я сделала приданое для малыша, — добавила Мэри, после того как поблагодарила его, еле сдерживая слезы. — Я счастлива, что у меня есть два таких хороших друга.

Вот за Уилла ты и должна выйти замуж, — сказал Тенч резки, застав ее совершенно врасплох.

Замуж! — воскликнула Мэри, будто это никогда не приходило ей в голову. — Да с чего бы он вдруг захотел жениться на мне, если вокруг столько красивых и бездетных женщин?

— Потому что ты умная, с тобой хорошо и спокойно, — ответил Тенч, и его карие глаза сверкнули. — Именно такие качества хотел бы я видеть у своей будущей жены.

— А как насчет любви? — спросила она, жалея, что не умеет флиртовать, как это делают другие женщины, чтобы заманить мужчину, которого они хотят.

— Я считаю, что любовь приходит, когда двое людей отлично ладят друг с другом, — сказал он серьезно. — Я думаю, многие путают страсть с любовью. Это две совершенно

разные вещи.

— Разве они не существуют вместе? — спросила Мэри.

— Иногда, если очень повезет, — улыбнулся Тенч. — К сожалению, многие из нас получают или одно, или другое, но никогда и то, и другое вместе. Или, что еще хуже, чувствуют и то, и другое к человеку, который просто им не подходит.

Мэри показалось, что он пытается сказать ей, что именно это он испытывает по отношению к ней.

— Но наверняка, если испытываешь к человеку такие сильные чувства, он может ответить взаимностью, — проговорила она пылко.

— Возможно. — Тенч пожал плечами и посмотрел на Рио. — Если сможешь поехать с этим человеком туда, где твое происхождение не имеет значения.

Их разговор резко прервал появившийся на борту капитан Гилберт. Тенч должен был подойти и поприветствовать его, а Мэри проскользнула обратно на корму корабля, чтобы посмотреть на Рио через бухту и подумать, захотел бы Тенч взять ее туда.

Но если он этого хочет, почему он подталкивает ее к мыслям об Уилле? Таковы особенности мужского поведения? Но Мэри уже давно поняла, что Тенч не такой, как остальные мужчины. Они выплыли из Рио четвертого сентября, а через три дня, вечером, у Мэри начались роды.

Сначала это было не так уж и плохо. Мэри тихо лежала рядом с Бесси и ей даже удалось подремать. Но через несколько часов после полуночи у нее начались сильные боли, и ей пришлось встать и держаться за одну из корабельных балок, чтобы боль хоть немного утихла. Утром послали за хирургом Уайтом, но он объявил, что все нормально и что первые роды всегда длятся дольше. Он приказал двум женщинам, которыми случайно оказались Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер, собрать соломы, на которой будет лежать Мэри.

Корабль сильно качало, а Мэри Хейден и Кэтрин относились к роженице с полным безучастием. Еще хуже было то, что люки закрыли из-за сильного ветра, поэтому в трюме стало темно и душно.

— Удовольствие ты уже получила, — сказала Мэри Хейден злорадно. — Теперь придется помучиться.

Мэри всегда понимала: эти две женщины считают ее виновной в своих злоключениях, сколько бы они не повторяли, что все это уже в прошлом и забыто. Каждый раз, когда Мэри благодарили или хвалили другие заключенные, она ощущала зависть своих бывших подруг. Она догадалась, что для них ее роды — это возможность поквитаться. Они надеялись, что Мэри опозорится и больше не будет вызывать того восхищения, которое испытывали к ней остальные.

Но Мэри не собиралась доставить им такое удовольствие. С каждой новой схваткой она скрипела зубами и сдерживала стон.

Боль нарастала, и каждая схватка становилась чуть сильнее. В конце концов Мэри была вынуждена лечь и уцепиться за связанную узлом веревку, которую одна из женщин постарше предусмотрительно обвязала вокруг балки, чтобы Мэри могла за нее тянуть. Сара сидела рядом, промокая ей лоб и давая по глотку воды.

— Уже недолго осталось, — прошептала она подбадривающе. — Если хочешь кричать — кричи, не обращай внимания на этих двух стерв.

Мэри подумала, что может умереть в родах, и на какое-то мгновение между схватками в ее голове промелькнула мысль: как некоторые женщины решаются рожать больше чем

одного ребенка? И как раз тогда, когда она почувствовала, что больше не может, возникло новое ощущение, будто она хочет натужиться.

Она слышала, как другие женщины, и среди них ее мать, говорили об этой части родов, и знала, что это означает: ребенок рвется наружу. Вдруг ее захлестнула волна нежности к малышу, который у нее внутри, и она исполнилась решимости как можно скорее вытолкнуть его.

— Он идет, — прошептала Мэри Саре и со следующей схваткой стиснула зубы, подняла ноги высоко вверх, потянула за веревку и с силой натужилась.

За одеялом, которым Сара предусмотрительно завесила Мэри, чтобы отгородить ей немного личного пространства, женщины были заняты ужином, и где-то на заднем плане Мэри чувствовала запах тушеного мяса и слышала чавкающие звуки. Тряска корабля, казалось, повторяла все, что происходило в ее теле, и Мэри была рада, что темнота скрывала это, по ее мнению, неловкое зрелище.

Она услышала, как Сара велела кому-то пойти за хирургом, но Уайт пришел не сразу и тут же удалился, дав Саре несколько кратких инструкций и фонарь, чтобы присвечивать.

— Не оставляйте меня! — завопила Мэри, когда он отошел.

— Женщины помогут, — сказал он резко. — Я здесь даже не могу стоять в полный рост.

— Скотина! — Сара плюнула в его удаляющуюся спину. Но тут же повернулась и нежно вытерла Мэри лоб. — У тебя ведь есть я, — сказала она, стараясь ее утешить. — Я знаю, что делать, милая, с тобой все будет хорошо.

Боль была жгучая, и Мэри казалось, что она огнем проходит через ее кожу, когда Сара вымыла ее ягодицы и бедра прохладной водой. Мэри сильно и долго тужилась, и наконец почувствовала, как ребенок идет, и услышала крик Сары о том, что видна головка.

У Мэри возникло ощущение, что из нее вытягивают большую скользкую рыбу. Боль утихла, и она услышала голоса по ту сторону одеяла.

— У тебя девочка! — заворковала Сара с восторгом. — Такая красивая, большая.

Свет от фонаря был тусклым, но Мэри увидела, как Сара поднимает нечто похожее на кролика без шерсти. Потом вдруг это нечто разразилось криком, сердитым, вызывающим, будто испытал ужас от зрелища темного корабельного трюма.

— Она будет жить, — сказала Сара с облегчением в голосе и отдала ребенка Мэри. — Ну, как ты ее назовешь?

Мэри какое-то время не могла ответить. Она молча с трепетом смотрела на своего ребенка. У девочки были густые черные волосы. Она была багрово-красной при слабом свете фонаря и колотила по воздуху своими маленькими кулачками. Мэри казалось невероятным, что этот сердитый маленький комочек вырос внутри нее.

— Я назову ее Шарлоттой, — произнесла она наконец. — Как корабль. — Тут перед ней всплыло лицо Грэхема, нежно склонявшееся над ней той ночью, когда, вероятно, был зачат их ребенок, и добавила: — Шарлотта Спенс.

— Спенс? — спросила Сара. — Что это за имя?

Мэри не рискнула ответить на этот вопрос.

— Можно мне теперь попить? У меня пересохло в горле.

Чарльз Уайт вернулся поздно ночью в свою каюту из трюма, где он констатировал, что ребенок Мэри благополучно появился на свет. Он налил себе стакан виски и уселся писать свой дневник.

«Восьмое сентября, — начал он. — Мэри Броуд. Родила чудесную девочку».

Он с минуту сидел и не мог думать ни о чем другом, случившемся в тот день. Мэри, которая лежала, качая своего ребенка, в этом грязном зловонном трюме, полностью заняла его мысли. Его часто вызывали на роды на протяжении многих лет — и светские дамы в шикарных домах, и крестьянки в лачугах, — и он помогал им всем. Его всегда волновало появление новой жизни. Сейчас он чувствовал угрызения совести из-за того, что бросил Мэри на произвол судьбы. Она была, безусловно, хорошей женщиной, выделялась среди своих подруг благодаря уму и спокойным, сдержанным манерам.

Возможно, он не стал ей помогать потому, что знал: маловероятно, что ребенок проживет больше чем несколько недель. Детская смертность была достаточно высока и на суше, но на корабле с крысами, вшами, гнилой водой и всевозможными болезнями, которые затаились, поджидая очередное ослабевшее тело, у новорожденного ребенка оставалось мало шансов. На корабле произошло уже достаточно много смертей, большинство из-за болезней, занесенных каторжниками с других плавучих тюрем. Но до Ботанического залива оставался еще долгий-долгий путь.

А когда они прибудут, положение станет еще хуже. Необходимо строить дома, возделывать и засеивать землю. Аборигены, возможно, окажут враждебность, а погода будет беспощадной к ним. Вряд ли все это является идеальной средой для того, чтобы растить маленьких детей.

Но Уайт решил, что Мэри станет отличной матерью, ведь у нее было так много замечательных качеств. Он снова подумал, кто отец ребенка, и решил, что это Тенч, поскольку тот находился на «Дюнकिрке» с Мэри. Он явно ждал новостей о ней, и его глаза зажглись, когда Уайт рассказал ему о новом пассажире. Тенч поинтересовался, каковы пол и имя ребенка и хорошо ли себя чувствует Мэри.

И все же Уайту казалось, что Тенч не мог стать любовником каторжницы. Это был честный молодой человек, с врожденным чувством собственного достоинства, больше интересовавшийся справедливым обустройством мира, чем флиртом с женщинами. Но он питал какие-то чувства к Мэри Броуд, в этом нет сомнения. И это вполне понятно, если даже такой закоренелый старый холостяк, как Уайт, заинтересовался ею.

Чарльз тяжело вздохнул. В этой грандиозной идее — опустошить корабли-тюрьмы и послать всех неблагонадежных граждан на другую сторону света — было очень много слабых мест. Никто в точности не знал, какой климат в этой стране и какие там аборигены, и неизвестно, пригодна ли там земля для возделывания. Это была игра с большой ставкой не только на жизни заключенных, поскольку в Англии почти никто о них не беспокоился, но и на жизни тех, кого послали охранять в стране порядок.

Капитан Артур Филип, командующий всей флотилией, самолично высказывал беспокойство по поводу недостаточности провианта, инструментов и одежды на грузовых кораблях и о плохом их качестве. Кроме того, среди заключенных было мало квалифицированных ремесленников.

Чарльз мрачно уставился на незаполненную страницу дневника. Если бы все заключенные оказались такими, как Мэри Броуд и Уилл Брайант, — умными, находчивыми людьми, возможно, этот проект имел бы шансы на успех. Но к несчастью, большая часть каторжников были отъявленными негодьями, отбросами английского общества. По сути, идея оказалась обречена на провал еще до того, как ее привели в исполнение.

Через пять недель, когда корабль подплыл к Кейптауну, Мэри стояла у поручней с Шарлоттой на руках и восхищалась красотой пейзажа.

Заходящее солнце делало небо розово-лиловым. Все одиннадцать кораблей шли сейчас близко друг к другу, и их паруса волновались на ветру. Море было бирюзового цвета, и косяк дельфинов прыгал и нырял вокруг «Шарлотты», будто устраивая особенное представление. Уже несколько дней они видели дельфинов, а еще китов, и это зрелище никогда не надоедало Мэри.

— А ты даже не смотришь, — нежно упрекнула она крепко спавшую Шарлотту, которая была завернута в одеяло, подаренное Тенчем.

Ужасы, пережитые во время родов, уже почти забылись. У Мэри было достаточно молока, и Шарлотта чувствовала себя прекрасно. Мэри уделяла ей все свое внимание.

Она никогда не думала, что сможет испытывать столько чувств к своему ребенку. Мэри редко клала ее, поскольку боялась, что другие женщины засунут малышке свой грязный палец в рот или уронят ее, если возьмут на руки. Один из моряков сделал для ребенка маленькую колыбельку, но, хотя Мэри ставила ее на палубе днем и клала туда ребенка, завесив куском полотна от солнца, по ночам она слишком беспокоилась из-за крыс и крепко держала Шарлотту на руках.

Капитан Гилберт сказал, что девочку можно покрестить, когда они доберутся до Кейптауна, поскольку на борт флотилии взойдет священник. Это тронуло Мэри: она ожидала, что к ребенку арестантки будут относиться с презрением, как будто он не совсем человеческий.

— Я полагаю, мы сможем увидеть Стол-Гору завтра утром, — неожиданно произнес за ее спиной Тенч. Мэри не услышала, как он подошел. — Она и выглядит как стол, — продолжал он. — У нее плоская вершина, а когда она окутана дымкой, кажется, будто это скатерть, по меньшей мере, мне так говорили. Я раньше не был в Кейптауне.

— Ты сможешь изучить его, — сказала Мэри с тоской. — Увидеть животных и все остальное. Она знала, что Тенч любит все исследовать и записывать в своем дневнике, где он был и что видел. Мэри никогда не встречала людей, которые бы с таким энтузиазмом смотрели на новые незнакомые места.

— Ты не всегда будешь заключенной, Мэри, — проговорил он мягко. В его голосе прозвучало сочувствие. — Когда поселение в Ботаническом заливе начнет процветать, а твой срок подойдет к концу, перед такой женщиной, как ты, откроются неограниченные возможности.

— А ты к тому времени уедешь домой, — ответила Мэри, пытаясь сохранить непринужденный тон.

— Думаю, что да, — сказал Тенч. — А ты будешь частью новой общины, и я не сомневаюсь, что ты выйдешь замуж. Возможно, у маленькой Шарлотты появится братик или сестричка. — Он наклонил голову к девочке, которую Мэри держала на руках, и поцеловал ее в лобик. — Выходи за Уилла Брайанта, Мэри, вы будете хорошей парой.

С тех пор как родилась Шарлотта, Тенч никогда не упоминал об Уилле, но то, что он явно держал этот факт в голове, доказало Мэри, что он говорил на этот счет совершенно серьезно.

— Ну и как мне это сделать, даже если предположить, что это хорошая идея? — спросила она.

Тенч на мгновение задумался.

— Я бы открыл все карты. Указал ему на преимущества человека, у которого есть жена. Особенно такая, как ты.

Мэри ответила полуулыбкой.

— Если бы я была дома, я бы считалась незавидной невестой, Я плохо готовлю, не умею шить и не гожусь для всяких женских дел.

— В Ботаническом заливе нет особой необходимости в ведении домашнего хозяйства, — возразил Тенч с грустной усмешкой. — Там будут процветать только самые жесткие, только те, которые смогут адаптироваться лучше других. В тебе есть стержень, Мэри, да и решительности тебе не занимать. Уилл знает это, он восхищается тобой. Я не думаю, что его придется долго уговаривать.

— А как бы поступил ты, если бы женщина предложила тебе жениться на ней? — спросила она, улыбаясь, будто это всего лишь шутка.

— Ну, это смотря, какая женщина, — рассмеялся он. — Если бы она оказалась богатой и красивой, я был бы польщен.

— Значит, простая девушка-арестантка не имеет никаких шансов? — спросила она, стараясь изо всех сил представить это как шутку, но все равно ей не удалось скрыть обиду в голосе.

Тенч не ответил, и Мэри стало стыдно.

— Извини, я смутила тебя, — сказала она.

К ее удивлению, Тенч повернулся к ней и мягко прикоснулся ладонью к ее щеке.

— Я сказал, что был бы польщен, если бы меня попросила богатая и красивая девушка. Но я точно так же гордился бы, если бы это оказалась девушка-заключенная, которая мне нравится. Но я не принял бы предложение ни от одной из них, — произнес он, глядя ей прямо в глаза. — Не потому, что она мне безразлична, и не потому, что я считал бы ее ниже себя, а просто потому, что я не из тех, кто женится, Мэри. Я слишком много хочу увидеть. Я не создан для семейных уз.

— Ты можешь окончить жизнь одиноким стариком, — сказала Мэри, чувствуя комок в горле и сдерживая слезы.

— Да, это так, но, по меньшей мере, я не обреку свою жену на одиночество, пока буду ездить по свету, — ответил Тенч и улыбнулся. — И не оставлю детей без отца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Крещение Шарлотты состоялось на четвертый день стоянки в Кейптауне. Преподобный Ричард Джонсон взшел на борт в воскресенье утром и провел службу для команды и заключенных всей флотилии.

Мэри была единственной заключенной без кандалов. Ей сняли их на время службы, но потом должны были немедленно надеть. Она поработала над своей внешностью, вымыв волосы, так что они засияли, и надела серое хлопковое платье, которое ей подарил Грэхем на «Дюнкирке». Ей бы хотелось, чтобы оно было не таким помятым, поскольку ей пришлось спрятать его в трюме, когда выдавали широкие бесформенные платья из грубой материи для женщин-заключенных.

Преподобный Джонсон обратил свою проповедь к заключенным, говоря, что Ботанический залив станет для них прекрасной возможностью начать новую жизнь, если они раскаются в грехах, которые стали причиной их присутствия здесь. Он убеждал мужчин выбрать себе жен, поскольку только в браке они смогут найти счастье и удовлетворение.

Мэри ощутила на себе взгляд Уилла, когда шагнула вперед с Шарлоттой на руках, чтобы приступить к церемонии крещения. Когда преподобный Джонсон полил водой головку девочки и та начала орать, заглушая его слова, Мэри молча помолилась не только за безопасность Шарлотты, но и о том, чтобы Уилл захотел взять ее в жены.

Мэри неуверенно поднималась по наклонному трапу с ребенком на руках, поскольку ступеньки были скользкими, но она рвалась на свежий воздух. Целую неделю ей не удавалось поговорить с Уиллом, потому что они попали в шторм и им пришлось оставаться внизу.

Уилл был на палубе и снова рыбачил. Услышав шаги за спиной он повернулся с широкой улыбкой:

— Приятно выбраться на воздух, правда?

— Я бы ни минуты больше не выдержала там, внизу, — сказала Мэри, рассмеявшись. — Все равно что есть суп, который стоит уже неделю.

— Мы с тобой из одного геста, — произнес Уилл, одобрительно глядя на нее. — Как малышка?

— Прекрасно, — ответила Мэри, переведя взгляд на спящую девочку, которую она привязала к себе платком для большей надежности. — Интересно, есть ли маленькие дети на других кораблях?

— Я слышал, есть несколько, — сказал Уилл. — Так что Шарлотте будет с кем играть, когда она подрастет.

— А если люди начнут вступать в брак, как советует преподобный, скоро детей станет больше, — добавила Мэри.

Уилл рассмеялся.

— Многие ждут не дождутся церемонии венчания. Держу пари, что и года не пройдет, как мы окажемся просто завалены младенцами.

— Но на каждую женщину приходится по трое мужчин, — отметила Мэри. — Держу пари, что жены будут в большом спросе.

Мэри занервничала, потому что как раз подвернулся подходящий момент для разговора, но она боялась произнести то, что было у нее на уме.

— Я справлюсь, сказал Уилл. — Выстрою их всех в одну шеренгу.

Его высокомерие укололо Мэри.

— Тогда выбирай тщательно, — произнесла она. — У тех женщин, которые сидят внизу под палубой, осталось мало здравого смысла, а те, которые на других кораблях, могут оказаться еще глупее.

— Вот ты была бы неплохой партией для любого, — неожиданно заявил Уилл. — У тебя есть голова на плечах, и ты не такая неряха, как большинство арестанток.

Мэри сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Я могла бы стать хорошей женой для тебя, — выпалила она. — Я разбираюсь в лодках и рыболовстве. Мы из одной местности, и офицеры нас обоих любят.

Уилл, казалось, был сражен наповал таким предложением. Он смотрел на нее, широко открыв рот.

— Ты хочешь, чтобы я на тебе женился? — спросил Уилл наконец, и его голос слегка задрожал.

— С тобой может случиться и худшее, — сказала Мэри, пунцово краснея. — Я здоровая

и сильная. Я могу тяжело работать, чтобы добиться того, чего хочу. Конечно, у меня есть Шарлотта, и, возможно, мужчины не хотят чужих детей... — Она вдруг замолчала и не могла придумать никаких других причин, по которым он должен выбрать ее, к тому же ей было слишком стыдно просить.

— Вот это да! — воскликнул Уилл, расплываясь в улыбке. — А я-то думал, что ты слишком гордая, ни перед кем не кланяешься.

— Я и не кланяюсь, — проговорила Мэри быстро. — Ты мне нравишься, и в моем предложении есть здравый смысл.

— Я бы хотел жену, которой буду не только нравиться, — сказал Уилл. — Я хочу, чтобы она страстно меня любила.

Мэри была готова к отвлеченным разговорам, чтобы убедить Уилла согласиться на ее предложение, но она не смогла бы изображать бурную страсть к нему. При виде этой самодовольной усмешки она почувствовала себя глупо.

— Мы больше года были добрыми друзьями, — произнесла она, подумав пару минут. — Разве ты хотел бы иметь друга, который будет лгать тебе?

— Конечно, нет, — сказал он, не переставая, однако, при этом самодовольно усмехаться. — И все-таки я хочу жену, которая будет страстно меня любить.

— Может быть, со временем, — ответила Мэри, густо покраснев, потому что знала, что он ринется к другим мужчинам и расскажет об этом разговоре. — У нас пока не было возможности познакомиться друг с другом поближе...

Но прежде чем Мэри смогла добавить что-либо еще, они услышали предупреждающий окрик от одного из морских пехотинцев, Они явно стояли слишком близко, поэтому он был обеспокоен.

— Мне нужно идти, — сказала Мэри. — Подумай над моими словами.

Несколько следующих недель выдались тяжелыми, с сильными штормами и шквалами, перемежавшимися периодами штиля, когда корабль почти не двигался с места. Количество выдаваемой свежей воды было урезано, чтобы сэкономить ее, еда начала портиться. Временами Мэри сильно нервничала, потому что у нее снижалось количество молока и она слишком боялась того, что ее ожидало.

Большинство женщин были такими пустоголовыми, что, по всей видимости, представляли себе, что едут на готовое место. Мэри знала, что им придется жить в палатках и что, вероятно, какое-то количество взятой в запас еды пропадет по дороге, а много животных погибнет. До рождения Шарлотты ей в голову никогда не приходила мысль о возможности кораблекрушения, но сейчас она боялась этого при каждом шторме. Воды, в которых они шли, почти не исследованы, никто из команды здесь раньше не был. Никто ничего не знал вплоть до того, были ли аборигены каннибалами и есть ли там хищники, которые могут разорвать их на части.

Но еще худшим в некотором отношении казалось то, что Уилл так ни слова и не сказал ей относительно ее предложения. Мэри не знала, означает ли это, что он все еще думает или же он считает это слишком смешным даже для обсуждения.

1788

Мэри как раз поднималась по наклонному трапу с Шарлоттой на руках, когда услышала крик:

— Впереди земля!

Ее охватила волна дикого возбуждения. Мэри перепрыгнула последние несколько ступенек, ведущих к палубе, и присоединилась к команде и другим заключенным у поручней.

Она увидела темную полосу на горизонте, которая показалась ей не очень похожей на сушу. Это вполне могла быть туча. Но Мэри знала, что моряк на мачте, который закричал, вряд ли мог ошибиться.

Был январь. Прошел уже год с тех пор, как Мэри перевели на «Шарлотту» с «Дюнкирка», и восемь месяцев из этого времени они находились в море. Шарлотте было уже пять месяцев. На корабле умерли пять мужчин-заключенных и жена морского пехотинца, но причиной их смерти стали скорее болезни, которые начались еще в Англии, чем отсутствие условий на корабле. В основном состояние заключенных стало лучше по сравнению с их самочувствием, когда они взошли на борт. Это произошло благодаря свежему воздуху и более питательному рациону. Однако у некоторых были поломаны конечности, а также имелись порезы и синяки, поскольку палуба и ступеньки становились опасно скользкими во время непогоды.

В целом Мэри находила плавание приятным времяпрепровождением. Хоть она и испытывала ужас во время сильных штормов и приходила в отчаяние от злобности и порочности некоторых заключенных, это компенсировалось счастьем, которое ей дала Шарлотта. Несмотря на все мрачные предсказания, здоровье девочки было отличным. Похоже, что она очаровала всех: от офицеров, пехотинцев и моряков до заключенных, всегда улыбавшихся и мирно ворковавших с ней. Она дала Мэри надежду на будущее, но сейчас, когда они были уже близки к месту назначения, к естественному волнению Мэри примешивалось и беспокойство.

Еще в Кейптауне Тенч сказал ей, что флотилию разделят и самые быстрые корабли пойдут вперед, чтобы подготовить заселение. Но она знала, что этого не произошло. Плохая погода и неблагоприятные ветра притормозили ход первых кораблей, и другие, в том числе «Шарлотта», догнали их. Теперь Мэри были видны все корабли, и она испытывала страх при мысли, что для них ничего не готово и, насколько она знала, аборигены могли выказать враждебность.

Уилл Брайант и малыш Джейми Кокс стояли у поручней, и Мэри подошла к ним.

— Вот красотища, — сказал Уилл с восхищением, указав на остальные корабли широким взмахом руки. — Я боялся, что мы потеряем, как минимум, один из них, но все обошлось.

Не было никого, кто во время штормов не боялся бы кораблекрушений так, как Мэри, ведь у нее была Шарлотта. После тяжелой ночи ее всегда успокаивал вид хотя бы еще одного корабля, идущего рядом. Замечание Уилла говорило о том, что он тоже так думал.

— Ты не боишься того, что может случиться? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Разве что не хватит еды, пока мы вырастим новую, — признался Уилл немного неохотно.

— А ты, Джейми? — спросила Мэри.

Тот робко улыбнулся.

— Я боюсь только аборигенов. Что, если они каннибалы?

— В тебе для них слишком мало мяса, — рассмеялась Мэри и толкнула его в бок. Джейми немного поправился за время плавания, но все равно он казался ей тощим мальчишкой.

— Ну а ты чего боишься? — спросил Уилл у Мэри.

— В первую очередь, других заключенных, которых мы не знаем, — сказала она. — А еще смогу ли я держать Шарлотту в безопасном месте, где с ней все было бы в порядке.

— Мы будем за вами присматривать, — пообещал он, потрепав ее по руке своей лапцей.

Мэри задумалась, что может означать это фраза. Хоть она постепенно и восстановила с ним старую дружбу, которая имела место до ее предложения жениться, ни она, ни он впоследствии об этом не упоминали. Ей пришлось сделать вывод, что он не хочет видеть ее своей женой и молчит, чтобы не смущать ее еще больше.

— Надеюсь, что ты говоришь серьезно, — сказала она с улыбкой. — Но я предвижу, что ты будешь слишком занят выбором спутницы жизни. Так что я не особенно на тебя рассчитываю.

* * *

Ветер был встречным, и только через три дня «Шарлотта» смогла зайти в Ботанический залив. Но моряки, пехотинцы, офицеры и заключенные не кричали радостно, не смеялись и даже не улыбались, когда увидели впервые новую землю, которую приплыли заселять, проделав такой дальний путь. Впервые все они прореагировали одинаково: потрясенно замолчали.

Земля выглядела крайне пустынной, потрескавшейся от палящего солнца. Не было никаких ожидаемых зеленых пастбищ, и немногочисленные деревья оказались низкорослыми и чахлыми. Еще более устрашающе выглядели черные, полностью голые местные жители, которые воинственно размахивали копьями в сторону кораблей. Было очевидно, что встреча с белыми чужеземцами, ворвавшимися на их территорию, не доставила им удовольствия.

Большинство кораблей флотилии добрались до Ботанического залива раньше «Шарлотты», и отряд офицеров и пехотинцев уже сошел на берег, чтобы найти подходящее место для лагеря. Но заключенным не разрешили оставаться на палубе и наблюдать за процедурой. Их снова закрыли в трюмах.

Только через несколько недель Мэри услышала, что произошло в течение тех долгих дней, когда ее вместе с другими каторжниками держали взаперти под палубой в удушающей жаре. Их наверняка развлекла бы история о том, что местные жители не поняли, какого пола прибывшие офицеры, и попросили одного из них снять бриджи, чтобы показать им.

Оказалось, что капитан Артур Филип смог предотвратить враждебность туземцев с помощью бус и безделушек, но он был встревожен, обнаружив, что Ботанический залив не в

состоянии принять более тысячи человек и всех животных. Почва не была плодородной, а источник воды находился в неподходящем месте. Поэтому он собрал небольшую группу, которая села в лодки и отправилась вдоль побережья на поиски более подходящего места. Остальные стали расчищать пространство, вырубая деревья на случай, если экспедиция не найдет ничего лучше.

Филип достиг места под названием Порт-Джексон, которое, как он понял по отчетам капитана Кука, было простой бухтой. Поскольку день близился к вечеру, он приказал своим людям грести дальше, проплывая между двумя огромными мысами, но как только они очутились внутри, то обнаружили, что это вовсе не бухточка, а огромная естественная гавань, самая лучшая из всех, которые они когда-либо видели.

Восхищенный своей находкой — таким драгоценным местом с множеством закрытых бухт, деревьев и свежей воды, — он продолжал подгонять людей и достиг места, где было достаточно глубоко, чтобы корабли подошли к берегу. Он назвал это место Сиднейским заливом, в честь лорда Сиднея, государственного секретаря, которому он посылал свои депеши. Оказалось, что даже туземцы там более дружелюбные. Итак, Сиднейский залив стал тем местом, где должно было расположиться первое поселение в Новом Южном Уэльсе.

Мэри и другие заключенные ничего не знали обо всем этом. Они потели и задыхались в жарком трюме и были убеждены, что очутились в адской, неплодородной местности, населенной ужасными дикарями. Неудивительно, что многие считали долгое путешествие напрасным и думали, что должны умереть.

Лишь двадцать шестого января заключенные услышали, как поднимается якорь и шумят паруса, и снова обрели надежду на будущее. К тому времени как «Шарлотта» достигла Сиднейского залива, настала ночь и в темноте невозможно было что-либо увидеть. Заключенным не сказали, что лоцманский корабль «Сириус» приплыл намного раньше, днем, и офицеры сошли на берег, подняли английский флаг и провели простую церемонию, дав залп и произнеся тост за королевскую семью и за успех новой колонии. Но по радостным крикам экипажей, высадившихся в заливе, заключенные поняли, что именно здесь они и обоснуются.

Но каторжники не разделяли этой возбужденной радости, сидя в душной и зловонной темноте трюмов. Они чувствовали облегчение из-за того, что скоро снова будут ходить по твердой земле и спать в палатках, но они также испытывали страх, потому что новую тюрьму им еще предстояло построить, и не в самом ближайшем будущем, и они знали, что вряд ли снова увидят Англию и своих близких.

На следующее утро с первыми лучами солнца воздух наполнили звуки топоров, рубящих деревья, и женщины ринулись к люкам, чтобы выглянуть наружу.

— На вид лучше, чем то место, что было раньше, — сказала Бесси бодро.

— Оно действительно лучше, — согласилась Мэри. Утреннее солнце поблескивало в бирюзовом море, а на суше виднелось множество деревьев, и некоторые, более высокие, росли на холмах за заливом. Хотя в пределах видимости не было того, что можно назвать пастбищем, это место, несомненно, имело менее пустынный вид, чем Ботанический залив.

Глядя на все это, они заметили, как с «Дружбы» спускают лодки, в которые забираются мужчины-заключенные.

— Интересно, когда мы сойдем на берег? — проговорила Бесси нетерпеливо.

— Надеюсь, что скоро, — вздохнула Мэри. — Здесь, внизу, Шарлотте слишком жарко.

Прошла целая неделя, если не больше, прежде чем женщины сошли с кораблей. Тем временем как мужчины разбивали палатки, рубили деревья и строили амбары и ветряную мельницу, женщинам разрешили подниматься на палубу, но велели оставаться на кораблях, пока на берегу не приведут все в порядок.

Возбуждение росло с каждым днем. Это живо напомнило Мэри ожидание майского праздника дома. Женщины, у которых в запасе осталась еще хоть какая-то одежда, достали ее и перебирали, чтобы найти наиболее подходящую, но большинство из них, как и Мэри, имели только одно платье.

С какой-то вспыхнувшей вдруг щедростью женщины делились лентами, кусочками кружев и маленькими безделушками с теми, у которых ничего не было. Они помогали друг другу мыть головы и завивать волосы, и те, которые владели навыками шитья, с готовностью помогали тем, кто не умел шить.

До них дошло, что женщины на «Леди Пенрин» были заняты тем же. Их смех и непристойные комментарии долетали до «Шарлотты», и такелаж украшали гирлянды сохнувшей одежды всех цветов радуги.

Хотя Мэри чувствовала такое же возбуждение, как и остальные женщины, она при этом еще и нервничала. Одного взгляда на «Леди Пенрин» было достаточно, чтобы понять, что все эти лондонские женщины более светские, чем она, и, несомненно, более привлекательные. На борту «Шарлотты» она выделялась, все восхищались ее способностью заступаться за других, ее чувством справедливости и тем, что она прекрасная мать. Само собой разумелось, что ее дружба с Уиллом защищала ее от возможных неприятностей со стороны его друзей. Она также пользовалась уважением у большинства офицеров и пехотинцев и даже завоевала доверие их жен и детей.

Но на берегу ей придется начать все сначала. Ей нужно все время быть начеку. Она боялась, что Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер станут злословить о ней с каждым, кто готов слушать, и тешить свое самолюбие, унижая ее. Офицеры с других кораблей не окажут ей такого доверия и не дадут такой свободы, к которой она уже привыкла. Она станет простой маленькой рыбкой в большом пруду, и некому будет защитить ее и Шарлотту.

В воскресенье, третьего февраля, для мужчин-заключенных состоялась церковная служба, которую преподобный Ричард Джонсон провел в тени большого дерева. Вместе с остальными женщинами Мэри почти с благоговением наблюдала с палубы корабля за семистами мужчинами-заключенными, офицерами, пехотинцами и моряками, собравшимися для молитвы. Уилл тоже стоял там и казался выше и шире в плечах, чем большинство мужчин. Джейми Кокс находился рядом с ним. Он был таким маленьким, что по сравнению с Уиллом казался ребенком.

Копна рыжих волос, мелькнувшая в толпе, заставила Мэри присмотреться, и, к своему удивлению, она увидела, что это был Сэмюэль Берд. Посмотрев снова, она заметила рядом с ним Джеймса Мартина, безошибочно узнав его покатые плечи и большой нос.

Мэри была в восторге, как будто снова увидела членов своей семьи. Она предположила, что их посадили на один из других кораблей, отделив от Уилла, чтобы предотвратить бунт, который мог возникнуть.

Тенч стоял вместе с остальными офицерами, держа шляпу под мышкой, и расстояние между заключенными и офицерами напомнило Мэри, что теперь, когда их плавание подошло к концу, ее дружба с Тенчем вряд ли будет продолжаться.

Через три дня женщины сошли на берег. За последние несколько недель их волнение возросло, и, когда лодки повезли их к земле, Мэри так же заразительно хохотала, как и ее подруги. Было чудесно видеть всех такими счастливыми после трудностей плавания, с пылающими щеками и сверкающими глазами, словно толпу подружек невесты на свадьбе.

Мысли о том, что она сможет снова ходить по твердой земле, избавиться от запаха отхожих ведер и перестать бояться крыс по ночам, было достаточно, чтобы у Мэри учащенно забилось сердце. Но она понимала, что других каторжниц в основном возбуждал вид мужчин, стоявших на берегу.

Когда лодка подплыла ближе к берегу и Мэри ясно увидела ждущих их каторжников, она вдруг испугалась и крепче прижала Шарлотту к груди. Выражение на их лицах напомнило ей о том, как после многих недель плавания в порт Фоуэй заходил корабль. Тогда она замечала такие же голодные взгляды, хотя она в то время не понимала, почему мама всегда звала их с Долли домой. Но теперь ей все стало ясно.

В моряках чувствовалось какое-то своеобразное грубое обаяние, они были в форме, сильные, вымытые перед увольнительной на берег. Но эти мужчины, ждавшие женщин-заключенных, выглядели оборванными и грязными и больше походили на большую стаю одичавших собак, чем на человеческие существа.

Некоторые женщины начали кричать им непристойности, опускать воротники своих платьев ниже и посылать воздушные поцелуи. В лодке, направлявшейся с «Леди Пенрин», одна женщина стала во весь рост и задрала юбку, продемонстрировав свое интимное место.

Когда лодки коснулись пляжа и женщины начали выбираться из них, пехотинцы придерживали мужчин, но Мэри они показались не лучше каторжников. Они смеялись, подмигивали, хватали женщин за руки, и, безусловно, не было никакого смысла в том, что они стояли там и якобы защищали слабый пол.

Мэри протиснулась сквозь толпу, держа под мышкой люльку Шарлотты и второй рукой защищая ребенка, почти оглушенная свистом, непристойностями и криками: «Поцелуй меня!» Это было таким же опьяняющим, как те ярмарки и представления, на которых она побывала, но в то же время пугающим. Ей казалось странным, что офицеры просто стояли и смотрели на все это, после тех настойчивых попыток во время путешествия держать мужчин и женщин раздельно.

Причалили другие лодки. Женщины все прибывали, и шум стал громче, а толчки и пинки более агрессивными. Но женщины старались не меньше мужчин, а некоторые из них даже бежали к каторжникам, чтобы поцеловать и обнять их.

Мэри так хотелось снять ботинки и босиком пробежаться по песку, посмотреть на странных птиц, которые наблюдали за ними с деревьев, упиваться своей новообретенной свободой. Но она видела, что пока об этом лучше не думать: ей нужно оставаться в толпе из соображений безопасности.

Увидев маленькую группку отдельно стоящих женщин с детьми, Мэри ринулась к ним.

— Господи, помилуй нас, — выдохнула она. — Охрана теряет контроль над ситуацией.

Высокая женщина в простом темно-коричневом платье и шляпке, с маленьким ребенком на руках ответила:

— Мы недавно просили наших мужей отвести нас в безопасное место. Но они, похоже,

отвлечлись.

Мэри поняла, что это жены и дети морских пехотинцев, и, поскольку на «Шарлотте» они проявляли к ней доброту, она предположила, что в этой группке отношение будет таким же.

— Я могу остаться с вами? — спросила она. — Я боюсь за своего ребенка.

Лицо женщины стало жестоким.

— Отправляйся к другим каторжницам со своего корабля. Там твое место.

Пристыженная, Мэри отвернулась и пошла прочь, понимая, что эта краткая встреча приоткрыла ей завесу в будущее.

Порядок немного установился только тогда, когда пехотинцы выстрелили сигнальной ракетой над головами заключенных. Женщин отвели в предназначавшиеся для них палатки. Но даже когда они шли рядом, Мэри подслушала комментарии и смешки, означавшие, что многие женщины слишком разволновались от вида возбужденных мужчин, так что вряд ли можно будет долго их контролировать.

Мэри, Бесси и Саре удалось остаться вместе, но другие три женщины, с которыми они делили палатку, были им незнакомы. Главная из них, назвавшая себя Полл Чипсайд [\[8\]](#), была высокой тощей женщиной с жесткими голубыми глазами, одетой в полосатое платье и потрепанную красную шляпу. Она положила возле колышка палатки ковриковую сумку и сердито взглянула на Мэри и ее подруг.

— Пусть хоть одна из вас осмелится полезть сюда, и я разорву вам ноздри, — заявила она. Затем женщина обернулась к своим подругам, ожидая подтверждения, что она на это способна.

— Она сделала это с одной женщиной в Ньюгейте, — смеясь, сказала толстушка с изрытым оспой лицом. — Никогда не слышала, чтобы так кричали.

— Мы не воровки, — произнесла Мэри, — хотя осуждены именно за это.

Она испугалась: у всех трех женщин были хриплые голоса и очень отличающаяся от ее собственной манера разговора. Насколько Мэри знала, Ньюгейт был лондонской тюрьмой, пользовавшейся дурной славой, и предположила, что они именно оттуда.

— Держи это отродье от меня подальше, — проговорила злобно Полл, указывая на Шарлотту, — я терпеть не могу, когда кричат.

Наверное, им повезло, что лондонские женщины с нетерпением ждали момента, когда смогут выбраться из палатки. Положив свои одеяла, они исчезли.

Мэри села покормить Шарлотту, а Сара и Бесси ерзали на месте и тоже явно хотели поскорее уйти. Обе ее подруги выглядели теперь намного лучше, чем в Англии. Сара поправилась, у нее были розовые щеки и блестящие волосы, а Бесси, страдавшая лишним весом, когда они прибыли на «Дюнкирк», сбросила пару стоунов [\[9\]](#), и ее когда-то серый цвет лица посвежел и напоминал персик.

— Мы просто посмотрим вокруг, — сказала Бесси, прихорашиваясь. — Мы вернемся, когда узнаем, где будем получать еду.

Мэри так же, как и остальные, с нетерпением ждала, когда можно будет сойти на берег, но сейчас ей хотелось плакать. Было так жарко, что ее платье взмокло от пота, ей была нужна вода, чтобы попить самой и охладить Шарлотту. Всюду вокруг себя она слышала пронзительные, грубые голоса, но язык, на котором разговаривали, не был английским, насколько она знала. Мэри догадалась, что это ньюгейтский тюремный жаргон, который она уже слышала в Эксетере, поскольку эти странные слова показались ей знакомыми. Она не

ожидала, что вдобавок ко всему ей придется учить новый язык.

На корабле Мэри точно знала, что от нее требовалось: она выполняла повседневные обязанности, которые редко менялись. Мэри была одной из двадцати женщин, и каждый знал ее имя и характер. Теперь ей придется жить среди двух сотен каторжниц, которых согнали вместе без определенных, четко сформулированных правил поведения. Она знала, что если Полл Чипсайд была примером того, чего можно ожидать от остальных женщин, то нужно искать в себе новые силы, чтобы выжить.

Мэри прижала Шарлотту к груди. По ее щекам покатались слезы, и она вспомнила слова, которые так часто слышала в церкви на Пасху:

— Господи, почему Ты оставил меня?

Темнота наступила неожиданно и застала Мэри врасплох. Оказалось, что здесь не бывает сумерек, как в Англии. Шум, который ближе к вечеру продолжал усиливаться, достиг своего пика.

Мэри собрала все свое мужество, чтобы выйти и осмотреть ряд женских палаток, найти своих старых подруг и достать воду и еду. Она заметила Джеймса Мартина с Сэмюэлем Бердом, но, хотя они махали руками и громко ее приветствовали, Мэри не подошла к ним, поскольку они стояли рядом с другими мужчинами угрожающего вида. Она все же попыталась присоединиться к общему веселью, но его разгульный характер заставил ее примкнуть к женщинам постарше, которые нервничали так же, как и она.

Снова и снова пехотинцы пытались разъединить мужчин и женщин, и иногда им это удавалось. Но когда стало темно, все попытки контролировать заключенных оказались бесполезными и парочки торопились в кусты.

Мэри как раз укладывала Шарлотту в колыбельку в палатке, когда вспышка молнии осветила весь залив. За нею последовали раскаты грома, оглушительные, как пушечные выстрелы, и Шарлотта закричала. Сверкала молния, и снова гремел гром, а затем полил дождь, самый сильный, какой только Мэри доводилось видеть. За считанные минуты утрамбованную землю смыло и вода рекой полилась в палатку.

Мэри ожидала, что буря хотя бы утихомирит разбушевавшихся каторжников, так как дождь потушил много костров, горевших вдоль пляжа. И все же, сжавшись под укрытием палатки, к своему ужасу она увидела, что буря еще более распалила людей. Каждая вспышка молнии освещала непристойные сцены: женщин, срывавших с себя одежду, мужчин, кидавшихся на них и бравших их тут же, в грязи. Но если эти действия и казались отвратительными, они, по крайней мере, происходили по обоюдному желанию. В других местах она видела мужчин, которые, как разъяренные животные, бросались на женщин и сбивали их с ног. Женщины убегали сломя голову, и их крики сотрясали весь лагерь. И так вели себя не только заключенные. Некоторые из мужчин были пехотинцами, и когда Мэри стояла, зажав от ужаса рот обеими руками, то она увидела, как старых женщин, слишком немощных и согнутых, чтобы убегать, сбивали с ног и насиловали.

Это походило на сцену из ада, которую она однажды видела на картине в воскресной школе в Фоуэ: мужчины, демоничные в своей похоти, женщины, распалывшие их радостными криками, и другие, кричащие от ужаса. Мэри увидела, как одна женщина, до неузнаваемости измазанная грязью, шатаясь, поднялась с земли, после того как ее насильник бросил ее, и на нее тут же набросился другой, а еще один стоял и ждал своей очереди.

Мэри не знала, что делать. Убежать из палатки было бы безумием, ее наверняка

поймают; а если она возьмет Шарлотту с собой, девочку могут вырвать из ее рук и убить. И все же палатку нельзя было назвать надежной. Пока она колебалась, еще одна вспышка молнии осветила группку мужчин, идущих вдоль палаток и заглядывающих в каждую из них в поисках новой добычи.

Схватив Шарлотту из колыбельки, Мэри забилась в дальний угол палатки и сжалась там, соображая, в каком направлении безопаснее бежать. Направиться в глубь материка казалось лучшим вариантом: если повезет, там будут кусты, за которыми можно спрятаться, поэтому, обхватив Шарлотту одной рукой и придерживая платье другой, она стремглав бросилась под укрытие деревьев.

Мэри поранила босые ноги о пни сваленных деревьев и споткнулась о сухие ветки, но каким-то образом удержала ребенка. Однако как раз в тот момент, когда Мэри подумала, что благополучно спаслась от ада на пляже, она увидела перед собой двоих мужчин.

— Смотри сюда! — заорал один из них. — Свежее мясо!

— Не троньте меня! — закричала Мэри в ужасе, зная, что, куда бы она ни побежала, один из них все равно поймает ее. — Со мной ребенок!

— Не нужен нам твой ребенок, — сказал один из них. — Положи его и будь с нами поласковой.

Мэри издала дикий вопль и еще крепче прижала к себе Шарлотту. Но один из мужчин схватил ее за плечо и свалил на землю.

Лежа на спине и все еще держа Шарлотту, которая тоже вопила, Мэри обнаружила, что в качестве единственного оружия у нее остались ноги. Было слишком темно, но она почувствовала, что ее пятка уткнулась во что-то мягкое, и последовавший крик подтвердил, что она ударила мужчину в живот.

— Слезьте с меня, скоты! — кричала Мэри. — Там же полно женщин, которые хотят!

Один мужчина пригвоздил ее за плечи к земле, второй схватил ее за колени и с силой развел их в стороны. До нее доносился запах их пота и несвежее дыхание.

— Будьте прокляты! — выкрикнула она, все еще неистово лягаясь. — Помогите, кто-нибудь!

Мужчина, державший ее за колени, тянул ее к себе, а другой по-прежнему держал ее за плечи железной хваткой. Сквозь крик Шарлотты Мэри слышала, как кто-то продирается через кусты, но это ужаснуло ее еще больше, так как она подумала, что это еще один мужчина, который хочет присоединиться к тем, которые на нее напали.

— Отпустите ее! — проревел мужской голос, и она с изумлением узнала голос Уилла. Затем Мэри увидела мелькнувшую тень и слышала звук удара, и мужчина, собиравшийся изнасиловать ее, мешком упал на землю.

Послышался еще один громкий звук удара, и руки, державшие ее за плечи, разжались.

— Это моя женщина! — зарычал Уилл, одновременно помогая ей встать и обнимая ее.

— Ну-ну, — сказал он мягко, немного отодвигаясь, чтобы не придавить Шарлотту. — Теперь ты в безопасности.

Уилл взял Мэри за руку и увел отсюда. Она предположила, что он ударил тех мужчин какой-то дубинкой, но не стала оборачиваться, чтобы посмотреть.

— Они сделали это? — спросил Уилл, все еще тяжело дыша.

— Нет, — ответила Мэри. — Ты успел вовремя.

Уилл завел ее еще дальше в лес, и, когда они подошли к большому дереву, чтобы укрыться под ним от сильного дождя, он остановился и усадил ее.

— С тобой и малышкой ничего не случилось? — спросил он, садясь рядом с ней и обнимая ее.

— Вроде нет, — ответила Мэри, качая Шарлотту, чтобы успокоить.

И вдруг она расплакалась и плакала так, как никогда не плакала со дня суда. Все невзгоды и лишения, жестокость и унижения, которые она терпела так долго, казалось, выплеснулись наружу просто потому, что кому-то она не была безразлична и этот человек хотел ее успокоить.

— Теперь ты в безопасности, — шептал он, обнимая ее. — Я больше никому не позволю до тебя дотронуться.

Немного позже дождь перестал так же неожиданно, как и начался, и солнце вышло из-за туч. Мэри дала Шарлотте грудь, а Уилл по-прежнему обнимал ее. Они промокли насквозь и вымазались в грязи, но, по крайней мере, им не было холодно.

— Я пошел разыскивать тебя, когда начался этот кошмар, — объяснил Уилл. — Незадолго до этого я видел Сару и Бесси, и они сказали, что ты вернулась в палатку, чтобы уложить Шарлотту. Я должен был прийти к тебе еще тогда.

— Как только мы сошли на берег, я испугалась, — призналась Мэри. — Все просто сошло с ума.

— Да, их будто заразили безумием, — сказал Уилл тихим голосом. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Как ты нашел меня?

Какое-то мгновение он молчал, и Мэри догадалась, что его совесть не совсем чиста.

— Я увидел, как несколько мужчин шныряли по всем женским палаткам, — сказал он наконец. — Я подумал, что если бы ты была там, то выбралась и убежала. Поэтому я пошел в ту сторону и услышал, как плачет ребенок.

— Теперь всегда так будет? — прошептала Мэри. Она дрожала от ужаса, и жуткие картины, которые она видела на пляже, все еще стояли у нее перед глазами.

— Я так не думаю, — ответил Уилл. — Завтра офицеры возьмут ситуацию под контроль, некоторых каторжников ждет порка, некоторых — кандалы, и все успокоится.

— Надеюсь, что ты прав, — сказала Мэри. — Но мне не нравится, что придется жить с этими лондонскими женщинами, они меня напугали до смерти.

— Тебя напугали? — поддразнил он. — Девушку, у которой достаточно смелости, чтобы просить мужчину жениться на ней?

— Я уже пожалела, что сделала это, — призналась Мэри. — Должно быть, это выглядело чересчур. Просто мне кажется, что у нас очень много общего, и ты мне очень нравишься. К тому же сегодня ночью стало ясно, что женщинам действительно понадобится защита.

— Это так, — сказал Уилл задумчиво. — Но я думаю, что нам, мужчинам, тоже нужна хорошая женщина рядом. Так что мы поженимся.

— Ты хочешь жениться на мне? — Мэри была так удивлена, что ее слезы тут же высохли.

— Ну я же не могу взять в жены одно из этих лондонских чудовищ с сифилисом вместо приданого, — сказал он, хмыкнув. — Ты была права, Мэри. Из нас с тобой получится хорошая пара. Им понадобятся рыбаки: много еды, которую они привезли с собой, пропало. Я думаю, что смогу выбить для нас отдельный дом. Мой ум немного острее, чем у большинства.

Мэри очень хорошо понимала, что это не признание в любви. Уилл говорил лишь о том, что она порядочная женщина и может быть ему полезной. И все же он подрался с теми мужчинами и защитил ее, он утешил ее, когда она так в этом нуждалась. Это место оказалось адом на земле, и она сомневалась, что сможет выжить одна. Мэри не ожидала романтической любви и не нуждалась в ней, ей было достаточно чувствовать себя в безопасности.

Через четыре дня после той страшной ночи преподобный Джонсон объявил Уилла и Мэри мужем и женой в тени большого дерева, где состоялась его первая служба. Они были не одни. Женились и другие пары, вероятно, по той же причине, что Мэри и Уилл.

На Мэри не было никакого свадебного наряда. Она одела то же самое поношенное, старое серое платье, недавно выстиранное, и вдела в волосы искусственный цветок, который, неожиданно сделав щедрый жест, одолжила ей Полл Чипсайд.

Мэри не ожидала ничего особенного ни от своего замужества, ни от этой новой страны. Через четыре дня, после того как они сошли на берег, она отметила, что подавляющее большинство каторжников оказались законченными лентяями и хитрецами. Они были готовы украсть все, что угодно, отказываясь работать на общее благо, и многие уже меняли свои пайки или личные вещи у пехотинцев на выпивку. Пехота оказалась ничуть не лучше, а офицерам не хватало организации, как и тем властям, которые занимались высылкой каторжников.

Уилл был прав, когда говорил, что некоторая часть еды испортилась. Им приходилось есть рис, кишаций личинками, а соленая говядина стала почти несъедобной. Инструменты оказались не лучшего качества, женской одежды было слишком мало, а мужчин-профессионалов катастрофически не хватало.

Мэри недоумевала, как они смогут превратить эту бесполезную землю в фермы, когда из нескольких сотен мужчин только двое хоть что-то понимали в сельском хозяйстве. Как можно построить город без опытных плотников и каменщиков? Возвели дом капитану Артуру Филипу; был построен амбар, в котором под замком хранились продукты, и несколько палаток поставили отдельно в качестве больницы.

Но состояние здоровья привезенных животных оставляло желать лучшего, и среди тех, которые ослабли во время путешествия, уже распространилась дизентерия. Капитан Филип, возможно, гордился, что по дороге сюда умерло всего лишь сорок восемь человек, но сколько еще погибнет до конца года?

В первую ночь одна восьмидесятилетняя женщина повесилась на дереве на берегу. У многих женщин все еще были синяки под глазами и затравленный вид. Новое место кишело змеями, пауками и множеством мух и насекомых, и любые из них могли оказаться ядовитыми. Что касается аборигенов, офицеры намеревались добиться сотрудничества с ними, но даже такая неграмотная девушка, как Мэри, ощущала, что коренные жители были возмущены вторжением этой толпы белых людей, задавшихся целью вытеснить их с их собственных земель. Мэри думала над тем, как быстро любопытство аборигенов сменится гневом и они начнут убивать.

Но Уилл сдержал свое слово. Он не только дал торжественную клятву, женившись на ней, он уже договорился, чтобы ему доверили командовать всей рыбной ловлей и разрешили построить для себя хижину.

Мэри глянула на стоявшего рядом с ней Уилла и улыбнулась. Он выглядел таким

красивым в чистой рубашке и в бриджах. Уилл даже сбрил свою кустистую бороду, а его волосы казались такими же светлыми, как спелое зерно. Мэри знала, что большинство женщин завидовали ей, поскольку он, несомненно, был самым привлекательным и способным из всех мужчин-заклученных. И пусть его хвастовство утомляло ее, но он действительно нравился ей и она доверяла ему. Этого было достаточно.

Когда свадебные церемонии закончились и все вернулись обратно к своим палаткам или к хижинам, которые они строили, лейтенант Тенч стоял какое-то время и смотрел, как Мэри и Уилл удаляются вдоль берега.

События последних дней привели его в замешательство. Все было не так, как он ожидал: его разочаровали и страна, и организация, и офицеры с других кораблей. Даже запасов, которые они привезли с собой, оказалось недостаточно. По сути, это была борьба за выживание. И судя по его наблюдениям за каторжниками, заставить кого-либо из них работать представлялось в высшей степени проблематичным.

Насколько Тенч понимал, лишь горстка офицеров разделяла его стремление преобразить это место. Что касается его подчиненных, многие из них вели себя отвратительно и абсолютно не отличались от каторжников ленью и изворотливостью.

Тенч думал, что после сегодняшних свадеб у него улучшится настроение. В конце концов это был один из способов добавить оптимизма новой общине, внушить ей надежду на будущее. И все же он не чувствовал радости, глядя, как венчаются пары. Напротив, он испытывал глубокую грусть.

Его мать всегда плакала на свадьбах. Она считала, что чем больше плачут, тем счастливее будет эта пара. Но он знал, что материнские слезы лились не от грусти. Мать испытывала искреннюю радость, видя публичное признание любви между двумя людьми.

Возможно, в этом и заключалась причина его тоски: он понимал, что между поженившимися сегодня парами не было любви. Женщины хотели защиты и безопасности, а мужчины секса.

Тенч надеялся, что обретет покой, видя Мэри под покровительством Уилла. Но до этого момента он не осознавал, что она будет принадлежать мужу во всех отношениях.

Тенч резко повернулся и зашагал по направлению к амбарам. Может быть, если он найдет себе какое-нибудь плодотворное занятие, он сумеет преодолеть эти противоречивые чувства, терзавшие его. Мэри выглядела красивой и счастливой, а Уилл был вполне достойным мужчиной. Они подходили друг другу.

— У нас будет уютное гнездышко, когда я его закончу, — сказал Уилл позже в тот же вечер, положив их одеяла на утрамбованную землю рядом с колыбелькой Шарлотты.

Они сидели в своей новой хижине, которая пока что состояла из нескольких сколоченных между собой шестов и стен из сплетенных между собой веток. Дверью служил кусок мешка, натянутый на палку. Крыша была еще не готова, и, когда Мэри села на одеяла и посмотрела вверх, ночное небо, усеянное мириадами звезд, показалось ей очень красивым. Молодожены досыта наелись, поскольку в честь свадеб сегодня выдали дополнительный рацион, и Уилл умудрился достать немного рома, чтобы отпраздновать.

После первой ночи для каторжников установили новые правила. Мужчинам-заклученным запрещалось заходить на женскую территорию, и охранники стояли на страже и следили, чтобы никто из мужчин не пробрался туда. Также был установлен комендантский час, начинавшийся с наступлением сумерек, к которому все должны вернуться в свое жилье.

На самом деле, несмотря на все принятые меры, мужчины встречались с женщинами, но, по крайней мере, это происходило тайно и с обоюдного согласия.

— Сколько свежего воздуха! — сказал Уилл и рассмеялся. — А еще я могу встать здесь в полный рост. В любом случае это куда лучше, чем вонючий корабль или совместная с другими мужиками палатка. Ну, иди сюда, поцелуй своего мужа.

Мэри не нужно было повторять: с тех пор как Уилл объявил о своем решении жениться на ней, она обнаружила, что у нее появился социальный статус, и испытывала огромную благодарность за это. Даже Полл и две ее закадычных подруги, три самых отвратительных женщины, которых Мэри когда-либо встречала, благоговели перед ней из-за того, что ее захотел самый желанный каторжник в колонии.

На новом месте было и кое-что хорошее: теплый климат, мягкий белый песок на пляже, голубое и чистое небо и сотни красивых птиц. Даже деревья источали приятный бодрящий аромат. Все-таки здесь лучше, чем в английской тюрьме.

Теперь у Мэри был дом, стоявший на приличном расстоянии от остальных, и, несмотря на отсутствие крыши и мебели и на то, что первая буря могла повалить его на землю, это был их дом. Уилл раздобыл ей из корабельных запасов горшок для варки, ведро для воды и несколько других необходимых предметов домашнего обихода, с которыми можно начинать семейную жизнь.

Он уже целовал ее сегодня несколько раз и делал это очень нежно. Мэри не ожидала, что испытает ответное желание, но с удивлением обнаружила, что это так. Она призналась себе, что впервые более чем за год она находилась именно там, где хотела находиться.

— Ты такая милашка, — сказал Уилл грубовато, помогая ей выбраться из платья. Он обхватил ее груди своими большими ладонями и сжал их, затем скользнул руками к ее ягодицам и сжал их тоже. — Худовата немножко, но я как раз не любитель толстых женщин.

Уилл поднял ее на руки и положил на одеяла. Мэри ожидала, что он всего лишь снимет с себя одежду, затем произойдет быстрое спаривание и он уснет. Но к ее удивлению, Уилл не предпринял никаких попыток раздеться и продолжал ласкать ее. Она однажды слышала, как он хвастал моряку на «Шарлотте», что женщины, с которыми он спал, всегда приходили к нему снова. Теперь Мэри в это поверила, потому что каждую минуту боялась, что он остановится. Его прикосновения были такими уверенными и нежными, а пальцы находили такие восхитительно чувствительные места для ласки, о существовании которых она даже не догадывалась.

Жесткая земля под грубым одеялом, недостатки их недостроенного дома, даже все те трудности, через которые она прошла, были забыты, когда Мэри отдалась блаженству любви с Уиллом. Когда она открыла глаза и увидела звезды над головой, ей показалось, что она лежит на пуховой перине в королевских покоях, а звезды — это украшения на потолке. Уилл заставил ее забыть о том, что она нехороша собой и что ее голова полна вшей. Мэри вдруг почувствовала себя красивой, желанной и любимой.

Мэри никогда бы не подумала, что может вести себя так раскованно: просить Уилла не останавливаться, спрашивать о том, что доставляет ему удовольствие, и делать все это с большой готовностью. На пике наслаждения у нее промелькнула мысль, что стоило пересечь море на тюремном корабле, чтобы почувствовать все это. Мэри не беспокоилась о будущем, она просто хотела, чтобы эта ночь продолжалась вечно.

— Ты рада, что вышла за меня замуж? — прошептал Уилл позже, после того как укрыл их одеялами, чтобы спрятаться от насекомых.

— Я самая счастливая женщина на земле, — прошептала Мэри в ответ, и щеки ее были мокрыми от слез радости.

— Мы как-нибудь здесь устроимся, — пробормотал он. — Мы посадим маленький садик и сможем выращивать какие-нибудь овощи. Мы никогда не будем голодать, пока я смогу рыбачить. У нас еще будут дети, и Шарлотта сможет играть с ними.

— А мы вернемся в Англию, когда закончится наш срок? — спросила Мэри.

— Конечно, если захочешь, — сказал Уилл и рассмеялся. — А может, мы сможем остаться здесь как свободные люди и возьмем себе земли. Все возможно.

1789

Мэри стояла по пояс в воде, крепко держа рыбацкую сеть, и наблюдала, как остальные помощники плывут к Уиллу в маленькой лодке, ожидая его сигнала, чтобы крепко натянуть снасти.

Мэри была очень голодна, но спазмы желудка и сопровождающее их головокружение она теперь испытывала постоянно. После целого года, проведенного в Порт-Джексоне, она даже не могла вспомнить, как это — быть сытой.

Мэри стала намного худее, чем на «Дюнкирке», ее кожа обветрилась и потемнела от постоянного пребывания на солнце, а руки загрубели, как у женщин в Фоуэе, чистивших рыбу. Но о своем внешнем виде она даже не думала: намного важнее для нее была мысль о том, как им с Шарлоттой выжить.

Уилл дал сигнал, и все, кто держал сеть, начали тянуть и двигаться обратно к берегу. У Мэри подпрыгнуло сердце, когда она увидела большое количество рыбы, извивавшейся в сети. Не часто им так везло.

Колония находилась на грани голодной смерти. Рационы снова и снова урезались, потому что новые запасы из Англии еще не прибыли. Большая часть привезенной еды испортилась, а первоначальная надежда, что через год они смогут выращивать продукты питания, не оправдалась. Если бы им прислали тягловых животных и плуги, а еще людей с опытом фермерства, возможно, землю удалось бы быстро вспахать и засеять. Но эта возможность была упущена. Погода и недостаток корма для животных вскоре уменьшили их число в десять раз, злаки завяли в земле, а овощи росли скудно.

Вначале приоритетной областью было строительство. Строили дома для офицеров, пехоты, а затем для заключенных. Но наряду с нехваткой плотников вспышка цинги и десяток других болезней тормозили работу, и строительство шло мучительно медленно.

Когда урезали рационы, возрос риск кражи еды. Наказанием за это преступление была порка, но сто плетей не смогли остановить воровство, и капитан Филип увеличил это число до пятисот, а затем и до тысячи. Когда же и это не сработало, он в конце концов прибегнул к смертной казни. Как раз на прошлой неделе Мэри и Уилл наблюдали, как Томаса Берретта, которому было только семнадцать лет, повесили на недавно возведенной виселице за то, что он украл немного масла, сушеного гороха и соленой свинины из амбара. Мэри не могла даже оплакивать судьбу этого мальчика, поскольку в тюрьму его посадили, когда ему исполнилось одиннадцать, и она подумала, что смерть для него лучше той жизни, которой он жил.

— Давай, Мэри, впрягайся, — заорал ей Уилл с маленькой лодки.

Мэри засмеялась. Уилл совсем не имел в виду, что она плохо тянет, — этот крик был их секретным паролем, означавшим, что сегодня вечером они хорошо поужинают.

— Не знаю я, что ты находишь смешного, — резко сказала женщина рядом с ней, когда они вытянули сеть на берег. — Если бы я была на твоём месте, я бы плакала.

— Почему это? — спросила Мэри.

Она ни на секунду не доверяла Сейди Грин. Мэри знала, что эта женщина подошла помочь вытянуть сети с единственной целью, надеясь украсть пару рыбин для себя. Она была одной из лондонских женщин, грубая, хитрая и ленивая. И она злилась из-за того, что

Мэри, похоже, живется лучше, чем ей.

— Уилл скоро тебя бросит, — сказала Сейди, и ее мутные глаза блеснули злорадством. — Он все время рассказывает остальным мужикам, что ваш брак незаконный.

— Да что ты говоришь! — парировала Мэри с едким сарказмом.

Уилл сказал ей, что не верит, что их брак имеет такую же силу, как венчание в английской церкви, но все равно ее обидело то, что он распространялся на эту тему среди других мужчин, так что его слова дошли до ушей таких людей, как Сейди. Но Мэри не собиралась показывать свою обиду.

— Ты только не ходи вокруг и не жди его, Сейди, потому что тебе придется слишком долго ждать, — сказала она, выдавив из себя смешок.

Мэри увидела, как лицо Сейди исказилось от гнева. Сейди могла привлечь внимание только самых опустившихся мужчин-заклученных. Хотя ей было не больше двадцати четырех, она имела жалкий и потрепанный вид, к тому же от нее несло как от куска протухшего мяса. Она никогда не расчесывала свои жидкие волосы соломенного цвета и почти не мыла их. Казалось, грязь намертво въелась в ее кожу. В этой колонии не было красавиц, об этом позаботились солнце и голод. Но Сейди, вероятно, и родилась дурнушкой, а жизнь проститутки изуродовала ее окончательно.

— А почему это, ты, чванливая корова? — рявкнула Сейди, обнажив почерневшие, похожие на палки зубы. — Почему ты думаешь, что ты не такая, как все мы? У тебя ребенок байстрюк, который не от Уилла.

Мэри колебалась. Ей очень хотелось ударить Сейди, но именно этого та и ждала, чтобы потом сказать, что Мэри начала драку. Тогда Мэри накажут.

— Оставь меня в покое, поступай как знаешь, — ответила Мэри устало. — В этом месте и без драк несладко.

— Ну а тебе здесь неплохо, правда? — Сейди подбоченилась и блеснула глазами на Мэри. — У тебя чудная хижинка, у Уилла самая хорошая работа, и держу пари, что он получает дополнительный рацион. Лейтенант Тенч тоже все время крутится вокруг тебя. Уверена, что он отец твоей байстрючки.

От скандала Мэри спас офицер, который пришел на пляж, чтобы проверить улов. Сейди угрожающе посмотрела на Мэри и кивнула на него, потом бросила сеть и кинулась прочь.

Через час Мэри уже была в своей хижине, забрав Шарлотту у Анны Томкин, своей соседки, которая присматривала за малышкой, пока Мэри помогала с сетями.

Вид хижины стал намного лучше. Благодаря положению Уилла им дали доски с мельницы для крыши и стен. Мебель была лишь самая необходимая: грубая кровать, обвязанная веревкой и похожая на гамак, маленький стол, сделанный из ствола дерева и приколоченной гвоздем доски, и два табурета, изготовленных из деревянных ящиков. Пол все еще оставался земляным, но Уилл намеревался скоро застелить его планками. Единственным украшением служило несколько морских раковин на полке. Еще на одной полке стояли горшки для варки, тарелки, кружки и оловянный таз для мытья. Несмотря на явную бедность и простоту, для Мэри этот дом был гаванью, убежищем, местом, где они с Шарлоттой находились в относительной безопасности и покое.

В год и пять месяцев Шарлотта была очаровательным ребенком, с розовыми щеками, вьющимися черными волосами и пухлыми ручками и ножками. Ее широкая, счастливая улыбка, по мнению Мэри, стоила всех сокровищ королевства и наполняла ее жизнь смыслом. Но в то же время уход за Шарлоттой и обеспечение ее безопасности в таких

чудовищных условиях казались ей медленной пыткой.

Пока Шарлотта была младенцем и кормилась маминой грудью, это было относительно легко, но, когда она начала ползать, а потом ходить, Мэри стала всюду видеть опасность. Кроме самых очевидных вещей — насекомых, змей, моря и пожаров, — существовала еще скрытая угроза. Кто знал, что похоронено в песке, на котором играет Шарлотта, что она может поднять и проглотить? Другие матери особенно не беспокоились о своих отпрысках, позволяли им бродить где угодно и не выказывали беспокойства, если их обжигало солнце, если они падали или съедали что-либо, от чего им становилось плохо. Но Мэри так не могла, ей нужно было, чтобы Шарлотта все время находилась рядом. Она обвязывала талию девочки куском веревки, чтобы ребенок был с ней, пока она чинит сеть, и давала Анне немного рыбы или часть своего рациона, чтобы та присматривала за Шарлоттой, пока Мэри помогала вытаскивать сети. Даже вечером, когда Шарлотта засыпала в постели, где они спали все втроем, Мэри не выходила за порог, хотя другие матери отправлялись в это время навестить подруг.

Ожидая, пока Уилл придет домой и принесет их пайки и, вероятно, немного рыбы, Мэри наполнила таз водой, сняла с Шарлотты платье и начала стирать его. Она старалась не думать о том, что платье превратилось в лохмотья и держалось лишь на честном слове. И о том, что сегодня вечером его нужно постирать и завтра надевать снова, потому что другого нет. Мэри не хотела напоминать себе, что ей не к кому пойти в гости.

Это место не принесет ей счастья.

Выйти замуж за Уилла было мудрым решением. Он защищал ее от других мужчин, построил эту хижину и научился любить Шарлотту так, будто она была его ребенок. Но Мэри не предполагала, что его умение рыбачить сделает его таким важным человеком в колонии и что именно это станет ее проблемой.

Когда они высадились на берег, заключенные из Лондона и других городов с подозрением относились к рыбе и не хотели есть ее. Это было понятно, если принимать во внимание, откуда они были родом. По всей вероятности, им приходилось есть рыбу недельной давности, которая уже испортилась и воняла. Но к тому времени, когда пайки сильно урезали и начался голод, они быстро преодолели свои предрассудки. Уилла возвели в ранг героя потому, что он не только научил их есть нечто вкусное и питательное, но также являлся поставщиком этой еды.

И все же пока Уилл грелся в теплых лучах восхищения и благодарности, Мэри потеряла тот авторитет, которым когда-то пользовалась среди других женщин на «Шарлотте». Мэри Хейден и Кэтрин Фрайер нашептывали сплетни на ухо женщинам зачинщицам с других кораблей, и не прошло много времени, как большинство женщин стало относиться к ней с подозрением. Даже Бесси и Сара, на которых, по мнению Мэри, она всегда могла положиться, отвернулись от нее. Они называли ее темной лошадкой, будто она была виновна в каком-то вероломстве. Правда заключалась в том, что они просто завидовали ей.

И Мэри понимала почему. В основном они спали по шесть человек в хижине, тогда как она спряталась в крепком доме, защищающем от непогоды, вдалеке от шума и беспорядков основного лагеря. Первое время она ела лучше остальных, потому что Уиллу разрешали брать себе что-нибудь с каждого улова. Ей не приходилось прислуживать офицерам в отличие от других женщин. Кроме того, женщины смотрели на Мэри как на предателя, потому что с ней разговаривали офицеры.

Тенч часто приходил посмотреть, как она живет с Уиллом, и он любил помогать ловить

рыбу по ночам. Говорили, что даже капитан Филип отметил, что Брайанты — идеальная семья: трудолюбивые, непьющие и честные.

В первые дни пребывания в колонии Мэри подружилась с Джейн Рэндалл, которая приплыла на «Леди Пенрин». Джейн тоже родила в дороге, — ее ребенок появился на свет еще тогда, когда они стояли в Кейптауне. Сначала Мэри и Джейн сблизились потому, что Шарлотта и Генриетта были почти одного возраста. Женщины одинаково беспокоились о своих малышах и помогали друг другу. Джейн отличалась добрым и веселым нравом, а еще она точно так же собиралась сделать свое пребывание здесь как можно лучше.

Потом капитан Филип решил заселять новое место на острове Норфолк в тысяче миль от Сиднейского залива. Оказалось, что климат там лучше и земля более плодородная, поэтому некоторых заключенных, и среди них Джейн, послали туда, чтобы решить проблему нехватки еды. Мэри все еще сильно скучала по ней. Джейн никогда не завидовала ей, она всегда была рада, что удача улыбается ее подруге.

Мэри считала, что многие из ее бывших приятельниц могли бы быть так же удачливы, если бы начали шевелить мозгами. С самого начала Мэри пыталась объяснить им, почему выгоднее хотя бы делать вид, что работаешь. Это оказалось легко сделать, потому что офицеры совали свой нос только в случае беспорядков, а большинство пехотинцев, по ее мнению, были недоумками. Точно так же чистый и опрятный вид и пристойное поведение вызывали всеобщее уважение.

Но, к несчастью, одна за другой бывшие подруги Мэри впали в апатию и поддались влиянию нескольких сильных личностей, которые думали, что укрепляют свою репутацию драками и воровством. Перед этими женщинами никто не мог устоять, и они вербовали новых членов в свою банду, предлагая им выпивку, которую добывали кражами и проституцией.

Мэри понимала, почему Сара пошла по этому пути. В ту первую ночь ее изнасиловали, а потом она обнаружила, что беременна. Ее ребенок родился мертвым, и это всколыхнуло боль от разлуки с двумя детьми, которые остались в Англии. Пьянство было единственным, что хоть как-то держало ее в этой жизни.

Но большинство женщин не имело такого серьезного мотива, который оправдывал бы их поведение. Они стали неряхами, забросили своих детей, жили за счет других и отдавались любому мужчине за глоток рома.

Мэри была их живым укором. Они насмехались над ней, потому что она каждый день купалась в море, убирала у себя в хижине и постоянно держала Шарлотту рядом с собой. Но Мэри знала, что по большей части их злоба и презрение вызваны тем, что у нее был мужчина, которого хотели они все.

Уилл казался привлекательным во всех отношениях. Уже один его внешний вид, рост и мускулистое тело могли покорить любое женское сердце. Но если добавить, что он был добрым человеком с веселым и чуть нахальным складом характера, к нему привязывались все. А еще Уилл обладал недюжинной силой и был мастером на все руки, так что неудивительно, что все — от капитана Филипа до последнего заключенного — очень уважали его.

Но чего они не знали и в чем Мэри никогда бы не призналась, — это то, что Уилл на самом деле довольно слабый человек. Хотя он умел читать и писать, но не пользовался своими мозгами и не имел воображения. Предоставленный самому себе, Уилл ничем не отличался бы от остальных мужчин, жил бы в нужде, напивался бы так часто, как мог, и

оплакивал бы свою невезучесть.

Из них двоих более волевой и хитрой была Мэри. Именно она поняла важность рыбы для их выживания, и она уговорила Уилла использовать свое умение для того, чтобы улучшить их жизнь здесь. И то, что Уилл построил хижину в хорошем месте, и то, что он пользовался единственной маленькой лодкой, и то, что он забирал себе немного рыбы с каждого улова, — все это произошло благодаря ей. Мэри сделала их хижину более уютной, чтобы Уиллу хотелось возвращаться туда, и подпитывала его тщеславие, чтобы он чувствовал свою значимость.

Если бы только он послушал ее, когда был отдан новый приказ, чтобы весь улов поступал прямо в амбары! Мэри тогда советовала ему пойти прямо к капитану Филипу не только для того, чтобы укрепиться в своем положении и отстоять данные ему ранее права, но и чтобы обсудить ее план с капитаном. План заключался в том, чтобы построить большую лодку, которая могла бы заходить далеко в море, при этом улов был бы больше и появилась бы возможность хорошо кормить всех. Мэри даже предложила использовать излишки рыбы в качестве удобрения для земли, так как знала, что так поступают в Корнуолле.

Но Уилл не захотел этого сделать. Он, возможно, похвастался друзьям, выдав идею Мэри за свою, поскольку он при этом выглядел умнее их, но на самом деле Уилл боялся, что потеряет свою популярность среди офицеров, если раскроет рот. Поэтому он предпочитал воровать рыбу, которая была ему нужна.

Мэри тяжело вздохнула, когда Шарлотта начала цепляться за ее грудь под платьем. У нее оставалось все меньше молока, и каждый раз, когда рацион урезался, она боялась, что Шарлотта заболит, как заболели многие другие дети.

Именно самые маленькие и самые старые умирали все больше каждую неделю. Больница была всегда переполнена, а дорога к кладбищу так хорошо протоптана, что на очередные похороны уже просто не обращали внимания.

Мэри вдруг вздрогнула от криков и болтовни снаружи. Через окно, в которое они вместо стекла в плели ветки, она увидела, что солнце опустилось совсем низко, и к этому времени Уилл уже должен быть дома. Мэри встала и подошла к двери с Шарлоттой на руках.

Шум доносился издали, с пляжа. Кричали где-то рядом с основным лагерем. Мэри показалось, что она увидела светлые волосы Уилла, поэтому она завернула Шарлотту в кусок материи и пошла посмотреть.

Мэри не прошла и двух сотен ярдов, как увидела Сару.

Ее когда-то хорошенькое лицо было исхудалым. Светло-рыжие волосы стали тусклыми и грязными, голубые глаза отупели от пьянства, а два передних зуба она потеряла в драке. На ее широком платье все еще виднелись пятна крови, оставшиеся после родов, и оно перекосилось на одну сторону, открывая ее костлявое бедро.

— Твоего Уилла поймали на краже! — крикнула Сара. — Настал его черед.

У Мэри забило сердце. Она, разумеется, с удовольствием ела рыбу, которую Уилл приносил домой, и, чтобы помочь ему оставаться непойманным, она сделала специальный мешок, в который можно было класть добычу. Он вешал мешок на крючок с наружной стороны лодки ниже линии воды, а потом, когда улов взвешивали и забирали в амбары, вытаскивал его.

Этот план казался безупречным, но Мэри догадалась, что Уилл крал больше, чем говорил ей, и продавал излишки остальным или выменивал на что-нибудь.

— Мой Уилл не вор, — сказала Мэри резко. Она не считала это кражей — в конце

концов, рыба была бесплатной для каждого, кто мог поймать ее.

— Не думаю, что капитан Филип тоже так считает, — ответила Сара, и в ее усмешке проскользнуло злорадство. — Он скажет, что вы обкрадывали нас всех.

Мэри холодно посмотрела на свою бывшую подругу.

— Уилл один из тех немногих людей, которые вообще метут обеспечить нас едой, — сказала она. — Он не стал бы вести себя подло, потому что считает большинство из вас слишком слабыми.

Ей стало обидно, что Сара настроена против нее. Мэри не могла забыть, как они дружили на «Дюнкирке» и как Сара помогла ей во время рождения Шарлотты на корабле. Но эта дружба никогда не была односторонней. Мэри всегда делилась с Сарой едой, утешала ее, когда ее изнасиловали, даже давала ей немного рыбы, которую добывал Уилл. Но вероятно, пережитый ужас что-то убил в сердце Сары.

Всю дорогу до города Мэри слышала восклицания в свой адрес. Немногие ближайшие друзья Уилла — Джеймс Мартин, Джейми Кокс и Сэмюэль Берд — предлагали помощь и сочувствовали, но замечания остальных были большей частью злобными. Мэри подумала, что раньше в подобном случае все сплотились бы вместе. Но голод и лишения изменили людей. Такого понятия как честь больше не существовало. Каторжники доносили друг на друга в обмен на выпивку или на небольшое количество дополнительной еды. А еще они получали удовольствие, наблюдая за падением тех, кто был в фаворе.

Мэри шла с гордо поднятой головой и не обращала ни на кого внимания, но внутри у нее все переворачивалось от страха и голода. Город был невелик — лишь два ряда жалкого вида хижин для каторжников. Немного дальше стояли дома побольше — для пехотинцев и их семей — и охраняемые амбары с запасами. Но взгляд Мэри был прикован к виселице. Она слишком хорошо помнила предостережение, что к каждому, ворующему еду, закон будет беспощаден.

Из-за одного из амбаров вышел Ваткин Тенч. Увидев его, Мэри удивилась, поскольку она думала, что он находится в Роуз Хилл — новом поселении в глубине материка, где была более плодородная земля. Тенча назначили ответственным за это поселение, а еще они строили там новое здание для администрации.

— Мэри! — воскликнул он, и его загорелое худое лицо озабоченно вытянулось. — Я полагаю, тебе уже сказали?

Даже он, всегда такой элегантный, выглядел оборванным. Его сапоги больше не блестели, красная куртка изнасилась, а бриджи были в пятнах. Но в его темных глазах по-прежнему светилось сочувствие.

Мэри кивнула.

— Это правда? — спросила она.

— Его поймали с поличным, — пожал Тенч плечами. — Боюсь, я мало что смогу сделать, чтобы помочь ему, как бы ни хотел этого. Губернатору придется поступить с Уиллом так же, как с любым другим, кто ворует еду.

— Но они не повесят его, правда? — Мэри была уже на грани обморока, и ее голос снизился до шепота.

Тенч обернулся посмотреть, не подслушивает ли кто-нибудь, потом придвинулся ближе к ней.

— Мне очень хочется верить, что нет, — сказал он. — Это безумие — потерять такого ценного работника.

Его первой реакцией на новость, которую он услышал в Роуз Хилл, был гнев. Уилл оказался более удачлив, чем любой другой заключенный, он занимался любимым делом, имел привилегии и приличную хижину. И его женой была Мэри. Тенч догадывался, что Уилл крал рыбу не только для себя и для своей семьи. Он, вероятно, брал намного больше и обменивал на выпивку. Это возмутило Тенча, потому что этим Уилл не только подрывал устои всей общины, но еще и обманывал Мэри. Она, без сомнения, не знала, как сильно ее муж нуждался в выпивке.

— Могу я поговорить с капитаном Филипом? — спросила Мэри в отчаянии.

Тенч даже не знал, что ответить. Он никак не мог подобрать нужные слова, чтобы объяснить Мэри всю тяжесть проступка ее мужа.

— Капитан Филип уже, вероятно, принял решение, — сказал он, помолчав пару секунд. Потом, увидев ужас в глазах Мэри, Тенч смягчился. — Но возможно, если он увидит тебя с Шарлоттой на руках, его удастся переубедить.

— Пожалуйста, отведи меня к нему! — умоляла Мэри. Она потянулась и сжала его руку. — Уилл не заслуживает смерти только за то, что хотел накормить семью. Ведь каждый мужчина делает то же самое!

Тенч какое-то время смотрел на нее. Он столько раз жалел, что предложил ей Уилла в качестве мужа, потому что знал, что Уилл слаб, легко идет на поводу у других и сильно любит хвастать. Тенч догадался, что Мэри чувствовала себя униженной каждый раз, когда Уилл заявлял, что они поженились незаконно или что он намеревается сесть на первый же корабль, идущий домой, после истечения срока.

А еще Тенч хотел выкинуть Мэри из головы. Он надеялся, что переезд в Роуз Хилл поможет ему это сделать. Но сейчас, видя ее горе, он знал, что те чувства, которые питал к ней, ничуть не изменились.

Любой мужчина совершил бы то же самое для тебя, — сказал он, на секунду прикрыв ее руку своей.

Дом капитана Филипа находился на некотором расстоянии от лагеря, на холме. Двухэтажное здание с верандой вдоль фасада выделялось как место жительства самого важного человека в новой колонии, но не потому, что дом был величественным, а потому, что он имел вид чего-то прочного, постоянного в отличие от других строений.

Почти все остальные постройки были из глины и дерева, поскольку, несмотря на то что вокруг обнаружили множество камни и имелась печь для обжига кирпичей, нигде нельзя было найти известь, чтобы сделать бетон. Мэри с другими женщинами отравлялась собирать морские раковины, затем молола и сжигала их, чтобы получить известь. Она подумала, что всех этих сотен ведер, которые она собрала, вряд ли достаточно для фундамента дома Филипа, так что пройдут годы, пока здесь смогут построить настоящий город, где будет церковь, магазины и мощные улицы.

Поднимаясь за Тенчем на холм, Мэри держала голову высоко поднятой и не обращала внимания на злобные комментарии и пристальные взгляды. Уилл всегда заявлял, что никто никогда не станет доносить на него, но это был еще один его недостаток: глупая тщеславная уверенность в том, что он особенный. Уилл, вероятно, похвастался кому-то о рыбе, и ему не пришло в голову, что, когда возникает зависть, дружба и преданность кончаются.

Мэри пришлось подождать снаружи на веранде, пока Тенч вошел в дом, чтобы получить для нее разрешение поговорить с Филипом. Шарлотта начала скулить от голода, и Мэри

покачивала ее на руках, стараясь успокоить. При этом она обернулась и посмотрела вниз с холма на город.

Пока они шли, стало темно, и город, освещенный множеством костров, вдруг показался ей красивым. Мэри видела силуэты женщин, готовящих на огне. Пламя костров освещало деревья и бросало мерцающий оранжевый отблеск на море за городом.

Мэри вздохнула. Несмотря на то что она говорила каждому, кто спрашивал, что будет на первом корабле, возвращающемся в Англию, когда окончится ее срок, она успела привязаться к этой странной новой земле. Конечно, Мэри ненавидела идею превратить это место в свалку для всех отходов общества, самых отчаянных и злых людей Англии. Но здесь были и свои преимущества. Летом иногда становилось слишком жарко, но теплое море всегда находилось рядом, и можно было окунуться в нем. Мэри любила песчаные пляжи. Зима здесь совсем не такая суровая, как дома, и, несмотря на странный вид большинства деревьев, ей нравился их резкий запах. Еще Мэри очень нравились чудесные птицы, которые обитали на этом материке. Вид летящей стаи серых птиц с розовыми брюшками вызывал у нее слезы умиления. Австралийские попугаи зеленовато-желтого цвета сидели на деревьях и насмешливо клекотали. Птицы здесь были всех цветов радуги, такие яркие, что казались ненастоящими. Мэри еще не видела животного, которое Тенч называл «кенгуру», и большой птицы, не умеющей летать. Возможно, они были слишком робкими и боялись приблизиться к людям, и, чтобы встретить их, нужно углубиться к центру материка.

Как бы Мэри ни любила свою страну, она была реалисткой. Голод в Англии ничем не отличался от голода здесь, но лучше голодать и находиться в тепле, чем голодать и мерзнуть. Если только не случится чудо, в Англии она не поднимется выше служанки. А здесь у нее есть шанс. Когда Мэри станет свободной, она сможет попросить себе в собственность землю, и перспектива построить что-то из ничего казалась ей привлекательной.

Часто по ночам Мэри мечтала, что у нее будет несколько домашних животных, что она станет выращивать овощи и фрукты и сидеть по вечерам на крыльце с Шарлоттой и Уиллом, глядя на их землю. Уилл всегда высмеивал такие идеи. Он хотел жить и рыбацком поселке с таверной в центре. Но Мэри всегда возражала, что здесь он сможет построить свою собственную таверну.

— Можешь заходить, Мэри, — мягко сказал Тенч за ее спиной. — Я должен предупредить тебя, что капитан Филип очень сердит и разочарован. Я не думаю, что ты уговоришь его помиловать Уилла.

Мэри знала, что Тенч сделал бы все, что в его силах, для нее и Уилла, потому что, несмотря на все невзгоды, от которых офицеры страдали не меньше каторжников, он по-прежнему заботился о ней. Мэри все так же желала его, это желание не исчезло после замужества. За проведенный здесь год она видела многих офицеров, которые когда-то были выше того, чтобы связываться с женщиной-заключенной, но со временем не устояли перед соблазном. И в глубине души Мэри знала, что, если Тенч позовет ее, она выпрыгнет из своей шкуры, чтобы быть с ним, несмотря на свой брак.

Но Мэри почему-то была уверена, что Тенч этого не сделает. Она знала, что волновала его. Мэри видела это в его глазах каждый раз, когда он останавливался перед ее хижинкой, или высматривал ее в толпе женщин, или нежно гладил Шарлотту. Уже одно то, что она ему не безразлична, помогало ей. У нее было что-то хорошее, о чем можно мечтать по ночам, стимул для того, чтобы следить за чистотой и опрятностью, и еще одна причина, чтобы выжить.

А еще это придавало Мэри храбрости при встрече с капитаном Филипом, и та же непокорность, удержавшая ее от рыданий, когда она услышала свой смертный приговор, ожила в ней, когда она вошла в дом губернатора. Мэри не намерена смотреть, как вешают Уилла, пока сама жива.

Когда Мэри вошла в комнату, капитан Артур Филип сидел за письменным столом и держал в руке ручку.

— Благодарю вас, что вы согласились встретиться со мной, сэр, — начала она и сделала неловкий реверанс.

По городу ходили слухи, что дом Филипа был очень внушительным внутри, полным красивой мебели и серебряных тарелок. Но, к удивлению Мэри, он оказался даже менее шикарным, чем жилище приходского священника в Фоуэе. Там стояли письменный стол, стул, на котором Филип сидел, и несколько кресел у камина, но кроме фотографии в серебряной рамке с изображением женщины, несомненно его жены, здесь практически ничего не было, даже ковра на полу.

Капитан Филип и сам казался таким же невзрачным, как его дом, — пятидесятилетний, худой и невысокий, с лысой макушкой. Но все же у него были чудесные темные глаза, и Мэри подумала, что на нем отлично сидит его морская униформа.

— Я полагаю, вы пришли просить за своего мужа? — спросил он холодно.

— Нет, я пришла просить за всю колонию, — ответила Мэри безо всяких колебаний. — Потому что если вы повесите Уилла, все обречены на голодную смерть, и вы в том числе.

Филипа крайне удивило подобное заявление, и его темные глаза широко раскрылись.

— Без рыбы, которую он поставляет, мы умрем от голода, — продолжала Мэри, прижав к себе Шарлотту чуть крепче, чтобы она не плакала. — Второго такого рыбака, как Уилл, нет. Если бы вы не лишили его права забирать домой чуть-чуть рыбы, этого никогда бы не произошло.

— Это оказалось неизбежным, ситуация была критической, — сказал Филип холодно, раздраженный тем, что у нее хватает смелости обсуждать его приказы. — И ваш муж не просто взял пару рыбин. У него их было много. Он выменивал их на продукты, украденные из запасов. Каждый раз, когда кто-нибудь ворует оттуда, еды для колонии остается все меньше. Это крайне серьезный проступок.

— Разве вы не сделали бы то же самое, если бы ваша семья смотрела в лицо смерти? — спросила Мэри, взглянув на фотографию его жены.

— Нет, не сделал бы, — ответил Филип твердо. — Еда распределяется по справедливости. Я получаю то же, что и вы, и не больше.

Мэри сомневалась в этом, но не осмелилась произнести это вслух.

— Чего вы добьетесь, если повесите Уилла? — спросила она. — Я останусь одна воспитывать ребенка, люди, которые крадут из амбаров, будут продолжать красть, и все мы станем еще больше страдать от голода.

Филип посмотрел на Мэри, отметив, что она такая же оборванная, как и остальные женщины-заключенные, но чистая. Даже ее голые ноги были всего лишь пыльными, но не грязными, как у многих каторжниц.

Лейтенант Тенч часто говорил об этой женщине, которую он считал умной и прямой, и утверждал, что она подавала хороший пример другим женщинам на «Шарлотте». На ее поведение не было никаких нареканий. В конце концов, Филип сам отмечал, что Брайанты — идеальные заключенные.

— Сейчас идите домой, — сказал губернатор. — Суд над Уиллом будет завтра. Сегодня ночью он останется под охраной.

Мэри направилась к двери, но, прежде чем уйти, повернулась и пронизывающим взглядом посмотрела на Филипа. Он увидел сильный страх и отчаяние в ее глазах, когда она протянула к нему ребенка.

— Пожалуйста, сэр, — умоляюще произнесла Мэри. — Посмотрите на мою девочку. Сейчас она красивая и здоровая, но без Уилла какой она будет? Я позабочусь о том, чтобы Уилл не сделал больше ничего дурного. Пожалуйста, ради всего святого и ради этого ребенка, пощадите его!

Она ушла, скользнув в темноту, как кошка.

Филип какое-то время сидел, глубоко задумавшись. Женщина была права. Если он повесит Уилла, призрак голодной смерти подойдет еще ближе.

— Будь они прокляты, эти идиоты англичане! — пробормотал он. — Где продукты, о которых мы просили? Как я могу добиться того, чтобы колония кормила себя сама, если мне не дали даже самого необходимого оборудования и людей с профессиональными навыками?

Он серьезно беспокоился по поводу всего, что касалось этого эксперимента: неплодородной земли, быстро исчезающих запасов еды, поведения каторжников и аборигенов. Так и предполагалось, что каторжники не возьмутся за дело с должной энергией и сами себе не помогут. В основном это были городские жители, и они больше знакомы с кружкой эля, чем с плугом. У них не было морали: десятки женщин рожали детей или ждали ребенка, при этом меняя партнеров без угрызения совести. Они с большим удовольствием стояли и болтали, чем работали, и предпочитали воровать овощи, а не выращивать их. Филип мог понять их, в конце концов, всех их сослали сюда по веской причине. Но его очень разочаровали аборигены.

Филип считал, что, если с ними будут обращаться с дружелюбием, они ответят тем же. К несчастью, все обернулось по-другому: за последние месяцы несколько каторжников, работавших за пределами лагеря, были зверски убиты. Губернатор все еще хотел найти общий язык с этими людьми, узнать у них, где протекают большие реки и где расположены плодородные земли, расспросить о местных животных и птицах, но все его усилия ни к чему не привели.

По правде говоря, когда колонии исполнился год, Филип сильно забеспокоился. У него было поселение в Сиднейском заливе, еще одно на острове Норфолк, а теперь еще Роуз Хилл, но заключенные проявляли мало интереса к работе, пехотинцы постоянно ворчали, а ситуация с аборигенами ухудшалась, вместо того чтобы улучшаться. Если не пришлют питьевой воды и лекарств, уровень смертности поднимется еще выше. Из-за беспокойства Филип с трудом засыпал по ночам и не представлял, чем это все закончится.

В караульном помещении Мэри кусала пальцы, когда судья Коллинз встал, чтобы сообщить Уиллу о мере его наказания. Как Мэри и предполагала, кто-то донес на Уилла, и она догадалась, что это сделал Джозеф Паджетт, который был и на «Дюнкирке», и на «Шарлотте». Он все время завидовал Уиллу во время плавания, и Мэри вспомнила, каким злобным взглядом он посмотрел на Уилла в день их свадьбы.

Чарльз Уайт, хирург с «Шарлотты», заступился за Уилла, но даже после этого Мэри была уверена, что его повесят. Она знала, что Уилл тоже так думает, потому что его лицо стало мертвенно-бледным, он кусал губы и изо всех сил сдерживался, чтобы не дрожать.

— Я приговариваю тебя к сотне плетей, — сказал Коллинз. — Ты будешь лишен командования рыбалкой и лодкой. И выселен вместе со своей семьей из хижины, в которой ты проживаешь.

Уилл бросил взгляд на Мэри, и на его лице отразилось некоторое облегчение, но и беспокойство по поводу того, как она отнесется к потере хижины.

Мэри сейчас не могла об этом думать. Хоть ей и стало легче из-за того, что Уилла не повесят, и сто плетей казалось легким наказанием по сравнению с тем, что она предвидела, однако любая порка все же была кошмаром, и она почувствовала подступающую тошноту.

— Уведите его для наказания, — сказал Коллинз.

Всех заключенных и даже их детей согнали смотреть, как Уилла будут пороть. Они стали полукругом возле большого деревянного треугольника, с двух сторон которого приставили пехотинцев-барабанщиков. Перед треугольником стоял пехотинец, который должен был пороть. Он скинул рубашку и вытирал пот со лба тыльной стороной ладони: день выдался очень жарким. В другой руке он держал кошку-девятихвостку [\[10\]](#), и каждый ремень был смазан смолой и завязан узлом на конце.

Пехотинцы забили в барабаны, и Уилла подвели к месту наказания. Его охранники сняли с него рубашку и привязали его руки к верхней части треугольника. На мгновение наступила тишина — ни шепота обеспокоенных друзей, ни детского крика. Нее полностью сосредоточились на гнусной сцене, свидетелями которой они должны были стать.

Снова объявили наказание Уилла, и один из пехотинцев, который привел его из караульного помещения, начал отсчет.

Мэри была свидетельницей около трех десятков порок, как женщин, так и мужчин, и это всегда приводило ее в ужас, даже когда она считала, что жертва заслуживает наказания. Некоторым давали тысячу плетей — пятьсот в один день, а пятьсот отсрочивали, пока не заживет спина. Некоторые умирали в середине наказания, а у тех, которые выживали, оставались шрамы до конца жизни. Мэри стало дурно еще до того, как пехотинец поднял руку для первого удара. Она столько раз ласкала эту широкую загорелую спину и знала каждый ее сантиметр как свои пять пальцев.

Уилл не вздрогнул при первом ударе, он даже попытался улыбнуться Мэри, будто хотел показать, что ему не больно. Но уж первый удар оставил красную полосу, и его улыбка, какой бы смелой она ни казалась, не обманула ее.

Счет шел медленно, между каждым ударом проходило полминуты, и на восьмом брызнула кровь. Уилл уже больше не мог улыбаться, его тело дергалось от каждого удара, и он кусал губы, стараясь не кричать.

А плеть все летала, и мухи усаживались на свежую кровь, которая брызгала с его спины, как вода из решета. После двадцать пятого удара Уилл прижался к треугольнику и его лицо исказила болезненная гримаса. Мэри спрятала лицо Шарлотты на своей груди и закрывала ей уши каждый раз, когда били в барабан. Но она все равно слышала свист плети в тишине и скрип ботинок пехотинца, когда он поворачивался, чтобы лучше размахнуться плетью. До нее доносился запах крови Уилла и жужжание мух, упивавшихся ею.

Прошло уже более часа, и многие в толпе были близки к обмороку от стояния на жарком солнце. После пятидесяти ударов Уилл потерял сознание. Жилы на его спине белели сквозь изодранную кожу. Он висел, и его поддерживали лишь веревки на запястьях, а ноги безжизненно болтались.

Мэри рыдала. Она ненавидела власть, которая отдала такой жестокий приказ, и презирала тех пехотинцев, которые часто разговаривали и шутили с Уиллом, а теперь стали его палачами.

Барабан наконец умолк, и счет прекратился. Уилла отвязали от треугольника, и он соскользнул на землю. Его бриджи и ботинки намокли от крови, и муравьи уже несли крошечные кусочки его плоти на своих спинах.

Мэри подбежала к нему, умоляя окружающих принести ей тряпок и воды, чтобы обмыть ему спину. Уилл был без сознания. Его лицо все еще искажала гримаса, и Мэри припала к земле рядом с ним, держа Шарлотту на руках.

— Давай я возьму Шарлотту, — произнес знакомый голос.

Мэри обернулась и удивилась, увидев Сару с ведром воды и тряпками. На ее грязном лице были полосы от слез, и казалось, что страдания Уилла и горе Мэри напомнили ей об их старой дружбе.

— Сохрани тебя Бог, Сара, — сказала Мэри с благодарностью, отдав ей ребенка. Она умыла Уиллу лицо, а затем снова посмотрела на Сару. — Я должна унести его с солнцепека, но теперь мне некуда идти, потому что они отняли нашу хижину.

— Неси его в мою, — предложила Сара, наклонившись и погладив Мэри по плечу. — Держись, я позову мужчин на помощь.

Когда Сара ушла с Шарлоттой на руках, Мэри прижалась губами к уху Уилла.

— Ты слышишь меня, Уилл? — прошептала она.

Он не ответил, но его веки дрогнули.

— Я клянусь тебе, что мы сбежим отсюда, — прошептала Мэри, и в ней поднялась волна ненависти к капитану Филипу и всем, кто за это отвечал. — Мы найдем способ, вот увидишь. Я не позволю, чтобы это случилось снова.

Позже, в тот же день, Мэри сидела на земле рядом с Уиллом в маленькой хижине, осторожно промокая ему спину. Она снова думала о своей старой клятве совершить побег. Мэри ни разу не вспомнила о ней с момента их прибытия, и сейчас ей показалось невероятным, что она смирилась с этим ужасным местом и даже привязалась к нему. Но больше она не собиралась терпеть. Ей нужно увезти отсюда Уилла и Шарлотту и сделать это как можно быстрее.

Глава седьмая

— Подвинься, Мэри, — прошипела Сара в темноте. — Ты не с Уиллом в постели.

Мэри слегка улыбнулась. Ей бы хотелось снова оказаться в постели с Уиллом в своей хижине. Они с Шарлоттой жили в одной хижине с пятью женщинами. Но, несмотря на тесноту, Мэри была очень благодарна Саре и ее подругам за то, что они позволили им остаться. В минуты отчаяния Мэри цинично издевалась над их добротой, повторяя себе, что она снова опустилась до их уровня. Но все-таки она предпочитала думать о том, что, по крайней мере, Саре порка Уилла помогла вернуть ее прежние качества — сострадание и великодушие.

Уилл находился в хижине с Джеймсом, Сэмюэлем и Джейми, и Мэри нечасто выпадала возможность увидеть его, поскольку на следующий день после наказания его послали работать на печи для обжига кирпича. Его спина все еще не зажила. Мэри была возмущена очередным жестоким решением послать на такую тяжелую физическую работу человека, у которого на спине не осталось живого места. Она пошла встретить его после первого рабочего дня, и, увидев его, Мэри расплакалась. Уилл еле переставлял ноги, его рубашка вымокла от крови, и лицо было искажено болью. Он решил поплавать в море, надеясь, что от этого раны скорее заживут, но едва смог двигать руками и так побледнел, что Мэри подумала: он вот-вот лишится чувств. Несмотря на все перевязки, раны не заживали, в них проникла грязь, которая вызвала инфекцию. У Уилла остались шрамы на всю жизнь — на теле и на душе. Мэри казалось, что она находится в темном туннеле, в конце которого не видно ни искорки света. Ее разделили с мужем. Она потеряла хижину. Рацион снова урезали, увеличилось число больных, и каждую неделю смерть забирала все большее количество людей.

Раньше было принято, чтобы во время похорон останавливалась работа и все присутствовали на них, но теперь это правило отменили, иначе работа не двигалась бы вообще. Смерть стала обычным явлением, таким же, как обнаруженная кража или несчастный случай. Проходил слух, что Джек, Билл или Кейт скончались, но людей интересовало только то, кому достанутся личные вещи покойника. И это в том случае, если их еще не успели украсть. Смерть ребенка вообще проходила незамеченной: для всех, кроме матери, это означало, что на один лишний рот стало меньше.

Мэри заставили стирать белье в тот же день, когда пороли Уилла. Хотя стирка одежды офицеров и морских пехотинцев не была особенно тяжелой работой, Мэри утомляло то, что приходилось постоянно следить за сохранностью вещей. Рубашки были в большом спросе, и, если они сохли без присмотра, другие женщины обязательно воровали их. Но если пропадала рубашка, наказывали всегда прачку, даже если у нее не находили этой рубашки.

Мэри поддерживала только мысль о побеге. Она сидела у нее в голове с рассвета до заката, отвлекая ее от голода, от похорон и распушенности, царившей вокруг нее. Четверо женщин сбежали в лес, но их скоро поймали. Другие беглецы либо были убиты аборигенами, либо умерли без воды и пищи. Иногда их тела находили спустя некоторое время. Многие возвращались, поджав хвост, чтобы их снова заковали в кандалы.

Мэри знала от Тенча, который много раз отправлялся исследовать эти земли, что бежать некуда: в глубине материка были лишь бесконечные мили бесплодной земли, покрытой кустарником. Несколько мужчин украли лодку, но они не были моряками и

перевернули ее, и вскоре их подобрали.

Но Мэри была знакома с лодками и с плаванием. Она знала, что ей понадобится секстант [\[11\]](#), много еды и карты местных вод. Но в первую очередь ей нужно узнать, где находится ближайшее цивилизованное поселение, и найти лодку, подходящую для бурного моря.

Мэри рассказала все это Уиллу несколько дней назад, но он просто посмеялся над ней.

— Лодка, секстант и карты! Любимая, может сразу попросишь звездочку с неба? — спросил он.

Мэри хорошо понимала, насколько это трудно, но она не соглашалась признать это невозможным только потому, что никто другой не осмеливался сделать этого. Она знала, что капитан Филип и его офицеры пытались общаться с аборигенами и ничего не добились, но она сама предпринимала попытки в этом направлении, и они увенчались успехом.

Мэри приписала свою удачу Шарлотте. В то время как аборигены, возможно, были напуганы мужчинами в военной форме, они не боялись маленького ребенка, почти такого же голого, как их дети. Мэри гуляла по пляжу и подошла к следующей бухте, собирая хворост для огня. Внезапно она заметила, что за ней наблюдает несколько местных женщин с детьми. Мэри опустила на землю, посадив Шарлотту к себе на колени, и начала петь ей разные песенки. К своему восторгу, она услышала, как к ней присоединился другой голос. Это была еще одна маленькая девочка, и, когда Мэри повернулась и улыбнулась ей, ребенок подошел ближе.

Мэри делала то же самое в последующие несколько дней, и на четвертый день девочка подошла и села рядом с ней. Ее мать стояла чуть поодаль и наблюдала. Вскоре к ним присоединились другие дети, а через несколько дней все уже выучили несколько слов из песен Мэри.

Она показала местным женщинам несколько листьев «сладкого чая» — похожего на виноград растения, которое заключенные заваривали и пили. Это растение казалось снадобьем от всех болезней. Оно облегчало голодные боли, успокаивало и придавало энергии, и полагали, что оно отпугивало болезни, поскольку те каторжники, которые пили «сладкий чай» постоянно, меньше страдали от дизентерии. Заключенные истощили все запасы этого растения вблизи лагеря, и Мэри надеялась, что аборигены покажут ей, где еще оно растет. И они показали, поведя ее туда так быстро, что ей пришлось бежать, чтобы успевать за ними, и даже помогли ей его нарвать.

Большая часть заключенных ненавидела аборигенов. Частично по той причине, что туземцы были свободны, в то время как каторжникам приходилось работать, но в большей мере потому, что арестанты считали себя выше местных жителей. Заключенные привыкли чувствовать себя людьми второго сорта, а местные, по их мнению, были еще ниже. Каторжники с горькой обидой смотрели на то, как офицеры дарили этим дикарям безделушки и настаивали, чтобы с ними хорошо обходились, тогда как с заключенными обращались жестоко и не признавали за ними никаких прав.

Мэри никогда не разделяла этого мнения, хотя она и не считала аборигенов привлекательными людьми. По ее мнению, вонь от их тел, натертых рыбьим жиром, их приплюснутые носы и постоянно висящие над толстыми губами сопли делали их всех, кроме детей, страшными как смертный грех. Но Мэри была достаточно умной, чтобы понимать, что они, вероятно, точно так же считали белых людей уродливыми, и, кроме всего прочего, это их земля, и они прижились на ней прекрасно. Ее интерес к ним подогревал энтузиазм

Тенча. Он считал, что, для того чтобы действительно создать настоящую страну, нужно научиться понимать ее коренных жителей. Но Мэри хотела понять их не для того, чтобы осесть здесь: она рассчитывала на их помощь в случае побега.

Мэри продолжала налаживать с ними отношения. Она тепло улыбалась и проявляла интерес к их детям, и подружиться было несложно. Мэри назвала их своим именем, и они сделали то же самое. Они трогали ее волосы и кожу, со смехом прикладывая к ее рукам свои черные руки, чтобы показать разницу. Мэри рисовала примитивные картинки местных животных на песке, и аборигены говорили, как они называются. Она нарисовала один из кораблей, а потом длинную волнистую линию, чтобы показать им, что белые люди прошли долгий путь, прежде чем очутиться здесь. Ей очень хотелось нарисовать свою страну и показать, как она отличается от их страны, но это было слишком сложно. Мэри интересовало, понимают ли они, что такое колония белых людей, и известно ли им вообще значение слова «заклученный».

Как отметил Тенч, пока сюда не пришли белые люди, аборигены вообще понятия не имели, что такое кража. У них не было тяги к накопительству, и они просто оставляли свои инструменты, каноэ и другие вещи там, где им было удобно. Во многом их враждебность объяснялась тем, что белые люди брали принадлежавшие им вещи. И кто мог винить аборигенов за то, что они отвечали на это насилием?

Мэри день за днем продолжала общаться со своими новыми знакомыми. Они казались здоровыми и упитанными, и хотя Мэри знала, что их основной пищей была рыба, которую они ловили на своих каноэ, она догадалась, что они дополняли свой рацион чем то еще. Мэри хотела знать чем, потому что они ничего не выращивали и не разводили животных. Она думала, что если узнает об этом, это поможет ей при побеге.

К ее ужасу, женщины показали ей личинок и насекомых, которых они выкапывали из гнилых пней. Хотя пустой желудок Мэри сводило от одной только мысли о том, чтобы есть это, она храбро попробовала несколько личинок и убедилась, что они не так плохи, как она ожидала.

Из-за сильного дождя Мэри почти неделю не общалась с аборигенами, а когда она наконец отважилась вернуться в соседнюю бухту, то никого там не обнаружила. Это встревожило ее. Мэри знала, что эти люди не жили оседлыми деревнями, а бродили где им вздумается. Но ей было известно, что это их любимое место для рыбалки.

Она прошла дальше, чем ходила обычно, пока ее не остановило жужжание насекомых и порхание птиц над головой. Чуть дальше Мэри заметила, что у кустов над пляжем что-то лежит, и, к своему ужасу, увидела, что это мертвый абориген, облепленный муравьями. Подхватив Шарлотту на руки, Мэри со всех ног бросилась обратно в лагерь.

Она все еще бежала, когда увидела Тенча. Наверное, он вернулся из Роуз Хилл прошлой ночью. Он тепло улыбнулся ей.

— Ты так торопишься, — сказал Тенч. — Что-нибудь случилось?

— Там мертвый в соседней бухте, — выпалила Мэри.

— Кто-нибудь из твоих знакомых? — пошутил он.

Но Мэри было не до смеха, поскольку она боялась, что умерший был одним из тех туземцев, с которыми она подружилась.

— Я думаю, это абориген, — сказала Мэри. — Я не подходила достаточно близко, чтобы удостовериться. Они ведь не оставляют своих мертвецов непогребенными, правда?

— Думаю, что нет, — Тенч выглядел озабоченным. — Я надеюсь, что это естественная

смерть, а не нападение со стороны одного из наших людей, у нас и без этого достаточно неприятностей. Но я сейчас пойду и проверю.

Посоветовав Мэри не уходить далеко из лагеря, он ушел.

Лишь через несколько дней у Мэри появилась возможность снова поговорить с Тенчем. На следующий день, после того как она рассказала ему о мертвом теле, Мэри видела, как он отплывает с отрядом морских пехотинцев, но вполне возможно, что Тенч отправлялся осматривать мысы в конце залива.

Она как раз выходила из амбара, получив паек для себя и Шарлотты, когда увидела, как Тенч спускается с холма со стороны дома капитана Филипа. Он показался ей очень озабоченным и расстроенным.

— В чем дело? — спросила Мэри, когда он подошел ближе. — У вас не нашлось для него подарка?

Это была их старая шутка. Раньше, когда Тенч заглядывал, чтобы навестить ее и Уилла, он обычно приносил какую-нибудь еду. Это не было ничем особенным — яйцо для Шарлотты или немного овощей. Но когда времена стали более трудными и он не приносил ничего, Тенч всегда извинялся и выглядел смущенным. Мэри поддразнивала его и говорила, что если он приходит без подарка, то ему не рады.

На этот раз Тенч лишь натянуто улыбнулся.

— Капитана не обрадовали мои новости, — сказал он. — Вдоль залива лежат десятки мертвых и умирающих аборигенов. Как тот, которого ты видела.

Мэри инстинктивно обняла Шарлотту крепче.

Тенч увидел ее страх и положил ей руку на плечо.

— Не беспокойся, хирург Уайт не встретил здесь подобных случаев. Это, должно быть, что-то, что заражает только их. Но держись подальше от аборигенов, просто на всякий случай. Капитан Филип пошлет кого-нибудь посмотреть и разузнать, что мы можем сделать.

Сказать Мэри «не беспокойся» было все равно что сказать солнцу «не свети». Она испытывала ужас при мысли, что болезнь может распространиться на лагерь и убить Шарлотту, и все ее существо любой ценой стремилось к побегу.

Всего лишь за несколько дней до этого «Провиант», самый маленький корабль флотилии, вернулся с острова Норфолк с новостью, что двадцать шесть из двадцати девяти пребывавших там заключенных изобрели план, как сманить команду с корабля и уплыть на нем. По всем расчетам план был первоклассный и удался бы, если бы кто-то на них не донес. Хотя, с одной стороны, это означало, что идея Мэри осуществима, с другой стороны, было понятно, что охрана усилится еще больше, а наказания за любой проступок станут строже.

Это подтвердилось лишь через несколько дней, когда шестерых морских пехотинцев повесили за кражу из амбара. Оказалось, что они проникали туда на протяжении нескольких месяцев, сделав ключи от замков, и пока один из них стоял на страже, другой впускал своих друзей грабить.

Большинство заключенных были довольны, что капитан Филип так же сурово обращается со своими людьми, как и с заключенными. Но Мэри поняла, что Филип в панике, потому что знает, что запасов не хватит до прихода кораблей из Англии.

Как обычно, когда кого-то наказывали, все должны были при этом присутствовать. Мэри увидела, как на шею каждому из провинившихся набрасывают веревку, и услышала звук убираемого из-под их ног помоста. И когда они остались висеть в воздухе, она почувствовала такое отчаяние и страх, как никогда ранее.

На ее взгляд, в этом месте не было ничего хорошего: продажные охранники, женщины, получающие тридцать плетей за драку, и постоянный голод, обрекающий на смерть. Мэри казалось, что она попала в ловушку с несколькими сотнями безумцев.

Однако в апреле ситуация немного изменилась в пользу Мэри и Уилла, поскольку из-за нехватки еды капитан Филип был вынужден вернуть Уилла к рыбной ловле под контролем. Мэри мрачно улыбнулась про себя, поскольку она оказалась права: без ее мужа они бы не справились. Без его участия улов был до смешного маленьким, и хотя Уилл очень возмущался, что за ним следят, он, по крайней мере, доказал свою необходимость, и они вернули себе свою старую хижину.

Какой бы суровой ни была эпидемия, убившая половину местного населения в заливе, она не распространилась на новую колонию. Умер лишь один белый моряк с «Провианта». Хирург Уайт склонялся к мнению, что это была оспа, но как она началась, осталось тайной. Если они завезли ее с собой на кораблях, эпидемия возникла бы намного раньше.

Затем в первых числах мая подавленное настроение всей колонии па некоторое время развеялось с прибытием из Кейптауна «Сириуса». Хотя на корабле в основном была мука, а не более необходимые продукты, такие, как мясо, он принес и хорошие новости о том, что плывут еще корабли, а с ними долгожданная почта для тех счастливиц, которые имели родных и близких, умевших писать.

И все же вид корабля, стоявшего в заливе, похоже, угнетающе повлиял на Уилла. Мэри много раз видела, как он, прежде чем отправиться днем на рыбалку, стоял на берегу и, не отрываясь, смотрел на «Сириус». Когда она пыталась поговорить с ним, Уилл огрызался, а когда он не работал, то не заходил за ней и Шарлоттой, как делал это раньше.

Однажды во второй половине дня Мэри несла выстиранное белье обратно в бараки, оставив Шарлотту играть с другим ребенком. Вдруг она услышала громкий голос Уилла, доносившийся из хижины Джеймса Мартина. Мэри догадалась, что они где-то умудрились достать немного рома.

Мэри испытывала противоречивые чувства к Джеймсу Мартину, этому ирландскому конокраду. Она была в восторге, что снова встретила с ним, как и с Сэмом Бердом, поскольку дружба, зародившаяся на «Дюнкирке», становилась здесь чем-то вроде семейных уз. Джеймс был очень забавным и обаятельным мужчиной, умным и красноречивым, к тому же он умел читать и писать. Но он чрезмерно увлекался выпивкой и женщинами.

Мэри знала, что он обычно вовлекал других в неприятности, а сам при этом выходил сухим из воды благодаря своему обаянию. Он не знал слова «верность»: Джеймс Мартин всегда и всюду заботился лишь о себе самом. Мэри чувствовала, что он дурно влияет на Уилла.

Она по своей натуре не была человеком, который сует нос не в свое дело, но Уилл беспокоил ее, когда пил, потому что начинал сильно хвастать и часто становился агрессивным. А еще ее интересовало, где они с Джеймсом достали выпивку: если Уилл снова воровал рыбу, чтобы обменивать ее на ром, она хотела узнать об этом первой.

Вокруг больше никого не было, так что Мэри удалось прокрасться к задней стенке хижины Джеймса. Если бы кто-нибудь подошел, она сделала бы вид, что только что вышла из кустарников, куда ходила облегчиться.

Джеймс говорил о мужчинах, которые вступали в связь с аборигенками. По его мнению, мужчина, сделавший это, точно выжил из ума.

— Я думаю, так они, по крайней мере, в большей безопасности, чем с некоторыми

заразными ведьмами, — сказал Уилл и от души рассмеялся. — Именно поэтому я выбрал Мэри. Я знал, что она чистая.

Мэри не знала, стоит ли принять это как комплимент. Это была палка о двух концах.

— Она хорошая женщина, — произнес Джеймс чуть ли не с упреком. — Ты счастливчик, Уилл, и не только в этом.

— Я буду еще более счастлив, когда выберусь из этого проклятого места, — возразил Уилл. — И я окажусь на первом корабле, когда мой срок закончится.

— А Мэри ты не будешь ждать? — спросил Джеймс слегка лукавым тоном, и Мэри заподозрила, что они, вероятно, вовсе не пили вместе. Возможно, Уилл зашел навестить Джеймса, напившись до этого в другом месте.

— Ни черта я не буду ждать, — выпалил Уилл. — Во-первых, никакой корабль не возьмет меня с женщиной и ребенком, а во-вторых, мне и без нее хорошо.

Мэри показалось, будто ее ударили в живот. Одно дело, если Уилл не считал себя связанным законным браком, но совсем другое — говорить, что ему и без нее хорошо. Она повернулась и убежала, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Уилл не зашел в их хижину перед вечерней рыбалкой. Мэри сварила на огне немного риса, в первый раз не обратив внимания на личинок, всплывших на поверхность, когда вода стала нагреваться. К рису ей нечего было добавить, потому что они уже съели свою крошечную порцию соленой свинины в начале недели. Но у Мэри пропал аппетит, она готовила только для Шарлотты. Мэри почувствовала слабость и горе из-за того, что Уилл собирается ее бросить.

Шарлотта устроилась у самого огня, где сидела всегда, пока готовилась еда, и не сводила своих темных глазок с горшка на огне. Это еще больше расстроило Мэри, потому что скудной порции риса было недостаточно для того, чтобы ребенок рос здоровым. Она уже видела у своей дочери признаки недоедания, которые наблюдала у детей в самых нищих семьях Корнуолла: распухший живот, ввалившиеся щеки и тусклые, без блеска, глаза и волосы.

Если Уилл оставит ее и уплывет домой, побег будет почти невозможен. Она, вероятно, сможет спланировать его, достать все необходимое оборудование и легко справится с лодкой, но Уилл в совершенстве владел навыками навигации. Во всей колонии не было человека, который мог бы занять его место.

Перспектива остаться здесь одной привела Мэри в ужас. Она потеряет хижину, женщины будут смеяться над ней, а мужчины начнут к ней приставать. Она не сможет защитить Шарлотту от царящего вокруг разврата. Самое большее, на что Мэри могла надеяться, — это стать «женой-каторжницей» — любовницей одного из морских пехотинцев или офицеров. Но это тоже продолжалось бы до тех пор, пока он не вернется в Англию.

В тот вечер Мэри испытала целую гамму чувств: отчаяние, страх, гнев, но к тому моменту, когда Шарлотта проглотила рис и сонно повернулась к маминой груди, у нее созрел план. Точно так же, как она хладнокровно планировала найти любовника среди офицеров на «Дюнкирке», чтобы выжить, она снова собиралась использовать те немногие преимущества, которые у нее были.

Когда Уилл вернулся в свою хижину, уже начало светать. Он продрог до костей и промок, потому что в десять часов вечера начался дождь и стало очень холодно. Еще он был

до крайности утомленным и изголодался, поскольку они рыбачили всю ночь, но весь его улов состоял лишь из десятка рыбин. Уилл через все это уже проходил тысячи раз, как здесь, так и дома, в Корнуолле, но сегодня его особенно угнетало присутствие двух морских пехотинцев, приставленных, чтобы следить за ним.

— Скоты, — пробормотал Уилл и сердито сплюнул на песок.

Если бы не страх перед еще одной поркой, он бы им задал! Как они смели заявлять, что рыбы не хватает, потому что он не такой опытный рыбак, каким себя считает? И что он был пьян, когда сел в лодку? Он выпил пару рюмок рома, но это не повлияло на ясность его рассудка. В заливе просто не было рыбы. Если бы они согласились проплыть за мысы, как он хотел, они поймали бы тысячи!

Подойдя ближе к хижине, он очень удивился, увидев огонь и склонившуюся над ним Мэри.

— Почему горит огонь? Шарлотта заболела? — спросил он, подойдя ближе.

— Нет, она спит, — сказала Мэри. — Я подумала, что ты замерзнешь и проголодаешься, и сделала тебе завтрак.

У Уилла поднялось настроение. Он ожидал, что Мэри будет дуться, потому что он не зашел домой перед рыбалкой. Если бы она узнала, что он купил рома, вместо того чтобы принести им чего-нибудь поесть, она рассердилась бы еще больше.

— Завтрак? — переспросил Уилл, не веря своим ушам.

Мэри коснулась его мокрой рубашки.

— Снимай ее и вывеси сушиться, — сказала она, и голос ее был мягким и заботливым. — Завернись в одеяло, так ты согреешься. Я смогла поджарить тебе лишь немного хлеба. Это все, что у меня было.

Через пять минут, сидя на табурете в дверном проеме хижины с чашкой сладкого чая в одной руке и большим куском поджаренного хлеба в другой, Уилл почувствовал себя немного лучше. Первые лучи солнца осветили небо, и залив, окутанный утренним туманом, выглядел красивым. Это было его любимое время дня, когда просыпались и начинали петь первые птицы и еще не видно безобразного лагеря. Здесь, вероятно, наступила зима, но казалось так же тепло, как весенним утром дома в Англии.

На самом деле, глядя на окутанный дымкой «Сириус» и серо-зеленый залив за ним, Уилл мог представить, что стоит в гавани Фэлмаус и смотрит на Сен-Мейвс.

Уилл очень сильно скучал по Корнуоллу. Ему снились маленькие извилистые мощные улицы, дома, прижавшиеся друг к другу, ослепительно яркое солнце летом и пылающий камин в таверне в зимний вечер. Уилл подумал о том, на какой риск идут жители Корнуолла, перевозя контрабанду, и улыбнулся. Налегать на весла, борясь с волнами высотой с дом, вглядываться в утесы в ожидании света фонаря, предупреждающего о приближении сборщиков акциза, — это была игра с высокой ставкой, и только самые ловкие, смелые и сильные отваживались в нее играть. Но победители стаканами опрокидывали французский коньяк, рыбаков, шахтеров и фермеров называли деревенскими сквайрами, если им улыбалась удача.

И девушки там очень хорошенькие — розовые щечки, большая грудь и милая скромная улыбка. Когда он впервые увидел Мэри на «Дюнкирке», она тоже была такой. А сейчас она стала худой как грабли, с впалыми щеками и редко улыбалась.

Но Мэри встала, чтобы развести огонь и пожарить ему хлеб. Она следила за собой и не бегала за другими мужчинами.

— Пенни за твои мысли! — Мэри застала его врасплох, подойдя сзади и обняв руками за шею.

— Они не стоят даже пенни! — хмыкнул Уилл. — Я скажу тебе их бесплатно. Я думал о Корнуолле, о контрабанде и тавернах.

— Хочешь знать, о чем думаю я? — спросила она, поцеловав его в шею.

— Давай, — сказал он.

— О том, чтобы лечь с тобой в кровать, — произнесла Мэри. — И согреть тебя по-настоящему.

Уилл улыбнулся и почувствовал во всем теле приятную истому. Даже до порки они редко занимались любовью: голод и слабость об этом позаботились. Но с тех пор секс был забыт совсем: его израненная спина, работа возле печи для обжига кирпича и очередное урезание рациона выбили из него весь пыл.

— Вот это хорошая идея, любимая, — сказал Уилл, повернувшись, и схватил ее, чтобы поцеловать. — Как давно мы этим не занимались!

В тот же день, стирая белье у кромки воды, Мэри улыбнулась сама себе. Она почти забыла, какой особенной Уилл мог заставить ее себя почувствовать. Стоило подняться так рано. Ей даже удалось не думать о том, насколько она голодна.

В начале сентября Мэри убедилась, что снова беременна. Она была в восторге не только потому, что добилась своей цели и нашла способ удержать Уилла, но и потому, что он испытывал восхищение оттого, что станет отцом. И все же, как всегда, в колонии каждый счастливый момент омрачался чем-нибудь плохим. Стало известно, что один солдат изнасиловал восьмилетнюю девочку. Узнав об этом, Мэри впервые задумалась об уязвимости Шарлотты. До этого момента Мэри вряд ли осознавала, каким будет будущее ее ребенка, — ей хватало беспокойства по поводу того, как вырастить свою девочку. Но когда солдата даже не повесили, а отослали на остров Норфолк, она рыдала от ярости.

— Не принимай это так близко к сердцу, Мэри, — сказал Уилл, пытаясь ее утешить. — Его больше здесь не будет.

— Но там тоже есть дети, — напомнила она ему. — И в том числе маленькая Генриетта, ребенок Джейн. Ты сможешь объяснить мне, почему тебя выпороли за воровство, а человека, причинившего такую боль маленькой девочке, не считают опасным преступником?

— Я не знаю, — сказал Уилл, качая головой. — Точно так же, как не знаю, почему ко мне до сих пор приставляют пару человек, чтобы следить, как я ловлю рыбу. Если бы не они, я бы выплыл из залива и улов был бы лучше.

— Мы должны подумать о побеге, — проговорила Мэри возбужденно.

— Как мы можем это сделать, если ты ждешь малыша? — спросил он, нежно поглаживая ее живот.

— Именно из-за малыша, — возразила Мэри. — Разве ты не хочешь для него более счастливой жизни?

В ноябре вся колония повторяла новость о том, что лейтенант Бредли и капитан Келти с «Сириуса» по распоряжению капитана Филипа поймали двух аборигенов.

Пленников звали Беннелонг и Колби, и выяснилось, что у них нет жен и детей.

Лейтенант Бредли, офицер, отвечавший за их поимку, позвал осиротевшего местного мальчика, который жил у хирурга Уайта, чтобы тот объяснил, что его соотечественникам не причинят вреда.

Мэри с удивлением наблюдала за этой процедурой. Она всегда думала, что похищение кого-либо против его воли само по себе уже является преступлением. Мэри также думала, что двое аборигенов будут еще более встревожены, когда их умоют, побреют, оденут в одежду белых людей и закуют в кандалы, чтобы они не сбежали.

Еще через несколько дней пронеслась новость, что обоим пленникам удалось выбраться из кандалов. Колби сбежал, но Беннелонга поймали. Большинство заключенных находило все это крайне забавным. Они не считали Беннелонга человеком, имеющим чувства, а смотрели на него как на животное, которое нужно посадить в клетку. Но Мэри становилось дурно при этой мысли: было что-то трогательное в этом высоком, хорошо сложенном черном мужчине. Она представляла себе его смятение от того, что его силой затащили в странный, чужой мир. Его народ не знал никаких границ. Домом аборигенам служило временное укрытие пещеры или хижины из грязи и коры. В их племенах не было ни королей, ни принцев, все были равны. И как он мог понять классовое деление, существовавшее у белых людей, или их жажду наживы, власти и страсть к накоплению?

Мэри считала, что судьба Беннелонга очень похожа на ее собственную, и поэтому они могли бы стать союзниками. Ей пришло в голову, что, если она сможет показать ему, как воспользоваться преимуществами своего положения, в обмен можно было бы убедить его помочь им с Уиллом сбежать.

Недели медленно тянулись одна за другой, и Мэри все больше впадала в отчаяние. Для беременных женщин не предусматривалось дополнительного рациона, как это было на «Шарлотте», и она так голодала, что часто ходила в поисках личинок и насекомых, которых показывали ей аборигены. Весь декабрь и январь нещадно палило солнце. Мэри обычно просыпалась на рассвете, когда солнечные лучи падали на крышу хижины, и целый день до заката она трудилась не покладая рук.

Только отношения, которые она начала налаживать с Беннелонгом, вселили в нее робкую надежду. С помощью слов на его и языке, выученных благодаря детям, с которыми Мэри подружилась, она смогла подсказать ему, что, если он подыграет капитану Филипу, с его ног снимут кандалы и он станет важной особой для белых людей. Беннелонг, казалось, понял, что она имела в виду. Однажды он показал ей полбутылки рома, которые ему дали, и широко улыбнулся. Казалось, он с радостью останется в колонии, если ром будут давать еще.

Мэри знала, что пока слишком рано пытаться сделать его помощником какого бы то ни было плана побега. И потом, на ее большом сроке бежать невозможно. Откладывать и запасать еду они тоже не могли, и в любом случае в гавани не было кораблей. И «Сириус», и «Провиант» ушли, забрав девяносто шесть мужчин и двадцать пять женщин заключенных, а с ними двадцать пять детей, на остров Норфолк в надежде протянуть как можно дольше с запасами еды. Затем «Сириус» собирался в Китай, чтобы попытаться раздобыть еду, которая была им крайне необходима.

Когда они выплывали из Англии, у них было достаточно еды на два года, и вот теперь этот срок истек. Даже при том что ферма в Роуз Хилл собирала хороший урожай пшеницы, еды хватало, только чтобы протянуть еще несколько месяцев, и рацион снова урезали. Все, от капитана Филипа до самого отъявленного преступника, с нетерпением ожидали, когда

прибудет корабль и привезет провизию. Каждый день люди тащились до Дейвс Поинт, откуда хоть и с трудом, но можно было увидеть флагшток на Южном мысе залива. Поднятый флаг означал бы, что корабль приближается, но день за днем поселенцы разочаровывались в своих надеждах.

Страх умереть от голода поселился в душах каторжников. Он отражался на лице каждого заключенного, в их пустых глазах, впалых щеках и замедленных движениях. После того как огромное количество арестантов пехотинцы забрали на остров Норфолк и после бесчисленных смертей, случившихся за эти два года, Сиднейский залив выглядел как город-призрак и людям, раньше жившим по несколько человек в хижине, давали отдельную хижину каждому. После очередного сокращения рациона у них не осталось сил работать полный день. Был издан приказ о том, чтобы работать только до полудня; во второй половине дня разрешалось обрабатывать свой огород. Наконец Уиллу сказали, что он может рыбачить без охраны просто потому, что не хватало людей, которых можно было бы послать с ним на рыбалку.

Мэри почувствовала первые схватки ранним вечером тридцатого марта. Она сначала не поняла, что это схватки, предположив, что это всего лишь голодные спазмы. Уилл был на рыбалке, а дождь так хлестал, что земля превратилась в море скользкой красной грязи. Мэри уложила Шарлотту в постель и забралась туда сама, но боли продолжались, и они были такими сильными, что она не могла спать.

Мэри пролежала так всю ночь, уставившись в темноту и слушая, как непрерывно капает вода с крыши. К этому моменту она поняла, что малыш собирается выходить, но она настолько ослабла, что была не в состоянии встать и плестись по грязи и дождю за помощью.

Впервые за всю свою жизнь Мэри желала смерти. Она была истощена ежедневной борьбой за выживание и чувствовала, что не сможет удовлетворять нужды еще одного ребенка. Даже всхлипывающая иногда во сне Шарлотта не вызывала у нее угрызений совести. Мэри подумала, что, если будет лежать и игнорировать ребенка, который рвется в этот мир, он просто угаснет, а вместе с ним и она.

Но когда она закрыла глаза и попыталась заставить себя отправиться в темную долину смерти, перед ее глазами всплыло лицо матери. Мэри изо всех сил пыталась забыть о родителях и о сестре. Она уже давно не вспоминала их лица и звук их голосов и не задумывалась, вспоминают ли они о ней. Мэри ожесточилась настолько, что даже не думала о Корнуолле и не сравнивала его с Сиднейским заливом.

И все же перед ней сейчас было лицо матери. Мэри видела его так отчетливо, будто мама стояла прямо перед ней, освещенная ярким солнцем. В ее серых глазах явно читалась озабоченность, ее губы были слегка поджаты, будто в неодобрении, а пряди седых волос выбились из-под льняного чепчика. Мэри узнала выражение маминого лица. С таким выражением она всегда бранила дочь за недостойное женщины поведение. Мэри помнила, что ее мать всегда была сильной, она никогда не показывала своего беспокойства дочерям, когда корабль отца не возвращался в ожидаемое время. Ей как-то всегда удавалось ставить еду на стол и поддерживать огонь в очаге.

Мэри казалось, что мать пытается сказать ей, что она обязана бороться за жизнь ради своего ребенка.

С огромным трудом Мэри выбралась из кровати, нащупала в темноте кусок мешковины, набросила его на плечи и вышла под дождь.

Ближайшая хижина находилась лишь в двадцати ярдах, но схватки были слишком сильными, и она не могла держаться на ногах. Упав на четвереньки, Мэри из последних сил поползла по грязи искать помощи...

Первые солнечные лучи проникли на рассвете через открытую дверь хижины, когда ребенок Мэри наконец нашел путь наружу и очутился в не слишком уверенных руках Анны Томкин.

— Это мальчик! — воскликнула Анна, скорее утомленная, чем ликующая, держа ребенка рядом с дверью, чтобы осмотреть его на свету. — И у него довольно здоровый вид.

Ее слова подтвердил громкий сердитый крик. Мэри велела Анне завернуть своего сына в кусок тряпки и перерезать ему пуповину. У Анны не было детей, а ее муж Уилфред отправился за более профессиональной помощью и еще не вернулся.

Взяв ребенка на руки, Мэри забыла о боли, о голоде и даже о своем теле с засохшими на нем кусками крови и грязи. Бог дал ей мальчика, о котором она так мечтала. Он пощадил ее жизнь, и это означало, что можно надеяться на лучшее.

— Я назову его Эммануэль, — произнесла Мэри нежно.

— Он красавец! — проговорил Уилл с восхищением, баюкая сына на руках. Он только что вернулся с ночной рыбалки, вымокший, голодный и разбитый от усталости, но был в восторге, узнав, что Мэри родила ему сына. — И он принес нам удачу! У меня есть большая красивая форель.

Когда Мэри озабоченно взглянула на него, Уилл хмыкнул:

— Все честно. Они дали ее мне из-за ребенка. Я думаю, что у нас все наладится.

Мэри снова успокоилась и улыбнулась. Уилл всегда был ласков с Шарлоттой, с самых первых дней, но сейчас он просто плавился от нежности, когда смотрел на своего собственного ребенка.

— Тебе нравится имя Эммануэль? — спросила Мэри.

— Это очень хорошее имя, — сказал Уилл, нежно посмотрев сначала на сына, потом на нее. — Имя, в котором есть надежда. И я позабочусь о том, чтобы он научился его писать.

Этот день для Мэри был очень счастливым. Дождь закончился, вышло солнце, и Уилл отнес ее к морю и помыл. Между ними в прошлом было много прекрасных моментов, но никогда еще он не проявлял столько нежности и заботы. Он устроил ее поудобнее в самодельной кровати под каучуковым деревом возле хижины, уложил Эммануэля в старую колыбельку Шарлотты, а потом приготовил форель на огне с парой картошек, которые он умудрился где-то раздобыть. Затем, оставив Мэри спать, они с Шарлоттой прогулялись к хирургу Уайту, чтобы сообщить ему о новорожденном.

Мэри не спала, хоть и испытывала приятное чувство сытости. Уилл не принадлежал к числу тех мужчин, которые говорят о любви, но его действия сказали ей о том, что он к ней чувствует. Во время беременности она иногда испытывала вину за то, что загоняет его в ловушку, но сейчас это чувство ушло, когда она увидела его восторг по поводу рождения сына. Сейчас они были настоящей семьей, и, что бы жизнь им не готовила, они справятся с этим вместе.

Позже в тот же день зашел Тенч навестить их.

— Я слышал, у тебя родился мальш, — сказал он, опустив глаза на Мэри, укачивающую малыша под деревом. — Слава Богу, вы оба целы и здоровы.

— Правда, он самый красивый на свете? — спросил Уилл, держа Шарлотту у себя на коленях. — Я никогда не видел более крепкого малыша.

Тенч рассмеялся и наклонился, чтобы погладить ребенка по голове.

— Он весь в тебя, Уилл. Такие же светлые волосы и крепкое тело. Имей в виду, ты должен хорошо о нем заботиться.

— И обо мне тоже! — воскликнула Шарлотта возмущенно.

Они рассмеялись, потому что девочка сегодня явно вбила себе в голову, что на ее место посягают.

— Я всегда буду заботиться о тебе, — пообещал Уилл, подхватывая ее на руки и подбрасывая в воздух. — Ты моя маленькая принцесса!

— Не слишком обращай внимание на слухи, что Уилл собирался тебя бросить, когда закончится его срок, — сказал Тенч Мэри чуть позже, когда Уилл ушел хвастать друзьям, что у него родился сын. — Я не верю, что у него достанет смелости вообще когда-нибудь тебя бросить.

Мэри не удивляло, что до Тенча дошли эти слухи. Люди здесь не останавливались ни перед чем, передавая информацию. Она подумала: интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что ребенок был ее тайным планом, чтобы удержать Уилла?

— Я не слушаю, что говорят люди, — ответила она твердо. Мэри чувствовала себя сегодня такой счастливой, что все остальное не имело значения.

— Ты можешь попросить себе землю, когда Уилл будет свободен, — сказал Тенч.

— Что мы будем делать с этой землей? — спросила Мэри с улыбкой. — Мы не фермеры. Уилл счастлив только тогда, когда рыбачит.

— Тогда он сможет построить себе лодку и начать свою собственную ловлю. Может быть, вы откроете первую рыбную лавку в Новом Южном Уэльсе!

— Может быть, — ответила она. Ей хотелось бы верить, как верил Тенч, что однажды здесь будет настоящий город. Он, похоже, думал, что, когда проблемы уладятся, страна привлечет новых поселенцев для фермерства и торговли, как это произошло в Америке. — И может быть, завтра приплывет корабль с животными, плугами, семенами, фруктовыми деревьями, едой для нас всех, лекарствами и тканью на новую одежду, — сказала Мэри с едва уловимой ноткой сарказма в голосе.

— Корабли скоро будут здесь, — заверил Тенч, как говорил всегда, но на этот раз в его голосе было меньше уверенности. — Я ни за что не поверю, что Англия бросит нас здесь на произвол судьбы.

* * *

Эммануэля окрестили через несколько дней, четвертого апреля, под тем же самым деревом, где поженились Мэри и Уилл. Как всегда в подобных случаях, присутствовали все.

Во время свадебной церемонии Мэри считала, что одета плохо, но с тех пор серое платье, в котором она была, износилось до такой степени, что превратилось в лохмотья, и из него сделали платки для Шарлотты. Сменившее его просторное платье, которое ей выдали, — бесформенный мешок из грубого хлопка — износилось не меньше. Одна из более доброжелательных жен морских пехотинцев дала ей красную ленточку для волос и кусок фланели, чтобы сделать одежду для Эммануэля, — иначе Мэри пришлось бы завернуть его в тряпки.

Когда Мэри оглядела собравшихся, она увидела, как сильно сократилось их число с момента приезда. В основном все они тогда были здоровы, и глаза их блестели от возбуждения и дерзости. Она видела в них надежду, даже в те моменты, когда они жаловались на судьбу. Их голоса были громкими, они спорили, дрались, смеялись и толкались, как неугомонные дети. Мэри вспомнила, как однажды подумала, что ни за что не сможет запомнить столько имен.

Но сейчас было легко перечислить всех по именам. Многих забрала смерть, а после последнего переселения на остров Норфолк некоторых каторжников осталось, вероятно, менее ста пятидесяти человек. Увеличилось только количество детей, но на них было больно смотреть: огромные скорбные глаза на бледных, исхудавших лицах, ноги и руки, похожие на маленькие палки. Большинство детей сосало палец от голода.

Ни у кого Мэри не увидела сейчас ясных глаз, даже у офицеров. Никто не толкался, не слышно было громких голосов, только апатичные, изможденные лица, сильно постаревшие

от солнца и недоедания. Смех тоже звучал здесь редко, и даже те, кому все еще попадал в руки ром, хотели не веселья, а забытья. Потускнели даже яркие краски одежды, поскольку наряды, в которых некоторые заключенные щеголяли в первый день приезда, давно уже превратились в жалкие лохмотья.

Мэри подумала, что они все стали похожи на эту дикую землю. Такие же унылые и засохшие, как низкорослые кустарники с серо-зеленой смолой, такие же чахлые и безнадежные, как растения, которые они изо всех сил пытались вырастить.

Ей хотелось бы переложить вину на офицеров, но они тоже похудели и выглядели такими же изможденными. Что же касалось морских пехотинцев, Мэри искренне жалела их и их семьи, потому что их пайки были такими же, как у заключенных, их форма превратилась в лохмотья и они умирали так же, как и все остальные.

На следующий день рано утром Ваткин Тенч отправился на Дейвс Поинт посмотреть, не вывесили ли флаг на Южном мысе. Он плохо спал, потому что вчерашние крестины Эммануэля Брайанта сильно расстроили его. Хотя и приятно было видеть, как Мэри и Уилл радуются своему новорожденному сыну, ставшему солнышком в суровые времена, но Тенч понимал: если ребенок не выживет, Мэри будет убита горем.

Тенч хотел бы перестать так волноваться о ней. Он тысячу раз говорил себе, что их связывала только дружба, но правда заключалась в том, что каждый раз, когда он видел Мэри, его чувства становились все сильнее. Его сердце билось быстрее, когда он встречал ее. Тенч чувствовал себя беспомощным, зная, как сильно она нуждается в еде и приличной одежде. Мэри была гордой, не просила поблажек и с оптимизмом переносила все лишения. Она в самом деле умела видеть лучшее в том малом, что имела.

Тенч даже надеялся, что порка ожесточит Уилла, как она ожесточила других мужчин, что он станет настоящим смутьяном и Мэри перестанет быть так предана ему. Но вместо того чтобы разделить их, наказание дало обратный эффект, и малыш Эммануэль стал тому подтверждением.

Если бы только Тенч смог перестать строить пустые планы-мечты забрать Мэри с собой, когда закончится срок его службы! Он понимал, что если бы кто-нибудь узнал о его намерениях найти для них двоих маленький коттедж где-нибудь далеко от Плимута и рассказать семье и друзьям, что Мэри — вдова служившего здесь пехотинца, то над ним бы посмеялись.

Но Тенч продолжал цепляться за эти мечты. Он представлял себе, как Мэри снова расцветет на хорошей еде и каждую ночь будет лежать в его объятиях на пуховой перине. Когда Тенч заходил так далеко в своих фантазиях, то обнаруживал, что возбужден, и представлял, как целует эти маленькие груди, на которые он так часто поглядывал, когда Мэри кормила Шарлотту.

Тенч резко очнулся от своих мыслей, когда увидел, что на флагштоке подняли флаг. Это означало, что корабль либо бросил якорь в бухте, либо был замечен в море.

В огромном волнении он побежал в обсерваторию, где установили телескоп, и поспешно направил его на флагшток. Тенч увидел лишь одного человека, прогуливавшегося у флагштока, и, к своему огромному разочарованию, понял, что вряд ли прибыл корабль из Англии, иначе там было бы более оживленное движение. Скорее всего, это был «Сириус», который возвращался с Норфолка, прежде чем отправиться в Китай.

Тенч бежал всю дорогу обратно, чтобы увидеть капитана Филипа и доложить ему обо

всем, и, когда губернатор сказал, что сядет на лодку и поплывет встречать корабль, Тенч уговорил Филипа, чтобы тот позволил ему сопровождать его, потому что, по крайней мере, это отвлекло бы его от обычной рутины и от мыслей о Мэри.

Они прошли половину расстояния до мысов, когда увидели, что к ним с «Провианта» спустили весельный баркас. Тенч узнал Капитана Болла, отчаянно махавшего руками, и его сердце упало.

— Сэр, — сказал он, повернувшись к капитану Филипу, — приготовьтесь к плохим новостям!

Уилл бежал к Мэри по пляжу, где она стирала одежду. Мэри озабоченно подняла голову, услышав топот его ног.

— В чем дело? — закричала она, надеясь вопреки всему, что Уилл сообщит ей о прибывшем с провиантом корабле.

— «Сириус» потерпел кораблекрушение! — крикнул он в ответ.

Уиллу потребовалось некоторое время, чтобы перевести дыхание и объяснить, что он услышал внизу в гавани. «Сириус» как раз спустил лодки, нагруженные едой, в Сиднейском заливе у острова Норфолк, когда его понесло на подводные скалы. Капитан Хантер попытался предотвратить катастрофу, спустив якорь, но было уже поздно. Еще до того, как якорная цепь натянулась, корабль ударился о коралловый риф, который находился параллельно берегу. Когда вода ворвалась в трюмы, команда срубила мачты, чтобы корабль стал легче и смог удержаться на поверхности, но к этому моменту уже оставалось мало надежды на спасение.

— Они сбросили линии [\[12\]](#), чтобы вытащить людей на берег, — сказал, задыхаясь, Уилл. — Работали, пока не стало темно, так что уже ничего не было видно. На следующее утро вытащат остальное.

Эта новость повергла Мэри в состояние глубокого шока. Потеря «Сириуса» была для колонии смертельной раной. Как они теперь привезут продукты из Китая?

— Все целы? — спросила она. Мэри привязалась к некоторым из женщин и детей, которых послали туда.

Уилл кивнул.

— Слава Богу за это маленькое милосердие. — Потом его лицо расплылось в улыбке. — Несколько заключенных послали на корабль, чтобы вытащить оставшихся там животных. Каторжники нашли немного грога, зажгли костры и устроили вечеринку.

— Ох, Уилл, — вздохнула Мэри, — это не смешно.

— Мы должны смеяться, иначе до чего мы дойдем? — возразил он с возмущением. — И есть еще одна смешная история. Лейтенанта Кларка сбил с плота заключенный, упавший на плот. Заключенный не умел плавать, и Кларк вытащил его и благополучно доставил на берег. А потом избил палкой за то, что тот подверг его опасности.

Мэри засмеялась. С ее точки зрения, этот поступок был типичным для лейтенанта Кларка, которого она никогда не любила. Мэри считала его подлым лицемером, который провел большую часть первого года, вызывая к себе всех каторжниц, осужденных за проституцию, а потом до смерти надоедал Тенчу и другим офицерам рассказами о своей чудесной жене Бетси, которая осталась дома. А затем, после всего того что он говорил о женщинах-заключенных, у него хватило дерзости завести себе любовницу! Он даже дошел до крайнего цинизма, назвав родившуюся от этой связи девочку Бетси — именем своей

любимой жены. Его отослали контролировать остров Норфолк, и Мэри считала, что чем хуже ему там будет, тем лучше.

— А что произойдет теперь с нами? — спросила она Уилла. — «Сириус» был нашим единственным шансом спастись от голодной смерти.

Уилл нахмурился.

— Филип назначил на шесть часов особое совещание между офицерами.

Мэри знала от Тенча, что Филип не любил откровенничать с подчиненными. Он предпочитал держаться особняком, и, если он созвал своих людей, это значило, что он крайне озабочен.

— Впереди нас ждут еще более тяжелые времена, это уж наверняка, — вздохнула Мэри удрученно. — Но давай попробуем найти положительные моменты, Уилл. Если корабль нескоро придет из Англии, Филип станет еще более зависим от твоей рыбной ловли. Пришло время настоять на том, чтобы ты снова брал часть улова себе. Твое умение — это единственная возможность для всех нас.

Капитан Филип действительно был очень озабочен, когда стоял перед собравшимися офицерами в шесть часов. До этого времени он жил надеждой на то, что прибудет корабль из Англии, который решит главную проблему колонии. Но сейчас губернатору пришлось признать тот факт, что нужно принять экстренные меры или стать свидетелем того, как все вымрут от голода.

— Необходимо еще больше урезать рацион, — начал он, и его голос слегка дрожал, потому что он знал, что дневного рациона, состоящего из двух с половиной фунтов муки, двух фунтов очень старой свинины, пинты сухого гороха и фунта несъедобного риса, разделенных на семь человек, явно недостаточно для поддержания жизни. — Мы должны пополнить рацион рыбой и мясом, если не хотим умереть. Мой план состоит в том, чтобы реквизируют все частные лодки для рыбной ловли и сформировать отряды для охоты.

Офицеры в ужасе переглянулись, зная, что им придется вызваться добровольцами. За исключением Тенча, все они считали контроль за такими экспедициями неприятным делом, потому что не любили работать с заключенными.

— Но сэр, вы имеете в виду, что некоторым каторжникам придется дать в руки оружие? — спросил один из старших офицеров, и на его лице с нездоровым румянцем был написан ужас.

— Да, — сказал устало Филип, — Некоторые из них отличные стрелки. Я считаю, что, если мы проявим к ним доверие, они ответят усердным трудом для общего блага.

Он объяснил, что у него не остается другого выбора, как послать «Провиант» в Батавию, в Голландскую Вест-Индию. Капитан Болл зафрахтует там еще один корабль и вернется с продуктами. Филипп Кинг, бывший губернатор острова Норфолк, также поплывет на корабле, чтобы отправить в Англию депеши и отчет капитана Филипа о состоянии колонии.

Офицеров еще больше беспокоил этот факт, потому что «Провиант» был маленьким кораблем грузоподъемностью всего лишь сто семьдесят тонн и его одиночное плавание в неизвестных водах казалось опасным. Более того, если корабль пропадет в море, у них больше не останется судна, которое смогло бы отвезти продукты поселенцам на остров Норфолк.

Среди офицеров послышался недовольный шепот, но Филип строгим взглядом заставил их замолчать.

— У нас нет выбора, — сказал он резко. — В любом случае, нам нечего везти на остров Норфолк, а если мы оставим корабль в гавани и будем ждать помощи из Англии, которая, возможно, не придет вовсе, — это может иметь катастрофические последствия. Я прошу вас всех поддержать меня.

«Провиант» выплыл из гавани в апреле. Вся колония пребывала в страхе, наблюдая за ним. Офицеры волновались за безопасность корабля и злились на Филипа. Пехотинцы опасались нападения со стороны аборигенов, поскольку боеприпасы значительно сократились. А заключенные смертельно боялись всего.

Перед отплытием «Провианта» ходили слухи, что офицеры и пехотинцы собираются уплыть на нем, бросив заключенных на произвол судьбы. Все каторжники знали, что сами они долго не протянут.

Несмотря на то что самых лучших стрелков отправили на охоту, они подстрелили лишь троих очень маленьких кенгуру. Со всеми дополнительными лодками и людьми и притом, что рыбная ловля стала крайней необходимостью, улов немного улучшился, но потом снова начал уменьшаться. Офицеры получили обратно свои маленькие лодки, и, находясь в крайнем отчаянии, капитан Филип разрешил Уиллу использовать свою собственную лодку.

Мэри была из тех людей, которые никогда не упускают возможности воспользоваться случаем.

— Это может стать нашим единственным шансом, — убеждала она Уилла однажды ночью, когда они лежали в постели. — Эту лодку мы можем использовать для побега.

— Не глупи, — сказал Уилл устало. Он так ослаб от голода и от напряженных попыток обеспечить всех достаточным количеством рыбы, что у него уже не было сил слушать безумные идеи своей жены.

— Я не имею в виду сейчас, — проговорила Мэри, садясь рядом с ним и наклоняясь, чтобы поцеловать его. — Мы не сделаем этого без инструментов, карт и запасов еды. Все, что ты можешь сейчас, — это завоевать доверие губернатора. Выплывай на лодке каждый раз все дальше, но всегда возвращайся. Он доверяет тебе уже сейчас, подумай, как усилится его доверие к тебе, если ты сделаешь вид, что играешь по его правилам.

— Я не вижу, какой в этом смысл, — ответил Уилл раздраженно. — Даже если я добьюсь от него такого доверия, что меня не будут контролировать, я все равно не знаю, в каком направлении плыть, чтобы достичь порта.

— Тенч на днях говорил мне о Голландской Вест-Индии. Там есть оживленный порт, называется Купанг, — произнесла Мэри. — Он сказал, что порт находится над морем на самом краю этого места.

Уилл грубо захохотал.

— Над морем на самом краю этого места! — проговорил он насмешливо. — Да что это за указание направления? Он хоть знает, сколько это лье? Кто-нибудь туда раньше плывал? Не болтай ерунду, девочка!

Мэри тяжело откинулась назад, рассердившись из-за того, что он смеется над ней.

— Я еще не знаю, но обязательно выясню, — сказала она с суровой решимостью. — Нам нужно бежать, Уилл. Если мы этого не сделаем, Эммануэль и Шарлотта погибнут.

— Нет, Мэри, — отмахнулся он, повернувшись к ней спиной. — Они не умрут. Еду привезут, вот увидишь.

— Может, и привезут, — заметила Мэри, но при этом провела пальцем по одному из

глубоких шрамов, оставшихся после порки на его спине. — Возможно, детям достаточно повезет, и они переживут все эти эпидемии, их не укусит змея, и не развратят другие заключенные. Но будем надеяться, что ни ты, ни я не проживем достаточно долго, чтобы увидеть, как Эммануэля привязывают к треугольнику, чтобы выпороть.

Мэри почувствовала, как напрягся Уилл под ее пальцами. Она знала, что он все еще видит порку в ночных кошмарах.

— Я убью каждого, кто попытается сделать это с ним, — проговорил Уилл.

— К этому времени ты будешь слишком слаб, — возразила она мягко. — Ты раньше времени состаришься в борьбе за выживание. И я тоже. Поэтому бежать нужно в ближайшее время, пока мы еще в состоянии защитить наших детей.

Уилл тяжело вздохнул.

— Я подумаю над этим.

— А пока ты над этим думаешь, делай то, что я говорю, и завоей доверие губернатора, — сказала Мэри. — Как только мы этого добьемся, считай, что мы на полпути к успеху.

После того как Уилл заснул, Мэри долго лежала без сна. Она часто размышляла, пока Уилл где-то бродил в своих снах. Возможно, он думает, что запасов в амбарах хватит еще на многие месяцы, но она знает, что это не так. Отправляясь на обед к губернатору, офицеры берут с собой хлеб, а стол в администрации ненамного лучше, чем у заключенных. Однажды вечером они ели собачье мясо!

Пару дней назад умер пожилой заключенный, как раз в тот момент, когда брал свою порцию в амбаре, и, осмотрев его, хирург Уайт обнаружил, что его желудок совершенно пуст. Причинами, благодаря которым у Мэри оставались силы, чтобы бороться, и молоко в груди, чтобы кормить Эммануэля, были дополнительная рыба, которую Уилл приносил домой с дневного улова, и личинки и ягоды, которые показали ей аборигены.

Беннелонг в конце концов сбежал из поселения, когда стали давать меньше еды и рома, к которому он привык. С огородов, даже с огорода губернатора, постоянно воровали овощи, несмотря на серьезную порку, обещанную в случае поимки. Это делали не только заключенные. С поличным поймали моряка с «Провианта» и морского пехотинца. Уилл был вынужден вырыть яму в полу хижины, чтоб держать собственный скудный рацион в безопасности. Так делали контрабандисты в Корнуолле, выкладывая яму деревом, а сверху настилая доски.

И все же Мэри находила силы, чтобы выжить, и умудрялась кормить семью, потому что она не стала предаваться отчаянию, как это делали другие. Мэри сказала Уиллу, что им надо крепко держаться за жизнь и быть услужливыми и любезными по отношению к офицерам, чтобы завоевать их доверие и дожидаться, когда придет корабль. Таким образом у них появится возможность получить те вещи, которые им необходимы.

А дни медленно тянулись, и с каждым днем муки голода становились все сильнее. Погода тоже стала очень холодной, и ветер зловеще шелестел в высохших, тонких, как бумага, листьях каучуковых деревьев. Все общественные работы приостановились, потому что ни у кого уже не оставалось сил.

Заключенные просто медленно передвигались с места на место, и на каждом изможденном лице была настоящая печать страдания. По ночам Мэри часто слышала, как

маленькие дети скулят от голода. Это был самый ужасный звук, который она когда-либо слышала.

Уилл, казалось, внял совету Мэри, потому что он завоевал огромную популярность среди офицеров и пехотинцев своим прилежанием в ловле рыбы. За это он был вознагражден долей с каждого улова, и ему разрешили самому выбирать себе помощников. Джеймс Мартин, Джейми Кокс и Сэм Берд, его самые близкие друзья, часто отправлялись с ним, и, хотя обычно во время рыбалки присутствовало еще двое пехотинцев, так было не всегда. Уилл часто рыбачил в водах за мысами, иногда заплывая на несколько миль от берега. Еще он завязал дружбу с некоторыми аборигенами, ловившими рыбу на своих каноэ. Часто именно они направляли его к большим косякам.

Уилл часто видел Беннелонга, когда выплывал из гавани. Тот иногда рыбачил на своем каноэ и временами забирался на борт лодки поболтать. Мэри была уверена, что, если ей и Уиллу удастся достать немного спиртного, Беннелонга можно будет легко подкупить, и тогда он поможет им сбежать.

Именно в тот момент, когда казалось, что помощи ждать уже неоткуда, днем третьего июня на Южном мысе был поднят флаг. Когда прокатился слух о том, что идет корабль, началось настоящее безумие. Мэри бросила работу и издала крик восторга. Женщины выходили, ковыляя, из своих хижин и обнимались друг с другом.

Ваткин Тенч вместе с хирургом Уайтом и капитаном Филипом сел в свою лодку и поплыл к мысу. Все трое были так же радостно возбуждены и взволнованы, как и все остальные в колонии, несмотря на ливень и сильный ветер. Когда они подплыли ближе к мысу и увидели большой корабль, сияющий цветами английского флага, Филип пересел на рыбацкую лодку и поплыл обратно, оставляя Тенча и Уайта получить приветствие из дома.

— Посмотри на это волшебное слово на корме, — сказал Уайт, указывая на надпись, сделанную краской: «Лондон». — Я уже начал сомневаться, что увижу когда-нибудь нечто подобное.

Корабль назывался «Леди Джулиана», и из-за сильных ветров он был вынужден бросить якорь в Весеннем заливе, как раз за Северным мысом, но Тенч и Уайт проплыли рядом и поприветствовали офицеров с корабля.

— Вы даже не представляете, как мы рады вас видеть, — выкрикнул Тенч. — Мы боялись, что никогда не получим продуктов, которых с таким нетерпением ждем. Расскажите нам, что у вас на борту, и мы передадим хорошую новость колонии.

— Двести двадцать пять каторжниц, все до одной шлюхи, — выкрикнул в ответ один из офицеров.

Тенч рассмеялся, так как принял это за шутку. Но его смех резко оборвался, когда на палубе появилась кучка светловолосых женщин, которые начали кричать непристойности.

— А продукты вы везете? — заорал Уайт, поняв, что Тенч в таком шоке, что не в состоянии сформулировать дальнейшие вопросы. — А лекарства, которые нам нужны?

— Семьдесят пять бочек муки, — крикнул в ответ офицер с корабля. — Это все. Мы выплыли вместе с «Хранителем», который вез провиант, но его продырявил айсберг.

К наступлению ночи все заключенные были в отчаянии.

Капитан Филип вернулся в гавань с сияющим лицом, подтвердив слова рыбаков, что к ним действительно направляется большой английский корабль и сейчас он стоит в Весеннем

заливе.

Заключенные ждали, думая, что лейтенант Тенч и хирург Уайт придут через час или два с еще более сияющим видом. Многие поспешно съели остатки своего рациона, полагая, что на следующий день им дадут больше, чем они обычно ели за неделю.

Но Тенч и Уайт вернулись мрачными и молчаливыми и пошли прямо в дом губернатора, не сказав никому ни слова. Когда на обратном пути они сообщили, что на новом корабле находится более двухсот женщин и нет никаких продуктов, им не поверили. Некоторые смеялись, приняв это за шутку. Но все же, когда каторжники увидели, как в дом губернатора спешат другие офицеры, и не слышали радостных криков, они, хоть и не сразу, поверили, что это правда.

Мужчины-заклученные слишком ослабли от голода, и их не интересовала огромная толпа женщин, направляющаяся к ним. Единственной их реакцией был страх того, что рацион урежут еще больше. Но для большинства женщин новость оказалась стихийным бедствием. Плохо уже то, что придется разделить свою пищу с чужими, но мысль о том, что новые женщины уведут их мужчин, была еще хуже.

Отношения с кем-то (законным был этот брак или нет) облегчали муки жизни в колонии. В большинстве случаев они являлись компромиссом, особенно для женщин. Дома в Англии вряд ли кто-то из них выбрал бы себе такого партнера. Но здесь выбор был ограничен. Простые девушки радовались, что их кто-то хочет, более симпатичные находились в большей безопасности, имея защиту, а там, где результатом компромисса стал ребенок, это вносило какой-то смысл в их жизнь.

Мэри занервничала больше остальных, когда услышала новость о «Джулиане», груженном женщинами. Она знала, что не ее красота и не ее ум держали Уилла рядом с ней два года. Он был с ней исключительно потому, что женщин не хватало и, познакомившись поближе с более красивыми женщинами, Уилл обнаружил у большинства из них серьезные проблемы с характером.

И смерть, и высылка людей на остров Норфолк сократили число каторжников в десять раз. Сейчас здесь оставалось не более семидесяти мужчин, и большинство из них были настоящими развалинами. Среди двухсот новых женщин, которые находились взаперти на корабле многие месяцы, почти наверняка найдутся десятки таких, которые положат глаз на Уилла.

Глава девятая

Все женщины колонии до последней вышли посмотреть, как будут доставлять каторжниц с «Джулианы» на берег. За исключением погоды, все происходило так же, как в день прибытия первых кораблей: тот же возбужденный смех и непристойные замечания. Но если Мэри прибыла в начале февраля, что в этой стране, где все было наоборот, означало палящее солнце, такое жаркое, что многие из каторжников побежали к морю охладиться, то «Леди Джулиану» новая земля встретила неприветливо: небо стало серым, дул резкий ветер, море волновалось, и было очень холодно.

Вероятно, женщины по-сестрински должны были сочувствовать новоприбывшим и беспокоиться за них. В конце концов, они прошли через долгое, изнурительное плавание и сейчас собирались войти в ад. И все же одного взгляда на них, даже с расстояния, оказалось достаточно, чтобы старожилы забыли о доброте и сплотились вместе, испытывая к новеньким антипатию и отвращение. На женщинах с «Леди Джулианы» была яркая одежда, многие щеголяли в шляпах, украшенных цветами и перьями. Новоприбывшие были полными и здоровыми и больше походили на актрис, чем на каторжниц.

Мэри в страхе крепче прижала Эммануэля к груди. Тот момент, когда она очутилась среди заключенных с других кораблей, навсегда запечатлелся в ее памяти. Все они казались гораздо более сильными и самоуверенными, чем она, толстокожими и жестокими. Сейчас время и страдания уравнивали всех заключенных, но Мэри боялась, что эти новые женщины изменят установившийся порядок вещей.

— Много дам, — сказала Шарлотта, глядя на мать с нескрываемым ликованием. — Красивых дам.

При этих невинных словах дочери Мэри вдруг стало стыдно. В конце концов, это были такие же женщины, как она. Все они знакомы с кандалами и с ужасами тюрьмы, и всех их оторвали от семей и друзей. Мэри не хотела, чтобы Шарлотта росла в атмосфере горечи и ненависти. И она решила, что должна побороть страх и ревность и доброжелательно встретить новеньких.

— Я думал, без парочки драк дело не обойдется, — сказал хирург Уайт Тенчу, когда они обедали у него на следующий вечер. — Но благодаря действиям Мэри Брайант новенькие, похоже, хорошо приживутся.

Уайт и Тенч стали друзьями на «Шарлотте», несмотря на разницу в двадцать лет. У них были одинаковые интересы и одинаковое происхождение, и, хотя хирург больше беспокоился об общем состоянии здоровья колонии, а Тенч — об обеспечении ее жизнедеятельности, их обоих очаровала эта новая, еще неисследованная земля. Несколько раз они вместе ходили в исследовательские экспедиции и с одинаковым любопытством интересовались аборигенами. А еще они оба испытывали сострадание к заключенным, что было свойственно лишь немногим офицерам.

При свете свечи столовая Уайта могла показаться типичным домом обычного сельского врача в Англии: оштукатуренные стены, белоснежная скатерть, простой столовый фарфор, переполненные книжные полки и несколько изящных пейзажей на стенах. При дневном свете, однако, бросалась в глаза убогость помещения. Оштукатуренные стены были плетеными, и во время ливня в них часто появлялись дыры. Пол под ковром состоял из

неровных досок. Но, несмотря на все недостатки, этот дом стал островком цивилизации для Уайта и его гостей.

Хотя Чарльз Уайт часто сожалел о своем решении отправиться с флотилией в Новый Южный Уэльс, причина этого заключалась скорее в нехватке медицинского оборудования и лекарств, чем в отсутствии комфорта. Прожив десять лет вдовцом, он привык к холостяцкой жизни, к тому же у него служили две заключенные, Анна и Мария, которые готовили для него и следили за домом. А еще он заботился о маленьком Нанберри, местном мальчике, которого усыновил, и общался с друзьями. Сегодня Уайт был навеселе. Ему удалось достать бутылку бренди, и они с Тенчем пообедали первоклассным морским окуном с морковкой и картошкой из собственного огорода Уайта. Казалось настоящим чудом то, что овощи никто не украл, но, вероятно, проявив к Анне и Марии немного доброты и снабжая их небольшим количеством дополнительной еды, Уайт добился их преданности.

— Мэри хорошая женщина, — согласился Тенч. — Я думаю, она помнит, как ей самой было тяжело приспособиться, когда она впервые очутилась здесь. Если бы все женщины обладали ее практичностью и благородством духа!

Он был удивлен и тронут, увидев, как Мэри помогает распределять хижины для новеньких. Казалось, она старалась изо всех сил, чтобы женщины почувствовали теплый прием. Тенч хотел бы, чтобы так же поступили все остальные, но ему уже сообщали о краже одежды и других личных вещей.

— Среди новоприбывших немало смутьянок, — вздохнул Уайт, вспоминая двух подравшихся женщин, которых он разнял, и ругательства, которые они кричали в его адрес. — Судя по отчетам, они всю дорогу продолжали заниматься проституцией с моряками. У очень многих из них есть дети. Но все они здоровы, не считая сифилиса, разумеется.

Тенч улыбнулся. Уайт любил поговорить о всплеске венерических болезней. Здесь они, разумеется, процветали, но Тенч не разделял мнения Уайта, что из-за этого будущее новой колонии подвергается риску.

— По крайней мере, «Джулиана» привезла нам новости, — сказал бодро Тенч. — Я был удивлен, узнав о Французской революции. Я побывал в Париже и, признаюсь, пришел в ужас от избытка роскоши, которой окружила себя аристократия. А еще хорошая новость, что король Георг излечился от своего безумия. Что ты знаешь о его болезни?

— Очень мало. Я всего лишь старый костоправ, — пожал плечами Уайт. — Но я рад, что старик Джордж снова здоров. Так же, как я был рад узнать, что на «Джулиане» достаточно еды, чтобы два года кормить заключенных, прибывших на ней.

Тенч улыбнулся. Эта новость оказалась самой лучшей и стала огромным облегчением для всех. Просто стыд, что им не сказали об этом раньше, тогда наверняка по отношению к новым заключенным было бы меньше враждебности. Теперь все надеялись, что до очередного огромного наплыва каторжников придет «Джустиниан» из Фэлмауса с необходимой едой и оборудованием.

Но лично Тенч был более всего благодарен за письма из дома, которые привез корабль. Он чувствовал, что стойко выдержал все неудобства и лишения, которыми отличалась жизнь в колонии, но изоляция от друзей и семьи временами по-настоящему угнетала его. За последние два года случались моменты, когда он боялся, что не доживет до встречи с ними.

— Давай произнесем тост за свет в конце очень длинного туннеля, — предложил он. Уайт наполнил их стаканы.

— За свет, который прогонит темноту, — сказал он и хмыкнул. — Хотя если придут еще три корабля с тысячей заключенных, нам понадобится очень много света, чтобы разогнать эту темноту.

Мэри и Уилл стояли на берегу гавани и болтали, глядя через залив на «Нептун» и «Скарборо». Они видели, как с кораблей спускаются баркасы, чтобы доставить каторжников на берег. Им было достаточно услышать ужасную вонь с кораблей, чтобы понять, что они сейчас увидят нечто кошмарное.

Вчерашний день выдался очень тяжелым. Они помогали больным с «Сюрприза» добраться до больницы. Многие арестанты так ослабли, что не могли идти, пролежав в собственной рвоте и экскрементах большую часть путешествия. Но похоже, что сегодня будет еще хуже.

«Джустиниан» прибыл двадцатого июня и доставил радость всей колонии, привезя множество еды, и такие необходимые инструменты, и, кроме этого, животных. Он выплыл из Англии через некоторое время после «Сюрприза», «Нептуна» и «Скарборо», которые доставили еще тысячу заключенных. Но «Джустиниан» обогнал их — его плавание длилось всего пять месяцев. Снова был выдан полный рацион и вернулись к полной продолжительности рабочего дня. Разгрузившись, «Джустиниан» тут же отплыл, чтобы отвезти продукты на остров Норфолк.

Двадцать третьего июня флаг был поднят снова, но прошло два дня, прежде чем сообщили о корабле, который зашел в залив. Это был «Сюрприз», на котором находилось двести восемнадцать мужчин-заключенных и отряд недавно сформированного Корпуса Нового Южного Уэльса.

«Сюрприз» привез шокирующую новость о том, что по дороге умерло сорок два человека и еще около сотни были больны. Преподобный Джонсон поднялся на борт и сообщил, что заключенные лежат почти голые в трюмах и они не в состоянии двигаться.

Мэри и Уилл вместе с многими другими каторжниками охотно вызвались помочь, но зрелище и запах были так отвратительны, что многие из добровольцев просто сбежали. Мало кто из женщин-помощниц смог сдержать рыдания. Было совершенно очевидно, что новоприбывших морили голодом и почти всю дорогу держали в трюмах. Скорее всего, многие из них уже не поправятся.

Поселенцы едва успели вымыть их, накормить, уложить и укрыть одеялами, как прибыли еще два корабля. Преподобный Джонсон зашел на борт «Скарборо», но капитан посоветовал ему не спускаться в трюмы. Доносящегося оттуда зловония оказалось достаточно, чтобы остановить священника, и он даже не пытался подняться на «Нептун».

Перед больницей спешно разбили палатки и приготовили еду, воду, одежду и лекарства. В прошлую ночь, когда Мэри пыталась уснуть, идущая с кораблей вонь выворачивала ее наизнанку. Это было в сотни раз хуже, чем то, что она пережила на «Дюнкирке». Хотя у нее сжималось сердце от жалости к этим несчастным, которые столько выстрадали, она чувствовала, что на следующий день будет не в состоянии помочь.

Но к рассвету у нее снова появились силы. Ею овладел гнев на людей, которые считали личную выгоду важнее человеческой жизни. Судя по разговорам офицеров, которые Мэри подслушала, высылка каторжников была поставлена на частный тендер. Поскольку правительство выделяло на питание по 177,6 фунтов стерлингов на человека, то чем меньше

заклученным давали еды, тем больше владельцы кораблей могли продать, оказавшись уже на месте. Если заключенные умирали по дороге, выгоды было еще больше.

Мэри слышала, как один офицер сравнивал судовладельцев с работорговцами не в пользу первых. Как он отметил, работорговцы, по крайней мере, заинтересованы в том, чтобы содержать рабов здоровыми, поскольку чем лучше их состояние, тем больше можно было за них получить при продаже. Но судовладельцам все равно, останутся заключенные живы или умрут.

— Говорят, капитан Трейл с «Нептуна» держал всех каторжников на одной цепи, — сказал Уилл тихим голосом. Он был подавлен и потрясен. — Когда кто-то умирал, остальные не сообщали об этом, чтобы получить его порцию. Представь, как нужно изголодаться, чтобы лежать рядом с разлагающимся трупом!

Мэри не ответила ему, потому что знала по собственному опыту, что сама, вероятно, сделала бы все, что угодно, как бы это ни было отвратительно, чтобы выжить. Теперь, когда ей нужно заботиться о двоих детях, ее инстинкт самосохранения стал еще сильнее.

Баркасы начали загружать людьми. Каторжники наблюдали, как первые из вновь прибывших медленно и неуверенно спускались по веревочной лестнице, и даже с берега было видно, насколько это для них тяжело. Но это были счастливики. Вскоре моряки и пехотинцы стали буквально швырять людей в лодки, будто мешки, поскольку заключенные оказались не в состоянии даже ходить, не говоря уже о том, чтобы спускаться по лестнице.

Когда лодка подплыла ближе, все охнули, потому что новички напоминали скелеты. На их лицах не было возбужденного ожидания, они с апатией смотрели перед собой, будто ожидали смерти. И действительно, один из них умер, едва высадившись на берег. Еще двое испустили дух, когда их положили на причал.

— Я не верю своим глазам, — сказал Уилл. Его голос задрожал от гнева, а в глазах застыл ужас. — Господи, сохрани нас от тех людей, которые довели их до такого!

— Это не люди, — произнесла Мэри громким ясным голосом, чувствуя, что она в состоянии голыми руками задушить тех, кто за это отвечает. — Это изверги.

Ее охватил гнев. Она забыла, что сама подвергается риску заразиться, и перестала обращать внимание на запах. Заключенные были почти голые, их тела покрывали язвы, кишацие личинками. Мэри наклонилась над одним из мужчин, чтобы напоить его, и он попытался прикрыть свой оголенный пенис при виде женщины.

— Я уже много такого видела, — сказала Мэри мягко. Ее тронуло то, что даже в таком ужасном состоянии, будучи на шаг от смерти, он все еще думал о приличиях. — Ты теперь в безопасности, здесь есть еда и питье и вода, чтобы помыться, но тебе нужно собраться с силами, чтобы выжить. Смотри мне, не смей сдаваться!

— Как твое имя? — спросил каторжник, с трудом шевеля потрескавшимися губами.

— Мэри, — сказала она, вытирая его лицо мокрой тряпкой. — Мэри Брайант. А твое?

— Сэм Брум, — прошептал он хрипло. — Сохрани тебя Бог, Мэри.

Время шло, и им представлялись все новые, еще более ужасные зрелища. На кораблях были люди с такой сильной дизентерией, что из них просто текло, а они лежали, не в силах подняться. Хирург Уайт сказал, что кроме этого у них у всех цинга, и велел мужчинам пойти к кустарникам и собрать как можно больше «кислых ягод», которые, по его наблюдениям, являлись хорошим средством от этой болезни.

Оказалось, что двести шестьдесят семь человек умерли, когда корабль еще не достиг

Порт-Джексона, а после этого было еще много смертей. Тела покойников выбрасывались за борт, после того как корабли прошли мысы. Из выживших четыреста восемьдесят шесть человек были тяжело больны, и большинству из них вряд ли удастся поправиться. Помогая одной женщине с новорожденным, Мэри узнала, что с нее не сняли кандалов даже во время родов. В тот день она слышала подобное от нескольких других женщин.

Позже, вечером, капитан Филип сидел в холле административного здания с Уильямом Хиллом, капитаном «Джулианы», и негодовал по поводу увиденной за день мерзости.

— Я разговаривал с капитанами «Нептуна» и «Скарборо», — сказал Уильям Хилл. — По моему мнению, их следует повесить.

Уильям Хилл считался жестким человеком, но он добился, чтобы о женщинах-заключенных на его корабле хорошо заботились. Некоторые были старыми и ослабели к моменту прихода корабля, и несколько человек умерло, но остальных кормили, вероятно, лучше, чем они питались за всю свою жизнь. По мнению Хилла, со стороны английского суда было бы более гуманно отправить всех этих людей на виселицу, чем позволить таким мерзавцам, как капитан Трейл с «Нептуна», получить выгоду от их медленной и мучительной смерти.

— Я слышал, что на «Скарборо» произошла попытка заговора и захвата корабля заключенными, — произнес Филип, и его маленькое лицо побагровело от гнева. — На зачинщиков нужно будет надеть кандалы. Но положение на «Нептуне» еще хуже. Корабль вообще нельзя было признавать годным к навигации: он постоянно давал течь. Заключенные фактически находились по пояс в воде какое-то время плавания. Место, где они содержались, не дезинфицировалось, никого не выводили на палубу подышать свежим воздухом.

— Я доложу обо всем этом, когда вернусь в Англию, — сказал Уильям Хилл убежденно, стукнув кулаком по столу. — По моему мнению, эти люди — убийцы, и они намного опаснее, чем ваши колонисты.

Артур Филип отошел к окну. Внизу, в городе, было тихо, в темноте горели костры, похожие на маленькие маячки. Он думал обо всех тех, кто лежал в больнице и в палатках возле нее, и спрашивал себя, сколько еще людей умрет до рассвета.

Филип был на грани нервного срыва. Он принял пост капитана флотилии, а потом генерал-губернатора, потому что считал, что сможет успешно управлять этой колонией для преступников. Он надеялся, что сумеет превратить своих подопечных в мужчин и женщин, которые ухватятся за предложенный им шанс начать новую жизнь.

Теперь ему казалось, что это был провал. Филип уже понимал, что лишь немногие заключенные воспользуются предложением бесплатной земли, когда окончится их срок. Большинство из них были слишком ленивы и не имели навыков фермерства. Выжившие каторжники из второй флотилии с самого начала будут предубеждены против колонии. Но разве можно их в этом винить?

Филипу снова казалось, будто он стоит на краю пропасти. Сегодня он услышал, что в пути находится третья флотилия с тысячей заключенных. Многие из его лучших офицеров вернутся домой на этих кораблях. Он сделал все, что было в его силах, он пытался управлять гуманно, но даже садовник не сможет вырастить что-либо, что будет долго цвести, без необходимого оборудования, хороших семян и плодородной земли.

— Ты выглядишь озабоченным, Артур, — сказал Уильям за его спиной. — Сегодняшние

события подействовали на тебя угнетающе.

Филип повернулся к Хиллу и выпрямил спину.

— Я думаю, они подействовали на нас всех, — ответил он устало. — На тех, кто стоит и смотрит, как виновные уходят от наказания, и не может этого изменить.

— Ты такая молчаливая сегодня, Мэри, — сказал Уилл. Было Рождество, и он предположил, что она размышляет о Корнуолле и представляет, как ее семья сидит у камина и ест жареного гуся. В последнее время он часто слышал, как она рассказывает Шарлотте о Фоуэе и своих родственниках. С течением времени она, казалось, не забывала о них, а думала все больше.

— Слишком жарко, чтобы разговаривать, — ответила Мэри, но улыбнулась ему и потянулась со своего табурета, чтобы нежно погладить его по бедру. — Это просто чудо, что малыши заснули.

Вот уже несколько недель было невероятно жарко. Животные и птицы искали тенистое место, где можно лечь на землю и не двигаться. Уилл считал себя счастливым, потому что каждый день уходил на рыбалку. По крайней мере, в заливе всегда дул морской ветер.

— Мне показалось, что ты думаешь о доме, — сказал он.

— О том, как попасть домой, — поправила его Мэри и усмехнулась. — Кажется, я знаю, как достать вещи, которые нам нужны.

Уилл закатил глаза от нетерпения. Она до сих пор не оставляла мысли о побеге. Даже когда Мэри не разговаривала об этом, Уилл догадывался, что она думает об этом. Он не знал второй такой упрямцы, как Мэри.

Уиллу было достаточно неплохо в колонии, хотя он никому не признался бы в этом, а уж тем более Мэри. Пока они все голодали, Уилл бы с удовольствием сбежал, но, с тех пор как прибыла вторая флотилия, колония встала на ноги.

Помощь, которую Уилл и Мэри оказали больным заключенным, заметили офицеры, и, как только сами заключенные стали выздоравливать, они благодарили Брайантов за проявленную к ним доброту. Они не могли ничем вознаградить помощников, кроме, конечно, своего восхищения и преданности, но для Уилла этого было достаточно. Благодаря этому он чувствовал свою значимость.

Уилл мог свободно ходить по колонии, куда ему заблагорассудится. Он выполнял работу, которая ему нравилась. Уилл обращался с лодкой капитана Филипа как со своей собственной. Он мог получить практически все, что хотел, в обмен на рыбу. Ему даже удалось скопить приличную сумму денег, потому что командам кораблей второй флотилии до смерти надоела солонина, и они были рады заплатить ему за рыбу. Но прежде всего, Уилл испытывал удовлетворение от своего авторитета: мужчины смотрели на него снизу вверх, а женщины хотели его. У него было все.

— Ну и где ты собираешься это достать? — спросил он устало.

— У капитана Смита, — ответила Мэри.

Уилл так удивился, что чуть не упал с табурета. Капитан Детмер Смит, голландец, находился в колонии всего несколько дней. Он был владельцем шнявы [\[13\]](#) «Вааксамхейд», которую капитан Болл с «Провианта» зафрахтовал, будучи в Батавии. Смит прибыл на ней семнадцатого декабря с продуктами для колонии, совершив ужасное путешествие, во время которого шестнадцать членов его команды, состоявшей из малайцев, умерли от лихорадки.

Ходили какие-то слухи о недостаточном количестве продуктов и о конфликте между

капитаном Филипом и Смитом, и оказалось, что голландца не жалуется никто из офицеров колонии. Но Уиллу он нравился. У Смита не было той напыщенности, которая отличала всех английских капитанов, он вел себя доброжелательно, открыто и дружелюбно.

— Ты сошла с ума? — спросил Уилл у Мэри.

— Нет, просто слегка отклонилась от нормы, — ответила она. — Детмер нормально относится и к тебе, и ко мне. И я позабочусь о том, чтобы мы понравились ему еще больше, прежде чем уговорю его расстаться с картами и секстантом.

— Он никогда этого не сделает, — фыркнул Уилл.

— Почему ты так думаешь? — возразила Мэри. — Все офицеры обращаются с ним пренебрежительно, он одинок и находится далеко от дома. Он не англичанин, так что почему бы ему не помочь паре английских заключенных сбежать?

Уилл всегда критиковал идеи Мэри из принципа, потому что считал, что женщины не должны быть умнее мужчин. И все же в глубине души он признавал, что ее ум острее, чем у него. Мэри однажды попросила его научить ее читать и писать, и он сказал, что не может сделать этого, не имея книжек. Она никогда больше не упоминала об этом, и каким-то образом Уилл знал, что Мэри не повторяет своей просьбы лишь потому, что видит его насквозь. Он не хотел, чтобы его жена умела писать и читать. Это унизило бы его.

Но Мэри прекрасно разбиралась в людях. Она наблюдала, слушала и замечала то, на что Уилл никогда бы не обратил внимания. Возможно, она была права по поводу Детмера Смита.

В ту ночь Уилл занимался с Мэри любовью и очень старался доставить ей удовольствие, потому что очень хотел заставить ее забыть о побеге. Его срок заканчивался в марте, и, хотя он часто говорил другим, что окажется на первом корабле, который отправится домой, это было вовсе не то, чего он хотел.

Уилл тосковал по Корнуоллу только тогда, когда пил. Он вспоминал хорошие места, мягкий климат, вереск и лес, смех в таверне и рыбацкую дружбу.

Но, протрезвев, Уилл осознавал, что все не так гладко. Без своей рыбацкой лодки ты зависел от того, у кого она была, вытаскивая сети всю ночь в пробирающем холоде за шиллинг или что-то около того. Там он тоже голодал, а для человека с пустым желудком не существует красоты пейзажа.

Здесь, по крайней мере, было тепло, даже зимой. Пусть он и замерзал, и мок в плохую погоду, но это не тот холод, который пронизывает до костей, почти парализуя.

Объявили, что по окончании срока бывшим заключенным предложат бесплатную землю. Но земля была Уиллу не нужна. Он хотел иметь свое дело — рыбную ловлю. Если бы он мог продавать свой улов колонии, то скоро разбогател бы. Потом он построил бы красивый дом для себя, Мэри и детей. Со временем Эммануэль стал бы ему помогать.

— Тебе было хорошо? — прошептал Уилл, когда кончил. Он вымок от пота, и обнимать горячее тело Мэри было почти пыткой.

— Чудесно, — пробормотала она, прислонившись к его груди. — Но слишком жарко. Давай пробежимся к воде и окунемся.

Мэри даже не ждала, пока он согласится, а просто выскользнула из его объятий, взяла его за руку и вытащила из кровати. Потом со смешком выбежала из хижины и побежала к воде.

Уилл улыбнулся. Одним из качеств, за которые он любил Мэри, была ее непредсказуемость. У нее возникала идея, и она хотела осуществить ее немедленно, не

раздумывая ни секунды. Возможно, именно из-за этого она сначала и попала в неприятности, но ни не хотел бы ничего изменить в ней.

А еще Мэри была страстной, о чем Уилл сначала совершенно не подозревал, потому что она выглядела такой целомудренной и скромной. Она всегда охотно занималась любовью, быстро отвечая на мимолетный поцелуй или ласку. Мэри часто заглушала его мысли о голоде своими чувственными поцелуями и умением доставить ему удовольствие.

Луна была яркой, и она осветила стройное, как у девочки, тело Мэри, когда она нырнула в море с грацией дельфина. Немногие женщины, да и мужчины здесь умели плавать так же хорошо, как она. Они с опаской прогуливались по пояс в воде, будто ожидали, что море поглотит их. Уилл считал, что смелость Мэри так же сексуальна, как ее налитые груди или шелковистая кожа.

Она помахала, приглашая его присоединиться к ней, и Уилл с готовностью побежал вдоль пляжа. Они немного проплыли вместе, потом Мэри повернулась на спину и легла на воду, а ее волосы расплылись по воде, как пучки водорослей.

— Мы никогда не делали этого в море, — сказала она и тихо засмеялась.

— Мы можем утонуть, если займемся этим так далеко от берега, — возразил Уилл, но сам потянулся к ней, ступая по воде, и поднял над водой, обхватив губами ее сосок.

— Кто первый доплывет до мелководья, будет сверху, — сказала Мэри, перевернувшись на живот и направляясь к берегу.

Впервые в жизни Уилл не старался победить. Он любил, когда Мэри была сверху, любил смотреть на ее лицо, когда она достигает оргазма.

— Не думаю, что мой дружок такой же активный, — сказал он, подплыв туда, где Мэри сидела в воде глубиной лишь в пару футов. Уилл подумал, что она никогда еще не выглядела такой красивой, как этой ночью. Влажные кудряшки восхитительно блестели на ее голых плечах. Он опустился на колени и показал ей свой пенис, который сморщился в холодной воде и стал похож на старческий.

— У меня есть способ оживить его, — проговорила Мэри с усмешкой, которая могла бы быть у хозяйки публичного дома. — Хотите, я продемонстрирую вам это, сэр?

Уилл любил, когда она играла роль шлюхи. В такие минуты он чувствовал страсть к Мэри и свою власть над ней. Когда она потянулась к его пенису, он предположил, что она сейчас будет гладить его, но, к его удивлению и восторгу, она подплыла к нему ближе и взяла его в рот.

Уилл слышал от других мужчин о дорогих проститутках, которые умеют подобные вещи, но он никогда не спал с женщиной, которая захотела бы это сделать. Когда теплый рот Мэри обхватил его пенис, Уилл вздохнул, потому что это было самое сладкое чувство, которое он когда-либо испытывал. Эрекция последовала незамедлительно, и он до смерти боялся, что Мэри остановится, но она не остановилась. Вместо этого она обхватила одну из его ягодиц рукой, накрыв другой ладонью мошонку, а ее губы и язык двигались вверх и вниз по его члену. Уилл с трудом удерживал равновесие, стоя на коленях, и, когда он посмотрел вниз и увидел, что его пенис совсем исчез в ее жадном рту, а ее голые груди бьются о его бедра, он чуть не перевернулся.

Уилл никогда не испытывал ничего подобного. Ему вдруг показалось, что он находится не в колонии для преступников, среди людей, лишенных достоинства и гордости, а на залитом лунным светом тропическом острове, где он был богатым джентльменом. Уилл представил, что одет в гофрированную шелковую рубашку и вельветовые бриджи с

серебряными пряжками, а Мэри — экзотическая красавица, обнаженная, если не считать гирлянды цветов, его добровольная рабыня.

— Как хорошо! — простонал он, схватив ее за голову и прижав еще сильнее.

— Хорошо? — спросила Мэри, на минуту оторвавшись от него и глядя с насмешливой улыбкой.

— Просто невероятно! — выдохнул Уилл. — Только не останавливайся.

— Я еще не назвала цену, — сказала Мэри.

— Какой бы она ни была, я заплачу. — Голос Уилла прерывался от страсти.

— Цена — побег, — пробормотала она. — Готов ли ты заплатить такую цену?

Уилл был готов пообещать ей все, что угодно.

— Да, — простонал он. — Только продолжай.

Мэри улыбнулась про себя и продолжила. Теперь Уилл был в ее власти. Возможно, он воображал себя более сильным и храбрым, чем был на самом деле, но она убедилась, что он всегда держал свое слово. Мэри испытывала благодарность к Сейди из «Леди Джулианы» за то, что та поделилась с ней своим секретным оружием, с помощью которого можно заставлять мужчин повиноваться. Мэри засмеялась, вспомнив, как ожидала, что это будет отвратительно. Но это оказалось не так. В общем-то ей даже понравилось заниматься этим.

Глава десятая

Когда Уилл опустил мешок с рисом в тайник, сделанный под полом хижины, он подумал, что, наверное, влюблен. Чем еще объяснить то, что он потекает сумасшествием Мэри, если через пару месяцев он станет свободным человеком?

Положив доски на место, Уилл какую-то минуту продолжал сидеть на корточках. Как бы он ни беспокоился по поводу этого плана, он не смог сдержать улыбку. Будет или не будет он свободным, это побег станет сладкой мстостью за всю несправедливость и все унижения. Он выплывет из гавани на лодке капитана, взяв с собой не только Мэри и детей, но и своих друзей.

Голландская Вест-Индия казалась Уиллу отличным местом — тропический рай, где можно жить по-королевски. Конечно, им предстояло преодолеть огромное расстояние, хороших карт почти не было, и пугало то, что никто, кроме капитана Кука, никогда не плавал отсюда туда. Но как ни странно, опасность сделала это путешествие еще более привлекательным для Уилла, как привлекают легенды. Уилл хотел, чтобы о нем говорили с благоговением даже после его смерти.

Была середина февраля, и Уилл знал, что они должны отплыть к концу марта, иначе рискуют попасть в сильные осенние шторма. Но еще нужно так много сделать, и в том числе попросить Детмера Смита о помощи.

Мэри сейчас была у Детмера. Она относилась к нему выстиранное белье и, безусловно, из всех сил старалась очаровать его. Уилл не возражал против этого, но ему не нравилось, что она пытается полностью контролировать весь план.

Мэри настояла на том, чтобы он до последней минуты не просил своих друзей присоединиться к ним. Она ведь должна понимать, как это тяжело: не доверять им. Уилл хотел поговорить об этом с мужчиной, а не с женщиной. Мэри сказала, что кто-нибудь из них может напиться, забыться и распустить язык. У всех у них были жены, и Мэри боялась, что женщины могут донести на них, если узнают, что их собираются бросить. Так что все, что Уилл мог пока делать, — это выжидать, пополнять запасы и завоевывать доверие Детмера и Беннелонга.

Уилл продолжал часто встречаться с Беннелонгом во время рыбалки. Тот снова ходил голый и с гордостью показывал Уиллу новые шрамы, которые приобрел в сражениях. Беннелонг неплохо помнил английский, который выучил в плену, и благодаря этому, а также с помощью языка жестов, Уилл мог вполне сносно с ним общаться.

Еще в ноябре прошлого года Беннелонг вернулся в поселение. На нем была одежда, которую с самого начала ему дал капитан Филип. Это оказалось знаком его готовности выступать в качестве переводчика, при условии, что никто не собирается снова сажать его на цепь, и поэтому капитан Филип дал ему хижину и еду из запасов колонии.

По мнению Уилла, капитан Филип возлагал слишком большие надежды на Беннелонга. На самом деле тот интересовался только войной и женщинами, и все, чего он хотел от колонии, — это выпивки, к которой его приучили. Он уже однажды устроил представление, напившись и разбушевавшись в доме губернатора, и Филип ошибался, думая, что, получив от него дом, Беннелонг станет его лакеем.

Беннелонг на самом деле нравился Уиллу за его наивный энтузиазм, широкую усмешку и интерес по отношению к белым людям. Когда абориген отправлялся на рыбалку вместе с

Уиллом, он учил его некоторым словам из своего языка и обычаям.

Любопытным был факт, что если кто-то из сородичей Беннелонга хотел женщину, то он обычно ударял ее палкой и утаскивал с собой. Верность одной женщине казалась аборигенам абсурдом, и тем не менее Беннелонг с благоговением относился к Мэри. Когда он видел ее, он сиял и очень старался угодить ей. Уилл был абсолютно уверен, что, если Беннелонг когда-либо заметит его с другой женщиной, он затеет с ним драку.

Мэри оказалась права, предположив, что многие аборигены очень хорошо знают местные воды. Пусть у них были лишь хрупкие каноэ, но они ловко маневрировали ими и достигали невероятной скорости. Беннелонг показал Уиллу, как искать воду и какие растения пригодны в пищу. Уилл не сомневался, что абориген с радостью подплывет к его лодке ночью и отбуксирует ее на берег, чтобы все беглецы могли сесть на борт. Никому из офицеров Беннелонг не был предан так, как Мэри и Уиллу.

Уилл знал, что может рассчитывать на Беннелонга, но Детмер казался ему крепким орешком.

Уилл и голландец-капитан имели много общего: оба крупные, голубоглазые, светловолосые. Оба были общительными людьми и легко заводили друзей. А еще они оба — но по разным причинам — оказались в затруднительном положении.

С тех пор как поселение снова стало получать полный рацион, многие из заключенных, прибывших с первой флотилией, стали забывать, что именно Уилл спасал их всех своей рыбой. Что же касается новеньких, многие из них завидовали его свободе перемещения и часто ехидно шутили, называя его мальчиком на побегушках у офицеров.

Детмер держался особняком, потому что он не играл по правилам капитана Филипа. В продуктах, которые он привез, обнаружилась недостача, отчего офицеры не доверяли ему, а сейчас он отчаянно торговался за фрахт своего корабля. Филипу необходимо было послать некоторых своих людей обратно в Англию, и Детмер почувствовал свою выгоду. В результате офицеры стали игнорировать его, и малышка Мэри с ее острым умом воспользовалась этим.

Сначала они обменялись парой улыбок, затем последовала недолгая дружеская беседа, потом Мэри предложила стирать Детмеру белье, и наконец они с Уиллом пригласили его на ужин к себе в хижину. Уилл не возражал, если Детмер приходил, когда он дома: в его компании было весело и он всегда приносил с собой бутылку рома. Но до Уилла стали доходить слухи о том, что Мэри разговаривает с Детмером на причале, а иногда поднимается на его корабль.

И вот сегодня наконец кто-то предположил, что она флиртует с ним. Уилл по своей натуре был ревнив, и уже сама мысль о том, что его жена находится с другим мужчиной наедине, испортила ему настроение. И все же он знал, что у Мэри намного лучше, чем у него, получится уговорить Детмера помочь им, поэтому он решил, что закроет глаза на то, как она этого добьется.

Уилл поднялся с пола и вышел из хижины. Мэри как раз направлялась к дому, держа Эммануэля на руках. Шарлотта вприпрыжку бежала рядом.

Уилл подумал, что на них приятно смотреть: Мэри со своими черными кудряшками вокруг лица, Эммануэль, пухленький и светловолосый, и Шарлотта — маленькая копия матери, подбрасывающая песок своей голой ножкой. «Леди Джулиана» привезла из Англии ткань, и Мэри удалось уговорить Тенча дать ей отрез, из которого она сшила себе платье и нашила детям одежды. Уилл знал, что, по критериям его матери, оставшейся в Англии,

платье было сшито неаккуратно, но, после того как он видел Мэри и еще стольких женщин в лохмотьях в течение двух лет, он считал, что она выглядит очень привлекательно.

— Тебя долго не было, — сказал Уилл с упреком.

— Нужно поговорить, — ответила Мэри и кивком головы указала на Шарлотту. Таким способом она всегда давала понять, что разговор состоится не при детях.

Мэри вскипятила воду на огне и сделала всем по чашке сладкого чая, затем села кормить Эммануэля. Как только Шарлотта, заигравшись, отошла подальше, Мэри поманила Уилла к себе.

— Я попросила Детмера помочь нам, — прошептала она.

— Ты рассказала ему о нашем плане? — Уилла неприятно поразило то, что она поговорила об этом без него.

— Подвернулся подходящий момент, — сказала Мэри, пожав плечами. — Он снова поругался с Филипом, и я поняла, что нужно ковать железо, пока горячо.

— Что он сказал? — У Уилла пробежал холодок по спине, когда он подумал о том, что с ним сделают, если Детмер донесет.

Какое-то время Мэри не отвечала. Правда заключалась в том, что Детмер с самого начала посмеялся над их планом. Еще он сказал, что не понимает, зачем Уиллу рисковать своей жизнью и жизнью членов своей семьи, если у него здесь все есть. Мэри пришлось умолять его, объяснять: она боится, что Уилл бросит ее, когда его срок подойдет к концу. Она даже намекнула, что готова сделать для Детмера все, что угодно, в обмен на его помощь.

Его лицо до сих пор стояло у нее перед глазами: цинично сжатые губы, но при этом насмешка в глазах. Он сидел на свернутом канате на носу своего корабля, а Мэри стояла у поручней вполоборота к нему, потому что у нее не хватало смелости посмотреть ему в глаза. Детмер был в чистой белой рубашке и бриджах цвета загорелой кожи, которые и в самом деле облегали ноги, как вторая кожа, и его длинные светлые волосы развевались на морском ветру.

Внешне он чем-то походил на Уилла: глаза и волосы того же цвета, тот же рост и то же телосложение, хотя Детмер, вероятно, был лет на десять старше. Но у Смита был ухоженный вид, с которым Уиллу бесполезно соперничать: кожа золотисто-коричневого цвета, шелковистые волосы и все еще отличные зубы, белые и ровные. Его английский с сильным акцентом тоже казался Мэри привлекательным: что бы Детмер ни говорил, это звучало так, будто он пытается ухаживать за ней.

— Давай, расскажи мне! — воскликнул Уилл. — Шарлотта вот-вот вернется, и мы не сможем поговорить при ней.

Шарлотта в свои три года стала настоящей болтушкой и имела привычку повторять все, что услышит или подслушает.

— Он сказал, что поможет нам, — произнесла Мэри.

А на самом деле Детмер спросил:

— Как далеко ты готова зайти, чтобы получить мою помощь?

— Почему это он решил нам помогать? — Глаза Уилла подозрительно сузились.

Мэри пожала плечами.

— Потому что мы ему нравимся. Потому что он хочет поквитаться с капитаном Филипом. Потому что я убедила его. Выбирай, что тебе нравится.

— Ты сказала ему, что нам нужно?

Мэри наклонилась к Эммануэлю еще больше, чтобы Уилл не увидел, как она

покраснела. Она вела себя с Детмером так же бесстыдно, как и с лейтенантом Грэхемом на «Дюнкирке». Но что беспокоило ее еще больше, так это то, что она действительно хотела Детмера, и если бы она не была матерью двоих детей, то вполне могла бы периодически позволять ему все, что он захочет.

— Да, я сказала ему, и он согласился продать нам секстант и компас, — произнесла Мэри. — К этому он прибавит пару старых мушкетов, немного боеприпасов и бочку воды. Можешь договариваться с ним о цене.

— А что насчет карты?

— И карту тоже, он ее поищет. Но ему нужно поговорить об этом с тобой.

— А что, я тоже в этом участвую? — спросил Уилл с сарказмом.

Мэри захотелось ударить его за то, что он всегда стремился быть на первых ролях. Если бы она сложила руки и предоставила организацию побега ему, он бы давно уже оказался в кандалах, потому что не умел держать язык за зубами. Даже Детмера, который был знаком с Уиллом относительно недолго, беспокоила его репутация болтуна. Но Мэри пришлось скрыть свое раздражение. Все зависело от того, удастся ли ей удержать Уилла.

— Твоя роль самая главная, — сказала она и потянулась, чтобы любовно погладить его по лицу. — Ты навигатор. Детмер говорит, что только такой навигатор, как ты, сможет справиться и провести лодку по рифам, не продырявив ее.

Это успокоило Уилла.

— Сегодня вечером я заброшу новый невод, — проговорил он. — Через такой невод не проскочишь.

Мэри выглянула посмотреть, где Шарлотта, и, убедившись, что девочка занята изготовлением пирожков из грязи и не слышит их, продолжила:

— Теперь мы должны решить, кого возьмем с собой.

— Джеймса Мартина, Джейми Кокса и Сэмюэля Берда, конечно, — сказал Уилл. — Они все мои товарищи, я с ними был еще на «Дюнкирке».

Мэри кивнула. Она так и думала, что Уилл захочет их взять. Ее не очень устраивала кандидатура Сэмюэля Берда, он был всегда таким мрачным. Но с другой стороны, Мэри никогда не пыталась узнать его поближе, ее отталкивали его рыжие волосы и светлые ресницы.

— Да, а еще мы думаем, что Мортон хорошая кандидатура, он знает толк в навигации, — произнесла Мэри.

Уилл сморщил нос.

— Не нравится он мне.

Мэри тоже не нравился этот темноволосый, здоровый как бык мужчина. Он был воображала, как и Уилл, преисполненный сознанием собственной важности. Но он знал толк в навигации, обладал недюжинной силой и умел держать рот на замке.

— Нам нужен еще один навигатор, — сказала она твердо. — Ты не можешь все делать сам.

— Очень хорошо, значит, и он тоже, и, может быть, Уилф Оуэнс и Пат Рейли.

— Уилф Оуэнс дурак, — возразила Мэри. — А Пат Рейли болтун.

Уилл выглядел обиженным. Уилф и Пат часто ходили с ним на рыбалку, и он любил выпить с ними.

— Ну а ты кого думаешь взять? — рявкнул он ей.

— Сэма Брума, Натаниэля Лилли и Билла Аллена, — ответила Мэри.

— Так много людей мы взять не сможем, — воскликнул Уилл в ужасе. — И потом, они нам не друзья, они все из второй флотилии. Мы их едва знаем.

— Нам понадобится много людей, когда нужно будет грести, — настаивала она. — И потом, лодка довольно большая. И все они умеют с ней управляться. Ну и что, что ты не знаком с ними долгое время? Они все надежные и способные.

Уилл не возражал насчет Ната и Билла. Нат был таким же мальчишкой, как Джейми, и ловил каждое его слово. Он походил на херувимчика со своими светлыми волосами и большими глазами, и Уиллу нравилось, когда он рядом.

А Билла прозвали Железным Человеком. Когда его выпороли за кражу из амбаров, он не крикнул ни разу, а по окончании порки просто ушел, даже не моргнув глазом. В отличие от большинства каторжников он был настоящим преступником, его судили за вооруженное нападение и грабеж. Здравый смысл подсказывал Уиллу, что Билл хорошая кандидатура: если они столкнутся с аборигенами, им понадобятся крепкие кулаки.

— Да, Билл и Нат пусть будут, — кивнул он. — Но почему Сэм Брум? — спросил он, подозрительно глядя на Мэри. Он считал Сэма странным парнем из-за того, что тот всегда держался особняком, не любил выпить и был тощий как грабли.

Мэри Сэм понравился с того самого дня, когда он лежал при смерти на причале и она дала ему напиток. Она навещала его в больничной палатке, пока он не поправился и не переехал в хижину, и они стали друзьями. Ей нравились его джентльменские манеры и сдержанность, и ей льстило то, что он явно ее обожал.

Хотя никто не назвал бы Сэма красивым — он был худым, с редкими волосами песочного цвета, — но он привлекал к себе внимание благодаря волевому лицу, а в его желто-карих глазах светилась решительность. Еще он был хорошим плотником, отличался практичностью и уравновешенным характером. Мэри считала, что Сэм необходим ей, как запасная сеть для рыбака, на тот случай, если Уилл подведет ее.

Ей бы не хотелось сомневаться насчет Уилла. Он был во многих отношениях отличным мужем. Но она должна трезво смотреть на вещи и учитывать всякую возможность. Если они доберутся до безопасной гавани (а Мэри была решительно настроена на это), она не могла гарантировать, что успех не ударит Уиллу в голову. Он любил выпить, а выпивка делала его агрессивным. Ей нужен какой-то запасной план на этот случай: она не была намерена рисковать своей жизнью и жизнью своих детей, навлекая на себя нечто, что может оказаться намного хуже, чем все то, через что она уже прошла. Мэри знала, что Сэм Брум пойдет за ней в огонь и в воду, если понадобится.

— У Сэма есть навыки, которые нам могут пригодиться, — сказала она твердо. — Ты ведь знаешь, что он плотник? А еще он спокойный, уравновешенный человек, такой поладит с любым.

Уилл фыркнул, выражая несогласие, но ничего не сказал.

В последующие дни Уилл по одному приглашал к себе в хижину тех, кого они выбрали, и излагал им свой план. Пока что он не говорил им, кто еще участвует. Каторжники проявили бурный энтузиазм. Они были благодарны за то, что о них подумали, и все пообещали принести еду. Мэри сидела, не вмешиваясь, пока Уилл разговаривал, и не прервала его ни разу. И только когда гости собирались уходить, она предостерегала их.

— Поклянись, что ни слова никому не скажешь, — настаивала Мэри горячо. — Даже своим лучшим друзьям, женам — никому. Если ты это сделаешь и наш план раскроют, я клянусь, что убью тебя.

Билл Аллен и Уильям Мортон подумали, что со стороны Уилла безумие брать с собой женщину и двоих маленьких детей в такое опасное мероприятие, но, хотя они оба были прямолинейными людьми и, не церемонясь, высказывали свое мнение, когда с чем-либо не соглашались, ни один из них не посмел сказать этого в присутствии Мэри. А когда они услышали страсть, зазвучавшую в ее голосе, и увидели холодную решимость в ее серых глазах, они скоро поняли, что она не будет им обузой. Хотя Мэри этого и не говорила, но они поняли, что это ее идея, ее план и что она знает, что делает.

К концу февраля тайник под полом хижины был полон продуктов, В разных местах поселения Уилл припрятал два старых мушкета, боеприпасы, багор, разные инструменты, горшки, бочку с водой и смолу, чтобы конопатить лодку, если она вдруг даст течь. Побег планировался после того, как «Вааксамхейд» отплывет в Англию: в этом случае в гавани не останется корабля, который сможет преследовать их или сообщить о побеге заключенных.

Беннелонг охотно согласился подплыть к лодке в назначенную ночь и подогнать ее к ним на берег. Оставалось лишь одно: забрать компас и секстант у Детмера и заплатить ему сумму, о которой договорился Уилл.

Уилл без проблем достал нужные деньги. Кое-что у него было отложено с тех пор, как они прибыли сюда, а здесь тратить оказалось не на что. Остальное он получил тем же путем, как получал соленую свинину, рис и муку, — в обмен на рыбу. Множество пехотинцев с радостью покупали у него рыбу, потому что им, как и Уиллу, не на что было тратить деньги. В основном они обменивали рыбу на выпивку, а офицеры, которым доставалась рыба, не задавали вопросов.

Но Детмер настоял, чтобы именно Мэри передала деньги и забрала нужные им вещи, сказав, что так намного меньше риска. Возможно, это была разумная идея — спрятать деньги в чистом белье и забрать грязную одежду для стирки, в которую будут завернуты компас и секстант. Но Уиллу не нравилось, как это будет выглядеть: ведь это он занимался организацией побега, а не Мэри. Он боялся, что пройдет не так много времени и остальные начнут думать, что все это была не его идея.

Уилл размышлял обо всем этом, отправившись однажды на дневную рыбалку. Только вчера вечером он думал собрать всех у себя в хижине и обсудить побег вместе с ними. Но Мэри и слышать об этом не хотела. Она заявила, что такое большое собрание людей обязательно заметят и за ними будут наблюдать более пристально. Мэри настаивала, что они должны продолжать встречаться группками по трое или четверо.

Даже Джеймс Мартин, самый близкий друг Уилла, согласился с Мэри. Уилл обиделся, что Джеймс стал на ее сторону, а не на его.

Уилл был в лодке вместе с шестью другими мужчинами, которых приставили ему в помощники в этот день, и собирался уплывать, когда к причалу подошел Беннелонг. С ним была его сестра с двумя детьми и Шарлотта, которая часто с ними играла. Когда Беннелонг знаками показал, что они все хотят подняться на борт, Уилл сначала решил отказать. Он не любил, когда на борту много народа, и вообще у него в тот день не было желания общаться. Но он решил, что будет хорошо, если Шарлотта привыкнет к лодке, и, потом, Беннелонг мог обидеться, если бы ему отказали, и взять назад свое обещание помочь. У Уилла в самом деле не оставалось выбора, и он согласился.

День был приятный, намного прохладнее, чем предыдущие, и, как только они вышли в залив, плохое настроение Уилла улетучилось. Когда Беннелонг начал возбужденно

показывать на стаю морских птиц, сбившихся ближе к западной стороне залива, Уилл понял: он пытается объяснить, что там идет большой косяк рыбы.

Беннелонг оказался прав: вскоре они вытащили невод и обнаружили, что там полно рыбы. Это был их лучший улов за последние несколько недель.

Уилл восторженно похлопывал Беннелонга по спине и говорил ему, какой он хороший парень.

— Хороший парень, — повторил Беннелонг с широкой улыбкой, обнажившей его прекрасные белые зубы. — Вы дать хороший I парень ром?

— Мы с тобой выпьем немного, — рассмеялся Уилл и знаками объяснил, что им предстоит попойка. С таким хорошим уловом он сможет оставить часть рыбы себе, и он был как раз в том настроении, чтобы напиться.

Они плыли обратно к причалу. Дно лодки было усыпано извивающейся рыбой, и рыбаки все еще смеялись и поздравляли друг друга с такой удачей, когда налетел сильный ветер и застал Уилла врасплох. Лодка набрала скорость, направляясь прямо к скалам, и Уилл не успел ее остановить. Послышался хруст, крючки, державшие парус, лопнули, лодка накренилась, и внутрь сразу хлынула вода.

Если бы на борту было не так много людей, Уилл справился бы, но двое из заключенных, не имевшие опыта, запаниковали, лодка вдруг перевернулась, и все очутились в воде.

Уилл в первую очередь подумал о Шарлотте, но Джон, один из его помощников, уже держал ее. Она кричала от испуга, но была невредима. Сестра Беннелонга тоже схватила своих детей и, крикнув что-то брату, поплыла с ними к берегу.

— Шарлотта у меня! — закричал Джон. — Вытаскивай людей. Беннелонг оставался в воде достаточно долго, чтобы помочь Уиллу с остальными пятью, лишь двое из которых умели плавать, а потом сам направился к берегу. Когда Уилл помог барахтавшимся каторжникам, которые не умели плавать, ухватиться за перевернутую лодку, он мысленно выругался. Он потерял весь улов и знал, что капитан Филип будет рассержен. Более того, это могло означать, что их надежды на побег рухнули, по крайней мере, ближайšie пару недель на это можно не рассчитывать. Пока Уилл охранял лодку, а остальные откашливались и отплевывались, Беннелонг добрался до берега и позвал других аборигенов. Через пару минут они уже тащили свои каноэ к пляжу, спеша прийти на помощь. Некоторые начали собирать весла и другое оборудование, которое выбросило из лодки, а остальные достали веревки, которые Уилл привязал к каркасу лодки, и отбуксировали ее к причалу.

Когда Уилл спустя некоторое время добрался до хижины с Шарлоттой, то обнаружил, что Мэри уже все известно. Он ожидал, что она будет в ярости, и был готов отпираться как мог, но, к его раздражению, она больше обеспокоилась состоянием Шарлотты.

Мэри взяла девочку у него из рук и завернула ее в одеяло.

— Ну-ну, — сказала она, когда Шарлотта снова расплакалась. — Сейчас ты согреешься и снова все будет в порядке. Мне обязательно нужно научить тебя плавать.

— Да, правильно! Утешай ее, — Уилл сплюнул в сторону. — Обо мне можешь не думать! А меня снова могли выпороть. Что касается побега, то забудь об этом.

Произнося эти слова, Уилл почувствовал, что это совершенно неразумно. Но для него было бы слишком, если бы разбились все надежды теперь, когда они так близки к побегу.

Его одежда быстро высохла на ветру, но он продрог до костей, Он знал, что слишком

многие, завидовавшие его положению, только радовались бы его неудаче.

— Не будь таким дураком, — возразила Мэри, бросив на него презрительный взгляд. — С чего бы вдруг они взялись тебя пороть? Это был несчастный случай.

Ее резкий тон сказал Уиллу, что она нимало не беспокоилась о нем. Вся обида, которая накапливалась в нем уже достаточно долгое время, вдруг вспыхнула и перелилась через край, и он набросился на жену, сильно ударив ее по лицу, сбив с ног на пол ее и Шарлотту, сидевшую у нее на коленях.

— Ты хладнокровная сука! — заорал он на нее. — Ты ни о ком не думаешь, кроме себя!

Шарлотта заорала, и Мэри быстро подхватила ее и поднялась на ноги. Она не попыталась выбежать из хижины, а наоборот, с вызовом посмотрела Уиллу в глаза, держа Шарлотту на руках.

— Я думаю, что ты ударил меня, потому что ты все еще в состоянии шока, — сказала она высокомерно. — Но если ты еще раз вздумаешь сделать это, то не надейся, что в другой раз я проявлю такое же понимание.

Уилл никогда раньше не бил женщин, и в тот момент, когда он накинулся на Мэри, он почувствовал стыд. Но он не собирался извиняться, потому что она не заплакала, как поступила бы на ее месте любая нормальная женщина. Он повернулся к ней спиной и вышел из хижины.

Уилл вернулся домой очень поздно. Он был настолько пьян, что с трудом втиснулся в дверь и упал навзничь на пол. Мэри лежала в темноте и не спала, но она не поднялась, чтобы помочь ему. Она подозревала, что он вернулся домой не по собственной воле, а потому что его ноги сами привели его. Ей было интересно, где он нашел выпивку и какие секреты он раскрыл под ее влиянием.

Мэри не могла спать, потому что чувствовала себя слишком несчастной. Уиллу, похоже, не пришло в голову, что, услышав об аварии, она подумала, что Шарлотта утонула. Мэри не знала, что Джон схватил девочку и держал более часа. Мэри пережила настоящий шок, после которого неудавшийся побег значил так мало.

И все же когда она узнала, что Шарлотта в безопасности, она еще сильнее ощутила отвращение к этому месту. Пока Мэри ждала на причале, она огляделась вокруг и увидела, что в действительности из себя представляет колония: город из хижин, построенный на слезах заключенных, с которыми обращались как с животными. Все здесь было безобразным: от неуклюжих зданий, треугольника для порки, бесцветного кладбища, на котором клочка земли свободного не осталось, до людей, сидевших здесь, будто в западне. И все пронизывал резкий отвратительный запах человеческих испражнений и гнилой еды. В городе царила безнадежная, давящая атмосфера.

Мэри не может воспитывать здесь детей. Как она будет бороться с этой нищетой, деградацией, крайним отчаянием? Как она сможет внушить детям, что воровать нельзя, если здесь это единственный способ выжить? И что внебрачные связи — это грех, в то время как для большинства каторжников это являлось единственным маленьким утешением? Почти все дети здесь были незаконнорожденными, многие матери даже не могли с уверенностью сказать, от кого зачали своих отпрысков. Эти дети подрастут и могут невольно совершить инцест.

Это место оскорбляло чувства Мэри. Ее приводило в ужас пьянство, разгул, лень, болезни и крайняя глупость. Каждый день ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать отборные ругательства и человеческие стоны. Запахи вызывали у нее тошноту. Даже

прикосновение, самое сокровенное из ощущений, приобрело здесь искаженные формы. Деревья были шероховатыми и все в щепках, трава, выглядевшая мягкой, на самом деле оказалась колючей как иголки, кожа у Мэри и Уилла стала жесткой, зудела от укусов насекомых и часто покрывалась волдырями.

Как Мэри тосковала по всему тому, что было частью повседневной жизни в Фоуэе! По свежему запаху хлеба в печи, по лаванде, розах и гвоздиках в маленьком садике. По каплям утренней росы на клубнике, яблоках и сливах. По кувшину холодного молока, по чистой нижней юбке, вобравшей в себя запах сада, где она сушилась. По своим ножкам, мягким и розовым после мытья. По вздымающейся пуховой перине и по занавескам, развевающимся от легкого ветерка.

Только дети напоминали Мэри обо всем, что осталось у нее позади. Их кожа была еще шелковистой, голоса нежными и мелодичными, а дыхание чистым, как родниковая вода. Если бы не лохмотья, они ничем не отличались бы от детей знати. Но так же, как Мэри не могла надеяться, что они навсегда сохранят детскую чистоту, она не была уверена, что сможет защитить их от разврата. Скоро они станут свидетелями случаев в кустах и попок и будут считать это нормальными явлениями. Если они не смогут видеть красивое и чистое, как они поймут разницу между добром и злом?

Они не совершили никакого преступления, но, будучи детьми каторжников, сами являлись каторжниками. И если Мэри не заберет их отсюда, это клеймо будет стоять на ее детях и на детях их детей. Но она не позволит, чтобы это случилось.

На следующее утро Мэри подняла детей, покормила Эммануэля и поджарила Шарлотте хлеба на завтрак, не разбудив при этом Уилла. Он все еще лежал на полу, где упал ночью, и в хижине воняло ромом.

Она слышала зовущий на работу барабан, когда шла забирать грязное белье для стирки из офицерских домов. Хотя Мэри размышляла над тем, означает ли потеря лодки, что Уилла будут назначать на определенные работы, как и всех остальных, она, безусловно, не была готова вернуться и разбудить его.

Мэри перекинула узел с бельем через плечо, Эммануэль уцепился за подол ее платья, а Шарлотта вприпрыжку побежала впереди нее. И тут Мэри услышала голос Тенча. Она вот уже несколько недель не видела его даже издалека, поскольку он был занят делами в Роуз Хилл. Тенч выходил из дома хирурга Уайта, и она догадалась, что он там ночевал.

— Как Шарлотта? — спросил он, подойдя ближе. — Я слышал, она была вчера в лодке?

— Она уже забыла об этом, — сказала Мэри. — Но я очень переволновалась, пока не услышала, что дочь в безопасности.

— А Уилл, как он? — спросил Тенч.

— Отсыпается после вчерашнего, — произнесла Мэри, и Тенч не понял: имеет ли она в виду шок или выпивку. — Во всяком случае, он спал, когда я ушла.

— Сегодня начнут ремонт, — сказал Тенч, глядя поверх головы Мэри на причал. — Он должен быть там.

— Ремонт? — У Мэри замерло сердце.

Тенч улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить Эммануэля по голове.

— Конечно. Капитан Филип хочет как можно скорее привести лодку в рабочее состояние.

— Он сердит на Уилла? — спросила Мэри.

— А почему он должен сердиться? — нахмурился Тенч. — Капитан Хантер все это видел и дал отчет о случившемся. Такое могло произойти с каждым, и, в конце концов, то же самое случилось с капитаном Хантером на «Сириусе» возле острова Норфолк. Филип к тому же очень подобрел, услышав, как Беннелонг его местные друзья помогали спасти ситуацию.

— А Уилл думает, что его выпорют. — Мэри выдавила из себя улыбку.

— Тогда я пойду повидаюсь с ним, — сказал Тенч. — Ему нечего бояться, если он сам будет участвовать в ремонте лодки.

Мэри немного провела Тенча, и они поговорили о Беннелонге и о том, как он однажды помог капитану Филипу, когда в того метнул копьё один абориген.

— Я надеюсь, что в будущем все наши люди примут аборигенов с открытым сердцем, — произнес Тенч.

Обычно Мэри соглашалась с его взглядами, но сегодня она была измучена собственными страхами и отчаянием и не могла не думать, что Тенч наивен и даже смешон.

— Не примут, — возразила она. — Я уверена, что настанет время, когда правительство захочет стереть местных жителей с лица земли, потому что они не вписываются в их планы относительно этого места.

Тенч ужаснулся.

— О Мэри, что ты говоришь?

— Именно так они и поступают с теми, чьи ценности отличаются от их собственных, — проговорила она с вызовом. — Богатые и имеющие власть идут по жизни, попирая слабых. Даже когда мы, каторжники, отбудем наш срок, ты действительно уверен, что наше прошлое будет забыто? Я думаю, люди здесь всегда будут делиться на два класса. К одному будут принадлежать заключенные, аборигены и бывшие каторжники, а к другому — такие, как ты.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь «такие, как ты», — произнес Тенч с негодованием. — Все люди рождены равными. И только от них самих зависит, поднимутся они или опустятся на самое дно.

— Да, но подниматься гораздо легче, когда ты образован и тебя поддерживает богатая семья, — отрезала Мэри. — Но я не это хочу сказать. Для людей вашего сорта мы, каторжники, не лучше рабов. Чем больше людей будут сюда посылать, тем привлекательнее эта страна станет для английских богачей. Мне кажется, со временем они нагрянут сюда и захватают земель, а кто будет работать на них? — Она сделала паузу, ожидая, что Тенч даст ей прямой ответ. Но он ничего не сказал, только посмотрел обиженно.

— Мы, каторжники! — проговорила Мэри торжествующе. — Вот кто! Не отрицайте, что это случится, сэр, вы знаете, что это неизбежно. Возможно, некоторые люди и чувствуют себя неловко, поймав негра и заставив его работать бесплатно. Но никому нет дела до того, что кучка осужденных преступников валится с ног от непосильной работы.

Тенч был поражен. Он давно уже знал Мэри и никогда раньше не замечал в ней такого отчаяния.

— Я думал, ты довольно счастлива здесь с Уиллом и детьми, — произнес он слабым голосом. Но сказав это, он понял, что рассуждает так же, как и большинство офицеров: заключенные не способны на тонкие чувства.

— Счастлива! — рассмеялась Мэри, но ее смех прозвучал невесело. — Как я могу быть счастлива, если Шарлотта плачет от голода и я боюсь за будущее своих детей? Они не сделали ничего дурного, но они тоже приговорены к каторге.

— Мне так жаль, Мэри. — У Тенча задрожал голос, и перед глазами все поплыло. — Я

желал бы...

— Желания здесь не исполняются, — оборвала она его. — И молитвы остаются без ответа, если молится женщина вроде меня. Я сама должна устроить свою судьбу.

Мэри ушла к берегу стирать белье, а Тенч какое-то время стоял и размышлял. Он чувствовал свою беспомощность, потому что в глубине души знал, что каждое ее слово — правда. Когда «Скарборо», «Сюрприз» и «Нептун» вернулись в Англию, кто вспомнил о каторжниках, умерших по дороге в Новый Южный Уэльс? А о тех, которые умерли в первой флотилии? Тенч подозревал, что никто. И все же тысячи людей с нетерпением ожидали отчетов об этом месте и строили планы о том, как ухватить себе кусок земли. Возможно, кого-то испугают трудности, но многие рассчитывают на дешевую рабочую силу и будут готовы рискнуть. Все происходит так же, как в свое время в Америке.

Тенч смотрел, как Мэри опустила Эммануэля на землю рядом с Шарлоттой, наклонилась к воде и начала стирку. Он вспомнил, как впервые разговаривал с ней на «Дюнкирке», когда она была возмущена ужасным состоянием трюма.

Мэри действительно была исключительной женщиной. С того самого дня она смело боролась за то, чтобы сделать свою жизнь как можно лучше. Многие другие молодые и привлекательные женщины просто сдались. Ее подруга Сара превратилась в вечно пьяную шлюху, так же, как и большинство женщин с «Шарлотты». Семеро из них умерло, и одному только Богу известно, сколько бы из них осталось в живых, если бы в их сердцах теплилась искра надежды на то, что условия здесь станут лучше.

Тенч глубоко сочувствовал им всем, но услышать слова Мэри и увидеть столько отчаяния в ее глазах было невыносимо.

Почему он не может набраться смелости и сказать ей, что он испытывает к ней? Почему не откладывает все свои возвышенные планы на будущее и не умоляет ее бросить Уилла и уйти к нему? Другие офицеры, например Ральф Кларк, имели любовниц среди каторжниц, а ведь у Кларка осталась дома жена, которая ждала его и которой он клялся в любви. Добиться Мэри не так уж и трудно, Срок Уилла подходит к концу, и он с радостью уплывет на первом корабле, даже не оглянувшись.

Но, несмотря на чувство, которое Тенч испытывал к Мэри, он знал, что не сможет сделать ее своей любовницей. Его воспитание не позволяло ему увести женщину с детьми у другого мужчины, Это было бы неправильно: лишить Мэри той стабильности, которую дает женщине брак. И Тенч не вынес бы, если бы ею стали пренебрегать его друзья и родственники, — что они наверняка бы сделали, если бы узнали о ее прошлом.

Кроме того, он, возможно, обманывает себя, думая, что она чувствует к нему то же, что и он к ней. Мэри никогда не говорила ничего о своих чувствах и, скорее всего, считала его просто другом.

Тенч посмотрел на ее хрупкую фигурку, склонившуюся над водой. В каждом ее движении была решительность. Мэри сильная и уверенная в себе женщина. Тенч чувствовал, что она никогда не согласится стать ничьей рабыней.

1791

— Ты принесла деньги? — спросил Детмер с сильным акцентом.

Мэри кивнула и протянула ему узел чистого белья.

— В носовом платке, — прошептала она и легко коснулась узла грязным бельем у него в руках. — Они здесь?

Было двадцать шестое марта, и Детмер через два дня собирался возвращаться в Англию с капитаном Хантером и его командой с потерпевшего кораблекрушение «Сириуса».

Утро на причале было оживленным и шумным. Моряки Детмера катили бочки со свежей водой на погрузку, пехотинцы патрулировали, мужчины-заключенные строили новый сарай, стуча молотками и скрипя пилами, а шумная стайка женщин-заключенных возвращалась, перекрикиваясь друг с другом, после стирки белья в офицерских домах. Еще там было множество детей, грязных полуголых маленьких оборвышей, карабкавшихся на приготовленные к погрузке тюки. Время от времени кто-то кричал на них и приказывал им слезть, и они исчезали, как крысы в водопроводной трубе, лишь для того, чтобы через считанные минуты появиться снова.

Как и говорил Тенч, лодку отремонтировали. Оказалось, что несчастный случай сослужил им хорошую службу, поскольку сейчас лодка была в гораздо лучшем состоянии, чем раньше.

— Да, они здесь, секстант и компас. Я не стал бы обманывать тебя, Мэри, — произнес Детмер и укоризненно улыбнулся. — Зайдешь на корабль, выпьем по стаканчику на прощание?

— Вы ведь знаете, что я не смею, — сказала Мэри, оглядываясь вокруг. Ей было хорошо известно, что корабль Детмера находится под наблюдением, потому что на «Скарборо» поймали без билетных пассажиров, когда он вышел из Сиднейского залива, Их обнаружили, прежде чем корабль добрался до мысов, и немедленно высадили на берег. С тех пор пехота и офицеры контролировали корабли более тщательно. Мэри увидела пару офицеров, спускавшихся со стороны дома губернатора, и поняла, что благоразумнее будет как можно скорее убраться с причала подальше от любопытных глаз.

— Я бы хотел сделать больше для тебя, — произнес Детмер с вздохом. — Если бы я встретил тебя в каком-нибудь другом месте, я думаю, исход событий был бы совсем иным.

Мэри вспыхнула и опустила глаза. Она никогда не знала, как воспринимать Детмера и его многозначительные замечания. Иногда Мэри была уверена, что он питает к ней какие-то сильные чувства: иначе зачем бы он так рисковал, помогая ей и Уиллу? Но в другие моменты она чувствовала себя просто пешкой в его игре против капитана Филипа.

— Посмотри на меня, Мэри, — сказал Детмер, и его голос прозвучал мягко и настойчиво.

Она взглянула в его ясные голубые глаза и снова почувствовала влечение к нему. Сегодня он выглядел еще более красивым, чем обычно. Он подстриг волосы, побрился, и его белая рубашка сияла безукоризненной чистотой. Даже его высокие сапоги были до блеска начищены, и Мэри подумала: не ради нее ли все это?

Удивительно, что ее снова влекло к мужчине, который был гораздо выше ее по происхождению. Вот уже два месяца Детмер занимал ее мысли и чувства так же, как когда-

то занимал их Тенч. Но если Тенчу в ее сердце всегда будет принадлежать особое место, и она догадывалась, что он отвечал ей взаимностью, то к Детмеру Мэри испытывала чисто физическое влечение.

Она понимала, что имеет дело с мужчиной, который никогда не подчинялся другим. Мэри чувствовала, что в его жилах текла соленая вода и наибольшее счастье он испытывал, сражаясь с морской стихией. Он был загадочным, как океан, и, возможно, таким же опасным.

— Вот так лучше, — сказал Детмер и улыбнулся. — Я не смогу больше увидеться с тобой до отъезда. Ты отдашь белье кому-нибудь из команды.

Мэри кивнула, не решаясь заговорить. По каким бы причинам Детмер ни помогал ей, он сделал это достойно. Он не заманил ее шантажом к себе в постель и обращался с ней как с леди, а не как с заключенной. Она навсегда останется перед ним в долгу.

— Я так боюсь за тебя и за твоих детей, — сказал Детмер, понизив свой голос до шепота. — Я надеюсь, что Бог поможет тебе совершить то, что ты задумала.

— Решительность может двигать горы, — ответила Мэри, а затем заколебалась. Ей так хотелось выразить ему всю глубину своей благодарности, и все же она знала, что если заговорит, то разрыдается. — Сохрани вас Бог, Детмер, — лишь смогла Мэри добавить.

— И тебя пусть сохранит Бог, — произнес он мягко. — Я не забуду тебя. Я наведу справки, чтобы узнать, как ты доплыла.

Они обменялись узлами, и его рука на секунду накрыла ее руку.

— Я должна идти, — сказала Мэри, отступив от него на шаг. — Я принесу белье завтра.

В два часа дня двадцать восьмого числа Мэри и Уилл стояли на берегу и молча смотрели, как «Вааксамхейд» плывет через залив по направлению к мысам. В его кильватере летели морские птицы, и было слышно, как ветер шумит в парусах.

Наверху на причале почти вся колония следила за отплытием, и Мэри слышала их прощальные крики. Капитан Филип, вероятно, был среди провожающих, и впервые у Мэри сжалось сердце от жалости к нему.

Она была абсолютно уверена в том, что он хотел бы плыть домой с капитаном Хантером. Хантер и Филип дружили и через многое прошли вместе. Филип фактически оказался таким же заключенным, как и Мэри, прикованный к этому проклятому месту чувством долга. Теперь, когда она была так близка к побегу, Мэри отчетливо понимала, что он, по сути, хороший человек. Он всегда поступал гуманно, честно и никогда не ронял собственного достоинства. В глубине души Мэри даже желала ему добра.

— Еще семь часов — и мы отправимся в путь, — сказал Уилл с легкой дрожью в голосе.

Мэри знала: он думает о том, что будет с ними, если их поймут. Если их не повесят, то, безусловно, выпорют и снова закуют в кандалы. Несмотря на то что их план очень хорош и они вели себя осторожно, всегда остается вероятность того, что об этом прослышит кто-то, кто точит на них зуб, и выдаст их.

Мэри взяла Уилла за руку и сжала ее. Она тоже боялась, не за себя, а за детей, потому что слишком хорошо знала, что рискует их жизнями.

И все же этот риск был необходим. Если они останутся здесь, то вполне возможно, что следующая эпидемия или очередное урезание рациона будут стоить им жизни так же, как и многим другим детям. Безусловно, лучше отправиться в открытое море. В конце концов, если они утонут, то утонут все вместе, — по крайней мере, это быстрая смерть.

— Лодка теперь в отличном состоянии, — сказал Уилл, будто подбадривая себя. — Даже погода на нашей стороне.

Мэри подняла голову и посмотрела на небо. Оно было затянуто тучами, и, если только оно вдруг не прояснится, тучи закроют ночью луну. С моря дул очень слабый ветер, но это почти не имело значения, потому что они выплывут из залива прямо по течению, — весла создали бы слишком много шума, а идти под парусом рискованно.

— Мы справимся, — сказала она твердо. — Я знаю.

В шесть часов уже стемнело, и еще через несколько часов заговорщики собрались по одному и молча разошлись, каждый с мешком, вниз вдоль берега к условленному месту отправления.

Эммануэль и Шарлотта крепко спали в кровати. Мэри знала, что Эммануэль не проснется, когда она возьмет его на руки, но с Шарлоттой было сложнее. Она весь день волновалась, хныкала и капризничала. Девочка явно чувствовала, что что-то происходит, и если она проснется в лодке, то может закричать.

У Мэри пересохло в горле от страха, когда из тайника под полом достали последний мешок и она осталась одна с детьми. Скоро придет Сэм Брум и поможет ей отнести их. Она понесет Шарлотту, а он возьмет Эммануэля. Уилл не сможет ей помочь, потому что будет ждать Беннелонга, который должен доставить лодку.

Мэри опустилась на колени рядом с кроватью и в последний раз помолилась за их безопасность, но все ее внимание было занято этой маленькой хижинкой и всем, что она значила для Мэри целых три года.

Это было убежище, место, которое давало ей покой и безопасность. Она с радостью занималась здесь любовью с Уиллом, эта хижина помнит счастье, пережитое благодаря рождению Эммануэля, и столько вех в развитии Шарлотты: от первых шагов до первых слов. А теперь они уходят в неизвестность.

— Мэри!

Она вздрогнула от шепота Сэма, стоявшего в дверном проходе, и повернулась к нему.

— Извини, — сказал он.

Мэри поняла, что он смутился, прервав ее молитву.

— Все в порядке, — прошептала она, поднимаясь на ноги. — Ты уже видел Беннелонга?

Сэм зашел в хижину и взглянул на спавших детей. При свете мерцающей свечи его лицо казалось особенно худым. Он не был таким красивым и уверенным в себе мужчиной, как Уилл, но Мэри тронуло то, с какой нежностью он посмотрел на Шарлотту и Эммануэля.

— Уиллу показалось, что он видел, как Беннелонг плывет к лодке, — сказал Сэм. — Я сам ничего не смог разглядеть, слишком темно, но Уилл просил передать, что тебе пора идти.

Мэри взяла Эммануэля, плотнее завернула его в одеяло и передала Сэму. Затем взяла повязку, которую она сделала из куска брезента, и обернула ею спящего ребенка. Мэри завязала пару ремешков вокруг талии Сэма, а другую перекинула через его плечи, скрестила на спине и потом закрепила спереди.

— Так у тебя руки будут свободными, — объяснила она. Мэри боялась, что он рассердится, решив, будто с ним обращаются как с нянькой.

Сэм едва заметно улыбнулся.

— Я боюсь. А ты? — прошептал он.

Мэри покачала головой. У нее сводило живот, ее бросало в холодный пот, и она уже начинала жалеть об этой затее. Но она не собиралась в этом признаваться.

— Мы сделаем это, Сэм, — сказала Мэри скорее с бравадой, чем с убежденностью, и повернулась к кровати, чтобы взять Шарлотту.

Когда она подняла девочку на руки, та пробормотала что-то во сне, но ее голова упала маме на плечо, и она не проснулась. Сэм взял одеяло, укрыл им Шарлотту и подоткнул края, а потом улыбнулся Мэри.

— Готова?

— Почти, — сказала Мэри и, наклонившись к маленькому столику, взяла с него тряпичный мешочек.

— Что там? — прошептал Сэм, когда мешочек зашуршал.

— Листья сладкого чая, — сказала Мэри и улыбнулась. — Я ведь должна взять что-нибудь на память об этом месте, правда?

Они тихо выбрались из хижины, время от времени замирая и проверяя, нет ли кого-нибудь поблизости. Вдалеке они видели слабое мерцание догоравших костров и слышали шаги часового на набережной, храп, доносившийся из хижин, странный приглушенный кашель и плеск воды на пляже. Шарлотта пошевелилась на руках у матери, и Мэри потеплее укрыла ее одеялом от прохладного воздуха и зашагала быстрее, догоняя Сэма.

Когда глаза Мэри привыкли к темноте, она с трудом разглядела подплывающую к берегу лодку и Беннелонга перед ней. Туземца было почти не видно в темноте, лишь время от времени поблескивали его белые зубы.

Мэри знала, что если кто-то выдал их план, то через несколько минут их остановят. Она напрягла слух, пытаясь уловить, не бегут ли за ними. Каждый мускул на ее теле был напряжен, и в любую минуту Мэри ожидала стрельбы мушкетов. Когда Уилл неожиданно вышел из-за кустов, она чуть не выпрыгнула из собственной шкуры. Все было таким зловещим: темный пляж, восемь мужчин, стоявшие неподвижно, как статуи, и узлы, напоминавшие огромные бульжники. Никто не произнес ни слова, все, не отрываясь, смотрели, как лодка подходит все ближе к берегу.

Уилл сначала шел по воде, а затем поплыл почти так же бесшумно, как Беннелонг, чтобы помочь туземцу подвести лодку поближе. Наконец она скользнула лишь в нескольких футах от них и Джеймс Мартин побрел по воде, забрался в лодку и подал остальным знак грузить узлы.

Нервы у Мэри были на пределе, потому что каждый незначительный звук, казалось, разносился по всему берегу. Она мягко качала Шарлотту, чтобы та не проснулась, и мысленно умоляла мужчин поторопиться с погрузкой.

— Я сейчас возьму ее, — прошептал Уильям Мортон Мэри. — А ты иди и садись в лодку.

Это был момент, которого Мэри опасалась больше всего, потому что девочка могла проснуться, когда ее будут передавать из рук в руки. Но Уильям взял Шарлотту так нежно, будто бы она была его собственным ребенком, и кивнул Мэри, давая понять, что она может садиться в лодку.

Высоко подняв подол платья, Мэри тихо побрела к лодке, потом села и протянула руки, чтобы снова взять Шарлотту. Уильям Мортон передал ее, затем сел в лодку сам. Потом поднялся Сэм Брум с Эммануэлем на руках и сел рядом с Мэри.

Беннелонг улыбался, и его зубы и белки глаз блестели, как маленькие огоньки, пока он

удерживал лодку, чтобы в нее сели остальные мужчины с мушкетами, завернутыми в промасленные тряпки. Уилл сел у руля, Нат Лилли и Джейми Кокс устроились по обе стороны от него, и последним забрался Билл Аллен. Беннелонг изо всех сил толкнул лодку, и они тронулись с места.

Какое-то время Беннелонг плыл рядом, подталкивая лодку до тех пор, пока ее не подхватило течение. Лодка медленно поплыла вниз по заливу. Тогда он оттолкнулся от лодки, помахал рукой на прощание и скрылся в темноте, молчаливый как рыба.

Лишь через некоторое время Мэри подумала, что можно наконец перевести дыхание.

Прошло, как им показалось, много томительных часов, прежде чем они увидели замаячившие перед ними мысы, которые напоминали горы, похожие друг на друга как две капли воды. Все хранили молчание, потому что если бы их заметил или услышал часовой, то он поднял бы руку и началась бы стрельба.

Вдруг море заволновалось, и беглецы почувствовали, как поток воды поднялся и понес тяжелогруженую лодку к проходу между мысами. Уилл боролся с управлением, чтобы они осторожно преодолели проход. Шарлотта проснулась у Мэри на коленях, выпрямилась и изумленно огляделась вокруг.

— Поднимаем паруса, — прошептал Уилл. — Мы на свободе.

Ветер поймал парус, и они тут же набрали скорость, а луна вдруг вышла из-за туч, будто присоединяясь к их ликованию. Джеймс Мартин, который всегда был самым словоохотливым, разразился негромким смехом, и к нему тут же присоединились остальные.

— Мы свободны, — сказал Уилл дрожащим голосом, будто сам слабо в это верил. — Господи, мы свободны!

Мэри не могла раскрыть рта, она лишь улыбнулась. Она повернула голову и оглянулась, но не увидела ничего, только черные скалы и проход, через который они прошли.

Мэри не чувствовала грусти, уезжая, — это было не в ее характере: сожалеть о сделанном. Имело значение только то, что ждало их впереди. Но она все же подумала о Тенче, представила, как он спит сейчас в своей кровати, и ее сердце сжалось от тоски.

Она никогда не видела, как он спит, бреется, моется, не видела его без одежды. В ее памяти он всегда был в своей красной куртке, белых бриджах и высоких начищенных сапогах и прогуливался по набережной. А еще Мэри помнила его мягкие карие глаза и прикосновение его руки к своей. И все его добрые поступки.

Мэри жалела только о том, что не попрощалась с ним, ни разу не сказала ему, как он важен для нее. Но эти мысли были глупыми, потому что он не смог бы участвовать в побеге.

Мэри еще раз оглянулась назад, мысленно посылая ему слова прощания и зная, что никогда больше его не увидит. Потом она повернулась вперед и громко закричала, выражая свой восторг по поводу приобретенной свободы.

Хотя Мэри не знала, смогут ли они пройти весь путь до Купанга, достаточно было уже того, что сработал ее план и они вышли из гавани. Она посмотрела на восемь ликующих мужских лиц и поняла, что вышла победительницей. Пусть она не умеет читать и писать и вести корабль, как Уилл, и, вероятно, никто из мужчин не признавал ее участия в плане побега, но она-то знала правду. Будь что будет, но Мэри позаботится о том, чтобы они обрели безопасность и долгожданную свободу.

Мэри прижалась губами ко лбу Шарлотты, зная, что долгие недели ей постоянно нужно будет следить за детьми.

— Мэри, ты ничего не хочешь сказать по поводу моего гениального плана? — крикнул Уилл.

В первое мгновение она хотела возразить, что это был не его план. Но затем Мэри вспомнила слова своего отца: сражение выигрывают благодаря стратегии, а не превосходством сил.

— Молодчина, Уилл, — сказала она и тепло улыбнулась ему. — Ты умный и храбрый.

Глава двенадцатая

После двух дней в море Мэри чувствовала абсолютно то же самое, что испытывала в повозке по пути из Эксетера на «Дюнкирк», Как и тогда, все начиналось с надежды на спасение, а потом все тело стало болеть от слишком долгого сидения на одном месте. Ночью она промерзала до костей, днем солнце и ветер обжигали ее лицо. И все же по дороге в Девонпорт ей не приходилось успокаивать, забавлять и контролировать детей. Если Эммануэль все время оставался на одном месте, у нее на коленях, то Шарлотта постоянно вертелась.

Время от времени Мэри засыпала на пару часов, когда засыпали дети, но все время просыпалась, вздрагивая от страха, что рулевой тоже задремал и их несет на скалы.

И все же, несмотря на неудобства, она, безусловно, не хотела оказаться снова в Сиднейском заливе. Погода была хорошей, и их подгонял сильный северо-восточный ветер. Все мужчины находились все еще в приподнятом настроении и беспрестанно обсуждали, как жители колонии восприняли их побег.

— Капитан Филип наверняка рвет и мечет, — проговорил восторженно Джеймс Мартин.

— Я надеюсь, что Сара не очень обидится на меня, когда найдет мою записку, — сказал Джейми Кокс с легкой грустью в голосе.

— Хорошо, что ты устоял перед соблазном и не рассказал ей обо всем до нашего отправления, — произнесла Мэри, стараясь утешить его. Она знала, что Джейми обожает Сару Янг и ему, скорее всего, было трудно оставить ее.

Хотя покидая колонию Мэри думала, будто хорошо знает всех этих людей, она скоро убедилась, что у них есть черты характера, которых она раньше не замечала. Джеймс Мартин, уродливый ирландец, всегда веселился и рассказывал забавные истории, но он был распутником, гонялся за женщинами и за выпивкой и всегда лез в драки. И вдруг он стал очень заботливым и внимательным и часто брал Шарлотту или Эммануэля за руки, чтобы Мэри отдохнула.

Рыжеволосый веснушчатый Сэмюэль Берд казался ей очень угрюмым, и она никогда не понимала, почему Уилл о нем такого высокого мнения. А сейчас, когда они были свободны, он смеялся не меньше остальных и, хотя не разговаривал много, слушал других и поддерживал разговор.

Билла Аллена и Ната Лилли она знала хуже других, и они казались прямой противоположностью друг другу. Билл был коренастый и лысый, с таким приплюснутым носом, будто по нему долго молотили кулаками. По сути, он полностью соответствовал своему прозвищу Железный Человек. Нат со своим ангельским лицом, большими глазами и длинными светлыми волосами походил на девушку, и Мэри считала его педерастом. Но он легко уживался с людьми, с которыми его назначали работать, и все его любили. А еще он был очень предан Уиллу.

И Нат и Билл обладали более крепким здоровьем по сравнению с другими людьми, прибывшими со второй флотилией, и Мэри так и не поняла почему. В случае с Натом, вероятно, об этом лучше было вообще не спрашивать.

Этих каторжников Мэри выбрала для побега именно из-за их умения выживать. И все же сейчас она поняла, что они удивительно чуткие люди. В самое первое утро они

соорудили навес, чтобы защитить детей от солнца, и позаботились о том, чтобы еда распределялась по справедливости.

Уильям Мортон был, без сомнения, одним из самых умных заключенных. Он выглядел непривлекательно из-за большого выпуклого лба, выпученных глаз и узкого, крепко сжатого рта. К сожалению, он не обнаружил новых положительных качеств при более близком знакомстве: Уильям любил поспорить, и Мэри боялась, что он вскоре восстановит кого-нибудь против себя.

Даже тихие и задумчивые Джейми Кокс и Сэм Брум, которые, казалось, легко шли на поводу у других, начали самоутверждаться. Один раз Джейми набрался храбрости и велел Уиллу прекратить хвастать, а Сэм Брум сказал Джеймсу Мартину, чтобы тот подбирал выражения в присутствии Мэри и детей. Мэри не сомневалась, что за последующие несколько недель она обнаружит что-то еще более удивительное в каждом из них.

Время от времени мужчины мечтали о том, чем они займутся, когда вернутся в Англию. Все они знали, что глупо и легкомысленно возвращаться в свой родной город, где их могут снова арестовать. Все решили остановиться в Лондоне, где они смогут раствориться в толпе, а с новым именем у них есть возможность начать все сначала.

Мэри не могла заставить себя думать, что далекое будущее станет для нее светлым и радостным. Ее беспокоило отсутствие денег и лохмотья вместо одежды. Чтобы снова не вернуться в преступный мир, всем им требовалась огромная удача.

И все же, несмотря на свои душевные терзания Мэри иногда грезила о том, как идет по мощеной улице к пристани Фоуэя и ведет детей за руки. Она представляла, как стоит у открытой двери и видит мать, которая склонилась над кастрюлей, кипящей на огне. Она повернет голову, увидит их и вскрикнет от удивления и восторга. Конечно, это было нереальной и причудливой мечтой, но эти мысли помогали Мэри не думать о том, что у нее болит спина, и согревали ее.

На третий день погода изменилась, пошел дождь и подул сильный ветер. Уилл был озабочен тем, что лодка перегружена.

— Мы должны найти какую-нибудь сушу, чтобы переждать непогоду, — сказал он.

Чуть позже Уильям Мортон, сидевший на носу лодки, вдруг заорал, что видит место, которое, возможно, им подойдет.

Все посмотрели, куда он указывал, и увидели маленькую бухту с галечным пляжем. Уилл подплыл ближе, чтобы проверить, нет ли подводных камней, и, поскольку их не было, он согласился, что место идеальное.

— Будем надеяться, что там есть таверна, — воскликнул Джеймс.

Все рассмеялись от его слов, даже Уильям Мортон, который до этого времени не реагировал на шутки Джеймса.

Уилл подвел лодку как можно ближе к пляжу, потом Джеймс поплыл к берегу, держа в руках веревку, чтобы вывести лодку на мелководье.

— Здесь были аборигены, — произнес Джеймс, когда все они благополучно выбрались на пляж. Он указал на обугленные остатки костра и множество рыбьих костей.

— Ну сейчас их здесь нет, — сказал Уилл, тщательно осматривая бухту. — И потом, я достаточно знаю их язык, чтобы сказать им, что мы не замысливаем ничего дурного.

Дождь перестал, снова вышло солнце, и Мэри гонялась за Шарлоттой по пляжу, смеясь от радости, которая переполняла ее при мысли о том, что они проведут эту ночь на суше. Там был ручей со свежей водой, которой они наполнили бочку и умыли лица, успевшие

покрыться соленой коркой, а Мэри нашла растение, напоминавшее капусту. Уилл, Билл и Джеймс доставали невод, Уильям разводил огонь, Сэмюэль Берд и Нат собирали дрова, а Сэм Брум и Джейми Кокс сделали примитивный навес под деревьями.

Рыбалка была удачной, мужчины вернулись с большим количеством серой форели. Они взяли немного риса из своих запасов, добавили листья «капусты» и устроили настоящий пир.

— Если бы здесь было пиво и парочка пышногрудых девок, я мог бы сказать, что я счастлив, — заявил Джеймс, растянувшись на песке после еды.

Мэри захихикала. Раньше она не всегда одобряла поступки Джеймса, но теперь все больше ценила его. Ее согревал его оптимизм, и было так приятно коротать время, слушая его рассказы. Мэри всегда считала, что у него невзрачный вид: костлявое перекошенное лицо, большие уши и нос, и толстые темные брови, сросшиеся на переносице. По словам матери, это верный признак того, что человека ждет виселица, и, вероятно, так оно и было, потому что Джеймс находился на волоске от смерти. Но его непривлекательная внешность с лихвой компенсировалась его обаянием. Мэри уже больше не удивляло то, что так много женщин в колонии охотились за ним.

В ту ночь они все хорошо выспались, прижавшись друг к другу в своем убежище рядом с костром. Мэри лежала и ждала, когда придет сон, Уилл прижался к ее спине, а дети устроились между ней и Сэмом. Она наслаждалась теплом и сытостью и была невероятно счастлива. Мэри не просто освободилась от ненавистной колонии: что-то освободилось внутри нее.

Ребенком она всегда жалела, что не родилась мальчишкой, потому что хотела ходить на рыбалку, лазить по скалам и попадать в приключения. Девочкам же приходилось отказываться от всего этого. Они должны были подражать своим матерям и мечтать о том, чтобы вырасти и найти себе мужа. Мэри предполагала, что когда она уедет в Плимут, то станет свободнее, но этого, конечно же, не произошло. Все эти годы, с тех пор как ее посадили в тюрьму, ей приходилось признавать превосходство мужчин, чтобы выжить. Но сейчас она была вместе с восемью мужчинами и знала в глубине души, что в ближайшие недели они будут зависеть от нее. Мэри уже чувствовала, как они ею восхищаются. Она видела по их глазам и по манере обращения с нею, что они знали: план побега разрабатывала она, как бы громко Уилл не утверждал обратное. Когда настанет ее очередь править лодкой, они поймут, что она умеет это делать почти так же хорошо, как Уилл.

Но ее главным преимуществом было ее страстное желание добраться до Купанга. Мужчины, возможно, тоже хотели этого, но их стремление нельзя сравнить с той мощной мотивацией, которая управляла поступками Мэри. Этой мотивацией были ее дети, и она собиралась бороться с любыми трудностями, отчаянно рисковать, чтобы выжить и оказаться в безопасности. Мэри прикрыла рукой сразу обоих, Эммануэля и Шарлотту, и тепло их маленьких тел успокоило ее и добавило ей решительности.

— Сколько мы уже плывем, Уилл? — спросил Нат Лилли уставшим и севшим голосом. Он уже не походил на ангела. Его когда-то золотые волосы потускнели и высохли от соли, а нежная кожа была покрыта волдырями. — Впечатление такое, что прошел уже целый год.

Уилл вел судовой журнал, в который он старательно через день все записывал, и, если бы не он, никто бы не знал, какой сегодня день и даже месяц.

— Уже за месяц перевалило, — ответил Уилл, с силой налегая на весла, потому что весь день ветер был слабым. — Сегодня второе апреля.

— И сколько же нам еще плыть вдоль побережья? — спросил Нат, кривя презрительно губы и глядя на берег. Не прошло и часа, как он заметил, что сколько бы они ни плыли, все вокруг выглядело одинаково.

— Не задавай мне таких идиотских вопросов, — ответил Уилл раздраженно. — Откуда мне знать, ведь карт нет.

— Ну здесь ведь уже плыл кто-то, и он должен знать, тысяча здесь миль или пять тысяч, — сказал Нат угрюмо.

— Должен-то должен, но забыл об этом рассказать, — ответил Уилл кратко. — Ну-ка, заткните рты и гребите быстрее.

Мэри была у руля, Эммануэль сидел у нее на коленях, а Шарлотта в ее ногах играла с куклой, которую Джеймс сделал из веревки. Мэри слышала разговор между Натом и Уиллом так же, как слышала уже много раз вопросы о том, какое точное расстояние до Купанга. Они все нуждались в отдыхе, и она изо всех сил надеялась, что они скоро найдут место, где смогут переждать пару дней.

Со дня их первой остановки в бухте, которую они назвали бухтой Удачи, они взяли себе за правило: пару дней плыть, потом два дня отдыхать, если попадетсЯ какое-нибудь подходящее место с пресной водой. Пока они плыли, напряжение нарастало: они были жесткими, холодными и резкими друг с другом. Но как только они ступали на сушу, отрицательные эмоции, казалось, исчезали.

Уилл все больше беспокоился по поводу лодки, потому что она стала давать сильную течь. А Уильям Мортон обратил их внимание на муссоны и сказал, что, по его мнению, он один думает наперед. На лодке, возможно, прекрасно плавать в Сиднейском заливе, но она не предназначена для долгого путешествия с таким количеством людей на борту.

Позже в тот же день они зашли в большой залив, такой же красивый, как и Сиднейский, и все тут же повеселели.

— Нам нужно вытащить лодку из воды и законопатить ее швы, — сказал Уилл, затем посмотрел на Мэри и добавил: — А ты можешь выстирать всем нам одежду, девочка моя.

Мэри укололи его слова, но она ничего не сказала в ответ. Она в любом случае выстирала бы всем одежду, но такими приказаниями Уилл пытался поставить ее на место.

Она хорошо знала, что с ним происходило: он терял бодрость духа. Мужчины перестали хвалить его за то, что он их вывез, А еще, возможно, он размышлял, что, если бы не побег, его срок уже подошел бы к концу. И конечно, он был обеспокоен, сможет ли лодка выдержать до Купанга.

Мэри подумала, что Уилл, наверное, мечтал, чтобы кто-нибудь предложил остаться до конца зимы в таком заливе, как этот. Но сам бы он не произнес этого, боясь показаться трусом. А еще ему не нравилось, как мужчины обращались с его женой.

Все началось примерно через неделю после отплытия, когда Джеймс занозил себе руку веслом. Мэри достала занозу, и он все время называл ее «мама Мэри». С тех пор каждый раз, когда что-то происходило, они спрашивали ее мнение. Для Мэри это казалось вполне понятным: в конце концов, она единственная женщина среди них, и у нее было достаточно знаний в области медицины, которые она почерпнула на «Шарлотте» и в колонии благодаря хирургу Уайту. Но Уилл, похоже, думал, что это происходило потому, что они имели на нее виды.

А еще он поднял шум по поводу того, что все они, кроме Уильяма Мортонa и его самого, соперничали за то, чтобы сидеть рядом с ней в лодке, и занимались Шарлоттой,

пока Мэри кормила Эммануэля. Мэри отлично знала, что ни один из них не делал этого, желая стать ее любовником. Это был просто дружеский жест, а то, что они старались сесть рядом с ней, когда она кормила Эммануэля, вероятно, объяснялось тем, что эта сцена напоминала им их матерей. А еще им, наверное, надоело постоянно изображать из себя героев, как это делал Уилл. Разговаривая с ней, они могли на время расслабиться. Мэри не могла понять, почему Уилл видел в этом нечто дурное.

Билл рассказал ей по секрету, что он раньше был скотом с женщинами, но, вероятно, он вел себя так потому, что его отец все время бил мать. Нат признался, что позволял некоторым морякам использовать себя как женщину на корабле, потому что лишь таким способом он мог получать дополнительную еду и выбираться из трюма на воздух. Сэм Берд сказал Мэри, что, когда времена стали совсем тяжелыми, он крал еду из чужих хижин и теперь ему очень стыдно.

Мэри вовсе не стала думать хуже о них после этих рассказов, какими бы они ни были ужасными. Она чувствовала, что откровенность сплотила их еще крепче.

Как только они вышли на берег, соорудили навес и разожгли огонь, Мэри положила Эммануэля в его повязку, привязала к себе и, оставив Шарлотту играть на пляже рядом с мужчинами, вытаскивавшими лодку, пошла поискать чего-нибудь съестного.

Она нашла много листьев сладкого чая и немного кислых ягод, которые так ценил хирург Уайт, но, не обнаружив ничего похожего на капусту, она вернулась.

Вдруг Мэри увидела группу аборигенов, наблюдавших за ней из-за деревьев. Она тут же всполошилась, поскольку ее спутники находились на некотором расстоянии, но помахала рукой, что у аборигенов в Сиднейском заливе означало дружеский жест, и улыбнулась им. Мэри догадалась, что туземцы были просто поражены ее появлением и не испытывали враждебности, и поэтому просто пошла обратно по пляжу к мужчинам.

На следующий день аборигены подошли ближе. Они подползли по пляжу, внимательно наблюдая, как мужчины чинят лодку. Мэри стирала одежду, и каждый раз, когда развешивала что-нибудь на кустах сушиться, она улыбалась им.

— Что ты вытворяешь? — рявкнул вдруг на нее Уилл. — Тебе мало, что вокруг тебя восемь мужиков? Или ты еще и парочку этих хочешь?

— Не будь дураком, Уилл, — сказала она устало. — Я улыбаюсь просто чтобы показать, что у нас нет дурных намерений, как ты, возможно, и сам знаешь.

Уилл продолжал дуться на нее до конца дня, несмотря на то что они поймали достаточно рыбы и хорошо поели вечером, а какую-то часть засолили впрок. Положив вечером детей спать, Мэри немного посидела у огня. Мужчины снова обсуждали, сколько еще осталось плыть, и она не вмешивалась в этот разговор. Чувствуя сильную усталость, она отошла от костра, чтобы облегчиться, прежде чем устраиваться на ночь.

Была чудесная ночь, на небе сияла полная луна. Вместо того чтобы сразу пойти под укрытие, Мэри присела на скалу, чтобы насладиться тишиной. Мэри очень редко удавалось побыть в тишине. С того самого дня, как ее арестовали в Плимуте, вокруг нее всегда был шум и суета. Даже в ее хижине в Сиднее ей редко выпадала возможность побыть одной.

На лодке каждый ее жест был на виду у мужчин. Они вежливо отворачивались, когда она облегчалась или мылась, но они находились рядом, лишь в футах от нее. Все время кто-то разговаривал, спорил, пел или храпел. Даже ее тело не принадлежало ей: Эммануэль или был у ее груди, или карабкался на руки, или спал у нее на коленях, а Шарлотта почти все то время, когда не спала, требовала ее внимания. Даже мужчины использовали Мэри как

подушку, облакачиваясь на нее.

Глядя на звезды и слушая мягкий плеск волн о берег, Мэри воображала, что она снова в Корнуолле. Она снова замечталась и представила себя в маленьком коттедже. Дети мирно спали в настоящей постели наверху, а Уилл ушел на рыбалку. Мэри так ясно все это видела: вот горит свеча, огонь поблескивает красным, и маленькие искорки, на которые падал воск, превращались в картинки.

Когда они с Долли были маленькими, они всегда соревновались, кто увидит лучшую картинку в этих искорках. Долли видела людей, идущих в церковь или танцующих вокруг майского шеста, а Мэри всегда видела рыб, животных или птиц. Ей было интересно, как воспримет Долли рассказы о странных животных, которых здесь называют кенгуру, или об этих больших птицах, которые не летают, но бегают быстрее человека. И о миллионе красивых птиц, таких необычных и ярко окрашенных, что у нее захватывало дыхание при виде их.

— Он не придет!

Сердце Мэри ушло в пятки от звука сердитого голоса Уилла. Она не слышала, как он подошел.

Мэри встала и повернулась, а он шел к ней.

— Кто не придет? — спросила она.

— Сэм, конечно, а ты будто не знаешь, — зарычал Уилл на нее. — Я его поймал, когда он уползал встретиться с тобой, и уложил его на лопатки.

— Я никого здесь не жду! — сказала Мэри возмущенно. — Думаешь, мне не надоело, что вокруг меня целыми днями люди?

Уилл ударил ее так быстро, что она не успела ни двинуться с места, ни уклониться. Удар кулаком пришелся ей по щеке и опрокинул ее на спину.

— Ты моя женщина, — прошипел он и кинулся на нее, задирая ей платье.

Мэри и так была в шоке оттого, что он ее ударил, но, когда до нее дошло, что он собирается сделать, она испытала настоящий ужас.

— Не надо, Уилл, — умоляла она его. — Не надо так.

Мэри пыталась выбраться из-под него, но он был слишком крепкий и тяжелый. Он тут же с силой вошел в нее, кусая ее за шею, как дикое животное, и его пальцы вонзились ей в ягодицы, будто он желал причинить ей еще больше боли.

Когда он кончил, то поднялся и ушел, не сказав ни слова в свое оправдание.

Мэри лежала, слишком потрясенная, чтобы шевелиться. Потом она пошла к морю и вымылась. Ее глаза были сухими, но ее сердце обливалось кровью, потому что она никогда не думала, что ее Уилл способен на такой жестокий поступок. Их нежные любовные ласки были единственным, что хоть немного скрашивало жизнь в колонии. Это помогало забыть о голоде, о физической боли и о безнадежности их ситуации. Если Уилл хотел ее этой ночью, ему достаточно было об этом сказать, и она с радостью ускользнула бы с ним.

Мэри знала, что он не совершил ничего необычного: в Сиднее она видела многих женщин с разбитыми губами или синяком под глазом. По откровениям некоторых из них Мэри понимала, что они знают лишь грубый секс. Но их мужчин нельзя сравнить с Уиллом, они были людьми того сорта, что украдут еду у собственных детей без угрызений совести.

Мэри услышала тихий звук, оглянулась и увидела, что Уилл вернулся и стоит немного поодаль на пляже.

— Давай, возвращайся со мной, — позвал он.

Уилл протягивал к ней руку. Было слишком темно, чтобы Мэри могла видеть выражение его лица, но его поза была нерешительной, будто он стыдился самого себя.

— Почему, Уилл? — спросила она, подойдя к нему. Мэри не чувствовала ни ненависти, ни злости, ее просто захлестнула огромная волна разочарования.

— Я не знаю, — сказал он почти шепотом. — Думаю, я просто вспылел из-за Сэма.

Мэри не произнесла ни слова, пока они шли обратно под навес. Ей нужно было время, чтобы обдумать случившееся.

Когда Мэри проснулась на следующее утро, она была одна с детьми, которые еще спали. Уилл уже трудился над лодкой с Уильямом и Джеймсом. Она не увидела остальных мужчин и догадалась, что они пошли ловить раков.

Мэри осторожно коснулась своего лица. Щека вспухла и болела, но кожа была цела.

Чуть позже, когда Мэри сидела на корточках, пытаясь разжечь огонь, к ней подошел Уилл. Он постоял рядом с ней секунду или две, глядя на нее, но она не обращала на него внимания.

— Ты меня ненавидишь? — спросил он наконец.

— А чего ты ждешь? — парировала Мэри, поднимая на него глаза. У него был всклокоченный вид. Но впрочем, они все так выглядели — с обветренной и обожженной солнцем кожей и измученные из-за недосыпания. Всем мужчинам нужно было подстричься и подровнять бороды, но Уилл выглядел странно еще и потому, что обычно очень тщательно заботился о своей внешности.

И все же он осунулся не только из-за усталости. Глаза у Уилла были тусклыми и запавшими, Мэри видела их такими лишь раз — после порки.

Он пожал плечами.

— Я не знаю.

— Мы через многое прошли вместе, — сказала она. — И еще многое у нас впереди. И если мы не будем держаться друг за друга, мы не справимся.

— Так ты простишь меня? — спросил Уилл слегка озадаченно.

— Я не знаю, смогу ли простить тебя, тебе нужно это заслужить, — ответила Мэри резко. — Но мы поговорим об этом потом.

Уилл всплеснул руками.

— Ну что ты за женщина! Ты не плачешь, не орешь. Я тебя не понимаю.

— Зато я тебя понимаю, — парировала Мэри. — И я не плачу и не ору, потому что знаю, что ничего этим не добьюсь.

Она действительно видела его насквозь. Мэри знала, что он боится, как бы она не посягнула на его лидерство. Изнасиловав ее, он как бы дал ей понять, что она должна подчиняться ему. Но Мэри не собиралась подчиняться.

Днем вернулись аборигены. Мужчины дали им немного рыбы, которую поймали, и туземцы в ответ подарили пару больших крабов.

На следующее утро аборигены спустились к пляжу и помогли беглецам спустить на воду лодку, помажав им, когда они уплывали. Путешественники не знали, что это был последний раз, когда на берегу, куда они приставали, их принимали по-дружески.

Удача, сопутствовавшая им вот уже месяц, вдруг отвернулась от них. Погода испортилась, подул сильный ветер, и пошел ливень, и, хотя они видели много

привлекательных пляжей, волны были слишком высокими, чтобы можно было попытаться причалить. Лодка все еще протекала, и, когда они в конце концов нашли залив, тут же появились аборигены и начали швырять в них копья, пытаясь отпугнуть их. В отчаянии мужчины выстрелили из мушкетов над головами туземцев, и те разбежались, но на следующее утро вернулись в большем количестве, так что путешественникам оставалось лишь бежать.

Сильный шторм застал их врасплох. Волны походили на огромные зеленые горы, они поднимали и швыряли лодку, как игрушку. Мэри держала Эммануэля привязанным к груди и крепко обнимала Шарлотту, в страхе, что ее смоеет за борт. Она сомневалась, доживут ли они до рассвета.

Плавание казалось им нескончаемым кошмаром. Небо стало таким черным, что даже днем было темно почти так, как ночью, Эммануэль и Шарлотта орали от ужаса, а потом когда у них иссякли силы, они просто дрожали и слишком ооченели, продрогли и промокли, чтобы спать.

Пресная вода почти кончилась, но они бы не могли подойти к берегу, потому что боялись разбить лодку о камни, скрытые прибоем. Уилл стал на якорь на некотором расстоянии от берега, и двое мужчин храбро поплыли к берегу, чтобы наполнить бочку пресной водой, но тут снова появились туземцы с копьями и им пришлось спешно отступить.

В последующие несколько дней Мэри заметила, что Уилл погружается в состояние апатии. Он оставил Уильяма и Джеймса контролировать ситуацию, и иногда ветер так сильно относил их от берега, что земля вообще скрывалась из виду.

— Возьми себя в руки, Уилл! — прикрикнула Мэри однажды. — Нас несет на рифы, лодку же проткнет!

Он что-то пробормотал о том, что, для того чтобы побороть муссон, нужна скорость. Мэри это замечание показалось идиотским, поэтому она взяла управление в свои руки и направилась назад к относительной безопасности берега. К этому времени лодка уже наполнялась водой как сверху, так и снизу ватерлинии, и они подвергались реальной опасности утонуть.

И как раз в тот момент, когда казалось, что все потеряно, они увидели устье реки. Тогда Уилл наконец собрался, взял руль и умело провел лодку между мелями, где вода была глубиной не более пяти-шести футов. В конце концов, падая с ног от усталости, они смогли затащить лодку на берег реки.

Там оказалось много пресной воды, но они не смогли поймать рыбу или найти что-либо съестное. И все же им было достаточно съесть немного риса и остатки соленой свинины, просохнуть, вытянуться на суше и поспать.

На следующее утро мужчины снова взялись за ремонт лодки. Вся смола, которую они брали с собой, уже закончилась, но изобретательному Джеймсу пришла в голову идея использовать вместо нее мыло. Они знали, что им придется потрудиться, чтобы найти еду, а Мэри очень беспокоилась за Эммануэля и Шарлотту, которые, похоже, приходили в себя не так быстро, как взрослые. Дети казались безучастными. Шарлотта съела лишь пару ложек риса и снова уснула. Эммануэль лежал на руках у матери и даже не пытался взять грудь.

— С ними все будет в порядке, — сказал Джеймс, пытаясь утешить. — Они просто измождены. Пусть они поспят.

На следующее утро лодка прошла лишь пару миль, когда муссон нагнал их. Снова пошел проливной дождь, а такого сильного ветра они вообще не видели. Волны снова были как

горы, ветер гнал их вперед, и берег опять скрылся из виду.

В первые двое суток Мэри сконцентрировала все свое внимание на детях. Она укрывала их брезентом, пела им песни и качала их. Но когда она увидела, что все мужчины падают духом, она поняла, что должна заставить их бороться, чтобы выжить.

— Мы можем справиться! — крикнула Мэри. — Что толку сдаваться? Хорошо уже то, что ветер дует нам в спину. Давайте облегчим лодку и выбросим все лишнее.

Они выбросили запасную одежду и личные вещи, но вода продолжала хлестать в лодку, и тогда Мэри сняла шляпу и начала вычерпывать.

— Ну, давайте! — орала она на них. — Вычерпывайте, все вместе! Речь идет о нашей жизни!

Один за другим они присоединились к ней, сначала безучастно, но потом, когда они увидели, что лодка поднимается на воде, заработали быстрее.

— Вот так! — кричала Мэри. — Давайте, Сэм, Джейми, Уильям, вы что, хотите пойти на корм рыбам? Если хотите, можете сдохнуть, когда мы высадимся на берег. Но мы не можем погибнуть здесь просто потому, что устали.

Целых восемь дней они не видели суши. А дождь все шел, и Мэри продолжала подгонять мужчин криками. Ее руки отваливались от постоянного вычерпывания воды, ее голос охрип, но Мэри знала, что победа будет за ней. Пока она будет выгребать воду, не остановится ни один мужчина, а лодку продолжало уносить вперед.

С наступлением ночи они снова увидели берег, но прилив был таким сильным, что они не смогли даже попытаться подойти ближе. Уилл бросил якорь и с помощью крюка закрепил лодку на ночь в надежде, что к утру ветер хоть немного утихнет и они смогут выйти на берег.

Беглецы легли в надежде хоть немного отдохнуть, но незадолго до рассвета они услышали зловещий скрежет якоря, который тащило по скалам, и лодку тут же понесло на рифы.

— Сейчас ее продырявит и мы все утонем! — истерически забрал Уилл, перекрикивая рев ветра. — О Господи, почему я на это решился!

Мэри на четвереньках добралась до мачты и, держась за нее, встала на ноги. Она посмотрела сверху вниз на съезжившихся, перепуганных мужчин и рявкнула на них, перекрикивая ветер:

— Это просто вода, ветер и дождь! Мы уже столько пути прошли, неужели мы позволим шторму победить нас? Не сидите как трусы, поднимайте якорь и будем плыть дальше!

Пока они сражались со стихией, взошло солнце, и, когда небо прояснилось, ветер немного утих.

— Продолжайте вычерпывать, — орала Мэри окончательно севшим голосом. — Мы выберемся на берег, я обещаю вам.

— Слава Богу, — пробормотал Джеймс через несколько часов, когда они заплыли в залив, окаймленный пляжем с белым песком. — И спасибо тебе, Мэри, за твою смелость, за то, что заставила нас бороться до последнего.

Мэри слабо улыбнулась. Ее тошнило от голода, и она не могла заставить себя посмотреть на Эммануэля и Шарлотту, лежащих под брезентом, потому что боялась, что они мертвы, а не просто спят. Возможно, это была победа, но в эту минуту Мэри чувствовала себя полностью побежденной.

Мэри не помнила, как они высадились на берег. В ее памяти запечатлелось только то, как они подошли ближе к берегу и проснулись, лежа на мягком, теплом песке.

Она осторожно села и огляделась вокруг, удивленная тем, что видит солнце на востоке. Мэри потрогала свою одежду. Одежда была сухой, но заскорузлой от соли. Встревоженная абсолютной тишиной, Мэри попыталась встать, но ее тело отказывалось повиноваться ей, и она еле двигалась.

Повернув голову в другую сторону, она увидела мужчин, спящих под навесом, и Шарлотту с Эммануэлем, устроившихся между Уиллом и Джеймсом. Рядом догорал костер, возле которого огромной кучей были навалены ракушки от мидий, под деревом стояла бочка с водой, к которой вел глубокий след на песке.

Мэри тут же догадалась, что она, вероятно, уснула или даже отключилась вчера, а мужчины охраняли ее сон и нашли еду и воду, прежде чем упасть и уснуть.

Это проявление доброты тронуло ее до слез и дало ей силы преодолеть усталость, встать, потянуться и медленно побрести к бочке с водой. Мэри пила жадно, кружку за кружкой, пока ее желудок не раздулся, тогда она начала жадно глотать холодный рис, оставшийся в горшке. Только теперь Мэри заметила, что они высадились в прекрасном заливе с белым песком, прозрачным голубым морем и пышной зеленой растительностью.

Ее сердце переполнилось благодарностью, и она упала на колени, чтобы поблагодарить Бога за их счастливое спасение во время шторма.

Глава тринадцатая

Сэм Брум и Джеймс Мартин прервали поиски раков в каменистых бассейнах и устало присели.

— Мэри умеет ставить перед нами сложные задачи, — сказал Джеймс с улыбкой. — Но при этом она великая женщина. — Его бриджи были так изорваны, что носить их вообще не имело смысла, потому что сквозь дырки светились ноги и часть ягодиц. Рубашка и бриджи Сэма сохранились немного лучше, но были так потрепаны, что очередной шторм наверняка унес бы их с собой.

Сэм оглянулся на пляж, где Мэри развешивала выстиранную одежду на кустах. Она сказала, чтобы они не возвращались в лагерь, пока не наберут полный мешок раков.

— Ох, да она к себе еще более требовательна, чем к нам, — ответил он. Сэм знал, что Мэри не присядет за целый день. Когда она закончит со стиркой, то тоже отправится на поиски съестного, чтобы пополнить их запасы.

Джеймс кивнул, соглашаясь. Он не мог поверить своим глазам, видя, что Мэри держит себя в руках после того, через что им пришлось пройти за последние несколько недель. Сам Джеймс прошлой ночью проснулся от ужаснейшего кошмара и был слишком испуган, чтобы снова закрыть глаза. Даже Уилл, который много раз на море попадал в такую ужасную погоду, которую только Корнуолл может подкинуть рыбакам, признал, что ничего хуже этого в его жизни не случилось. Джеймс считал, что они заглянули смерти в лицо в ту ночь, когда якорь оторвало от морского дна, и было неудивительно, что многие мужчины не стремились снова поднять паруса.

— Мы бы все утонули, если бы не Мэри, — констатировал Сэм дрожащим от волнения голосом. — Нам должно быть стыдно, что мы не можем сравниться с ней в смелости и выносливости.

Джеймс знал, что это правда, но ему неудобно было признаться в этом перед Сэмом.

— Ну ты к ней всегда с нежностью относился, — поддразнил он его вместо этого. — Лучше бы ты хранил свои мысли при себе, Сэм. Если Уилла разозлить, он может быть опасным.

— Мои мысли о Мэри чисты, — запротестовал Сэм. — Но если бы не она, я бы и до побега не дожил. Я был одной ногой в могиле, когда меня выбросили на причал, как мешок с рисом. Я видел, как другие женщины крали одежду у тех, кто был слишком слаб, чтобы протестовать. Они обошли меня, даже воды не подали, потому что я был в лохмотьях. Но Мэри подошла ко мне, сохрани ее Господь.

Страстные заверения Сэма укололи Джеймса. Он не особенно помогал больным со второй флотилии и вспомнил, что сам припрятал бутылку рома, которую украл, помогая загружать продукты в амбары. Всю следующую неделю все разговоры были о том, как Мэри помогает больным, а у него тогда хватило черствости заявить ей, что для них самих было бы лучше умереть.

Думая о прошлом, Джеймс вспомнил, как снова встретил Уилла, когда сошел на берег в Порт-Джеконе. Уилл не знал, что Сэмюэля Берда и Джеймса выслали на другом корабле флотилии, и был в восторге оттого, что снова встретился с ними. Джеймс вспомнил, как он возбужденно предлагал Уиллу поселиться в одной палатке с ним и с другими мужчинами с «Дюнкирка», но Уилл поставил его в тупик, сказав, что собирается жениться на Мэри и

построить собственную хижину.

Джеймс подумал, что тот совсем рехнулся. Он не мог поверить, что Уилл захочет жить с одной женщиной и ее ребенком, вместо того чтобы поселиться со своими старыми товарищами и менять женщин каждый день.

И все же не прошло много времени, и Джеймс стал завидовать Уиллу. Женщины-заклученные разочаровали его: они были либо холодными сучками, либо окончательными развалинами, и к тому же, когда постоянно испытываешь голод, от женщин мало удовольствия.

Мэри оказалась отличной женой. Она была жизнерадостной и веселой, держала себя и Шарлотту в чистоте и отличалась благопристойным поведением. И одного взгляда на Уилла, который находился в хорошей форме и выглядел крепче остальных, было достаточно, чтобы понять, что Мэри окружила его вниманием и заботой.

Но так же, как Джеймс ошибался в своих первоначальных выводах о Мэри, он ошибся и в Уилле.

— Как плохо, когда кого-то идеализируешь, — размышлял он вслух. — О, я не имею в виду Мэри, — проговорил он быстро, видя удивление и даже возмущение на лице Сэма. — Я говорю об Уилле. — Джеймс подумал, что никогда не забудет, как этот большой мужчина сидел, съежившись от страха, в ту последнюю штормовую ночь в море. И как Мэри орала как сумасшедшая, подгоняя их всех. — Знаешь, с того момента, как я впервые встретился с ним на «Дюнкирке», я твердо верил, что он неуязвим.

— Мужчина, которому приходится хвастать силой или умом, не уверен в том, что они у него есть, — сказал Сэм с насмешливой ухмылкой. — А мужчина, который нокаутировал товарища из-за подозрений, что тот хочет его женщину, круглый дурак.

Джеймс пожал плечами. Пусть Уилл разочаровал его, но он не позволит кому-то, кто недавно объявился, поносить своего друга.

— Придержи язык, — предостерег он. — Мы с Уиллом старые друзья.

— Я знаю, — сказал Сэм осторожно. — Но ты не дурак, Джеймс. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что нам нужен сильный вожак, только тогда у нас появится шанс добраться до Купанга. Я не уверен, что Уилл сейчас будет на высоте.

— Не думаешь ли ты, что таким вожаком может стать женщина с двумя детьми? — возразил Джеймс. Он сам обожал Мэри, но он не привык считать, что женщина может быть более крепкой и жизнестойкой, чем он или любой другой мужчина.

Сэм хмыкнул.

— Конечно, нет. Это закончилось бы тем, что все взбунтовались бы.

В Порт-Джеконе Джеймс часто называл Сэма пастором из-за его внешности деликатных манер и неодобрительного отношения к выпивке. Но за последние пару недель он убедился в том, что Сэм обладал силой воли и изобретательностью. Джеймсу пришло в голову, что у Сэма есть какой-то свой план, и он подумал, что лучше всего выяснить это сейчас, чтобы знать, что их ждет.

— А что, если Уилл предложит переждать здесь плохую погоду? — спросил он осторожно. Уилл лишь намекал на это Джеймсу, и, честно говоря, эта идея ему понравилась.

Сэм слегка улыбнулся. Этот залив, который они окрестили Белым, казался ему раем. Мягкий песок, пышная растительность и теплый климат были так соблазнительны.

— Я с удовольствием остался бы здесь, если бы у нас имелось больше еды, — признался он. — Я, как и остальные, беспокоюсь, что мы можем утонуть во время очередного шторма.

Но если мы останемся, мука и рис закончатся, и где гарантия, что не придет корабль и не отвезет нас обратно в Сидней?

— Мы могли бы ловить рыбу и охотиться, — возразил Джеймс. — А что касается корабля, то какова вероятность его появления?

— Небольшая, — согласился Сэм. — Но весь смысл нашего побега заключался в том, чтобы начать новую жизнь. Чем дальше мы будем откладывать, тем больше сил потеряем.

— Ты заразился от Мэри, — засмеялся Джеймс.

— Возможно, но это не делает мои слова менее правдивыми. Я думаю, что мы должны плыть дальше.

— А что, если Уилл не согласится? — спросил Джеймс.

Сэм пожал плечами. Этот жест означал: тот, кто хочет плыть дальше, имеет полное право взять лодку и бросить остальных.

Джеймс поднялся и начал отковыривать ножом мидии с камней. Его не удивило то, что Сэм с радостью оставил бы здесь Уилла. Джеймс признавался себе, что сам, вероятно, сделал бы то же самое, если бы мог что-то с этого поиметь. Он считал преданность всего лишь абстрактным понятием, которое объединяло толпу, если у нее было больше власти, чем у отдельно взятого человека. Джеймс обычно становился на сторону сильнейшего, на остальных же ему было наплевать.

А еще он был ленив от природы. Он всегда выбирал самый легкий путь. На первый взгляд, проще всего остаться здесь. Но так ли это на самом деле? Они не будут рисковать жизнью, если только не придут аборигены и не нападут на них, но им придется построить настоящие шалаши и хижины, а у них имеется лишь несколько инструментов. Имея только одну женщину на восемь мужчин, они все скоро передерутся. И потом, Джеймс тосковал по городской жизни, по шуму и сутолоке, по возможности напиться, есть все, что душе угодно, скакать верхом и очаровывать дам.

Он вспомнил, как в первый год существования в колонии несколько дураков сбежали в глубь материка, думая, что если они будут долго идти, то дойдут до Китая. Джеймс громко смеялся над ними, но, с другой стороны, он был лишь одним из немногих каторжников, умевших читать и писать, и он довольно неплохо разбирался в географии.

Джеймс знал от Детмера Смита, что в Купанге можно сесть на корабль, идущий в Китай, в Африку и даже в Южную Америку. Во всех этих местах ленивый, хитрый ирландец мог бы неплохо устроиться.

Уильям Мортон хотел продолжить путешествие хотя бы для того, чтобы доказать, что он такой же хороший моряк, как и Уилл. Мэри, безусловно, потребует плыть дальше, а Нат Лилли станет на сторону Сэма Брума, потому что они подружились за время путешествия. Билл Аллен, вполне вероятно, тоже захочет быстрее добраться до Купанга, и на стороне Уилла, скорее всего, будут только Джейми Кокс и Сэмюэль Берд.

Джеймс знал, что для него лучше принять сторону Мэри, а не Уилла. Такая смелая и изобретательная маленькая женщина, как она, может оказаться очень полезной, когда они прибудут в Купанг.

* * *

В тот же вечер вся группа собралась у огня, потому что с наступлением темноты стало

холодно. Уильям Мортон завел разговор о том, когда отплыть. Он хотел отправиться на следующее же утро.

— Какой нам смысл оставаться здесь? — произнес он убежденно. — Мы уже отдохнули, высушили одежду и починили лодку.

Уильям раздражал всех. Он не отличался чувством юмора, был педантом и считал, что все знает. Нат, любивший позубоскалить, часто поддразнивал его, спрашивая, почему он попался на краже, если такой умный. Но Уилл все же пользовался определенным авторитетом в группе, потому что умел управлять судном.

— Я считаю, что нам надо остаться на какое-то время здесь, — сказал Уилл упрямо. — Лодка не выдержит еще одного такого сильного шторма.

Все мужчины высказали свое мнение, но Мэри пока молчала. Она наблюдала за их лицами и пыталась определить, чего в действительности хотел каждый. Лица Сэма Брума, Джейми Кокса и Сэмюэля Берда ничего не выражали, и Мэри догадалась, что они пока прислушиваются к мнению более сильных членов группы. Они станут на сторону того, кто завоеует их доверие.

Джеймса Мартина любили все. Он проявлял хладнокровие в кризисной ситуации, обладал чувством юмора, который скрашивал их нелегкую жизнь, и лидерскими качествами, но он не отличался особой уравновешенностью.

Билл тоже пользовался всеобщим уважением. Он дольше других мог сидеть на веслах, быстрее всех рубил дрова, в течение секунды разжигал огонь и с симпатией относился к более слабым. Но он не был моряком.

Еще месяц назад мужчины слепо последовали бы за Уиллом, как бы тот ни поступил, но он потерял свой авторитет с тех пор, как проявил трусость и нерешительность.

Мэри стало грустно оттого, что друзья отвернулись от Уилла. Все они испытывали ужас во время штормов, которые стали для них серьезным испытанием, и она не думала, что Уилла будут судить так строго из-за того, что он потерял мужество. Если бы не Шарлотта и не Эммануэль, Мэри тоже запаниковала бы. Лишь материнский инстинкт удержал ее от этого, ведь она должна была любой ценой защитить детей.

Мэри разрывалась на части. Она всей душой хотела продолжить путешествие, чтобы обрести наконец безопасность, дом для своих детей и спокойную жизнь без тревог, но состояние Шарлотты и Эммануэля вызывало у нее беспокойство. Морская качка, холод и постоянное пребывание мокрыми сильно измучили их. У них были изможденные и перепуганные лица, они похудели и не переваривали пищу. Им действительно требовалось больше времени, чтобы прийти в себя. Но у Мэри убывало молоко, риса, который они привезли с собой, хватило бы максимум недели на три, и она не знала, сможет ли справиться желудок годовалого ребенка с диетой из одних раков.

Мэри подумала, что большинство мужчин, как и она, испытывали внутренний конфликт, но, разумеется, по другим причинам: они боялись, что попадут в еще один такой же сильный шторм.

— Я согласен с Уильямом, — сказал Сэм Брум. — Мы должны отправляться дальше, и чем раньше, тем лучше. Мы ничего не выиграем, если будем выжидать здесь, пока у нас кончатся запасы еды.

Сэм пользовался уважением других благодаря спокойствию, практичности и умению слушать, но с той ночи, как Уилл ударил его, он изменился. Хотя Сэм и сохранил свою сдержанность, он начал самоутверждаться. Мэри ощущала, что он приобрел большое

влияние в группе, в то время как всем, особенно Уиллу, этого не хватало. Она не думала, что Сэм ненавидит Уилла или что он хочет видеть вожаком Уильяма Мортонa. Но Мэри догадывалась, что он старается как-то сравнять силы, вероятно, став правой рукой командира.

— Мы можем здесь охотиться и рыбачить, — заспорил Уилл, и его лицо вспыхнуло от гнева, поскольку никто уже, казалось, не прислушивался к его словам. — Разве я один не кормил всех, когда мы были в Сиднее?

Четверо мужчин, прибывших со второй флотилией, не застали голод, поэтому заявление Уилла мало что значило для них. Только Джейми Кокс и Сэмюэль Берд кивнули, подтвердив, что это правда.

— А ты что скажешь, Джеймс? — спросил Сэм ирландца. — Плыть дальше или оставаться?

Джеймс не мог заставить себя выступить против старого друга открыто.

— Мне бы хотелось пару кружек пива и двоих женщин, — сказал он с притворно беспечным видом. — А если мы будем здесь долго околачиваться, вряд ли я это получу.

Некоторые мужчины засмеялись, но Уилл посмотрел так, будто Джеймс вонзил ему нож в спину.

— Похоже, ты за то, чтобы плыть дальше, — сказал Сэм, стараясь не смотреть на Уилла. — Кто-нибудь еще хочет высказаться?

Нат Лилли прочистил горло и громко сплюнул на песок.

— Это правда, мы должны плыть дальше, но каждый раз, когда погода будет портиться, нам нужно высаживаться на берег.

Джейми Кокс сидел, опустив глаза. Он был самым юным из них и однажды сказал Мэри, что не выжил бы на «Дюнкирке» без помощи Уилла. Джейми был хрупкого телосложения и при первой встрече напомнил Мэри птицу своими острыми чертами лица, а сейчас они еще более заострились. Его явно не волновало то, будут ли они плыть дальше или останутся, лишь бы рядом был Уилл.

— Билл, что ты думаешь? — спросил Сэм.

— Плыть, — прорычал он, сердито глядя на Уильяма Мортонa, будто предупреждая его, чтобы он не пытался перехватить командование.

Сэмюэль Берд все еще сидел с ничего не выражающим лицом.

— Мэри, твое мнение? — спросил ее Уильям.

Мэри не ожидала, что ей зададут этот вопрос, и она заколебалась, не желая идти против мужа. И все же Уильям Мортон громче всех заявлял о том, как глупо брать с собой женщину с детьми. Если ему было безразлично, что она думает, тогда она обязана высказать свое мнение.

— Я согласна с Натом, — произнесла Мэри. — Мы должны плыть дальше, но останавливаться, если погода будет меняться.

— Что нам теперь, слушать чертову женщину? — взорвался Уилл. — Да что она знает!

Джейми Кокс удивленно поднял голову, Билл сузил глаза, сердито глядя на Уилла, а Сэм явно расвирепел.

— Я бы сказал, что она знает больше нас всех, — заметил Джеймс с притворной медлительностью. — Если бы не она, мы все уже давно пошли бы на корм рыбам. Ну хватит спорить. Давайте проголосуем.

Уильям Мортон посмотрел на Уилла, вероятно, ожидая, что тот произнесет какую-

нибудь речь, чтобы снова добиться преданности своих бывших последователей.

— Кто за то, чтобы завтра плыть дальше, поднимите руку, — сказал Уильям.

Только Джейми Кокс и Уилл не подняли рук.

— Приговор привести в исполнение, — произнес Уильям и ухмыльнулся от собственного остроумия.

— Не жалуйтесь, если лодка не выдержит, — сказал Уилл, пожав плечами. Потом он повернулся к Мэри с подчеркнuto важным видом. — И не упрекай меня, девочка, если дети умрут!

После того как они выплыли из Белого залива, были моменты, когда Мэри мучалась угрызениями совести, вспоминая слова Уилла, потому что не раз сильно штормило, причем погода менялась так быстро, что они не успевали пристать к берегу. Каждый раз, когда она видела перепуганные лица детей и слышала, как они кричали от ужаса, Мэри спрашивала себя: что же заставило ее рисковать их жизнями?

И все же необходимость защитить их давала ей силы для борьбы, когда она видела, что мужчины начинают отчаиваться. Джейми, Сэмюэль Берд и Нат держались хуже всех. Все они были невысокого роста, не такие мускулистые, как остальные, а еще они не умели плавать и от этого боялись еще больше. Мэри хвалила, умоляла, запугивала и подгоняла их. Она стояла у руля, ругалась и кричала, что они должны вычерпывать воду, если не хотят умереть.

Но как раз тогда, когда она, как и мужчины, начала думать, что смерть все равно унесет их и это лишь вопрос времени, они зашли в спокойные воды. Слева от них был берег, справа — огромный риф, а море между ними казалось тихим, как мельничный пруд.

— Слава Господу! — закричал Уильям Мортон, поддавшись эмоциям. — А я уж было решил, что нам крышка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И все же это новое спокойное море не было безопасным: в нем находились десятки крошечных островов и атоллов, где лодка могла сесть на мель. Беглецы высадились на одном из островов. Им не удалось найти там питьевой воды, но они сварили немного риса на оставшейся воде и, дождавшись отлива, отправились вдоль скал в поисках родника.

К своему удивлению и восторгу, они увидели десятки гигантских черепах, выходящих на берег откладывать яйца. Мужчины быстро убили пару штук и после прилива оттащили их обратно на свой остров.

В ту ночь они впервые хорошо поужинали свежим мясом, которое они последний раз ели еще в Сиднее. Когда они тут же уснули с полными животами, их к тому же вознаградила дождь, наполнивший водой перевернутые раковины, которые они выложили на песке.

В последующие дни, пока Джеймс и Уилл снова конопатили лодку мылом, остальные поймали еще черепах и закоптили мясо на огне, чтобы взять с собой.

Билл в молодости много браконьерствовал, и, когда он видел какую-либо дичь, которая гнездилась в траве, он отправлялся ловить ее, беря в помощники Ната. Мэри невольно смеялась, наблюдая за ними, потому что вместе они выглядели очень странной парой. Угрюмый мускулистый Билл, с блестящей на солнце лысиной, делал знаки рукой хорошенькому мальчику Нату, чтобы тот гнал к нему дичь. Но они хорошо работали вместе, и Билл к тому же научил Ната ощипывать птиц.

Мэри нашла листья капусты и фрукты. Она не знала, как они назывались, но у них был восхитительный вкус, и дети, находившиеся в плохом состоянии и безразличные ко всему, начали оживать.

После шести дней отдыха они снова отправились в плавание, останавливаясь время от времени, чтобы поискать черепах. Черепах они не нашли, но обнаружили большое количество раков и много пресной воды.

Все уже давно перестали спрашивать Уилла, когда они дойдут до края этой гигантской суши. Вопрос о том, куда они направятся потом, остался в прошлом. Беглецами овладела апатия, и они уже не надеялись добраться до какого-нибудь цивилизованного поселения. Когда они увидели впереди пролив, отмеченный на карте Уилла, они вопросительно посмотрели друг на друга, а потом, когда до них дошло, где они на самом деле находятся, у них начался истерический смех.

Пройдя через пролив, они обнаружили, что залив за ним испещрен маленькими островками, и они поняли, что должны выйти на берег и наполнить бочку с водой перед последним этапом плавания и открытием моря. Но когда они попытались высадиться на один из островков, группа аборигенов, наблюдавшая за ними из своих каноэ, начала размахивать копьями и поплыла по направлению к ним.

Мужчины были вынуждены выстрелить из мушкетов, чтобы отпугнуть их, но, к своему ужасу, увидели, что аборигены подняли луки и начали целиться в них. Мэри побледнела, когда несколько этих восемнадцатидюймовых стрел с заостренными концами попали прямо им в лодку, и у мужчин не оставалось другого выбора, как грести с сумасшедшей скоростью, чтобы оторваться от дикарей.

Эти аборигены были выше ростом и чернее всех тех, которых беглецы уже встречали раньше, и с криками гнались за их лодкой на своих каноэ. Но когда туземцы уже были рядом и вот-вот собирались схватить их, поднялся ветер, надувший паруса лодки, и путешественники поплыли быстрее, все еще не веря в свое спасение.

— Нам нужно набрать воды, прежде чем переправляться через залив, — сказал Уилл чуть позже. — Там, как минимум, около пятиста миль, и даже с полной бочкой нам все равно придется экономить.

Он был абсолютно прав, и Мэри обрадовалась, что он снова владеет ситуацией.

На следующий день они рискнули и пришвартовались к острову, несмотря на приличных размеров деревню поблизости. Они наполнили бочку водой и поспешно ретировались, а затем вернулись на необитаемый остров, чтобы провести там ночь.

На следующее утро, воодушевленные своим вчерашним успехом, они решили вернуться и набрать еще воды, но когда они подплыли ближе к берегу, то тут же неизвестно откуда возникли два каноэ с тремя-четырьмя десятками воинов и направились прямо к лодке. Ни Мэри, ни ее спутники никогда раньше не видели подобных каноэ: они были прочными, со скамьями для гребцов, парусами, сделанными из какого-то материала, похожего на рогажу, и платформой, явно предназначенной для сражений.

Уилл развернул лодку.

— Гребите, уроды, — заорал он на мужчин и быстро поднял основной парус.

Мэри онемела от страха и едва дышала. Лица и тела у аборигенов были разукрашены белым узором, они что-то декламировали нараспев, и она не сомневалась, что они намереваются убить всех белых людей до одного за то, что те посмели ворваться на их территорию. Дикари находились так близко, что Мэри слышала запах их пота и видела

ненависть в их глазах. Хуже всего было то, что начали выплывать другие каноэ, которые направлялись к ним.

И тут Уилл показал всем, какой он первоклассный моряк. Он лавировал туда-сюда, пытаясь поймать ветер, и как только ему это удалось, лодка моментально помчалась вперед. Скоро аборигены оказались слишком далеко, чтобы пускать в них стрелы.

— Сейчас мы пойдем прямо через залив, — крикнул Уилл. — Снимите шляпы, мы навсегда покидаем эту проклятую богом землю!

Несколько миль аборигены следовали за ними, пока не поняли, что не смогут догнать лодку. Когда они в конце концов повернули в сторону суши, Уилл издал радостный возглас.

— Мы победили этих ублюдков! — заорал он, и его улыбка была такой же ослепительной, как и водная гладь, расстилавшаяся вокруг.

Мэри присоединилась к похвалам мужчин, которые отдавали должное умению Уилла. Она гордилась мужем не только потому, что он доказал, какой он классный моряк, но и тем, что к нему снова вернулась бодрость духа.

— Ты так хорошо справился, — сказала Мэри, усаживаясь рядом с ним у руля.

— Я сделал все, что мог, — ответил Уилл, подняв одну бровь, белую от морской соли.

— Никто из нас не смог бы так, — произнесла Мэри с восторгом и поцеловала его в щеку.

— У нас не так уж много воды и еды, — предупредил он.

— Тогда нам следует экономить, — сказала она. — Ты имеешь хоть какое-то представление о том, далеко ли еще нам плыть?

Уилл покачал головой.

— Карты кончились. Начинай-ка лучше молиться, девочка моя.

Три недели спустя, среди ночи, Мэри смотрела на звезды и молилась. Ее многочисленные молитвы о том, чтобы скорее увидеть сушу, не были услышаны. Теперь Мэри молила Бога, чтобы он забрал ее детей прежде, чем ее, чтобы она могла заботиться о них до конца.

Мэри держала Эммануэля на руках, а Шарлотта лежала, положив голову матери на колени. Дети были такими тощими и слабыми, что больше уже не могли плакать. Они просто лежали и не сводили с нее своих тусклых глаз. Мэри думала, что она испытала все виды страданий, но мысль о том, что она виновата в медленной и ужасной смерти своих детей, нельзя было сравнить ни с чем.

Они съели последние запасы еды несколько дней назад, а вода кончилась вчера в полдень, когда Эммануэлю и Шарлотте дали последние капли. Сегодня никто не разговаривал. Все впали в оцепенение, уставившись на линию горизонта. Они уже не искали глазами землю и избегали смотреть друг на друга, чтобы не расстраиваться еще сильнее.

Все, кроме Мэри и Уилла, спали. Уильям Мортон облокотился о пустой бочонок из-под воды, Сэм Брум и Нат Лилли свернулись калачиком на носу, как две собаки, остальные лежали, как мешки, друг возле друга. Нат и Сэмюэль Берд больше всех пострадали от солнца из-за светлой кожи, и их лица выглядели чудовищно — красные, вспухшие, все в волдырях. Лысая голова Билла тоже получила свою порцию солнечных ожогов, но в последние несколько дней он обернул ее тряпкой, как тюрбаном.

Уилл сидел сгорбившись у руля. Взглянув на него, Мэри подумала, что перед ней чужой человек. Казалось, он усох. Его когда-то мясистое лицо стало лицом скелета, на котором

выделялись глаза и рот, ставшие слишком большими. Уже не имело значения то, что с того момента, как они вышли из залива, дул попутный ветер, потому что ни у кого не было сил, чтобы поднять весла, не говоря уже о том, чтобы грести.

Мэри удивилась, что звезды и луна могут одновременно так ярко светить. Они мерцали, как свечи на алтаре, отражаясь в спокойной темной воде. Ей показалось, что они говорят ей, чтобы она отпустила детей и избавила их от дальнейших страданий.

Мэри подняла Эммануэля повыше на руки. Он весил уже очень мало, и она вспомнила, каким тяжелым он был несколько недель назад, когда они только начали свое плавание. Казалось, от него остались одни глаза. Малыш даже не повернул голову к ее груди, как обычно это делал, будто наконец смирился с тем, что там больше нет молока.

— Мне так жаль, — прошептала Мэри, целуя его в выпуклый лоб. Она так хотела, чтобы все выжили и увидели, как Эммануэль ходит, слышали, как он разговаривает, и поняли, что, когда вырастет, он станет таким же крепким, как его отец. Несправедливо, что его короткая жизнь была такой тяжелой. Но когда Мэри всем телом повернулась на сиденье, намереваясь опустить сына в воду, она почувствовала, как он пальчиками схватился за ее палец.

Мэри показалось, что он молча молит ее остаться с ним до конца. Она крепче сжала его, наклонила лицо к его маленькой головке и тихо заплакала, коря себя за трусость.

— Мэри!

Вздрогнув, она проснулась оттого, что Уилл дергал ее за платье.

Первые солнечные лучи осветили небо. Мэри подумала, что Уилл ожидает шторма и что она должна приготовить миски, чтобы набрать в них питьевой воды.

— Мэри, мои глаза обманывают меня или это земля? — спросил он хрипло.

Мэри посмотрела вперед. Это действительно было похоже на землю — темная волнистая полоса на горизонте. Ее охватило дикое возбуждение.

— Мы можем оба одновременно ошибаться? — спросила она. — Мне тоже кажется, что это земля.

Мэри подвинулась на сиденье ближе к нему, все еще держа детей, и ухватила его за руку.

— О, Уилл, — прошептала она. — Неужели это правда?

Они по меньшей мере час вглядывались в эту полосу, держась за руки и изо всех сил надеясь, что это не какая-нибудь жестокая шутка природы. Но темная полоса медленно приближалась с каждой минутой, пока они наконец не поняли, что на самом деле это были деревья.

— Ну, девочка моя, — сказал Уилл, глядя на Мэри и сияя. — Я тебя доставил. Сегодня пятое июня 1791 года и я должен записать в судовом журнале, что я увидел землю. Прошло шестьдесят дней с тех пор, как мы покинули Сидней, и я благодарю Бога за наше спасение.

— Разбудить остальных? — спросила она. — Или пусть они спят дальше?

— Буди их, черт возьми! — произнес Уилл. Его когда-то мощный голос превратился в хриплое карканье. По заросшей щеке прокатилась слеза. — Бог свидетель, здесь есть из-за чего проснуться.

Глава четырнадцатая

Позднее в тот же день Уилл завел лодку в гавань. Никто из путешественников не знал и не волновался о том, был ли это Купанг. Они увидели здания и людей, что означало еду и воду, и этого им казалось достаточно.

Все они находились в жалком состоянии. Их одежда была оборванной, волосы задубели от соли, а кожа шелушилась от ветра. Они сидели, обессилив, на своих местах, слишком слабые и истощенные даже для того, чтобы улыбаться.

У Мэри язык распух от жажды, и она из последних сил держала Эммануэля на руках, но, когда она увидела толпу народа, собравшегося на причале и с любопытством смотревшего на измученных людей в лодке, ее ум снова лихорадочно заработал.

— Что бы ни случилось, помните нашу легенду, — прошептала она мужчинам. — Если мы проболтаемся о том, что произошло в действительности, нас отошлют обратно.

Мэри подумала, что вряд ли это Купанг, потому что Детмер говорил ей, что Купанг принадлежит голландцам. Она не видела в толпе белых, все люди были с коричневой или желтой кожей, но, по крайней мере, они не походили на диких аборигенов из Нового Южного Уэльса.

— Воды! — закричал Уильям Мортон. — Воды!

Неизвестно, поняли ли его крик наблюдавшие за ними люди, но он заставил их оживиться. Один человек вышел вперед с багром и доставил лодку к месту для стоянки. Маленький полуголый человек с коричневой кожей спрыгнул в лодку, взял веревку и швырнул ее своим товарищам на причал. Потом произошло чудо — на ней спустили деревянное ведро с водой.

Все мужчины бросились к ведру, яростно раскачивая лодку. Но Уилл наполнил кружку и передал ее Мэри. Она сначала дала попить Шарлотте, и девочка так быстро и жадно проглотила воду, что больше половины пролилось ей на грудь. Эммануэль был почти без сознания, поэтому Мэри пришлось уговаривать его. Она обмакнула пальцы в воду и дала ему пососать их, пока он собрался с силами и смог попить. В конце концов Мэри сама немного утолила жажду, и она ни разу в жизни не испытывала большего наслаждения, чем ощущение прохладной воды, льющейся по пересохшему, распухшему языку и горлу.

Хотя Мэри не понимала ни слова из того, о чем говорили в толпе, она догадалась по энергичной жестикуляции и по тону пронзительных голосов, что местные жители полностью сочувствуют ей, ее детям и мужчинам, прибывшим с ней. Она попыталась встать, но была так слаба, что снова упала, и вдруг все поплыло у нее перед глазами. Мэри скорее догадалась, чем почувствовала, что ее подхватили чьи-то руки. Ей показалось, что ее положили на твердую землю и дали ей еще воды. Затем к ее лицу приблизили что-то с резким запахом. Она слышала гул голосов вокруг себя, потом ее снова подняли и положили на что-то более мягкое, и небо над головой исчезло.

— Шарлотта! Эммануэль! — закричала Мэри в панике.

Какая-то смуглая женщина наклонилась над ней, вытирая ей лицо прохладной влажной тряпкой. Она говорила на незнакомом языке, но что бы ни означали ее слова, они были такими же успокаивающими и мягкими, как эта тряпка, и Мэри почувствовала, что она наконец в безопасности и может спать.

Чуть позже она проснулась и обнаружила, что лежит на циновке. С одной стороны спал

Эммануэль, а с другой Шарлотта.

На низком столике горела свеча. Мэри поднялась и увидела, что на циновке в другом конце комнаты спит женщина с блестящими темными волосами и коричневой кожей.

При слабом свете свечи трудно было что-то разглядеть. Но Мэри почувствовала, по тому как мирно спали дети, что их накормили и вымыли. Комната оказалась хижинкой, большей, чем та, в которой они с Уиллом жили в Сиднейском заливе, но похожей. Слезы благодарности навернулись ей на глаза. Незнакомая женщина приютила их и заботилась о них, и Мэри хотела бы знать язык этой женщины, чтобы поблагодарить ее.

Следующие дни прошли как в тумане, который время от времени прояснялся, когда Мэри понимала, что ей дают питье и мягкую протертую еду. Где-то вдалеке она слышала голоса и лай собак. До нее доносился запах готовящейся пищи, и иногда ей даже казалось, что она слышит смех Шарлотты. Но Мэри не могла полностью открыть глаза и оглянуться вокруг.

Наконец Мэри вышла из этого состояния благодаря Уиллу и Джеймсу Мартину, услышав их голоса.

— Она должна подняться, — произнес Уилл. — Ванжон хочет ее увидеть.

— Она слишком истощена, — сказал Джеймс. — Спешить некуда, он подождет.

У Мэри не было никакого желания никого видеть и ни с кем говорить. Она наслаждалась счастьем в своем маленьком сумеречном мире, где до нее не могли добраться ни боль, ни беспокойство. Но голос Уилла затронул какую-то струну в ее сердце, напомнив ей об ответственности.

— Уилл? — пробормотала она, напрягая зрение и пытаясь разглядеть его.

— Моя девочка! — воскликнул он и опустился на колени рядом с циновкой, взяв ее руку в свои. — Ты нас всех напугала, Мы уже подумали, что теряем тебя.

Его руки были грубыми и мозолистыми, но их нежное прикосновение тронуло Мэри до самой глубины души.

— Где Шарлотта и Эммануэль? Они мертвы? — спросила она.

— Если бы это было так, разве я сидел бы тут с тобой и улыбался? — ответил Уилл.

И только тогда она заметила его улыбку, такую же нахальную, как та, которая заставляла ее улыбаться в ответ на «Дюнкирке». Лишь через пару минут она поняла, в чем дело.

— Твоя борода! — воскликнула она. — Ты сбрил ее!

Уилл потер свой бритый подбородок.

— Это было необходимо сделать для маскировки.

Без бороды он казался намного моложе, и, хотя его лицо было костлявым и изможденным, он выглядел гораздо лучше. В его глазах снова появилось то озорство, которое Мэри сначала так часто замечала в первое время, и, если не считать шелушащейся кожи, он выглядел не хуже, чем раньше, несмотря на пережитое тяжелое испытание.

— Где мы? — спросила она.

— В Купанге, где же еще? Какой же я молодец, что доставил тебя сюда, правда?

Мэри слабо улыбнулась, потому что его хвастовство убедило ее в том, что она не спит.

— А где дети и все остальные?

— Все рядом, не волнуйся, — сказал Уилл. — Эммануэль еще слаб, но ему с каждым днем все лучше. Спасибо, что ты держала всех нас в ежовых рукавицах.

Мэри осторожно села. Она увидела, что на ней что-то вроде рубашки, длинной,

широкой и в полоску.

— Сколько я здесь нахожусь? — спросила она в недоумении.

— Уже десять дней. Ты просыпалась и ела, а потом снова отключалась. Но сейчас ты должна бороться с силами. Голландский губернатор, Ванжон, хочет тебя видеть.

Уилл и Джеймс помогли ей встать и вывели ее наружу. Мэри с огромным удивлением оглядывалась вокруг. Пока она находилась в хижине, у нее не было определенного представления о том, что снаружи, но по количеству шума она предположила, что они находятся в городе. На самом деле ее окружала лишь кучка округлых хижин с крышами из широких листьев. Вокруг были густой кустарник и высокие деревья, не похожие на все то, что она видела раньше. Около десятка маленьких голых детей с коричневой кожей играли вместе, и несколько курочек, пара коз на привязи и кучка сидящих рядом стариков дополняли картину мирной деревни.

— Это джунгли, — сказал Джеймс, указывая на деревья. — А здесь, — кивнул он на протоптанную дорогу, — невероятно красивый пляж.

— Я думала, мы в городе, — нахмурилась Мэри, недоумевающая. Она смутно припоминала склады и кирпичные дома на причале, массу людей, сутолоку и шум.

— Есть тут и город, он там, сзади, — неопределенно махнул рукой Уилл. — Тебя и детей принесли сюда, после того как ты потеряла сознание.

Уилл помог Мэри сесть на бревно, и затем, усевшись рядом с ней, они с Джеймсом объяснили, что произошло. После того как их напоили и дали поесть и переночевать, их отвели к голландскому губернатору по имени Тимотеус Ванжон. Они рассказали ему, что промышляли в море и их китобойное судно потерпело кораблекрушение на рифах, а они сели в лодку и доплыли сюда.

— Он это съел, — усмехнулся Уилл. — Я объяснил ему, что, будучи старшим помощником капитана на китобойном судне, вполне мог быть с женой и детьми. Еще я сказал ему, будто думаю, что капитан и остальные члены команды сели в другую лодку и, вероятно, тоже скоро объявятся. Я сообщил, что мое имя Бруд: нехорошо было называться Брайантом, ведь они могли прослышать о побеге из Сиднея.

Джеймс продолжил, сказав, что Ванжон оказался добрым и порядочным человеком, согласился с тем, что им нужна одежда, еда и жилье, а поскольку Уилл представился моряком с торгового судна, он может подписаться за любые расходы, а счета будут оплачены английским правительством.

— Это место — просто рай на земле, — фыркнул Уилл с нескрываемым ликованием. — Здесь есть все, что только можно пожелать.

По какой-то причине это замечание немного обеспокоило Мэри. Она попросила Уилла пойти за детьми и привести их к ней, и, когда он ушел, Мэри повернулась к Джеймсу.

Джеймс тоже сбрил бороду, но, не считая этого, он выглядел абсолютно так же, как всегда, — тощим, с дикими глазами и дерзким видом.

— Я надеюсь, Уилл хорошо себя вел? — спросила Мэри.

— Он очень гордится собой, — признался Джеймс. — Особенно когда выпьет.

— Уилл напивался?

— Как любой другой живой человек, который был на волоске от смерти, — ответил Джеймс.

Он сказал именно то, что Мэри ожидала услышать, и все же она ощутила легкую нотку сарказма в его голосе.

— Уилл хвастался?

Джеймс пожал плечами.

— Только нам. В основном мы ему поддакиваем. Все мы знаем, кто на самом деле нас сюда доставил.

Мэри вспыхнула, понимая, что он имеет в виду ее.

— Доставил-то нас он, — сказала она твердо. — Может быть, я уговорила его, но именно его знания и умения нас спасли.

— Жenuшка, преданная до конца, — сказал Джеймс, оскалив зубы в улыбке. — Уилл все-таки счастливчик.

Когда Мэри увидела детей и опять смогла обнять их, она начала приходить в себя. Шарлотта снова вела себя как обычный четырехлетний ребенок: она была живая, любопытная, озорная и болтала обо всем на свете. Поскольку местные женщины считали ее очаровательной, она жила счастливой жизнью, ей постоянно доставались лакомые кусочки, с ней играли и ее ласкали. Хотя девочка все еще была худой, на ее щеках появился румянец, глаза заблестели, и даже ее волосы стали более пышными и блестящими. Она, казалось, забыла все, через что ей довелось пройти.

Эммануэлю на выздоровление потребовалось гораздо больше времени. Его желудок мог справляться только с диетической пищей, и он беспокойно спал. Незадолго до того как они покинули Сидней, Эммануэль начал делать свои первые нетвердые шаги, но пребывание на лодке затормозило его развитие, и он предпочитал сидеть, вместо того чтобы ползать или подтягиваться вверх. Но он был очень счастливым ребенком, широко улыбался каждому, кто обращался к нему, и все любовались его светлыми волосами и голубыми глазами.

Что же касается остальных мужчин, то все они пришли в себя. У Ната и Сэмюэля Берда еще остались шрамы от солнечных ожогов, а Джейми был еще слаб после дизентерии, но уже шел на поправку. Билл Аллен и Уильям Мортон выглядели лучше других. Их смуглая кожа приобрела шоколадно-коричневый оттенок, от чего они стали похожи на местных жителей. Им очень нравилось работать в доке, днем загружая и разгружая корабли, а к ночи возвращаясь в деревню, где местные женщины готовили им еду, хихикая и флиртуя.

Мэри показалось, что Бог не только внял ее молитвам и помог им добраться до этого безопасного места, но и осыпал их дополнительными щедротами. В Купанге был отличный, не очень жаркий климат, еды оказалось предостаточно, а люди, живущие здесь, отличались щедростью и жизнелюбием. А еще это место поражало своей красотой. Здесь были белые песчаные пляжи, кристально-голубое море и пышная зеленая растительность.

А в дополнение ко всей доброте и заботе, которыми их здесь окружили, все восхищались Мэри и уважали ее. Прошел слух, что именно благодаря ее силе воли мужчины оказались здесь, и все, от Ванжона до самого последнего местного бедняка, приняли ее и детей с открытым сердцем. Ею никто никогда раньше так не восхищался. Когда Мэри была еще девочкой, в Фоуэе ее постоянно упрекали за недостаток женственности. Когда она приехала в Плимут, все смеялись над ее манерами. Потом, после ареста, с ней обращались с презрением и жестокостью. Даже когда Уилл в Сиднее стал чем-то вроде героя, над Мэри издевались, говоря, что она не достойна иметь такого мужа.

И вдруг Мэри стала полноправным человеком, и ее считали храброй, настойчивой и умной. Когда жена помощника губернатора подарила ей новую одежду, кое-кто из мужчин даже сказал ей, что она красива. Мэри не могла подобрать слов, чтобы описать, что она

почувствовала, когда надела красивое розовое платье и мягкую, как пух, нижнюю юбку. Возможно, она и потеряла на солнце и ветру свой нежный персиковый цвет лица, и возможно, была тощей, как бродячая собака, но она уже не походила ни на каторжницу, ни на нищенку.

Теперь Мэри чувствовала себя женственной, в какой-то степени умудренной опытом и особенной. Эти добрые люди, так тепло улыбавшиеся ей, не знали, что она была закована в цепи и что ей приходилось торговать своим телом, чтобы выжить. И Мэри тоже могла об этом забыть, потому что спасла своих детей от голода и деградации. Ее план побега из Нового Южного Уэльса осуществился без человеческих потерь. Она совершила то, что большинство людей сочло бы невозможным.

Для Мэри Купанг был всем, о чем она мечтала, и даже превосходил ее ожидания. Этот оживленный порт имел много общего с Плимутом, потому что сюда приходили корабли со всего света. Поскольку это был основной торговый центр Голландской Вест-Индийской Компании, здесь также было намешано множество национальностей и религий. Наверху стояли величественные дома, окруженные красивыми экзотическими садами, в которых сидели и сплетничали жены богатых торговцев. Там были и элегантные городские дома, где Мэри видела смуглых горничных с миндалевидными глазами, в белоснежных передниках, натирающих дверные ручки и подметающих порог. И хотя правда заключалась в том, что самых примитивных лачуг для рабочих, пансионов с дурной репутацией, борделей и баров, посещаемых моряками, было намного больше, чем шикарных мест, но все они придавали городу особый колорит.

Когда Мэри видела большое количество нищих, она напоминала себе, что, по крайней мере, им не холодно и они не мокнут, как их товарищи по несчастью в Англии. Они могли сидеть на солнце, улыбаясь тем, кто опускал медяки в их миски; они могли спать на пляже в относительном комфорте, а фрукты росли здесь в изобилии — только срывай.

Мэри полюбила Купанг за то, что он вернул ей и ее детям здоровье, за ту доброту, которой ее здесь окружили. Она мечтала только о том, чтобы остаться здесь навсегда и жить простой естественной жизнью: ловить рыбу, собирать мед, плавать в море и растить счастливых, здоровых детей. Мэри опьянял запах сандалового дерева, который распространялся по деревне с самым легчайшим морским ветерком. Он оставался у нее на одежде и на коже, и она слышала, что сандал — основная статья экспорта острова. Мэри чувствовала, что их с Уиллом ожидает счастливое будущее и они могут жить здесь в любви и согласии до конца своих дней.

— Ш-ш-ш!

Мэри как раз укладывала спать Эммануэля в хижине, которую дали ей с Уиллом, и подпрыгнула от шипящего звука, раздавшегося у двери. Она обернулась и увидела Джеймса Мартина, который поманил ее жестом.

— Я сейчас выйду к тебе, — сказала она, подумав, что он не хочет входить, чтобы не нарушать приличия. — Тебя Уилл послал что-то передать?

Последние три-четыре недели Уилл часто пропадал. Он обычно заявлял, что это из-за работы в порту, но Мэри отлично знала, что он сидел и напивался в каком-нибудь баре. Она лишь надеялась, что Джеймс пришел не для того, чтобы сказать ей, что Уилл записался на корабль и бросил ее. Он уже несколько раз угрожал это сделать.

— Нет. Но ты выйди.

Мэри наклонилась и поцеловала Эммануэля и, подоткнув его одеяло, вышла к Джеймсу.

Ее улыбка застыла, когда она увидела выражение его лица. Он был мрачнее тучи.

— В чем дело? — спросила она.

— Во всем, — рявкнул Джеймс и, взяв ее за руку, оттащил от хижины к джунглям, окружавшим деревню. — Только что в открытых лодках вошла в порт группа английских моряков. Они потерпели кораблекрушение в том проливе, через который мы прошли.

— Ну и что? — воскликнула она.

Джеймс нервно потер руками лицо.

— Разве ты не понимаешь? Как только их отведут к Ванжону, он предположит, что это остальные члены экипажа с нашего якобы утонувшего корабля. Чертов Уилл, никогда не может соврать, чтобы не приукрасить!

Мэри содрогнулась. Она разозлилась на Уилла, когда услышала, что он не придерживался в точности легенды, которую они разработали, когда плыли. Он должен был сказать, что китобойное судно утонуло и они единственные, кто спасся. Таким образом они замели бы все следы. Но когда Уилл увидел сочувствие Ванжона, он не смог остановиться и приукрасил историю, добавив, что в другой лодке тоже были люди, оставшиеся в живых. Почему он это сказал, Мэри не знала, но в результате Ванжон будет теперь обязан, как минимум, навести справки о пропавших людях.

У Мэри сильно забилося сердце. Джеймс был прав: вполне вероятно, их ожидало разоблачение.

— Они прибыли из Порт-Джексона? — спросила она.

— Нет. Из Таити, на корабле под названием «Пандора». Капитан Эдвардс, шкипер корабля, занимался розыском мятежников с «Дара». С ним еще десятеро, которых он поймал. Остальные утонули вместе с «Пандорой».

Мэри охнула. Они все слышали о мятеже на «Даре» от Детмера Смита, а прибыв в Купанг, они были еще более заинтригованы, обнаружив, что совершенно случайно именно здесь высадились два года назад капитан Блай и восемнадцать человек его команды, которых мятежники посадили в открытую лодку и пустили по волнам.

Хотя Мэри не знала, заслуживал ли капитан Блай таких страданий, в одном она была уверена наверняка: если английский военно-морской флот пошлет еще один корабль, чтобы вернуть мятежников, капитан не будет таким снисходительным, как Ванжон.

— Нас вызовут, чтобы допросить, — сказала она, и при этом у нее внутри все сжалось. — О господи, Джеймс! Что же нам делать? Довольно легко одурачить кого-то, кто плохо говорит по-английски, но это будет непросто сделать с английским капитаном.

Джеймс слегка улыбнулся. Одной из черт, которые ему больше всего нравились в Мэри, было ее умение быстро воспринимать информацию.

— Если мы просто будем придерживаться нашей истории, возможно, все будет в порядке. Четыре месяца — слишком короткий срок, чтобы до Англии дошла весть о нашем побеге, и я сомневаюсь, чтобы этот капитан Эдвардс мог слышать ее из других источников.

Мэри на мгновение задумалась. Она была абсолютно уверена в том, что Джеймс сможет убедить кого угодно, будто они члены команды китобойного судна. Английский капитан наверняка захочет знать, откуда пришел корабль, как зовут его владельца и еще массу информации, которую они могут придумать и сделать достоверной. Но остается еще Уилл!

— А что, если Уилл напьется и начнет хвастать? — спросила Мэри.

— Вот об этом я как раз и пришел поговорить, — сказал Джеймс и положил ей руку на плечо. — Мэри, тебе нужно держать его в ежовых рукавицах и не пускать ни в бары, ни в

порт, пока эти люди не уплывут.

— И как же я это сделаю? — спросила она.

— Ты умная женщина, — улыбнулся Джеймс. — Ты найдешь способ.

После того как Джеймс ушел, чтобы обойти остальных и предупредить их об опасности, Мэри позвала Шарлотту, игравшую с другими детьми, и уложила ее в кровать рядом с Эммануэлем.

Наступили сумерки, и Мэри сидела с детьми, пока Шарлотта не уснула. Она смотрела на их мирные личики, и у нее по щекам текли слезы. Они через столько прошли, она чуть не бросила их в пасть смерти, а теперь им грозила новая опасность.

Может быть, на ней лежит проклятье? Может быть, при рождении на нее навели порчу, означавшую, что вся ее жизнь будет беспрестанной чередой страданий и боли? Мэри уже смирилась с тем фактом, что Уилл может ее бросить. Она этого не хотела, потому что, несмотря на его недостатки, он был ей очень дорог, но Мэри знала, что сможет это пережить. Она также понимала, что вряд ли когда-либо вернется в Англию, с Уиллом или без него. Но это, казалось, тоже уже не имело значения. Для нее было важно лишь то, чтобы ее дети находились в безопасности, счастливые, здоровые и хорошо накормленные. До этого момента она считала, что может все это обеспечить здесь, с Уиллом или без него, поскольку знала, что остальные мужчины, в особенности Сэм Брум и Джеймс Мартин, высоко ее ценили.

Учитывая тот факт, что Мэри не блистала красотой, было странно, что она имела какую-то необъяснимую власть над мужчинами. Она вскружила голову лейтенанту Грэхему, Тенчу, Детмеру Смиту и Уиллу тоже, хотя он и пытался сопротивляться этому. Есть ли вероятность, что ей удастся очаровать капитана Эдвардса или даже Ванжона?

Позже Мэри вышла из хижины и села на низкий табурет у двери. Было темно и очень тихо, лишь несколько человек сидели у огня и негромко разговаривали. Над пальмовыми деревьями висел рожок месяца, и Мэри слышала, как вдали о берег разбиваются волны. Здесь был рай, и, пока Джеймс не сообщил ей эту тревожную новость, она мечтала только о том, чтобы остаться здесь навсегда.

Может, ей стоит сейчас пойти и поискать Уилла? Мэри оглянулась на хижину и решила, что не пойдет. Было уже слишком поздно, чтобы просить кого-нибудь присмотреть за детьми, а если она найдет Уилла пьяным, он только еще больше разойдется.

Ей было интересно, если ли у него женщина в порту, поскольку он часто вообще не возвращался домой. Мэри подумала, что они не занимались любовью ни разу с тех пор, как приехали сюда. Потому что она была больна? Потому что он боялся, что она снова забеременеет? Или просто потому, что он не чувствовал больше себя сильным и значимым, когда все восхищение и уважение досталось ей?

Мэри никогда раньше не пренебрегала сексом как способом вовлечь Уилла в свои планы, и сейчас ей было жаль, что у нее нет другого выхода. Почему она должна ублажать его лишь для того, чтобы он прислушался к ее словам? Любой нормальный человек, жена, дети и друзья которого попали в опасную для них ситуацию, наверняка бы оставался трезвым, сидел бы тихо и старался бы переждать ситуацию.

Прошло несколько часов, и Мэри услышала его неуверенные шаги на тропинке, ведущей в деревню. Она догадалась, что Уилл сильно пьян и умнее будет дождаться утра, чтобы поговорить с ним. Он ввалился в хижину, упал на пол, не дойдя даже до циновки, и через

считанные секунды отключился.

Мэри проснулась от пения и клекота птиц. Утро только началось, но уже было достаточно светло, чтобы увидеть, что Уилл лежит, вытянувшись на спине, в нескольких футах от нее. От него разлило потом и ромом, его рубашка и бриджи были грязными, вероятно, как он много раз утверждал, после разгрузки кораблей.

Преодолевая отвращение, Мэри придвинулась к нему ближе и прижалась к его груди, затем расстегнула рубашку и прошла пальцами по его телу.

— Убирайся вон! — прорычал он. — Может человек спокойно поспать?

— Снимай свою одежду и иди ко мне на циновку, — прошептала Мэри, поцеловав его грудь и скользнув рукой к пуговицам на его бриджах.

— Оставь меня в покое, женщина! — огрызнулся он, резко отталкивая ее. — Если бы я этого хотел, я мог бы получить это в порту.

— А здесь у тебя просто ночлежка, да? — отрезала Мэри сердито. — Если ты приходишь домой не для того, чтобы побыть со мной и детьми, можешь убираться вообще!

Но как только Мэри произнесла эти слова, она поняла, что это была ошибка. Уилл подпрыгнул и ударил ее, и она отлетела к тому месту, где спали Шарлотта и Эммануэль.

— Ты ведьма! — заорал он. — Удача отвернулась от меня, когда я связался с тобой. Тебе нужна комнатная собачка, а я не собираюсь ею быть. Я уплываю на ближайшем корабле и наконец отделаюсь от тебя.

Его ботинок ударил ее по ребрам. Мэри испытала сильную боль, но яд в его голосе причинил ей еще больше страданий.

— Заткнись и слушай меня, — настаивала она. — В порту английские военные моряки, они приплыли на открытых лодках. Джеймс не нашел тебя прошлой ночью? Он не предупредил тебя?

Что-то на секунду отразилось на лице Уилла, и Мэри поняла, что Джеймс нашел его, но Уилл, вероятно, был слишком пьян, чтобы понять, что тот сказал.

— Мы все в опасности, — продолжала она, и ее голос срывался от страха. — У нас нет времени на ссоры. Мы должны договориться о том, что мы скажем. Тебе нужно перестать пить и держать голову ясной.

На мгновение Мэри подумала, что Уилл сейчас успокоится, но вместо этого его лицо вспыхнуло от злости. За те два месяца, что они провели здесь, он поправился и сейчас был похож на великана. Он сердито глянул на нее сверху вниз.

— Мне надоело слушать твои указания о том, что мне делать, — рявкнул он. — Можешь других дергать за веревочки, как марионеток, но не меня. Я не боюсь какого-то там английского офицера. Никто меня больше на цепь не посадит, а ты тем более.

Уилл круто развернулся и вышел из хижины, хлопнув по дверному косяку, и косяк задрожал от удара. Мэри слышала, как Уилл ругался, направляясь в порт, и у нее упало сердце.

Следующие несколько дней Мэри жила в сильном страхе, каждую минуту ожидая, что ее вызовут к Ванжону. Мэри видела его единственный раз после того, как выздоровела, и тогда он был очень добр к ней. Он хвалил ее мужество, уделил внимание детям и сказал, чтобы она приходила к нему в любой момент, если ей понадобится помощь. Мэри чувствовала, что Ванжон был порядочным человеком, и, если бы она сразу рассказала всю правду о себе, вполне возможно, что он защитил бы ее. Но от него вряд ли стоило ожидать

сочувствия теперь, после того как его обманули.

Еще больше Мэри беспокоило то, что Уилл по-прежнему где-то пропадал. Другие мужчины рассказывали ей, что он стал напиваться еще больше, а затем с важным видом шатался по городу и представлялся капитаном корабля. Джеймс Мартин, Уильям Мортон и Сэмюэль Берд пытались образумить его, заставить вернуться в деревню и не попадаться никому на глаза, пока англичане не уедут. Но Уилл об этом и слышать не хотел: он даже заявил, что его срок окончен и никто его и пальцем не тронет.

— Этому подонку плевать, что он нас всех может утопить, — признался Уильям Мортон Мэри однажды вечером. — Господи, почему мы не оставили его в Белом заливе?

Мэри посмотрела на каждого из мужчин, собравшихся вокруг нее, увидела страх на их лицах, и у нее сжалось сердце. За время, проведенное в море, они стали ей как братья. Каждый делился с ней своими сокровенными секретами, рассказывал либо о своей матери, либо о преступлении, которое он совершил, либо о девушке, которую он любил в Англии. Все они вели себя с ней по-джентльменски, а Шарлотта бежала к любому из них утешением точно так же, как и к Уиллу. Они не были плохими людьми, просто случайно сбились с пути и уже сполна заплатили за свое преступление. Они страдали от голода, их пороли и сослали на другую сторону света в невероятно тяжелые условия.

Мэри знала, что не может просто сидеть и ждать, пока ее муж, их так называемый друг, ведет себя как последний дурак и подвергает всех опасности. Она должна остановить его.

— Я попробую поговорить с ним еще раз, — сказала Мэри. — Оставайтесь с детьми, а я пойду в порт.

Мэри нашла Уилла в третьем по счету баре, в который она заглянула. Ее муж развалился на скамейке. На столе перед ним была наполовину пустая бутылка рома, а лицо покрывала двух или трехдневная щетина. Рядом с ним сидело пятеро или шестеро мужчин, но она, заглянув в пыльное окно, заметила, что это не друзья, а просто собутыльники.

Мэри в первый раз очутилась в порту после наступления темноты, и ее сердце билось от страха, потому что к ней уже дважды приставали моряки-иностранцы. Она знала, что большинство женщин на оживленных улицах порта, если не все, были проститутками. Мэри боялась идти в бар, потому что не могла рассчитывать на то, что Уилл защитит ее.

Сделав глубокий вдох и сильнее завернувшись в свою шаль, Мэри вошла и направилась прямо к Уиллу.

— Пожалуйста, иди домой, Уилл, — сказала она с мольбой в голосе. — Эммануэлю плохо.

Мэри знала, что он рассердится на нее, обнаружив, что это не так, но это был единственный повод, который она смогла придумать, чтобы заставить его пойти с ней, не устроив при этом безобразной сцены.

Уилл с подозрением посмотрел на нее, пытаясь сосредоточить взгляд.

— Что с ним?

— У него температура, — произнесла Мэри быстро. — Пожалуйста, идем, Уилл, я беспокоюсь за него.

Собутыльники Уилла захихикали. Мэри догадалась, что они, вероятно, не говорят по-английски и поэтому могли подумать, что она проститутка и предлагает себя ему.

— Пожалуйста, Уилл! — умоляла она. — Ну пойдём же.

Он презрительно скривил губы, посмотрев на своих собутыльников и на бутылку рома.

К счастью, оказалось, что его сын имеет для него большее значение, поскольку он встал, шатаясь на ногах.

— Я вернусь, — важно сказал Уилл остальным, и они усмехнулись, обнажив гнилые зубы, а один из них сделал неприличный жест.

Очутившись на шумной людной улице, Мэри поспешила вперед, оставив Уилла тащиться сзади, чтобы он не мог расспрашивать ее. Но когда они дошли до узкой дорожки, ведущей в деревню, Мэри пришлось замедлить шаг в крошечной тьме, и только в этот момент она со страхом подумала, какова будет его реакция, когда он узнает, что она утащила его от бутылки под ложным предлогом.

— Он идет, — сказала Мэри, дойдя до поляны, где семеро мужчин сидели у костра и ждали ее. Большие глаза Ната стали еще больше от страха, лицо Джейми было белым, и даже Билл, самый сильный из них, грыз пальцы. Мэри жестом выразила свою беспомощность, что ей еще не удалось поговорить с Уиллом и что она не ждет от него понимания.

— Уилл! — воскликнул Джеймс, когда тот, шатаясь, зашел на поляну. — Где ты прячешься? Мы должны с тобой поговорить.

— Не сейчас, Эммануэль болен, — отрезал Уилл, и его лицо напряглось, когда он увидел, что все в сборе.

— Он не болен, — произнесла Мэри тихо. — Я это сказала, чтобы ты вернулся.

— Что ты сделала? — переспросил Уилл, сердито глядя на нее.

— Мне пришлось так поступить. Это был единственный способ, — ответила она, отступая на шаг от него на тот случай, если он вздумает замахнуться. — Мы все беспокоимся. Ты не только своей свободой рискуешь, ты ставишь под удар всех нас.

— Это так, Уилл, — согласился Джеймс. — Мы ведь все замешаны в этом деле. Или, во всяком случае, мы так думаем.

Уилл медленно оглядел собравшихся и пожал плечами.

— Я вам обещал вывезти вас из лагеря. Я это сделал и привет вас сюда. Вы что, хотите, чтобы я заделался вашей нянькой до конца своей жизни?

— Никому из нас не нужна нянька, — рыкнул на него Билл, поднимаясь на ноги и сжимая кулаки. При свете костра он выглядел угрожающе, но Уилл, похоже, этого не заметил. — По всему городу о нас задают вопросы, — продолжал Билл. — Ты привлекаешь к нам еще больше внимания, когда напиваешься и распускаешь язык. Ты должен оставаться здесь, с Мэри и детьми.

Уилл повернулся к жене, и его лицо потемнело от гнева.

— Ах ты, сука! — плюнул он. — Думаешь, заманила меня в ловушку, если все на твоей стороне, да? Не можешь понять своей дурной головой, что ты мне осточертела? Я уплываю с первым кораблем.

Не переводя дыхание, Уилл осыпал Мэри оскорблениями. Он рассказывал, что их брак был незаконным, что она была сварливой женщиной, шлюхой и доводила его до отчаяния. Уилл заявлял, что мог уплыть с Детмером Смитом, но не сделал этого, потому что обещал помочь своим товарищам обрести свободу.

— И я так и сделал, — прорычал он наконец. — Это я вас сюда привез, а ты даже это у меня забрала, придумав, что ты сама все спланировала и все время нас всех подгоняла.

— Я ни слова ни о чем таком не сказала, — ответила Мэри, и это было правдой. Теперь она боялась Уилла: она никогда не видела его в такой ярости.

— Это правда, Мэри ничего не говорила, — подтвердил Сэм Брум. — Но мы знаем, как

было все на самом деле. Без нее мы не справились бы. Возможно, Мэри и не управляла лодкой, но она смогла поднять наш боевой дух. А ты, Уилл, просто пустозвон. Из-за тебя нас всех могут повесить.

Уилл размахнулся и ударил Сэма кулаком, сбивая его на землю.

— Посмотрим, кто тут пустозвон! — заорал он. — Хочешь ее, так забирай, желаю счастья с этой маленькой ведьмой-интриганкой. Я уже сказал, что уплываю со следующим кораблем.

Билл и Сэм схватили Уилла, отчаянно пытаясь крепко держать его, чтобы Джеймс смог вразумить его. Но Уилл стряхнул их и повернулся к тропинке, ведущей в порт.

— Не подходите ко мне! — проревел он. — Меня от всех вас тошнит. То вы цепляетесь за меня, то вы меня достаете. Я могу уплыть отсюда, я знаю себе цену. Кто вы такие без меня?

Уилл повернулся и пошел по тропинке. Билл рванулся было за ним, но Мэри остановила его, положив руку ему на плечо.

— Не надо. Это только еще больше его распалит.

— Что же нам делать? — спросил Джейми Кокс дрожащим голосом.

— Будем надеяться, что он и вправду сядет на первый корабль, — сказала Мэри и помогла Сэму подняться с земли. — Уилл не стоит того, чтобы так о нем беспокоиться.

* * *

Через два дня, на рассвете, Мэри услышала зловещий топот ботинок, приближающийся к деревне.

Незадолго до этого она проснулась со странным предчувствием. Мэри услышала этот звук и тут же поняла, что к ним идут солдаты. Они наверняка шли за ней и за ее спутниками: другой причины прийти сюда у них не было.

Первой мыслью Мэри было схватить детей и бежать в джунгли, но она немедленно подавила это желание, поскольку это только подтвердило бы, что ей есть что скрывать. Поэтому Мэри надела свое розовое платье, обула туфли, которые ей подарили и которые она еще не надевала, и быстро расчесала волосы. Затем Мэри взяла спящего Эммануэля на руки и вышла с ним навстречу солдатам. На ее лице сияла улыбка, которую она постаралась сделать как можно более невинной.

Глава пятнадцатая

— Нет смысла отрицать, Мэри, — вздохнул Ванжон раздраженно. — Я знаю, что вы сбежали из колонии для преступников, об этом мне сказал ваш муж.

При этих словах Мэри почувствовала, будто она падает в темную бездонную яму, из которой уже никогда не выберется. Как только их привезли в тюрьму Кастрл, ее и детей изолировали от мужчин, и у них не было возможности договориться о том, что они будут говорить. Они даже не знали, арестовали ли Уилла. Но Мэри увидела, что солдаты обращаются с ней вежливо, камера, в которую ее поместили, была чистой и ей принесли воды, хлеба и фруктов, так что у нее еще оставалась какая-то надежда.

И все же когда Мэри смотрела через крошечное зарешеченное окно, выходящее на порт, как солнце все выше поднимается над горизонтом, а к ней никто не заходит, она начала падать духом.

— Почему мы должны оставаться здесь, мама? — спросила Шарлотта. Сначала она терпеливо воспринимала ситуацию, но теперь начала ерзать. — Мне здесь не нравится, я хочу пойти домой.

— Нам нужно остаться, потому что один человек хочет задать нам кое-какие вопросы, — сказала Мэри, рассеянно теребя пальцами волосы дочери. — Ну а теперь будь хорошей девочкой и давай поиграем с Эммануэлем.

Но у Мэри не было настроения подбадривать Эммануэля ковылять от нее к Шарлотте и говорить ему, какой он умный мальчик и как он хорошо ходит самостоятельно. Она ужасно боялась, что эта крошечная камера размером меньше чем четыре на шесть футов станет их домом на неопределенный срок.

Шарлотта выглядела сейчас такой хорошенькой. Темные кудряшки спускались вдоль ее загорелого личика, а голые ручки и ножки были пухлыми и с ямочками. Она очень напоминала Мэри сестру Долли: те же губки бантиком и тот же вздернутый носик. Забота и внимание, которыми Шарлотта была окружена последние два месяца, и компания других детей придали ей уверенности в себе, и девочка даже выучила множество местных слов.

Мэри казалось, что Шарлотта проскочила свое детство и стала маленькой девушкой. Не далее как пару дней назад она отказалась надевать скучное серое платье, которое им дали для не сразу после приезда, и настаивала, что будет носить яркое платье, которое мама сделала из куска ткани местного изготовления. Мэри хотела отложить его для торжественных случаев, как она поступала со своим розовым платьем, но Шарлотта устроила такую истерику, что Мэри сдалась.

Шарлотта явно забыла, что у нее в Сиднейском заливе было всего одно платье, такое изношенное, вылинявшее и столько раз чиненное, что оно просто рассыпалось в море. Мэри была очень рада, что ее дочь, по всей видимости, забыла о колонии и о том, в каком состоянии они все сюда добрались, падая в обморок от жары и жажды, все покрытые вшами. Мэри тоже смогла стереть это из своей памяти, но сейчас, когда возникла вероятность, что их могут выслать обратно, все это вышло у нее на передний план, Мэри становилось плохо, когда она представляла, что снова будет жить по-прежнему. Но как это воспримет Шарлотта теперь, когда она уже знает, что есть другая жизнь? Что же касается Эммануэля, то его маленький желудок не сможет справиться с тяжелой тюремной едой. Он не был крепким ребенком, и малейшее изменение в питании снова вызовет недомогание.

Позже, когда дети заснули, положив головы на колени Мэри, сидевшей на полу, она нежно сдвинула прядку светлых волос Эммануэля с его глаз и с трудом сдержала слезы. Он был слишком хорошеньким для мальчика, с чистыми светлыми волосами, спадающими до плеч, голубыми глазами и прозрачной светлой кожей. Мэри сохранила ему жизнь на лодке невероятным усилием воли, но, если им придется остаться в этой тюрьме или быть высланными обратно в колонию, где она снова найдет силы? Мэри вспомнила, что в Корнуолле таких детей называли «особенными», Это означало, что у ребенка была внешность ангела, и поэтому он ненадолго пришел в этот мир.

По длине теней за окном Мэри поняла, что было около пяти часов вечера, когда надзиратель отпер дверь камеры. Он был загорелым, с миндалевидными глазами, и он сказал ей что-то невразумительное, сделав знак идти за ним. Прижимая к себе Эммануэля и взяв Шарлотту за руку, Мэри наконец отправилась к Ванжону.

Он находился на верхнем этаже тюрьмы, в мрачной, прохладной комнате, которая, скорее всего, служила ему офисом, потому что здесь был письменный стол, а также лампа и книги на полках, и много личных вещей, как, например, портрет женщины, вероятно его жены, и деревянная миска для фруктов, украшенная бусами в виде змеи.

Белая куртка, в которой Ванжон был в прошлый раз, когда они разговаривали, висела на спинке стула, от белой измятой рубашки пахло потом. Во время их первой встречи Мэри нашла Ванжона очень простым и приятным в общении, но сейчас у него был усталый, раздраженный вид и он изнемогал от жары. Ванжон был маленьким и полным, с черными как смоль волосами, смазанными маслом и с пробором посередине. Услышав его имя, Мэри предположила, что он местный, но, вероятно, получил хорошее образование, может быть, в Голландии или даже в Англии, потому что кроме местного языка он бегло говорил по-английски и по-голландски.

Ванжон начал задавать ей вопросы о китобойном судне: сколько человек было в команде, как звали владельца, где был зарегистрирован корабль и в какой порт они заходили, перед тем как корабль потерпел кораблекрушение.

Все, кроме места регистрации корабля, они отретировали еще в лодке. Но когда Мэри начала рассказывать, что хозяин был из Рио-де-Жанейро, его имя Марсия Консуэлла, в команде было восемнадцать человек и они выплыли из Кейптауна, она поняла, что при более тщательной проверке все легко выяснит. Когда Эммануэль заплакал, у нее возникла надежда, что Ванжон будет раздражен еще больше и прекратит допрос.

К несчастью, он лишь велел ей не тратить время попусту и рассказать всю правду.

— Все это ложь, Мэри, — сказал Ванжон, поднимаясь, и начал мерять комнату шагами, заложив руки за спину. — Вы не были на китобойном судне. Вы никогда не были на китобойном судне. Вы украли лодку в Новом Южном Уэльсе. Вы беглые каторжники.

Мэри подбрасывала Эммануэля на руках, утешая его, и настаивала, что Ванжон глубоко ошибается. И именно тут он сказал что Уилл рассказал ему обо всем.

Мэри понадобилось какое-то время, чтобы справиться с шоком. Раньше она спрашивала охранника, здесь ли ее муж, и он сказал, что нет. Конечно, охранник знал только несколько слов по-английски, и Мэри не лучше владела местным наречием, но он, похоже, понял ее вопрос. Уилл отличался от жителей Купанга благодаря своему росту и светлым волосам, и Мэри была уверена, что, если бы он находился в Кастле, это всем бы стало известно. Она уже начала думать, что он исполнил свое обещание, данное два дня назад, и записался на корабль.

— Мой муж, как ни прискорбно мне это признать, любит прихвастнуть, — сказала она, вспыхнув. — Возможно, он решил, что эта история окажется более увлекательной, чем правда.

— Я видел судовой журнал, который он вел, — устало ответил Ванжон.

Мэри изо всех сил сдерживала себя, чтобы не закричать, потому что она просила Уилла уничтожить журнал еще до того, как они сюда добрались.

— Все это ставит меня в очень неудобное положение, — сказал Ванжон, продолжая ходить по комнате. — Видите ли, если бы не появление капитана Эдвардса, я бы отправил вас в Англию с первым же кораблем. Но капитан Эдвардс хотел узнать больше обо всех вас, поэтому мне пришлось привести вашего мужа, и он мне все рассказал.

— Уилл настучал на нас? — спросила она недоверчиво.

— Настучал? — Ванжон нахмурился. — Что означает это слово?

— Донес. Рассказал, — ответила Мэри.

— Да, он донес на вас, — кивнул Ванжон. — Некоторые люди забывают, что такое преданность, если им нужно спасти свою шкуру.

Тут Мэри сломалась, потому что больше уже не могла сдерживать слез.

— Пожалуйста, сэр, — умоляла она его, — не высылайте нас обратно! Эммануэль еще не окреп, а Шарлотта только-только поправилась. Если нас снова вышлют, они умрут.

— Моя дорогая, это не в моей компетенции, — сказал Ванжон, махнув рукой. — Ваш соотечественник, военно-морской офицер капитан Эдвардс, единственный человек, который уполномочен решать, что с вами будет.

Он открыл дверь и дал распоряжения охраннику.

— Вас сейчас отведут обратно в камеру, — сказал Ванжон, снова поворачиваясь к Мэри. — Вам принесут еду и воду. Я не жестокий человек, Мэри. Во время вашего пребывания здесь с вами и с вашими детьми будут хорошо обращаться.

Какое-то время, после того как Мэри увели, Ванжон стоял и смотрел в окно, и на сердце у него было тяжело. Он поверил рассказу мужчин о том, как они добрались сюда после кораблекрушения, просто потому, что это так напоминало то, что пережил капитан Блай два года назад. Ванжону даже не пришло в голову, что они могли сбежать из колонии для преступников, находившейся в Новом Южном Уэльсе. Кто бы мог подумать, что кучка простых заключенных проплывет около трех тысяч миль в открытой лодке?

Даже капитан Эдвардс, несмотря на все свое умение, потерпел неудачу в проливе Торрес, но это произошло потому, что он был упрямым, который считал, будто достаточно знает свое дело, чтобы ночью пройти по таким опасным водам. У него явно не было сердца, потому что он поместил в деревянном ограждении на палубе, под солнцем и ветром, четырнадцать пойманных мятежников, закованных по рукам и ногам. Когда корабль тонул, Эдвардс не разрешил своей команде снять цепи, и только благодаря тому, что один из его людей ослушался приказа, десять человек выжили, Ванжон тяжело вздохнул. Его огорчало, что он должен передать Мэри и ее товарищей Эдвардсу, потому что знал, что в его руках им придется несладко. Мэри была женщиной необычайной храбрости, и за какое бы преступление ее ни выслали, она уже заплатила за него дорогой ценой. Что касается этих невинных маленьких детей, то они находились на волосок от смерти, когда прибыли в Купанг. Какое право имеет правительство, английское, голландское или любой другой страны, посылать их туда, где они будут обречены на скорую смерть?

Прошла неделя, прежде чем Мэри смогла увидаться с остальными, Один из охранников, который немного говорил по-английски, сказал ей, что всех мужчин, включая Уилла, держали в одной камере.

Ванжон сдержал слово, данное Мэри. Она получала полноценную еду для себя и детей, и ей даже принесли циновку, одеяло и воду для мытья. Ежедневно ее с детьми выводили во двор, чтобы они могли подышать свежим воздухом и размяться. Иногда она даже позволяла себе думать, что голландский губернатор вмешается и отпустит ее, потому что человек, который с такой добротой относился к ней и к ее детям, наверняка не вышлет ее туда, где ее повесят, и не оставит Шарлотту и Эммануэля сиротами.

Поэтому, когда охранник сказал Мэри, что она может навестить мужчин в их камере, она решила, что это первый шаг на пути к освобождению. Английский капитан не приходил к ней, возможно, он даже уехал из Купанга.

Камера, где находились мужчины, располагалась на первом этаже Кастл. Это была большая, темная, промозглая комната и в узкие окна, расположенные слишком высоко, невозможно было выглянуть. Мужчины столпились вокруг Мэри, целуя и обнимая детей, и стали расспрашивать, как с ней обращаются. Только через минуту или две она увидела Уилла. Он продолжал сидеть на своем табурете, повернувшись к ней спиной.

— Ты не хочешь увидеть Эммануэля и Шарлотту? — спросила Мэри.

— Он не заслуживает этого, — рявкнул Билл. — Он донес на нас.

Мэри внимательно посмотрела на своих друзей и с радостью отметила про себя, что все они прилично выглядели и их одежда была чистой. Но на Уилла они смотрели недоброжелательно. Даже Джейми Кокс и Сэмюэль Берд, столько времени слепо следовавшие за ним, казалось, возненавидели его.

Мэри сначала предполагала, что Уилл уехал, и теперь она пришла к выводу, что вряд ли он пошел к Ванжону нарочно, чтобы сообщить о них. Он знал, что его признают таким же виновным, как и остальных, и хотя его, вероятно, не повесят за побег, потому что его срок уже истек, но кража лодки у капитана Филипа все же могла караться смертной казнью.

— Я никак не могу поверить в то, что Уилл это сделал, — скачала Мэри, подойдя ближе к нему. Он все еще не поворачивался, чтобы посмотреть на нее. — Скажи мне, ты донес на нас?

— Они все думают, что это сделал я, — произнес Уилл тихим голосом. — И ты, вероятно, тоже так считаешь.

Мэри схватила его за подбородок и резко повернула его лицо к себе. Увидев его, она охнула. Он был сильно избит, и она предположила, что это сделали другие мужчины. Область вокруг глаз распухла и стала фиолетового цвета, губа была разбита, а рубашка испачкана каплями крови.

— Ты это заслужил, потому что не послушал моих предупреждений и болтался у всех на виду, — сказала Мэри резко. — Ты просто вошь, Уилл Брайант, болтун, чванливая, беспутная скотина. Но все-таки я не верю, что ты донес на нас.

— Я не доносил, клянусь! — проговорил он хрипло. — Я был пьян, в бар зашли какие-то английские моряки, и мы стали рассказывать друг другу всякие истории.

Мэри кивнула, она могла себе это представить. Они рассказывали, через что им довелось пройти, когда они плыли в открытой лодке после кораблекрушения, а Уилл, который всегда хотел быть лучше других, похвастался, что он испытал кое-что похуже.

И все же Мэри была очень сердита на него — если бы они встретились лицом к лицу на следующий день после ареста, она попыталась бы задушить его голыми руками. Но время и надежда на то, что Ванжон еще может вмешаться, чтобы помочь им, успокоили ее, по крайней мере, Мэри начала задумываться, почему у Уилл совершил это.

— Когда же тебя привели сюда? — спросила она.

— В тот же вечер, — сказал Уилл тихо. — Я как раз выходил из бара, и патруль схватил меня. На утро следующего дня меня отвели к Ванжону. Он сказал, что вас всех тоже ведут сюда. К нему в руки уже попал мой судебный журнал — его нашли там, где я ночевал. Мне не оставалось ничего другого, как сказать правду. Он загнал меня в угол.

Мэри закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Противоречивые чувства разрывали ее на части. Она всегда любила Уилла, и видеть его в таком состоянии ей было очень тяжело. Хотя он виноват в том, что не держал свой большой рот на замке, Мэри понимала, что ни один из них не выстоял бы во время такого пристрастного и долгого допроса. Их легенда была слишком ненадежной.

Но Мэри вовсе не винила мужчин за то, что они избили Уилла. И Джеймс, и Уильям говорили ему, что он должен уничтожить журнал, и она хорошо знала, почему он этого не сделал. Он считал себя героем и хотел, чтобы это признал весь мир. Даже если бы Уилл не выболтал все в пьяном виде, когда-нибудь это вышло бы наружу. И тогда журнал стал бы свидетельством его невероятного подвига. А еще он, вероятно, думал, что сможет заработать на этом.

— Почему тебе не хватало того, что у нас было? — спросила Мэри с горечью. — Мы находились в безопасности, Эммануэль поправлялся. Господи, да мы же все были счастливы! Но тебе этого оказалось мало. Ром, другие женщины...

— У меня не было других женщин, — прервал он ее.

Мэри глухо рассмеялась.

— Готова поспорить на что угодно, что ты жил у какой-то шлюхи. Именно она и передала журнал Ванжону или одному из его солдат, получив чуть больше денег, чем давал ей ты.

Уилл отвернулся, и она поняла, что права. Ей стало плохо от невыносимой боли.

— Может быть, я не самая красивая и не самая умная женщина в мире, — сказала Мэри прерывисто, — но я была верна тебе, Уилл. Даже когда мы голодали в лагере, ты никогда не боялся, что и украду твою долю или твои деньги. Я пыталась, как могла, извлечь лучшее из сложившейся ситуации и, защищая безопасность, твою и детей, могла бы даже убить.

— Прости, — прошептал он.

— А твое извинение поможет Шарлотте и Эммануэлю, когда Нас повесят? — спросила Мэри с лицом, искаженным от боли.

— Нас не повесят, — сказал Уилл.

— Повесят, если вышлют назад в Англию, — возразила Мэри. — А если пошлют в Новый Южный Уэльс, то выпорют и снова закуют в кандалы.

Мэри отвернулась от него, не в силах справиться с нахлынувшими воспоминаниями об этих наказаниях. Она предпочла бы умереть в море, чем дожить до того дня, когда для ее мужа слава и деньги станут важнее, чем она, их дети и друзья.

Пятого октября Мэри, Шарлотту и Эммануэля вывели из камеры и доставили на отплывающий голландский корабль «Рембанг». Капитан Эдвардс зафрахтовал этот корабль, чтобы отвезти их, а также восемнадцать членов своей команды с «Пандоры» и десятирех оставшихся в живых пойманных мятежников в Батавию. Мэри и понятия не имела, где это находится, она только знала, что это еще один остров с большим портом в Голландской Вест-Индии. Похоже, капитан Эдвардс планировал зафрахтовать там еще один корабль до Кейптауна, а затем отправиться в Англию.

Два месяца заключения в тюрьме Кастрл Мэри не оставляла надежду на то, что Ванжон позволит ей и детям остаться в Купанге. Она знала, что он сочувствует ей, потому что он иногда разрешал ей и мужчинам выходить из тюрьмы, всегда в паре с кем-нибудь, но это означало, что Мэри могла пойти в деревню, позволить детям поиграть на пляже и свободно разговаривать со своей охраной.

Однако ей никогда не разрешали выходить вместе с Уиллом, так как Ванжон считал это слишком рискованным. Ее встречи с Уиллом на тюремном дворе и его бесконечные извинения только еще больше ее расстроили. Он уже был не тем человеком, которого она раньше так хорошо знала. Его бойкотировали другие, и это пренебрежение, особенно со стороны Джеймса Мартина, Джейми Кокса и Сэмюэля Берда, бывших когда-то его близкими друзьями, заставило Уилла еще глубже спрятаться в свою скорлупу, и он стал подвержен эмоциональным, часто неожиданным вспышкам. Уилл мог испугать детей, слишком крепко их обнимая, а когда Шарлотта убегала от него или Эммануэль прятался за маминой юбкой, Уилл мог расплакаться как ребенок. Он рассказывал Мэри, как всегда любил ее, и умолял простить. Она устало отвечала, что простила, но ее сердце знало, что она не простит Уилла никогда. Ей часто хотелось проигнорировать его, как это делали другие, но жалость к нему брала верх.

Лишь за несколько дней до отплытия «Рембанга» им сказали, что они будут на корабле. Оказавшись на судне, Мэри обнаружила, что лишь пару человек говорят по-английски, и была этим еще больше напугана.

Ей была известна ужасная репутация капитана Эдвардса. История о «коробке» на «Пандоре», где содержались мятежники и умерло четверо из них, передавалась из уст в уста. Похоже, что на «Рембанге» имелась дополнительная палуба. Не требовалось много фантазии, чтобы понять, что эта конструкция без люков, просто с маленькими дырочками на крыше, была такой же «коробкой» и что именно там капитан Эдвардс намеревался держать Мэри и мужчин.

Ей также сказали, что Ванжон просил капитана Эдвардса оплатить многочисленные счета за еду, жилье и одежду, подписанные Уиллом. Эдвардс отказал, и Ванжон заявил, что не даст продуктов на это путешествие, которое должно было продлиться месяц, если он не заплатит. Мэри знала, что из-за этого у Эдвардса будет зуб на них с самого начала.

Все факты говорили о том, что плавание в Батавию будет примерно таким же, как их жизнь на плавучей тюрьме в Англии: мало еды, темнота и цепи.

Мэри оказалась права во всем. Дополнительную палубу разделили на три отсека: передний предназначался для беглых заключенных, средний — для команды «Пандоры», и отсек на корме отвели мятежникам. Но еще хуже, чем темнота, были кандалы: к полу прикрепили длинный шест, с которого спускались цепи и кандалами приковывались к их лодыжкам, так что они вообще не могли двигаться.

Мэри в последний раз бросила взгляд на порт, прежде чем ее втолкнули в их новую

камеру. Ночью шел дождь и весь город блестел в солнечных лучах. Она видела, как женщины из деревни с младенцами на руках махали ей на прощанье с причала, где стояли лотки с горами фруктов и овощей. Рыбаки несли огромные корзины свежепойманной рыбы, и мальчик, развозивший на тележке кокосы, с которым Мэри так часто общалась, что-то кричал ей. Запах сандалового дерева висел в воздухе, словно ароматное невидимое облако, и глаза Мэри наполнились слезами, когда она бросила прощальный взгляд на место, которое стало ей так дорого.

— Почему он делает это с тобой, мама? — спросила Шарлотта, когда один из членов экипажа надел кандалы на ноги Мэри. — Как же ты теперь будешь ходить?

Мэри не могла ответить, она была слишком расстроена тем, что не сможет заботиться о своих детях в таких условиях. Но вопросы Шарлотты прервались, когда дверь захлопнули и заперли на задвижку и заключенные оказались в крошечной тьме. Девочка издала пронзительный крик и, споткнувшись о шест в темноте, упала на колени Мэри прямо на Эммануэля.

— Капитан выделил каюту на корме корабля для тебя и детей, — сказал Джейми Кокс. — Но этот подонок Эдвардс заявил, что ты останешься здесь с нами. Он хочет отыграться на тебе, потому что разочарован, что не поймал всех мятежников с «Дара».

— Я с радостью повесил бы его, — прорычал Джеймс Мартин, и после минутной паузы обратился к Уиллу. — Ну вот наконец тебе и твой корабль, старший помощник капитана, — сказал он язвительно. — Как тебе нравится твоя каюта? Твоя супруга с детьми тоже тут.

С каждым днем ужас этой темной камеры становился все невыносимее. Когда светило солнце, было очень жарко, и каторжникам казалось, что они изжарятся живьем, а когда начинался ливень, они промокали до нитки. Им давали ровно столько еды, чтобы они не умерли с голоду, а закованы они были так, что не могли сдвинуться с места даже для того, чтобы облегчиться, Мэри кричала, умоляя сжалиться хотя бы над Шарлоттой и Эммануэлем, но, если кто-то на корабле и слышал ее крик, на него не обращали внимания. В тех редких случаях, когда отрывалась дверь, Мэри видела, что то улучшение в здоровье детей, которое произошло за время пребывания в Купанге, сошло на нет. Они сидели и плакали от страха, все в засохшей грязи, и буквально через несколько дней Эммануэль слег с температурой.

Мужчины почти не разговаривали. Когда становилось светло, Мэри видела, какие у них затравленные глаза. Нат и Джейми стонали во сне, Билл ругался, а Джеймс, похоже, вообще не спал, и его глаза поблескивали в темноте. Только Сэм Брум пытался уверять, что все в конце концов образуется, но Мэри знала, что он говорит это только ради детей.

Они попали в циклон, и на них хлынула вода, которая, казалось, могла утопить их. Когда корабль швыряло из стороны в сторону, гремел гром и молния время от времени освещала лица каторжников с застывшим выражением ужаса, Мэри молилась, чтобы корабль утонул, положив конец их страданиям.

Они слышали, как кричала и ругалась команда «Дара», которая энергично взялась помогать морякам «Рембанга». Гораздо позже Мэри узнала, что многие члены голландской команды сидели под палубой и играли в карты, пока англичане пытались увести корабль от скал.

У Уилла тоже поднялась температура, и он в бреду звал маму. Мэри ничего не могла для него сделать, так как была закована и должна была заботиться о детях. Злость Джейми на старого друга прошла настолько, что он время от времени давал ему попить, но остальные мужчины по-прежнему злились на Уилла.

— Сдохни, думая о том, что ты на нас навлек! — кричал несколько раз Уильям Мортон. — Я надеюсь, что ты будешь гореть в аду, тварь!

«Рембанг» прибыл в Батавию седьмого ноября. Месяц на море показался каторжникам годом. Они были покрыты невероятным количеством грязи, страдали от голода и жажды и почти ослепли от темноты. Они не знали, проплывал ли корабль мимо других островов и больших массивов суши или шел в открытом море. Все они утратили чувство времени и расстояния.

Гамильтон, корабельный хирург, на минуту зашел в трюм, зажимая нос платком, но его все равно стошнило. Он почти не глянул на мужчин, но велел, чтобы Эммануэля отвезли в больницу, и Мэри с ним. Остальных заключенных собирались перевезти на сторожевой корабль до того момента, пока не найдут судно, отправляющееся в Англию.

— Шарлотта тоже должна пойти со мной, — умоляла Мэри в страхе, что ее маленькая девочка будет заключена на другом корабле без нее. — Она без меня тоже заболеет.

У Гамильтона было хмурое лицо и косматая борода.

— В больнице она заболеет еще быстрее, — сказал он. — Это место здесь зовут европейской Голгофой, а больница — просто вонючая дыра. Но если хочешь, можешь взять ее с собой.

Мэри не поняла, что он имеет в виду, поскольку представляла себе, что в Батавии будет примерно то же, что и в Купанге. Плавание длиной в месяц означало, что это место не так далеко, и она слышала, что Батавия является центром компании «Голландская Вест-Индия». Но вскоре Мэри почувствовала разницу. Первым, что она увидела, когда ее подняли на палубу, были плававшие в воде трупы, и ее стошнило.

Купанг был местом, где откомандированные туда работники компании «Голландская Вест-Индия» чувствовали себя счастливыми, несмотря на шум и большое количество людей разных национальностей. Но воздух там был чистый и бодрящий, и климат казался идеальным. Кроме того, сразу за городом открывался прекрасный вид на джунгли, горы и райские пляжи.

Но Батавия задыхалась от жары и испарений. Голландцы проложили каналы по всему городу, и стоячая, гнилая вода распространяла болезни, от которых европейцы умирали как мухи. Мэри видела, что команда корабля не горела желанием сходить на берег, и это был верный знак, что в этом месте нет ничего хорошего. Она подслушала, как один английский моряк, который бывал уже здесь раньше, заявлял, что даже самых здоровых членов команды через считанные недели станет в десять раз меньше от лихорадки.

Когда два охранника увели ее с Эммануэлем на руках и Шарлотту, которая тащилась сзади, Мэри обернулась к своим друзьям, стоявшим на палубе, и ее глаза наполнились слезами.

Все они были худыми и грязными. Единственным ярким пятном в их группе выделялись рыжие волосы Сэмюэля Берда, но и они потускнели от грязи. Нат Лилли и Джейми Кокс, которые были младше остальных, казались мальчишками. Билл Аллен изо всех сил старался выглядеть важным, а Джеймс Мартин тер кулаками глаза. Сэм Брум и Уильям Мортон поддерживали друг друга. Уилл стоял в стороне от всех, шатаясь от лихорадки.

У Мэри упало сердце. Все они выглядели такими больными, что она была почти уверена, что никогда больше их не увидит. Но охранники оттащили ее прочь, и она еще больше упала духом, потому что у большинства местных жителей, невысоких, с коричневой

кожей, столпившихся вокруг них, тоже был болезненный вид.

Мэри вспомнила слова хирурга о Батавии, когда увидела грубо построенные хижины вместо красивых домов. От липкой жары, отвратительных запахов и налетавших на нее мух ее затошнило. Они испытывала ужас, думая о будущем своих детей.

Когда Мэри впервые взглянула на двухэтажную больницу, ей показалось, что строители бросили работу на половине. Несколько окон были закрыты ставнями, на месте остальных зияли дыры. Во дворе напротив больницы тлел костер, источавший ужасный запах, и, по меньшей мере, около сотни людей сидели или лежали снаружи. У многих из них вокруг головы, рук или ног были грязные, в пятнах крови повязки, на самых слабых, кто не мог пошевелить рукой, сидели мухи, и звуки их жалоб и стонов казались невыносимыми. Шарлотта цеплялась за платье матери и хныкала от страха. Охранники втолкнули Мэри в дверь, и она увидела, что люди снаружи больницы находятся в лучшем состоянии, чем те, которые внутри.

От запаха, царившего там, Мэри в ужасе отшатнулась. Он был невероятно едкий и такой тяжелый, что она едва могла дышать. Она поняла, что Эммануэля может спасти от смерти только чудо. Еще на корабле он перестал даже плакать, просто лежал у нее на руках, уставившись ей в глаза. Мэри пыталась поить его, но малыш ничего не мог проглотить. Иногда он становился таким горячим, что у него на лбу можно было изжарить яичницу, а потом начинал сильно дрожать.

Вперед вышла пожилая монахиня в грязном переднике поверх белой одежды. Охранники что-то сказали ей по-голландски, она всмотрелась в Эммануэля, шелкнув языком, и жестом показала Мэри, чтобы та шла за ней.

Они прошли несколько комнат, и в каждой из них Мэри увидела около тридцати или сорока взрослых пациентов, лежавших на циновках, но ее провели в дальнюю комнату, где были только маленькие дети со своими мамами.

Показав, где лежат свободные циновки, тазы для мытья и ведра, монахиня ушла. Мэри никто не объяснил, где брать воду, придет ли врач и где раздают еду.

Мэри положила две циновки в углу, уложила Эммануэля и посадила Шарлотту рядом с ним, велев ей не двигаться. Потом взяла ведро и знаками спросила у находившейся рядом с ней женщины, где можно взять воды.

Когда наступила ночь, Мэри легла рядом с детьми. Она принесла воды из колодца, который находился возле больницы, чтобы смыть с них всю грязь после корабля, и нашла закопченную кухню, где ежедневно раздавали еду, состоящую из одного риса. Все остальное можно было либо купить у местной женщины устрашающего вида, либо принести из города.

Вдруг Мэри услышала знакомые звуки, перекрывавшие даже стоны и крики умирающих. Это были крысы, сновавшие по ком нате. Она обняла Шарлотту и Эммануэля, прикрыв их. Прежде чем ее, падающую от усталости, сморил сон, Мэри успела подумать: где пациенты достают еду и воду, если у них нет друзей и родственников, и приходит ли хоть изредка в больницу врач!

В последующие несколько дней Мэри получила ответы на свои вопросы, наблюдая за другими матерями и общаясь с ними при помощи жестов. Врач действительно иногда приходил, но осматривал только тех, у кого были деньги, чтобы заплатить. Горстка голландских монахинь делала все, что в их силах, но, учитывая огромное количество больных, это было все равно что пытаться вычерпать озеро наперстком.

Мэри стало ясно, что это скорее изолятор, чем больница. Больных посылали сюда,

чтобы избежать распространения инфекции, Люди снаружи госпиталя не были больны, они страдали от ран, и им часто приходилось ждать около недели, прежде чем кто-нибудь приходил осмотреть их. Большинство обитателей больницы зачастую умирали раньше, так и не дождавшись врачебного осмотра, и выздоравливали очень немногие. Матери поддерживали детскую комнату в относительной чистоте, но палаты для взрослых представляли собой ужасное зрелище: на грубых деревянных полах рвота и экскременты, стены забрызганы кровью и гноем. На плач, крики и бред пациентов никто не обращал внимания.

На третий день Мэри продала свое розовое платье и купила суп и молоко для Эммануэля и немного мяса и овощей к рису для себя и Шарлотты. Она подумала о том, чтобы сбежать, поскольку было довольно просто выскользнуть и смешаться с толпой. Но она не могла заставить себя вынести Эммануэля на палящее солнце: здесь, по крайней мере, прохладнее, чем на улице, и достаточное количество воды. Она должна была сделать его последние дни как можно легче.

Тяжелее всего Мэри было находиться в изоляции. Здесь проживало так же много людей разных национальностей, как и в Купанге, но пока что она не встретила ни одного, говорившего по-английски. Ей не к кому было обратиться за помощью. Казалось, смерть ребенка никого здесь не волновала, и даже ангельская внешность Эммануэля не вызывала сочувствия. Мэри обмывала его водой, чтобы сбить жар, заворачивала его в одеяла, когда его била дрожь, по каплям поила его водой, но он слабел с каждым днем.

Она отчаянно хотела с кем-нибудь поделиться своим беспокойством. Мэри с ужасом подумала о том, что станет с Шарлоттой, если она сама подхватит лихорадку. Кроме того, здесь не очень подходящее место для здорового ребенка: ежедневно взору Шарлотты представляли зрелища, от которых бледнел даже взрослый. Было несправедливо, что она проводила целый день в окружении безнадежно больных детей. Во многом здесь ей было хуже, чем на корабле: там хотя бы мужчины рассказывали ей истории и пели.

Иногда Мэри казалось, что она сойдет с ума от шума, запахов, жары и грязи. Еще она думала о том, что будет делать, когда кончатся деньги, вырученные от продажи ее розового платья. Все, что она могла, — это винить Уилла и клясться себе, что когда она выйдет отсюда, то убьет его.

К концу ноября одна из монашек, говорившая по-английски, сказала ей, что Уилла тоже перевели в больницу. Даже если бы Мэри хотела увидеть его, она не смогла бы этого сделать, потому что Эммануэль был слишком болен. Она начала давать деньги одной из женщин, чтобы та приносила рис и воду, потому что не осмеливалась покидать сына.

Первого декабря Эммануэль умер у Мэри на руках. Она качала его и пела ему песню, когда он просто перестал дышать.

— Что случилось, мама? — прошептала Шарлотта, увидев, как у матери по щекам льются слезы.

— Он ушел от нас, — с трудом вымолвила Мэри. — Теперь он будет жить с ангелами.

Мэри ожидала этого. Она думала, что готова к этому. День за днем она видела, как он худеет, пока не превратился в маленькую сморщенную обезьянку, но даже во время болезни его маленькие пальчики хватались за нее. И вдруг эти пальчики стали неподвижными и холодными, и Мэри хотелось кричать от боли.

Эммануэль даже не дожид до своего второго дня рождения, и все же за свою короткую

жизнь он дал ей столько радости и надежды. Несправедливо, что вся его жизнь была омрачена страданием и что он умер здесь, в таком безобразном, грязном месте.

Монашка взяла у нее его тело, и вместе с другими умершими в тот день он был похоронен в общей могиле. Мэри ждала, что за ней придут, когда начнется служба. Но позже монашка сказала ей, что служб здесь не бывает. Слишком много людей умирало.

На следующий день Мэри отослала Шарлотту во двор и велела ей оставаться там, пока она не придет. Мэри была в гневе и хотела найти Уилла, прежде чем отправиться обратно на сторожевой корабль, и сказать ему, что она считает его виновным в смерти их единственного сына.

Она нашла его в комнате, расположенной в дальнем конце больницы. Оттуда доносился такой резкий запах, что Мэри пришлось прикрыть рот и нос, когда она заглянула внутрь. Там было, по меньшей мере, пятьдесят мужчин — намного больше, чем во всех остальных комнатах, которые она видела. Они находились так близко друг к другу, что лежали в чужих рвоте и испражнениях. Стоны и вонь были такими сильными, что Мэри уже собиралась уходить, как вдруг увидела Уилла. Он был единственным, кто не лежал.

Уилл превратился почти в скелет и сидел, съежившись, в углу. На нем не было ничего, кроме бриджей. Его светлые волосы и борода сваялись от грязи, когда-то голубые глаза выцвели, и вокруг них появились красные крути от лихорадки. Ему исполнилось двадцать девять лет, но выглядел он древним стариком.

Мэри говорила себе, что будет смеяться, если увидит, как он умрет, и ускорит его конец, коря его за то, что он сделал с ней. И все же, глядя на него, она спрашивала себя: почему же она не чувствует удовлетворения при виде его мучений?

Ей вдруг вспомнилось, как он отнес ее к морю, чтобы помыть, когда родился Эммануэль. Он был таким нежным и любящим с ней и помог ей забыть, что она каторжница. В тот день, и во многие другие дни, она чувствовала себя так же, как чувствует себя любая достойная жена и хозяйка дома в Англии.

Мэри слишком легко поверила в то, что в Уилле все плохо. Она позволила себе забыть, что он спас ее от изнасилования, женился на ней, чтобы защищать ее, и что его умение рыбачить и тяжелый труд спасли ее от голодной смерти. Он часто отдавал Шарлотте часть своего ужина, делая вид, что не голоден. Мэри гордилась тем, что была его женой, и, несмотря на утверждения Уилла о том, что он запишется на корабль, идущий в Англию, когда окончится его срок, он этого не сделал.

Мэри вдруг поняла, что должна ухаживать за ним. Может быть, она не сможет полностью простить его, но за все то, что они пережили вместе, он заслуживал милосердия. Мэри решила, что не даст ему умереть как собаке, без единого доброго слова.

Она осторожно пробралась через грязь и человеческие тела в угол, где он сидел.

— Это я, Уилл, — произнесла Мэри мягко, оказавшись рядом с ним.

Мэри испытывала ужас, видя, во что превратился этот большой и сильный человек. Его состояние напомнило ей о том, в каком виде были заключенные со второй флотилии, когда они с Уиллом помогали им высаживаться со «Скарборо».

— Мэри... — сказал он слабо, пытаясь поднять голову. — Это действительно ты?

— Да, это действительно я, Уилл, — ответила она, наклоняясь к нему. — Я пришла, чтобы позаботиться о тебе. Сначала я принесу тебе воды, а потом я найду комнату, которая не будет такой грязной и переполненной.

Он схватил ее за руку.

— Эммануэль! Как он?

Мэри тронуло то, что он в первую очередь подумал об их сыне.

— Он умер вчера, — сказала Мэри резко.

— О нет! — простонал Уилл, крепче сжимая ее руку. — Это я виноват в его смерти.

Часть ее хотела согласиться, облегчить свою собственную боль через злобу, но другая половина ее души почувствовала утешение от того, что она может с кем-то разделить свое горе.

— Нет, — прошептала Мэри. — Виновата жестокость капитана Эдвардса, это вонючее место и отсутствие удачи.

Уилл открыл глаза еще шире, и по его щекам побежали слезы.

— Ты говоришь это после того, как я поступил с тобой?

Мэри не нашла в себе сил ответить на этот вопрос.

— Я принесу воды, — лишь сказала она.

— А Шарлотта, где она? — спросил Уилл, пораженный.

— С ней все в порядке. Я велела ей подождать снаружи, пока повидаюсь с тобой.

— Спасибо Всевышнему за это, — сказал Уилл и перекрестился.

Мэри принесла Уиллу питьевой воды, помогла ему перебраться в более чистую комнату и вымыла его. Ужасно было видеть его когда-то большое, сильное тело таким исхудавшим, и она угрозами заставила одну из монашек дать ему чистую рубашку, чтобы он выглядел хоть немного пристойнее.

Мэри знала, что Уилл умирает: пробыв в этом месте три недели, она научилась распознавать признаки смерти. Но Мэри говорила ему, что он поправится, гладила его по голове, пока он не заснул, а потом выскользнула, чтобы забрать Шарлотту.

Выйдя во двор к колодцу, Мэри на минуту задержалась, вдруг осознав, что это отличный момент для побега, пока о смерти Эммануэля не сообщили и капитан Эдвардс не прислал за ней охрану.

Она могла продать свои новые ботинки, купить немного еды и сбежать в джунгли с Шарлоттой. Мэри подружилась с коренными жителями Купанга и могла то же самое сделать и здесь. Может быть, через несколько месяцев, под фальшивым именем и с правдоподобной историей, она сможет сесть на корабль и выбраться отсюда.

Мэри сделала несколько шагов к Шарлотте, которая сидела на траве и лепила пирожки из грязи на влажной земле вокруг колодца. Девочка была грязной, худой и бледной и двигалась как во сне. Она выглядела совсем по-другому, не так, как в Купанге, и Мэри было больно видеть, что сделал с ней тюремный режим корабля. Это был еще один хороший повод сбежать, пока есть возможность.

— Ты виделась с этим мужчиной? — спросила Шарлотта, подняв голову.

Этот вопрос застал Мэри врасплох. Она велела девочке оставаться снаружи, потому что ей нужно увидеться с одним мужчиной. Если бы Шарлотта знала, кто этот мужчина, она тоже захотела бы его увидеть. Девочка спрашивала, иногда по нескольку раз в день, когда они снова увидят папу.

Уилл всегда обращался с Шарлоттой как с собственной дочерью. Когда родился Эммануэль, он относился к детям совершенно одинаково. Даже когда они ссорились, он никогда не использовал тот факт, что он не является отцом Шарлотты, в качестве оружия. Уилл любил Шарлотту, и это стало очевидно сегодня, поскольку он, даже будучи в таком

состоянии, хотел убедиться, что она в безопасности.

И как же могла Мэри бросить своего мужчину и оставить его умирать одного?

Она опустила ведро в воду, наполнила его и вытащила обратно.

— Дай я умою тебя, — сказала Мэри Шарлотте, вытаскивая из кармана тряпку. — Мы идем к папе.

С каждым днем становилось все жарче, и Уилл все больше слабел. Мэри продала свои ботинки, чтобы купить еды, но он всегда съедал только несколько ложек, прежде чем провалиться в сон.

Когда Уилл просыпался, то лежал и смотрел на Мэри точно так же, как это делал Эммануэль. Уиллу было слишком тяжело разговаривать, но он улыбался, когда Мэри рассказывала ему истории о своих старых соседях в Фоуэе, о контрабанде пряжи, которые она слышала от отца, и вспоминала о пристани и о людях, которые там работали.

Каждый день в комнате умирало, по меньшей мере, двое, и их места быстро заполнялись. Когда Уилл спал, Мэри мыла других и давала им пить. Для нее не имело значения, были ли они местными, китайцами или голландцами. У всех было одинаково жалобное выражение глаз, и они уходили в иной мир не одиноками.

Монашки смотрели на Мэри как на сумасшедшую. И все-таки они иногда приносили Шарлотте яйцо или какой-нибудь фрукт, что, по-видимому, указывало на некоторую их симпатию к английской каторжнице, которая рисковала своим здоровьем, оставаясь в этой чертовой дыре, чтобы ухаживать за мужем.

— Рождество уже настало? — прохрипел однажды вечером Уилл, когда только начало смеркаться.

— Через три дня, — сказала Мэри.

— Мама всегда делала сливовый пудинг, — сказал он.

Мэри улыбнулась, представив, как его мать смешивает ингредиенты для пудинга в большом тазу на кухонном столе.

— И моя, — сказала она.

— Мама всегда говорила, чтобы мы загадали желание, пока она размешивает в тазу, — произнес Уилл громким шепотом. — Если бы я смог сейчас загадать желание, то я бы хотел вернуться в прошлое и сказать тебе, что женюсь на тебе, потому что люблю тебя.

У Мэри на глаза навернулись слезы. Ей очень хотелось верить ему.

— Я говорю правду, — сказал Уилл. У него вокруг глаз были красные круги и мешки от лихорадки, и он выглядел старым и измученным, совсем не похожим на того крупного красивого мужчину, за которого она выходила замуж. — Я запал на тебя еще на «Дюнкирке». Если бы все красавицы Англии выстроились передо мной в шеренгу, чтобы я мог выбирать, я бы все равно выбрал тебя.

Мэри расплакалась еще больше. Если это было правдой, почему он не сказал об этом раньше?

— Какой я дурак, — вздохнул Уилл, будто прочитав ее мысли. — Я думал, если признаюсь тебе, ты не будешь меня уважать. Поэтому я и говорил все время, что уплыву от тебя домой. Я хотел, чтобы ты сказала мне, что не можешь без меня жить.

— Ох, Уилл, — вздохнула Мэри, взяла его руку и поцеловала ее. Сейчас она знала, что он говорит правду: Уилл не встретил бы смерть во лжи.

Он снова впал в беспамятство, разговор явно стоил ему усилий. Мэри легла рядом с ним

и какое-то время держала его за руку, думая о том, что он сказал.

Когда Мэри была маленькой девочкой, она всегда представляла себе, что то, что люди называют любовью, сваливается тебе на голову, как спелое яблоко с дерева. Ее сильное влечение к Тенчу подтверждало эту идею. Но была ли это действительно любовь? Может быть, Мэри испытывала эти чувства по отношению к Тенчу, потому что он был добр к ней и проявлял к ней интерес, когда она нуждалась в каком-нибудь красивом мужчине, который отвлек бы ее мысли от реальности? Сохранилась бы эта страсть к нему, если бы они смогли жить вместе?

Обстоятельства, ставшие причиной ее брака с Уиллом, вряд ли можно назвать романтическими. И все же несмотря на то, что это был исключительно брак по расчету, они страстно занимались любовью, у них сложились теплые отношения, они могли говорить обо всем и много вместе смеялись. Они были друзьями.

Мэри подумала, что самые умные люди назвали бы это любовью.

В окно стали пробиваться первые лучи солнца, когда Мэри услышала, что Уилл мечется и ворочается. Она потрогала его лоб и обнаружила, что он весь горит, но при этом он дрожал от озноба.

— Я с тобой, — прошептала Мэри, сев и потянувшись за тряпкой и ведром воды, чтобы охладить его.

— Прости меня за то, что я сделал, — выдохнул Уилл.

— Это уже неважно, — прошептала она в ответ, положила прохладную тряпку ему на лоб и погладила его по голове. — Я тебя простила.

И вдруг до нее дошло, что она действительно простила его, Как и любовь, прощение подкралось незаметно.

— Береги Шарлотту, — вымолвил он с огромным трудом.

Мэри поняла, что это конец.

— Я вышла за тебя замуж, потому что любила тебя, — сказала она и поцеловала его жаркие, потрескавшиеся губы. — Я все еще люблю тебя и не могу жить без тебя.

Мэри не знала, услышал ли он эти слова, которые всегда так хотел услышать, потому что он снова впал в беспамятство. Она оставалась рядом с ним и обнимала его, держа свою голову так близко к его сердцу, что слышала, как оно через час или два перестало биться.

Глава шестнадцатая

Через четыре месяца после того, как Эммануэль и Уилл умерли в Батавии, голландский корабль «Хорссен» зашел в Кейптаун с Мэри и Шарлоттой на борту.

— Я думаю, что это тот корабль, на котором мы поплывем домой, Мэри, — бросил через плечо Джим Картрайт, указывая на гавань. — Иди, посмотри! Вид одного из кораблей его величества взбодрит тебя.

Мэри слабо улыбнулась. Джим был членом экипажа с потерпевшей кораблекрушение «Пандоры». В последние несколько недель плавания из Батавии, когда и Мэри и Шарлотта слегли с лихорадкой, он взял себе за правило подбадривать ее. Иногда он приносил фрукты или орехи, а еще чаще шутил или болтал с ней. Мэри испытывала благодарность по отношению к нему за его доброту, но из-за страха за дочь ей часто было трудно реагировать на его шутки.

Оставив Шарлотту на циновке на палубе, Мэри подошла к поручням, чтобы посмотреть. Вид Кейптауна действительно взбодрил ее благодаря приятным воспоминаниям о том, как здесь крестили Шарлотту. Конечно, тогда Мэри была полна надежд: стать одной из первопроходцев Нового Южного Уэльса казалось скорее интересным приключением, чем наказанием.

Но жажда приключений уже давно прошла. Мэри мечтала только о том, чтобы Шарлотта выздоровела и чтобы с ними по-доброму обращались на последнем отрезке их пути домой.

И все же, несмотря на свою предубежденность, Мэри не могла не испытывать восхищения, глядя на английский корабль. Он выглядел изящно, палуба была начищена до блеска, канаты аккуратно свернуты, и медь блестела на солнце. «Горгона» напомнила Мэри о похожих кораблях, которыми она восхищалась в Плимуте, — иностранные корабли никогда не казались такими элегантными и сверкающими. Если добавить Стол-Гору на заднем плане, более красивого пейзажа представить было невозможно, И все же, какой бы красивой ни выглядела «Горгона», вероятнее всего, Мэри предстояли не меньшие испытания на ее борту, чем те, которые она пережила на пути сюда.

Мэри все же увидела похороны Уилла и услышала, как над ним была произнесена молитва, хотя это и была общая могила, и молитва была на голландском языке, так что Мэри ничего не поняла. Но когда она складывала свои немногие вещи и снова думала о побеге, появились охранники. Они надели на нее кандалы прямо в госпитале и забрали ее и Шарлотту на сторожевой корабль, где содержались другие мужчины.

Горе Мэри после смерти Эммануэля, которое она, казалось, сдерживала, пока ухаживала за Уиллом, прорвалось снова, как только ее заключили на корабле. Джеймс и остальные мужчины горевали, узнав о смерти мальчика, но подобного сочувствия к Уиллу они не испытывали. Очередное заточение вместе с ними, духота почти в течение месяца, вода, выдававшаяся скупно, лишь по паре пинт на день, и их постоянные проклятия и обвинения в адрес Уилла — все это становилось невыносимым. Мэри были так подавлена, что даже желала смерти.

Она немного воспряла духом, когда услышала, что ее с Шарлоттой перевезут в Кейптаун на «Хорссене» вместе с экипажем «Пандоры». Джеймс и остальные мужчины с капитаном Эдвардсом и мятежниками с «Дара» отправлялись на «Хорнвее». Несмотря на то что Мэри

была очень сильно привязана к друзьям, ей стало легче, когда она услышала, что они с Шарлоттой будут одни вдаль от злобствований мужчин.

Но на корабле вместе с провизией, предназначенной на время плавания, прокралась лихорадка, не разбиравшая между заключенными, офицерами, их женами, детьми и членами экипажа. Почти каждый день Мэри слышала, что смерть унесла еще одного мужчину, женщину или ребенка. Не прошло много времени, как они с Шарлоттой тоже заболели.

К счастью для Мэри, капитан «Хорссена» был гуманным человеком и достаточно смелым для того, чтобы воспротивиться приказу капитана Эдвардса, который велел заковать всех заключенных и держать их под палубой в течение всего плавания. Когда ему сказали, что Шарлотта и Мэри больны, он снял с Мэри цепи, чтобы она могла заботиться о ребенке.

Именно в этот момент, тронутая таким проявлением доброты, Мэри начала беспокоиться о том, в каких условиях плывут ее товарищи. На сторожевом корабле все они ужасно выглядели и лишь чудом не подхватили лихорадку после долгих недель пребывания в зловонии под палубой. Она знала, что капитан Эдвардс вряд ли будет с ними хорошо обращаться, и очень боялась, что не все они доживут до Кейптауна.

— Ты направляешься домой со своими друзьями, — сказал Джим бодро. — Ну-ка, оживись, где же твоя очаровательная улыбка?

Мэри подумала: что творится в голове у этого рыжеволосого низкорослого моряка? Похоже, он не понимал всей тяжести ситуации, в которой она оказалась. Шарлотта была тяжело больна, и они плыли в Англию, где Мэри повесят, а Шарлотту оставят сиротой. Неужели он действительно думал, что она должна воспринимать последний этап плавания как увеселительную поездку?

— Ты всегда такой веселый? — спросила Мэри, надеясь, что он не услышит сарказма в ее голосе.

— «Джим-весельчак» — так меня всегда называла моя мамочка, — рассмеялся он, явно воспринимая это как комплимент. — Ну а теперь собирай свои вещички, потому что, я так думаю, мы скоро будем подниматься на «Горгону».

На сбор вещей у Мэри могло уйти меньше секунды. Но она растянула этот процесс, рассматривая каждую вещь, какой бы ничтожной она не была. Голубое платье из хлопка, которое ей дали в Купанге. Кусок яркой ткани, из которой она намеревалась сшить еще одно платье Шарлотте, но вместо этого заворачивала в него Эммануэля в больнице. Мэри прижала ткань к лицу, надеясь, что она сохранила его запах, но запах ушел, как и он сам, и яркие краски вылиняли от многократной стирки. Голубые деревянные бусы, которые подарил ей Джеймс Мартин в Купанге. Локон светлых волос Эммануэля, завернутый в кусочек коричневой бумаги. Одеяло, которое подарил ей здесь, в Кейптауне, Ваткин Тенч.

Тогда оно было белым и мягким, а теперь одеяло потемнело от времени, нитки вылезли, и оно скорее напоминало паутину, но Мэри взяла его в руки, и на нее нахлынули воспоминания о детях. Еще среди вещей было несколько красивых раковин, которые она подобрала в Купанге, и наконец мешочек с листьями «сладкого чая».

Мэри сама не знала, почему так бережно хранила его все это время. Это были последние листья, которые она собрала в колонии. Сейчас они стали коричневыми и потрескавшимися, и Мэри сомневалась, что в них остался какой-то аромат. Но она не могла их выбросить, они тоже повлекли за собой хорошие воспоминания Мэри увидела, как сидит у огня с Уиллом, как они пьют маленькими глотками сладкий чай и строят планы на

будущее. Этот чай заставлял забыть о голоде, согревал их, когда им было холодно, и утешал их в черные дни.

Она наденет голубое платье, пусть даже оно превратилось в лохмотья, но оно хотя бы чистое. Мэри носила его все время, пока они были в больнице в Батавии. Ей так хотелось, чтобы к ней вернулись ее розовое платье и красивые туфли и даже платок и шляпка, потому что тогда она ступила бы на борт нового корабля более нарядной. Но если бы она не продала их, то их всех, возможно, уже не было бы в живых.

У Шарлотты было еще меньше вещей, лишь маленькая сорочка и яркое платье, краски на котором уже выцвели и превратились в размытые пастельные тона, а на швах расходились нитки. В больнице Шарлотта перестала жаловаться, что носит простое серое платье. Сейчас Мэри подумала о том, что девочка с тех пор не жаловалась вообще ни на что — даже когда было мало еды и воды, даже когда она заболела.

Мэри бросила взгляд на дочь. Шарлотта лежала на скамейке, на которой они спали, свернувшись, как маленькая собачка, и подложив обе руки под голову вместо подушки. Ее лицо было бледным и вытянувшимся, она выглядела до жалости тощей, и глаза смотрели затравленно.

— На новом корабле будет лучше, — сказала Мэри, осторожно убирая волнистую прядку темных волос с ее лица. — Ты снопа поправишься.

Шарлотта только вздохнула. Это был недоверчивый вздох, и он уколол Мэри больше, чем резкое возражение.

Джим Картрайт был прав, когда говорил, на каком корабле они отправятся домой, но ошибся, сказав, что он отплывает немедленно. Они простояли на якоре больше двух недель. Команда сошла на берег, но Мэри держали на борту. Ее не заковали, но заперли в трюме с Шарлоттой и даже отказались выпускать их на пару часов в день на палубу, чтобы они могли подышать воздухом и размяться.

Каждый день Шарлотта слабела, горела в лихорадке, и все, что Мэри могла сделать, — это обмывать ее, пытаться поить и проклинать законы, которые позволяли невинному ребенку так жестоко страдать.

Неся Шарлотту, которая была в полубессознательном состоянии, и спотыкаясь, Мэри поднималась по трапу «Горгоны», слишком ослабевшая даже для того, чтобы реагировать на звуки английской речи.

Джим рассказал ей, что «Горгона» пришла из Порт-Джексона и что весь корабль был загружен растениями, кустарниками, шкурами животных и даже парой пойманных кенгуру. Ему самому не терпелось увидеть эти чудеса. Но Мэри больше хотелось снова оказаться со своими друзьями-беглецами, как их теперь называли.

У нее кружилась голова от температуры и от жары. Крики, топот, скрежет и хлопанье резали ее слух, а руки и ноги нестерпимо болели. От бликов солнца на воде у нее заболели глаза, а запахов специй, рыбы и человеческого пота ее затошнило.

Голова Мэри закружилась еще больше, когда она ступила с трапа на палубу, переполненную людьми и коробками. Ноги Мэри стали ватными, и, боясь уронить Шарлотту, она остановилась, оперлась на какой-то тюк и на мгновение закрыла глаза, чтобы собраться с силами. Потом она услышала, как кто-то зовет ее по имени.

Голос был таким знакомым, но в своем полубессознательном состоянии она не могла

вспомнить, кому он принадлежит.

— Ты больна, Мэри? — услышала она голос, который шел как будто издалека. — Давай я возьму Шарлотту.

Мэри могла только предположить, что потеряла сознание, потому что в следующую секунду увидела, что лежит на палубе и кто-то промокает ей лоб влажной тряпкой.

— Шарлотта! — закричала она, всполошившись и пытаясь подняться.

— О ней позаботятся, — сказал мужской голос. — Выпей это.

Мужчина, который, судя по его белым парусиновым брюкам и рубашке, вероятно, был моряком, протянул ей стакан с ромом. У него были волнистые светлые волосы и обожженное солнцем лицо. Мэри уже находилась в тенистом месте и, похоже, пришла в себя.

— Кто это разговаривал со мной и взял Шарлотту? — спросила она.

— Это капитан Тенч, — сказал моряк.

— Тенч! — воскликнула Мэри. — Ваткин Тенч?

— Он самый, красавица моя, — произнес он с широкой усмешкой. — И я так думаю, что именно о тебе он всю дорогу беспокоился, с тех пор как узнал, что ты плывешь с нами домой.

Мэри лежала на койке, Шарлотта спала рядом с ней. Мэри была поражена и не могла поверить, что находится в каюте, оснащенной открытым иллюминатором. Ей все еще казалось, что она спит.

Но каюта выглядела вполне реально. Она казалась очень маленькой, и в ней были только койка, нечто вроде умывальника и пара крючков на стене для одежды. Узел Мэри лежал на умывальнике, и рядом стоял кувшин с водой. Через иллюминатор виднелись обросшие ракушками балки, которые, вероятно, были сторонами причала.

Даже если это был сон, это был чудесный сон, потому что Мэри показалось, что моряк, давший ей ром, сказал, что на корабле находится Ваткин Тенч.

Но ром ей, безусловно, не приснился: у нее во рту остался его вкус. Но возможно, Мэри выпила его слишком быстро, потому что все, что произошло потом, она вспоминала с трудом. Мог ли быть Тенч одним из тех людей, голоса которых она слышала за стеной? Мэри была уверена, что один из них сказал: «Она уже слишком многое испытала. Я хочу, чтобы ее с ребенком поместили в каюту. Там у них, по крайней мере, будет шанс».

Мэри слегка приподнялась, чтобы посмотреть на Шарлотту. Девочка дышала с трудом, ее кожа была на ощупь горячей и сухой. Шарлотта была такой худой, что на ее маленьком тельце выступала каждая косточка. «Вряд ли она выживет», — подумала Мэри. Шарлотта выглядела так же, как Эммануэль, когда он был близок к смерти, и Мэри слишком хорошо познакомилась с признаками приближающейся смерти во время пребывания в больнице в Батавии, чтобы думать, что это простое совпадение.

Позже Мэри разбудил стук в дверь.

— Войдите, — сказала она тихо, удивленная, что кто-то обращается с беглой каторжницей с таким почтением.

Дверь открылась, и на пороге стоял Ваткин Тенч, точно такой, каким она его помнила: стройный, с худошавым лицом и встревоженным взглядом темных глаз. Ее глаза наполнились слезами. Так это был не сон! Тенч вернулся в ее жизнь, чтобы спасти ее.

— Мэри! — воскликнул он и подошел ближе, оставив дверь открытой. — Ты не можешь представить, какой шок я испытал, когда услышал, что ты будешь плыть на корабле с нами. Это просто невероятное совпадение.

Мэри считала, что это не просто совпадение. Только Господь мог совершить такое чудо.

— Я подумала, что сплю, когда услышала твой голос, — призналась она. — А потом я проснулась в этой каюте.

— Поблагодари за это капитана Паркера, — сказал Тенч. — Он хороший человек, и когда он слышал об обстоятельствах и увидел, как вы с Шарлоттой больны, то отдал это распоряжение. Скоро придет хирург и осмотрит вас обеих, и, как бы я ни хотел узнать обо всем, что случилось, с тех пор как мы виделись последний раз, ты должна отдохнуть.

— Ты знаешь, что Эммануэль и Уилл умерли? — спросила Мэри.

Тенч мрачно кивнул.

— Мне очень жаль, Мэри. Я не могу подобрать слова, чтобы выразить свое сочувствие.

От искренности его голоса она расплакалась. В прошлом Тенч столько раз утешал ее, и вот теперь, когда он снова оказался рядом именно тогда, когда она так нуждалась в чьей-то поддержке, она не знала, что сказать.

— Ты всегда был таким хорошим другом, — произнесла Мэри сквозь слезы. — И теперь ты снова рядом.

— Я так скучал по тебе, когда ты уплыла из Сиднейского залива, — произнес Тенч. — Без тебя там все было по-другому. Ты не представляешь, какую суматоху ты наделала.

Мэри попыталась взять себя в руки и вытерла слезы.

— Джеймс, Уильям и остальные, они тоже здесь? — спросила она.

— Здесь Джеймс Мартин, Билл Аллен, Нат Лилли и Сэм Брум, — ответил Тенч.

По нерешительности в его голосе Мэри догадалась, что что-то не так.

— А остальные трое? — спросила она.

Тенч на мгновение отвел взгляд, будто боялся сказать правду.

— Они умерли, да? — Мэри тяжело опустилась на подушку, испытав глубокую скорбь. — Лихорадка?

Он кивнул.

— Уильям Мортон и Сэмюэль Берд умерли вскоре после того, как корабль выплыл из Батавии, — сказал Тенч, протягивая руку и сочувственно прикасаясь к ее плечу. — Джейми Кокс спрыгнул за борт в Зондском проливе. Может быть, он пытался сбежать, но, вероятнее, он просто сошел с ума от лихорадки.

Мэри в ужасе посмотрела на Тенча.

— О нет, — прохрипела она, — только не Джейми!

Джейми стал ей почти как брат, он был так привязан к ней и к Уиллу. На «Дюнкирке», а потом на «Шарлотте» и в Сиднейском заливе он ходил тенью за Уиллом. Джейми всегда больше походил на мальчика, чем на мужчину, даже когда жил в хижине с Сарой. Его милый невинный вид отличал его от других мужчин-заключенных. Было жутко думать о том, каким стал его конец.

— Остальные четверо в неважном состоянии, — продолжал Тенч, — но я думаю, что они скоро поправятся. Джеймс рассказал мне все о побеге и о том, что они обязаны тебе жизнью. Они передают привет тебе и Шарлотте и надеются, что, когда мы поплывем дальше, они смогут увидеть вас обеих.

Мэри повернула голову к Шарлотте, спавшей у нее на руке.

— Я не думаю, что она доживет до встречи с ними, не говоря уже об Англии, — прошептала Мэри.

Тенч не ответил, и, когда Мэри повернулась к нему, она увидела слезы в его глазах.

— Судьба оказалась так жестока к тебе, — сказал он тихо, — а ты была такой смелой. Пора поставить точку. Ты уже достаточно настрадалась.

— Я не ослышалась? — спросила она. — Этот моряк назвал тебя «капитан Тенч»?

Тенч нежно погладил ее по лицу.

— Ты такая же, как всегда, Мэри, в такой тяжелый для себя момент думаешь о ком-то еще. Да, я теперь капитан Тенч. Я очень рад, что мой новый ранг дает мне больше возможностей, например, я смог добиться, чтобы тебя поместили в эту каюту.

С этими словами он резко поднялся и ушел, а Мэри крепче прижала к себе Шарлотту и расплакалась. Спросит ли Тенч, почему они сбежали? Поймет ли он?

Мэри выплыла из Нового Южного Уэльса с восемью здоровыми мужчинами и двумя детьми. Возможно, на тот момент она плохо знала некоторых из них, а затем к некоторым привязалась больше, чем к другим. И все-таки они стали семьей, они выжили и доплыли до Купанга. Но теперь из них осталось только четверо: ангелочек Нат, шутник Джеймс, мужественный Сэм и неуживчивый Билл. Их стало вдвое меньше. И один ребенок. А теперь Шарлотта тоже была смертельно больна, а оставшихся мужчин должны повесить.

Мэри так гордилась тем, что разработала план побега. А на самом деле она их всех привела к смерти.

«Горгона» выплыла из Кейптауна пятого апреля. Сидя у открытого иллюминатора, Мэри слышала прощальные крики с причала, но она снова протираала Шарлотту прохладной водой и даже не выглянула. Она была занята только своей дочерью, пытаясь облегчить ее страдания.

Когда корабль отчалил, Мэри обнаружила, что к ней относятся с большой добротой. Ей приносили еду и воду, каждый день заходил корабельный хирург, и ей в любое время разрешалось подниматься на палубу.

Кроме Тенча, на борту оказалось много знакомых лиц. Это были люди, которые жили в колонии и сейчас по окончании срока службы возвращались домой. Среди них находился лейтенант Ральф Кларк — лицемер, который обращался с женщинами-заклученными как с грязью, но сам сделал одну из них своей любовницей. Кроме Кларка и Тенча, на корабле плыли десятки пехотинцев с женами и детьми.

Мэри была слишком подавленной, чтобы поговорить с ними и расспросить о своих старых подругах Саре и Бесси. Она видела некую иронию судьбы во всей этой ситуации. Если бы она стала женой-каторжницей Тенча или любого другого из офицеров, вместо того чтобы выйти замуж за Уилла, она бы все равно осталась в колонии, когда ее любовник вернулся бы домой. Вдова здесь или вдова там — по какой бы дороге она ни пошла, конец все равно один.

Мэри сомневалась, что Ральф Кларк сочувствует ей, потому что каждый раз, когда они сталкивались на палубе, он демонстративно отворачивался. Но все остальные были добры с ней. Однажды ее навестила жена капитана Паркера и принесла ей платье в бело-зеленую полоску и ночную рубашку для Шарлотты. Она держалась натянуто, но Мэри и не ожидала дружелюбия от женщины ее положения. Достаточно было уже того факта, что миссис Паркер преодолела страх заразиться и принесла одежду.

Сама Мэри постепенно поправлялась и с каждым днем чувствовала себя чуть лучше, но здоровье Шарлотты продолжало ухудшаться. Иногда она могла проглотить немного супа или фруктового пюре и не спала достаточно долго, чтобы Мэри успела спеть ей что-нибудь или рассказать историю. Но чаще девочка бредила и не могла сделать даже глоток воды.

В последующие несколько недель становилось все жарче, и хирург сказал Мэри, что заболели некоторые из детей моряков. К двадцать седьмому дню рождения Мэри в конце апреля пятеро детей умерли и были похоронены в море.

Тенч приходил каждый раз, когда выпадала возможность, и его искренняя забота о здоровье Шарлотты трогала Мэри до слез. Он часто передавал записки от Джеймса Мартина и других заключенных, которые также беспокоились о Шарлотте.

— «Поцелуй ее за меня, — прочел Тенч одну из записок Джеймса Мартина. — И скажи ей, что всем ее дядюшкам не терпится ее увидеть».

— Они здоровы? — спросила Мэри. Она хотела увидеть друзей и в то же время боялась, что они снова станут поносить Уилла. Но поскольку она не могла оставить Шарлотту ни на минуту, у нее была идеальная отговорка.

— Они заметно поправились, — сказал Тенч. — Жрут, как свиньи. Джеймс флиртует с дамами. Он имеет здесь такой же успех у женщин, как в Сиднее. Еще он поговаривает о том, что хочет написать мемуары, которые наверняка будет интересно читать. Билл играет в карты с экипажем, а Сэм и Нат постоянно спят, Мэри улыбнулась. Ей было приятно слышать, что с ними тоже хорошо обращаются. А еще ее очень радовало, что они перестали думать о предстоящем наказании, пусть даже до Англии оставалось несколько недель.

В ночь на пятое мая Шарлотта наконец сдалась после долгой борьбы и умерла у мамы на руках.

Мэри еще час обнимала и качала ее маленькое тело, рыдая от горя. Она запускала пальцы в эти темные кудряшки, так похожие на свои, и вспоминала разные моменты короткой жизни дочери. Ее рождение на «Шарлотте», ее крещение, первые зубы и неуверенные шаги. Но больше всего она думала о времени, проведенном в Купанге. Там Шарлотта была по-настоящему счастлива, хорошо питалась и только в этот период своей жизни была свободна, как все остальные дети. Малышкой восхищался каждый, кто ее видел.

Теперь ей, по крайней мере, не придется оплакивать Мэри, когда ту повесят, и она смогла избежать нищеты сиротскою приюта или работного дома. Она будет в раю вместе с младшим братом.

И все-таки, хоть Мэри находила десяток причин, почему должна радоваться тому, что ее дочь умерла на корабле, ее сердце разрывалось на части. Все, что Мэри делала, было ради дочери. Шарлотта наполняла ее жизнь смыслом, и без нее осталась пустота.

Тело Шарлотты было предано морской пучине в тот же день, и почти весь экипаж, пассажиры и заключенные присутствовали при этом.

Было воскресенье, шел дождь, и Мэри стояла с непокрытой головой и с каменным лицом слушала, как капитан Паркер читал молитвы. Она сама зашила тело Шарлотты в кусок мешковины и выплакала над ней последние слезы. Сейчас в душе у Мэри было пусто, и она не могла понять, почему ее собственное сердце так упорно продолжает биться.

Даже когда этот маленький сверток скользнул за борт, Мэри не заплакала, не повернулась к Джеймсу или Сэму, ища утешения. Она думала о том, что хотела бы

последовать за дочерью в морскую могилу. Но Мэри знала, что, если попробует броситься туда, кто-нибудь остановит ее, и от этого ей только станет еще тяжелее.

* * *

Агнес Типпет, жена одного из пехотинцев, смотрела, как Мэри уходит после службы, и повернулась к женщинам, стоявшим рядом.

— Ей совершенно все равно, — сказала Агнес возмущенно. — Ни одной слезинки! Я никогда не видела, чтобы ребенка хоронили с таким каменным лицом.

Ваткин Тенч услышал замечание Агнес.

— Замолчите вы, глупая женщина, — оборвал он ее оскорбленно. — Вы ни малейшего понятия не имеете о том, через что она прошла и что у нее на душе. Радуйтесь, что ваши дети здоровы, и не судите других.

Когда Тенч отошел, он услышал, как женщины перешептываются между собой, и с трудом сдержал слезы грусти и разочарования.

Он очень хорошо знал Мэри. Она не станет никому навязывать свое горе, и тем более ему. Тенч видел страдание на лицах Джеймса, Сэма, Ната и Билла и знал, что они пришли не только из-за маленькой девочки, которую полюбили и считали чуть ли не своим ребенком, но и из-за ее матери. Мэри спасла им жизнь, она была другом, сестрой и матерью каждому из них, и все они знали, что эта трагедия окончательно подорвала ее дух.

Год назад в Сиднее их побег стал огромным шоком для Тенча. Он считал, что знает Мэри и Уилла достаточно хорошо, чтобы догадаться, что они замышляют нечто подобное, но при этом у него не было ни малейших подозрений.

Тенч не очень полагался на то, что они доберутся до Голландской Вест-Индии, потому что по всем расчетам это было долгое и опасное плавание. И все же он понимал, почему они попытались предпринять его, и восхищался их храбростью.

Ему так не хватало Мэри. Не проходило ни дня, чтобы он не думал о ней. Тенч молился о ее безопасности и в глубине души верил, что она обязательно выживет, потому что знал, что почувствовал бы, если бы она умерла.

Даже когда Тенч собирал свои вещи перед отъездом из Сиднея, Мэри все еще занимала его мысли. Он вспоминал ее маленькое живое лицо, вспоминал, как загорались ее глаза, когда он заходил к ней в хижину. Он хорошо помнил ее стройные, красивой формы ноги, когда она задирала платье и брела по мелководью, чтобы помочь с неводом, и как ее темные кудри падали на лицо, когда она стирала белье. И все же больше всего он скучал по ее любознательному уму, сдержанному остроумию и стойкости.

Даже если бы Тенч знал, что она выжила, он никогда бы не подумал, что может снова встретиться с ней. Когда капитан Паркер сказал ему в Кейптауне, что они будут везти беглецов из Порт-Джексона обратно в Англию на суд, Тенч был крайне изумлен и почти не верил в это.

Ему казалось, что судьба постоянно сводит его с Мэри, что Господь в своей бесконечной мудрости всегда предназначал их друг для друга. Тенч укрепился в своем мнении, когда поговорил с выжившими мужчинами и узнал о плавании и о том, как Уилл и Эммануэль умерли в Батавии. Он, конечно, был расстроен оттого, что Мэри потеряла своего мужа и маленького сына, но соглашался с каторжниками, что Уилл предал их всех, и к тому

же он не знал Эммануэля так хорошо, как он знал Шарлотту.

Потом на борт вошла Мэри, такая слабая, что она просто свалилась от истощения, и милая маленькая Шарлотта, девочка, которую многие считали ребенком Тенча, была смертельно больна. В данных обстоятельствах неуместно говорить Мэри о том, что у него на сердце. Все, что он мог делать, — это заботиться, чтобы у нее и Шарлотты имелось все необходимое для выздоровления, и находиться рядом, когда Мэри нуждалась в поддержке.

А сейчас, после смерти Шарлотты, было еще более неуместно говорить Мэри о своих чувствах. Она пережила плавучую тюрьму, долгое плавание до Нового Южного Уэльса и четыре года угрозы голодной смерти в колонии для преступников. У нее хватило дерзости на то, чтобы придумать фантастический план побега, и исключительно благодаря ее силе воли беглецы достигли намеченного места. Потом ее предал собственный муж, и она снова стала заключенной, ожидавшей повешения в Англии.

В глубине души Тенч понимал, что ничто из этого не могло бы подкосить ее. Он не сомневался, что, если бы дети Мэри выжили, она бы разработала очередной смелый побег и осуществила бы его. Но малыши оказались ее слабым местом. Когда Эммануэль заболел, ей нужно было ухаживать за ним. То же произошло и с Шарлоттой. Теперь, когда их обоих не было в живых, свобода потеряла для Мэри значение. Она пойдет на виселицу без страха. Смерть была единственным выходом для нее, и Мэри будет ждать ее с нетерпением.

— Ты не можешь сдать ее и потерять ее, — пробормотал Тенч. — Ты должен найти выход, как вернуть ей вкус к жизни и желание бороться.

Через несколько дней Тенч столкнулся на палубе с Джеймсом Мартином и Сэмом Брумом. Они сидели, облокотившись о рундук, ничего не делая, просто наслаждаясь солнцем и свежим воздухом. Оба были невероятно тощими, пережитый ужас все еще читался в их глазах, и они выглядели намного старше, чем в Новом Южном Уэльсе. Но хотя они казались расслабленными, Тенч почувствовал какую-то враждебность между ними. Угадав, что это как-то связано с Мэри, он остановился поговорить.

После недолгого отвлеченного разговора о том, что на палубе осталось мало свободного места из-за коробок с растениями и кустарниками из Нового Южного Уэльса, и о том, выживут ли кенгуру в более холодном климате, Тенч упомянул о Мэри.

— Вы видели ее сегодня на палубе? — спросил он.

— Она поднималась на минутку, — сказал Сэм. — Но похоже, Мэри не хочет с нами больше общаться.

В его голосе прозвучало скорее уныние, чем жалоба, и Тенч догадался, что Сэм влюблен в нее. Он знал, что именно Мэри выхаживала Сэма, когда он приплыл со второй флотилией, и, вероятно, каждый мужчина полюбил бы женщину за это. Тенч симпатизировал Сэму за то, что тот был спокойный и добросердечным, а еще талантливым плотником, и сейчас Тенч невольно подумал, что Сэм, вероятно, стал бы лучшим мужем для Мэри, чем Уилл, если бы приплыл с первой флотилией.

— Она не хочет ни с кем разговаривать, — произнес Тенч, стараясь их утешить. — Горе делает некоторых людей замкнутыми.

— Или они хотят быть только с теми, кто может быть им полезен, — сказал Джеймс с легкой ухмылкой, глядя пристально на Тенча.

— Мэри не такая! — воскликнул Сэм, и его лицо вспыхнуло от гнева.

Тенч тут же увидел, в чем суть конфликта между Джеймсом и Сэмом: Джеймс считал

Мэри такой же расчетливой, как и он сам.

Тенчу на самом деле никогда не нравился этот лукавый ирландец. Джеймс был забавным и умным, но хитрым как лиса.

— Сэм прав, Мэри не такая, — сказал Тенч твердо. — Ты должен лучше других знать об этом, Джеймс.

— Я не виню ее ни в чем, — пожал плечами Джеймс, и на его безобразном лице отразилась тень раскаяния. — Если бы в моем окружении был кто-то, кто, по моему мнению, мог бы спасти меня от петли, я бы лизал ему задницу, будь на то его воля.

Позже, сидя в своей каюте, Тенч невольно подумал о том, что сказал Джеймс. Он, конечно, был неправ насчет Мэри, она действительно не разговаривала ни с кем. Она замкнулась в своем горе.

Но в словах Джеймса была доля истины. Мэри мог бы помочь какой-нибудь влиятельный человек, который стал бы на ее сторону. Тенч сам был готов сделать для нее все, что угодно, но он всего лишь простой морской пехотинец, недавно произведенный в капитаны, и в Англии он не имел ни малейшего влияния.

Тенч мысленно перебрал имена всех своих знакомых, но никто из них не был выше его по положению, и поэтому не мог помочь Мэри.

Вернувшись к своему дневнику, как всегда в минуты волнения, Тенч перелистывал страницы назад, читая отрывки наугад. В колонии для преступников в Новом Южном Уэльсе создавалась история, и он хотел написать труд, который через многие годы мог бы стать ценным источником информации о первых годах колонии. Тенч никогда не рассматривал дневник как личный отчет о своем участии, скорее это было общее обозрение.

В общем и целом Тенч считал, что вполне справился с поставленной задачей. Может быть, когда он уйдет в отставку из военно-морского флота, он начнет писать статьи в газеты на эту тему. И вдруг его осенила мысль. Вот оно! Вот как можно добиться влиятельной помощи для Мэри. Он напишет содержательный очерк о ее судьбе, который опубликуют в английских газетах!

Несмотря на свое обычное спокойствие и сдержанность манер, Тенч почувствовал сильное возбуждение. Разумеется, он не может подписаться собственным именем, потому что наверняка существует какой-то закон, обязывающий офицеров действующей службы не разглашать информацию. Но никто не догадается, что он автор, если он напишет историю о побеге Брайантов в красочной и сенсационной манере. Газеты в любой точке Англии проглотят эту историю. Мужчины оценят ее дерзость, а женщины будут плакать о судьбе Мэри, потерявшей мужа и детей. Безусловно, ни один человек, имеющий сердце, не захочет, чтобы ее повесили после стольких страданий, через которые она прошла.

Тенч расплылся в улыбке. Это может сработать. Он должен сделать так, чтобы это сработало.

Мэри сидела в укромном уголке на корме корабля, глядя на быстро приближающийся берег Англии со смешанным чувством радости и тревоги. Был погожий солнечный июньский день, и ветра было как раз достаточно, чтобы подгонять корабль на хорошей скорости. Отличная погода для плавания. Она вспоминала множество таких дней, когда выходила на лодке с отцом.

Мэри очень много думала о родителях и Долли за эти годы. Узнали ли они, что произошло с ней? Если не узнали, может быть, они думают, что она бросила их ради

светской жизни в Лондоне? Или даже предположили, что она умерла! Что бы они ни предполагали, им разобьет сердце новость о том, что Мэри ждет суда в ньюгейтской тюрьме в Лондоне.

В девятнадцать лет Мэри не понимала, что значит быть матерью. Она считала, что матери придираются к дочерям, хотят, чтобы их дочери вели себя как леди, готовили и шили, как они, и выходили замуж за уважаемых джентльменов, которые станут самодовольно похлопывать их по плечу за то, что они хорошо воспитали своих дочерей. Матери не хотели, чтобы их дочери получали удовольствие от жизни и искали приключений, потому что сами их не имели.

Теперь Мэри поняла: любая мать хочет, чтобы ее ребенок находился в безопасности и был счастлив. А все эти придирки — лишь попытки избежать опасности, способ проявления любви.

Мэри хотела бы сказать матери, что теперь она это понимает. Еще она хотела бы объяснить, что смерть на виселице ей не страшна. Только так она сможет избавиться от огромного чувства вины за смерть своих детей.

Все на корабле были так добры к ней, но Мэри хотелось, чтобы кто-нибудь назвал ее убийцей, потому что именно убийцей она и считала себя на самом деле. На тот момент, когда она планировала побег, ей казалось, что лучше рискнуть. Пусть ее дети утонут в море, чем будут медленно умирать от голода или болезни в колонии. Мэри продолжала так думать. И все же, несмотря на все ее усилия, на их долю выпали испытания, которые оказались намного страшнее, чем то, что могло бы случиться с ними в Новом Южном Уэльсе. И Мэри винила себя в том, что так сложилась их судьба.

Упавшая на нее тень заставила ее поднять голову. Это был Тенч.

— Ты такая задумчивая, — сказал он с улыбкой. — Поделишься со мной своими мыслями?

Мэри не могла сказать ему, что думала о детях, поэтому ответила первое, что пришло в голову.

— Я думала о своей матери.

— Хочешь, я напишу ей от твоего имени? — предложил он, присев на корточки перед ней.

Мэри покачала головой.

— Она не умеет читать, и ей некому будет отнести письмо.

— Тогда, может быть, я как-нибудь заеду к ней? — спросил Тенч.

— Я не могу переложить на тебя этот груз, — сказала Мэри, представив, как мать удивится, увидев Тенча. Она смутится из-за того, что такой джентльмен зашел в ее скромный дом, поэтому будет резкой с ним, будто ей все равно, что с Мэри. А потом, после его ухода, станет плакать целыми днями.

— Я только надеюсь, что меня осудят и повесят так быстро, что никто не узнает. Это будет лучше всего для моих близких и друзей.

— Только не для меня! — произнес Тенч взволнованно. — Я думаю, общественность будет сочувствовать тебе, и надеюсь, что тебя освободят.

Мэри рассмеялась отрывистым напряженным смехом.

— Это глупо. Ты отлично знаешь, что меня повесят или вышлют обратно. Я очень надеюсь на то, что повесят.

Несколько секунд Тенч не мог ей ответить. Его чувства к Мэри так часто менялись, что

он сам иногда не знал, что же он чувствует к ней. Сегодня она выглядела очень красивой в этом бело-зеленом платье, с аккуратно завязанными белой лентой волосами, ее щеки были розовыми от солнца и ветра. Она немного поправилась после смерти Шарлотты и казалась полной противоположностью той нищенки в лохмотьях, которую он видел в Сиднейском заливе.

Но сейчас ее серые глаза потухли, в них больше не было огня. Даже ее голос звучал приглушенно. Для Тенча это было невыносимо.

— Трудно найти тему для разговора, после того как поговоришь о виселице, — сказал он, боясь, что расплачется и уронит себя в глазах Мэри.

— Может быть, это потому, что больше нечего добавить, — ответила она. — Наша дружба выглядела странно, правда? У нас всегда было разное будущее: у тебя впереди вся жизнь, а у меня пустота.

— Я никогда так не считал, — возразил Тенч грустно и даже с легкой ноткой возмущения в голосе.

— Я тоже когда-то так не считала, — вздохнула Мэри. — И все же я умею реально смотреть на вещи.

Тенч почувствовал свою беспомощность. Он помнил, какой смелой она была на «Дюнкирке». Он отлично осознавал, что Мэри всегда искала способ выжить, был ли это побег, работа на палубе, дополнительная еда или одежда. Именно эта бесхитрость и смелость с самого начала привлекли его к ней. Тенч не мог поверить, что она все это утратила. Но может быть, если он скажет ей, что в действительности к ней чувствует, он сможет вернуть прежнюю Мэри.

— Думаю, что ты не все видишь, — начал он осторожно. — Я испытываю к тебе особые чувства.

Она вопросительно посмотрела на него, и это придало ему сил.

— Я люблю тебя, Мэри, и всегда любил, — выпалил Тенч. — Как жаль, что я не сказал тебе этого давно, я не должен был позволить тебе выходить за Уилла.

Мэри молча уставилась на него. В ее взгляде не было ни недоверия, ни презрения. Она просто смотрела на него, будто хотела увидеть его насквозь, заглянуть в самую душу.

— Это правда, — настаивал Тенч. — Я хочу найти способ, чтобы тебя освободили, и тогда мы сможем быть вместе.

Мэри помолчала еще пару секунд, и Тенч затаил дыхание, ожидая ее ответа.

— Я не стою тебя, Ваткин, — произнесла Мэри мягким, но твердым голосом, и ему странно было слышать, как она произносит его имя. — Ты просто хочешь, чтобы у меня была надежда.

— Конечно, я хочу, чтобы ты надеялась. На наше совместное будущее, на наш брак, на настоящий дом, — проговорил он пылко.

Мэри устало улыбнулась. В его темных глазах горел огонь, который она давно мечтала увидеть, но сейчас было уже слишком поздно.

— Я надеюсь на тебя, — ответила она. — Надеюсь, что твоя карьера будет долгой и успешной и ты найдешь себе жену, которая будет принадлежать к твоему кругу и всем сердцем полюбит тебя.

— Но разве ты не видишь, что именно судьба снова свела нас? — сказал он твердо, схватив ее за руку и сжав ее. — Мы предназначены друг для друга, я знаю это.

— Я думаю, судьба снова свела нас вместе только для того, чтобы дать мне небольшое

утешение при виде близкого лица, — возразила Мэри, коснувшись рукой его щеки. — Ты был мне самым лучшим другом.

— И это все? — спросил Тенч, полный обиды и разочарования.

Мэри на мгновение задумалась. Она не знала, что произойдет, если она скажет правду: причинит ли она ему боль или утешит его? И все-таки ее мать всегда говорила: лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

— Я всегда хотела тебя, с самого «Дюнкирка», — призналась Мэри. — Шарлотта должна была быть твоим ребенком. Я испытывала любовь к тебе всю дорогу до Нового Южного Уэльса, и даже во время моего замужества. Если бы ты сказал, что хочешь взять меня во «временные жены», я думаю, что оставила бы Уилла ради тебя.

— Замечательно! — воскликнул он с восторгом. — Сейчас на нашем пути больше нет преград.

Мэри медленно покачала головой.

— Преграды есть, Ваткин. Я уже не та Мэри, которой была раньше, — сказала она почти с тоской. — Моя голова полна омерзительных воспоминаний. От меня прежней уже ничего не осталось.

— Я не понимаю. — Тенч покачал головой, испепеляя ее взглядом. — Если тебя освободят, все это пройдет.

— Возможно, лишь что-то из этого, — сказала Мэри, и на ее глаза навернулись слезы. Она так хотела бы, чтобы ее слова были неправдой. — Но ты любишь ту, прежнюю Мэри, а ее больше нет.

— Я не понимаю! — воскликнул Тенч и, ожидая объяснений, схватил ее руку и поднес к своим губам.

— Мэри, которую ты любил, была дерзкой девчонкой-интриганкой, — проговорила она со слабой улыбкой. — Она думала только о том, чтобы выжить, она боролась за жизнь всеми способами. Но в конце концов случилось слишком много такого, чего ты даже не можешь себе представить. Та Мэри, которая была раньше, умерла в Батавии. То, что ты видишь перед собой, — просто пустая раковина.

Тенч заглянул ей в глаза, увидел в них холод и инстинктивно понял, что она верит в то, что говорит.

— Позволь мне поцеловать тебя, — прошептал он, не заботясь о том, смотрит ли на них кто-нибудь, потому что был уверен, что поцелуй заставит ее изменить свое мнение.

Мэри кивнула. Поцелуй казался ей логическим концом их отношений. Сделав то, о чем она давно мечтала, она сможет забыть Тенча.

Тенч обвил ее руками и притянул к себе, и его сердце сжалось от желания разбудить ту озорную и безрассудно смелую девочку, которая взяла в плен его сердце и держала там столько лет. Губы Мэри были мягкими и податливыми, но, к его разочарованию, ее поцелуй действительно оказался прощальным. В нем чувствовалась нежность, но не было страсти. Это действительно было прощание. Тенч понял, что уже не сможет ни сказать, ни сделать ничего, что разубедило бы ее.

Он обхватил ее лицо обеими руками.

— Я сделаю для тебя все, что смогу, — пообещал Тенч. — Я буду писать тебе и навещать тебя.

— Нет, Ваткин, — сказала Мэри твердо. — Я не хочу этого. Ты был одним из лучших людей, которых я знала в своей жизни, и у меня столько ярких воспоминаний о тебе. Если

меня повесят, эти воспоминания поддержат меня в последние минуты жизни. Давай остановимся на этом. Найди женщину своего круга, которая сможет сделать тебя счастливым.

Самой выдающейся чертой в характере Мэри, которой Тенч восхищался все эти годы, была ее решительность. Он знал, что именно эта черта сохраняла ей жизнь и помогала достойно справляться с тем, что на нее обрушивалось.

И Тенч понял, что сейчас Мэри была полна решимости. Если даже каким-то чудом он сможет помочь ей избежать Ньюгейта и виселицы, она все равно не позволит ему запятнать свое имя и испортить карьеру, женившись на ней. Тенч никогда не встречал такой самоотверженной и бескорыстной женщины.

Ваткин Тенч встал и подошел к поручням. Он хотел найти убедительный контраргумент, но ему это не удалось.

— Мы уже почти в Портсмуте, — сказал Тенч наконец, глядя на берег. — Я должен сойти здесь, а ты поплывешь дальше в Лондон.

Эта мысль была для него невыносимой. Он знал, что очень скоро ее снова закуют в цепи, как тогда, когда он впервые встретил ее.

— Храни тебя Бог, — произнесла Мэри дрожащим голосом за его спиной. — Тебя ожидают великие дела, Ваткин. А я всегда буду чувствовать себя счастливой, думая о том, что ты был моим другом.

Глава семнадцатая

В один прекрасный солнечный день в конце июня Мэри уныло шаркала вслед за ньюгейтским тюремщиком, а четверо ее друзей шли за ней. Процесс над ними начался, и теперь их вели по узкому темному каменному проходу в здание тюрьмы, где они должны находиться до начала суда.

Еще когда «Горгона» стояла в доке в Портсмуте, на Мэри снова надели кандалы, и теперь ее лодыжки распухли и кровоточили. Кандалы были на ней все время до прихода корабля в лондонский док. Еще она испытывала голод, потому что ничего не ела с рассвета, когда она, Джеймс, Билл, Нат и Сэм сошли с корабля, скованные одной цепью, в ожидании, когда их сопроводят в ньюгейтскую тюрьму.

Мэри находилась в том же эмоциональном состоянии, в котором она выходила из тюрьмы в Купанге, ожидая корабля, который должен был доставить ее в Батавию. Разница заключалась только в том, что люди вокруг нее говорили по-английски и, что ощущалось еще острее, с ними не было четверых мужчин и двоих детей.

Арестанты почти не разговаривали, ожидая на оживленном причале повозку из тюрьмы. Они просто сидели в ряд, опершись о стену и сжимая на коленях свои узелки с личными вещами, и каждый был погружен в свои мысли. Мэри понимала, почему люди, проходившие по причалу, смотрели на них с таким любопытством. Она и ее друзья, вероятно, представляли собой странное зрелище. Заключенные в кандалах обычно были оборванными, грязными и недоедавшими, а они выглядели чистыми и здоровыми. Всем мужчинам выдали холщовые бриджи и рубашки, а Мэри одела бело-зеленое платье, которое ей подарила жена капитана. Мускулистый Билл со своей лысой головой и лицом, как у чемпиона по боксу, мог казаться опасным человеком, но Нат с его ангельским взглядом голубых глаз и светлыми волосами, в которых поблескивало солнце, больше походил на пажа или на мальчика-хориста. Что же касалось Джеймса и Сэма, они напоминали двух обедневших, но гордых аристократов. Джеймс высокомерно смотрел на всех, кто поворачивался в его сторону, а Сэм был погружен в свои мысли и не сводил своих рыжевато-коричневых глаз с далекой линии горизонта.

Арестантам нечего было сказать друг другу. Они не комментировали суматоху на причале, где разгружались и загружались на корабли тюки с товарами. Они не реагировали ни на бочки с вином и другими спиртными напитками, катившиеся по булыжникам мостовой, ни на крики носильщиков и докеров, ни даже на полдюжины нервных лошадей, которых вели на корабль.

За долгую дорогу из Кейптауна их здоровье восстановилось и тюремные ужасы из прошлого начали забываться. Но когда каторжники ждали переезда в Ньюгейт — в тюрьму, имевшую репутацию самой жестокой тюрьмы в Англии, — все они отчаянно пытались сдерживать свой страх.

Когда приехала повозка, было уже далеко за полдень, и, только когда арестанты сели в нее и медленно покатались прочь от оживленного движения на причале, Билл нарушил молчание.

— А я уже и забыл, как пахнет конское дерьмо! — воскликнул он, когда их повозка присоединилась ко многим другим, везущим товары по узкой дороге среди высоких мрачных складов.

— Оно пахнет точно так же, как Дублин, — ответил Джеймс, театрально понюхав воздух. — Как ты думаешь, если мы попросим возницу очень вежливо, он доставит нас в таверну?

Мэри слегка улыбнулась в ответ на их браваду. Она знала, что они боятся не меньше, чем она. Мэри в конце концов попала в Лондон — в город, о котором мечтала еще ребенком, но она никогда не мечтала о том, чтобы увидеть этот город с тюремной повозки или умереть здесь, болтаясь в петле.

И все же, хотя они и знали, что в конце поездки их ждет Ньюгейт, все пятеро нашли, чем занять себя по дороге. Улицы, как широкие и элегантные, так и узкие и серые, кишели людьми всех сословий. Дамы, в шелковых платьях и шикарных шляпах, под руку с джентльменами в париках и сюртуках, беззаботно прогуливались мимо слепых нищих, пьяных проституток и босых беспризорных мальчишек. Это был ад. Повозки и фургоны мчались мимо с головокружительной скоростью, уличные торговцы пронзительными голосами предлагали все: от засиженных мухами пирожков с мясом до букетов цветов. Арестантам встречались и шарманщики, и уличные музыканты, игравшие на оловянных дудках и скрипках. Мэри видела базарных носильщиков, переносивших на голове шатающиеся кипы корзин, румяную молочницу, коромысло, бидоны молока, кривоногого мужчину, держащего за ноги живых, трепещущих в его руках кур.

Магазины, мимо которых они проезжали, были такими же разными, как и люди. В одном продавалась только серебряная посуда, в другом на витрине была выставлена розовая ветчина всех сортов, фазаны и кролики, разложенные на досках из белого мрамора. Вот шляпник, продававший шляпы, которые могла бы надеть разве что королевская семья, а потом совершенно противоположный по виду магазин с горами поношенных ботинок и туфель.

Мэри не могла поверить своим глазам, видя лондонских женщин, которые выходили на улицу в платьях с таким низким вырезом, что была выставлена на общее обозрение их грудь. И все же, скорее всего, они были светскими леди, потому что каждую сопровождала скромно одетая горничная или лакей. В Плимуте только проститутки так открыто демонстрировали обнаженное тело.

Шум, грязь и дурные запахи должны были разбить прежние иллюзии Мэри о Лондоне как о городе чудес. Но она все еще цеплялась за них, ожидая, что в любое мгновение будет спасена, пока она не увидела Ньюгейт через несколько часов после того, как они выехали из доков.

Спасение не пришло. Костлявые лошади даже припустили быстрее при виде отталкивающих серых каменных стен Ньюгейта, вероятно, обрадованные тем, что наконец смогут сбросить свой тяжелый груз.

Вдруг все эти истории, которые Мэри слышала в Сиднейском заливе о публичном повешении на Тайбурне ^[14], где собирались огромные толпы, как на ярмарочные представления, приобрели новое ужасное значение.

Когда ворота открыли, чтобы впустить повозку, в нос арестантам ударил запах. Это была не просто знакомая вонь человеческих испражнений, а скорее, символ того, что они окутились на самом дне Англии.

Даже Джеймс, шутивший и болтавший всю дорогу от доков, замолчал, когда повозка въехала в маленькое, мощенное булыжником пространство, похожее на туннель, в конце которого находились тяжелые двери. Два дородных тюремщика, которые открывали

внешние ворота, закрыли и заперли их за повозкой, а затем, подняв каждый по дубинке, стояли рядом, пока возница отпирал и вытаскивал цепи, которыми заключенные были скованы друг с другом.

Мэри испытала ужас, когда их втокнули в маленькую комнатку за двором. Она вспомнила, как другие женщины рассказывали ей в Сиднейском заливе, что тюремщики часто могли избить заключенных просто за заданный вопрос, а полный обыск был обычным поводом для того, чтобы их унижить. Еще она боялась того момента, когда ее разделят с мужчинами.

Но обыска не последовало, вероятно, потому, что они прибыли прямо с королевского военного корабля. У них только спросили имена, которые были тщательно записаны в реестр, и после недолгого ожидания их повели по проходу к другой двери.

Тут Мэри оглянулась на мужчин, которые шли за ней. Она ожидала, что здесь их разделят. Мэри хотела что-то сказать на прощание, но ожидание суда отдельно от них настолько пугало ее, что она не смогла выдать из себя ни слова.

Тюремщик открыл дверь, и Мэри задохнулась от неожиданной волны теплого воздуха и солнечного света. Но если она не очень удивилась, оказавшись в открытом тюремном дворе, то зрелище, которое предстало перед ней, настолько ее ошеломило, что она остановилась как вкопанная.

— Господи всемогущий! — воскликнул Джеймс за ее спиной.

Хотя они были на тюремном дворе, представившаяся сцена скорее напоминала карнавальное шествие, чем место для наказания. Не меньше чем сотня людей бродили вокруг в хорошем расположении духа. Шум пьяного разгула был такой же, как в любой из тех таверн, которые они проехали по пути сюда.

Мэри протерла глаза, думая, что это галлюцинация. Что это за тюрьма, в которой не видно ни цепей, ни голодающих? Многие в толпе даже были прилично одеты: мужчины в париках, вышагивающие важно, как джентльмены, женщины в нарядах, усыпанных драгоценностями, которые показались Мэри бальными платьями. Одна женщина в бирюзовом сатине, окруженная мужчинами в бархатных и парчовых сюртуках, обмахивала себя веером из перьев, будто находилась на светской вечеринке.

Где же были те несчастные бедняги, которых они ожидали увидеть? Больные проститутки в лохмотьях и с пустотой в глазах, страдающие заблудшие молоденькие девушки и отъявленные подонки, покрытые шрамами, которые наконец получили по заслугам? Эти люди, которые празднично шатались по двору, пили и болтали, вряд ли были наказаны.

— Проходи, — сказал нетерпеливо тюремщик, подталкивая ее дубинкой. — Ты словно в тюрьме никогда не была.

— В такой — никогда, — отрезала Мэри, оглянувшись на мужчин, чтобы посмотреть на их реакцию. Они выглядели такими же пораженными и недоверчивыми, как и она.

Это гуляние не обошлось без выпивки. Мэри и ее друзья увидели, как какие-то люди выходят из двери и выносят полные до краев пивные кружки. Несколько женщин даже танцевали жигу, и им подыгрывал на скрипке мужчина с черной повязкой на глазу.

Отовсюду доносился шум. Мэри посмотрела вверх на серое здание тюрьмы и увидела большое количество людей, высывавших головы из маленьких зарешеченных окошек и перекрикивавшихся с теми, кто был внизу или сбоку.

Тюремщик продолжал подталкивать новопривывших вперед, и вдруг толпа замолчала и

все глаза обратились на Мэри и на группу мужчин, пришедших с ней.

— Это они! — закричал кто-то. — Поприветствуем их!

Раздались восторженные и безумные крики приветствий, и Мэри вдруг почувствовала себя не в своей тарелке. Она не видела никакой причины, по которой кто бы то ни было захотел бы приветствовать их. Наверняка их с кем-то перепутали.

Толпа шла к ним с криками «Добро пожаловать!», широкими улыбками и распростертыми объятиями.

— Для нас большая честь приветствовать вас в Ньюгейте. — Мужчина в покрытом пятнами черном сюртуке поклонился и взмахнул потрепанным цилиндром. — Здесь многие знают, что будут сосланы в Ботанический залив, и мы воспряли духом, услышав о вашем побеге.

— Они узнали о том, что мы сделали, — сказал недоверчиво Сэм, хватая Мэри за плечо, будто подумал, что сейчас лишится чувств от удивления. — Господи боже мой, я никогда не думал, что мы станем знаменитыми!

Известность явно не помешала тому, чтобы держать их взаперти, потому что ни Мэри, ни ее друзьям не дали возможности ни с кем поговорить, спросить, как все узнали о них или что-нибудь еще. Тюремщик подтолкнул их к каменной винтовой лестнице, и, пройдя наверх на пару пролетов, они очутились в камере и услышали, как за ними захлопнулась дверь.

Пораженные увиденным во дворе и приемом, который оказали им другие заключенные, они несколько минут молчали.

Мэри первой взяла себя в руки. Камера была очень маленькой, солома грязной, и свет проходил только через маленькое узкое окошко, расположенное слишком высоко, чтобы из него можно было выглянуть наружу. Но по сравнению с условиями на «Рембанге» и в госпитале в Батавии здесь было вполне сносно. По мнению Мэри, главным преимуществом было то, что они все остались вместе и в камере не оказалось чужих.

— Здесь лучше, чем я ожидала, — сказала она, первой нарушив тишину. — Но мне бы хотелось знать, почему эти люди во дворе не в кандалах.

— А это я тебе объясню, моя дорогая, — произнес Джеймс с усмешкой. — Все благодаря деньгам. Ты никогда не слышала рассказы людей в Порт-Джексона, которые здесь побывали?

— Я слышала, но не могла их понять, — сказала Мэри, вспоминая лондонцев с их воровским жаргоном, которые разговаривали как иностранцы. К тому времени как она начала его разбирать, они от рассказов о своих бывших тюрьмах перешли к жалобам на новое место.

— Ну они рассказывали, что здесь платят за так называемые послабления, — объяснил Джеймс, пожав плечами. — В Дублине было то же самое. Что-нибудь суешь надзирателю — и твоих цепей как не бывало. А еще тебе могут принести еду из города.

Мэри кивнула. Она помнила, что с едой и питьем в Эксетере было то же самое.

— Я думаю, что если у тебя достаточно денег или хотя бы есть что-нибудь, что можно продать, то здесь можно заказать отдельную комнату с обслуживанием, — сказал Джеймс с приглушенным смехом. — Но поскольку у нас ничего нет, нам не на что особо рассчитывать.

Мужчины удрученно опустили на пол. Нат почти сразу уснул, и Мэри вспомнила о женщинах с «Дюнкирка». Некоторые из них умудрялись спать почти целые сутки, таким

образом избегая жестокой реальности тюрьмы.

Мэри села, поправила свои цепи так, чтобы они не врезались в нее, и поджала колени под платьем. Опершись о стену, она подумала о тяжелой ситуации, в которой находились ее друзья.

Ее собственная судьба уже не имела для нее значения. Мэри желала смерти, чтобы избавиться от нравственных мучений. Она, возможно, окрепла физически по пути домой, но ее продолжало мучить невыносимое чувство вины из-за того, что она взяла с собой детей в такое опасное путешествие, которое привело к их смерти. Для Мэри было бы адом, если бы ее снова выслали в Новый Южный Уэльс, и она решила, что при первой же возможности она спрыгнет за борт.

Но мужчины не смирились с мыслью о повешении. Джеймс почему-то слепо верил в то, что находится в безопасности, потому что его срок к моменту побега уже был окончен. Сэм считал, что, если он проявит раскаяние, его выпустят. Билл и Нат просто пытались не думать о будущем. Они либо спали, либо разговаривали о чем-нибудь другом.

И все же встреча с Лондоном зажгла какую-то искру в Мэри. Она не вернула ей любовь к жизни и не облегчила ее горя, но отчетливо дала ей понять, в каком затруднительном положении находятся ее друзья.

Ни один из них не был плохим человеком, и они уже достаточно пострадали. Мэри не надеялась спасти их от виселицы, но, если бы она придумала, как добиться для них послабления тюремного режима, это, по крайней мере, сделало бы последние несколько недель их жизни более счастливыми.

Мэри размышляла над этим больше часа, а потом улыбнулась, потому что нашла выход.

— Чем вызвана такая ухмылка? — спросил Джеймс, придвигаясь поближе и присаживаясь перед ней на корточках.

— У меня есть идея, — сказала Мэри.

— Если в твоей идее присутствуют веревки и напильники, забудь о ней, — хмыкнул он. — Я уже просмотрел все наши вещи, пока мы были на «Горгоне». У нас даже ножа нет.

— Я рада, что ты не потерял свое чувство юмора, — сказала она, любовно потрепав его по осунувшемуся лицу. — Оно может пригодиться для моей идеи. Знаешь, я тут подумала: если мы знамениты, может, мы сумеем выжать из этого немного денег?

Нат продолжал спать, в тусклом свете он был похож на ребенка. Но Билл и Сэм приподнялись и сели. Джеймс лишь вопросительно поднял брови.

— Уилл думал, что сможет заработать на нашей истории, поэтому он так цеплялся за свой журнал, — объяснила Мэри. — А все эти истории еще достаточно свежи в нашей памяти. Так почему бы не продать их?

— Кому? — спросил Джеймс с сарказмом.

— Любому, кому интересно их послушать, — сказала Мэри, и в ней ожила та прежняя отчаянная женщина, которой она была когда-то, потому что снова увидела перед собой серьезную задачу.

До наступления темноты Мэри не представилось ни одной подходящей возможности, но на следующее утро, когда она слышала, как надзиратель обходит камеры, отпирая их по одной, чтобы забрать ведра, наполнившиеся за ночь, она собралась с силами, стряхнула солому с платья и поправила волосы, пока в замке поворачивался ключ.

— Давай сюда ведро! — крикнул надзиратель чуть громче, чем нужно. Он выглядел так

же, как и тюремщики в Эксетере: толстый, рыхлый, с бегающими глазами и гнилыми зубами.

— Сколько за то, чтобы снять цепи? — спросила Мэри.

Надзиратель облизнул свои гнилые зубы и задумчиво окинул ее взглядом.

— Это зависит от кое-чего.

— От чего?

— От того, захочу ли я, — ответил он и загоготал.

Мэри угрожающе схватила его за грязную рубашку.

— Будет лучше, если ты захочешь, — прошипела она. — Мы дрались с каннибалами и убивали диких животных голыми руками, и нас собираются повесить за дерзкий побег из Нового Южного Уэльса. Поэтому мы не будем долго думать, прежде чем перегрызть тебе глотку. Так что, ты хочешь быть нашим другом или врагом?

Он в ужасе закатил глаза. Мэри не видела мужчин за своей спиной, но надеялась, что они делали, как она велела, и выглядели устрашающе.

— А ч-ч-что мне за это будет? — пробормотал тюремщик, заикаясь.

— Это зависит от того, как ты будешь себя вести, — сказала Мэри, потом отпустила его и мило улыбнулась. — Я хочу, чтобы ты пустил слух, что мы готовы принимать посетителей. Разумеется, за плату, которой будет достаточно для того, чтобы снять кандалы и заплатить за еду, питье и горячую воду для мытья.

Мэри блефовала. Она совершенно не представляла, заинтересуется ли кто-нибудь в тюрьме или за ее стенами их рассказами настолько, чтобы платить за них.

— Ну я не знаю, — проговорил надзиратель с перепуганным видом. — Ты говоришь, дрались с каннибалами?

— Да, и у них были стрелы с металлическими наконечниками вот такой длины, — сказала Мэри, широко разводя руками.

— Я подумаю, — пообещал он и отступил, собираясь запереть дверь.

Мэри схватила ночное ведро.

— Сначала вылей это, — приказала она и сунула ведро ему в руки. — И прополощи, прежде чем принести обратно. Я не выношу этого запаха.

Тюремщик ушел с кротким видом ребенка, которого послали за хлебом, и Мэри повернулась к мужчинам и засмеялась.

— Я думаю, мы с ним договорились, — сказала она.

К полудню с новоприбывших сняли кандалы, они ели пироги с бараниной, и у них в ногах стоял большой графин слабого пива. Надзиратель, которого звали Спинкс, был таким же изобретательным, как и жадным, и они уже приняли две группы посетителей по четыре человека. Все с жадным нетерпением хотели увидеть беглецов и услышать о каннибалах.

Джеймс был прирожденным рассказчиком, и он хорошо справлялся с задачей, украшая подлинные факты о местных воинах, которые гнались за ними на военном каноэ, рассказом о рукопашной схватке на суше.

— В их деревне десятки человеческих черепов, насаженных на колья, — вдохновенно врал Джеймс. — Мы видели груды человеческих костей. Они носят ожерелья из человеческих зубов и обтягивают человеческой кожей свои щиты.

После того как вторая группа посетителей ушла, Мэри и мужчины расхохотались.

— Ну они ведь и на самом деле могли оказаться каннибалами, — проговорил возмущенно Джеймс. — Я хочу сказать, мы не так долго там пробыли, чтобы успеть это выяснить, правда?

Мэри подумала о том, как приятен звук смеха, который она не слышала со дня их ареста в Купанге. Даже на «Горгоне» они были очень подавленными. И все же она не могла не почувствовать легкого приступа грусти по поводу того, что Уилла уже нет с ними. С каким бы удовольствием он рассказывал такие истории, и они, возможно, получились бы у него более впечатляющими, чем у Джеймса.

— Ты чудо, Мэри, — сказал Сэм чуть позже, облизывая пальцы после мясного пирога. — Никто из нас не смог бы изобрести ничего подобного. Когда Джеймс рассказывал, как ты ударила каннибала веслом по голове, я чуть было не поверил. Я думаю, ты бы точно изобрела что-нибудь, чтобы спасти нас, даже если бы нас положили на сковородку.

Мэри улыбнулась. Ею снова восхищались, и это было приятно. И еще приятнее было видеть, что ее друзья стряхнули с себя уныние.

— Мы не должны слишком далеко заходить в наших фантазиях, — предупредила она их. — Мы хотим добиться сочувствия, а не репутации лжецов.

Только на следующий день они выяснили, как о них узнали другие заключенные. К ним пришел фальшивомонетчик по имени Гарри Хоукинс. Как и многие заключенные в Ньюгейте, он ждал высылки. Он был гнусным типом, маленьким и худым, с острым, как клюв, носом и длинными неухоженными волосами, что выглядело странно на фоне его хорошей одежды.

— Я читал о вас в «Лондон Кроникл», — сказал он и тут же подтвердил свои слова, выуживая из кармана газетную вырезку с загнутым углом.

Все они предполагали, что новости о них просто передавались из уст в уста, как это обычно происходило в тюрьмах. Они были в шоке, обнаружив, что кто-то написал о них в газете.

Джеймс прочел заметку вслух, а потом вернул ее Гарри.

— Здесь не все точно. Мы украли лодку у губернатора, а не у капитана Смита, — произнес он беззаботным тоном.

Мэри была поражена, что Джеймс придирается к такому цветистому и восхищенному описанию их побега.

— Кто это написал? — спросила она. Ей ни на минуту не приходило в голову, что кто-нибудь в Англии может сочувствовать им.

— Здесь не сказано, — ответил Джеймс, снова взглянув на заметку. — Но кто бы это ни был, он довольно много знает. Возможно, он перепутал по поводу того, кто хозяин лодки, а все остальное верно.

Но у пятерых друзей не было возможности обсудить, откуда вся эта информация, потому что Гарри Хоукинс хотел рассказать о своем затруднительном положении. Стало ясно, что он надеялся получить от них информацию о чиновниках Ботанического залива.

Для Мэри было даже в какой-то мере забавно слышать, что этот человек, как и все остальные, ждавшие высылки, все еще думал, что поселение находится в Ботаническом заливе. Очевидно, никто здесь не знал, что капитан Филип отверг это место. По сути говоря, оказалось, что в Англию просочилось еще слишком мало информации о колонии. Мэри предполагала, что большая часть информации утаивалась целенаправленно, потому что

правительство не хотело афишировать свои ужасные ошибки. Но это было на руку ей и ее друзьям.

— Там все не так, как здесь, — сказала она с кривой улыбкой. — Нельзя купить лучшую хижину или получить больший паек. Единственный способ улучшить свое положение — это иметь навыки, которые там необходимы.

Хоукинс выглядел разочарованным.

— Но вам же наверняка кто-то помог. Или вы вонзили кому-то нож в спину? — спросил он.

— Вовсе нет! — возмущенно воскликнул Джеймс. — Это все благодаря Мэри, которая очаровала голландского капитана, и он дал нам навигационные инструменты и карты.

Хоукинс недоверчиво глянул на нее, и Мэри покраснела. Она предположила, что он не представляет, как эта ординарного вида, замученная женщина вообще смогла кого-либо очаровать.

— Капитану было одиноко, — сказала она, пытаясь объяснить. — И мы с мужем часто с ним разговаривали. А иногда он приходил к нам поужинать.

— Так это он заплатил за вашу камеру? — спросил Хоукинс с легким сарказмом.

Они вопросительно переглянулись.

— Заплатил за эту камеру? — воскликнул Джеймс. — Никто за нее не платил.

— Кто-то же заплатил еще до того, как вас сюда привезли, — сказал Хоукинс, чувствуя себя немного неловко. — Иначе бы вас поместили вместе со всеми в общей камере.

Час спустя, когда Хоукинс ушел, Мэри повернулась к своим друзьям.

— Кто мог заплатить за нас? — спросила она у них.

Хоукинс с удовольствием объяснил им тюремные порядки. Всех, кто попадал сюда, если только кто-то не хлопотал за них еще до их появления здесь, помещали вместе с обычными преступниками, отсюда и название — «общая камера». Эти камеры были грязными, набитыми до отказа и кишачими инфекциями. Заключение находилось во власти маньяков и опасных преступников, и, если ты просыпался и на твоих ногах все еще были ботинки, ты мог считать, что тебе повезло. Молодых женщин и мальчиков в первую ночь насиловали, и насилие чаще всего было групповым.

Затем Хоукинс продолжал объяснять, что, пока у заключенного есть деньги или что-то, что можно продать, он может купить более чистое и более безопасное место и получить дополнительные преимущества, которые они здесь уже обнаружили. Веселье в тюремном дворе являлось тому подтверждением: люди, которых они видели, либо были обеспеченными, либо имели богатых и влиятельных друзей. Но когда деньги кончались, это означало прямую дорогу обратно.

Хоукинс упомянул разбойника с большой дороги, которому доставили сюда его собственную кровать с пуховой периной. Каждое утро ему приносили ведро с горячей водой, чтобы помыться, его рубашку забирали в прачечную, подавали обеды с дорогим вином, а по вечерам его навещала любовница. Его в конце концов повесили, но, как отметил Хоукинс, взятками тоже не все можно решить.

— Кто-нибудь из вас знаком с кем-нибудь в Лондоне? — спросила Мэри пораженных мужчин. Никто из них даже представления не имел, кем может быть этот таинственный благодетель.

— Я когда-то знал пару богачей, — ответил Джеймс. — Но они даже кружки эля мне не

купили бы, не говоря уже о приличной камере.

— А может, это кто-то, кто пожалел нас, прочитав статью в «Кроникл»? — предположил Сэм.

— Наверняка так и есть, — сказал Билл, задумчиво поглаживая бороду. — Когда я был еще мальчишкой, в Беркшире убили одного типа. У него осталась жена и пятеро детей, и, когда люди слышали об этой истории, вдове стали посылать деньги.

— Вполне возможно. Но кто рассказал о нас в газете? — спросил Джеймс с недоуменным видом. — Этот номер вышел четыре или пять дней назад. Как они могли прослышать об этой истории?

— Наверное, кто-то рассказал ее, когда корабль стоял в Портсмуте, — предположил Сэм, и его лицо расплылось в широкой улыбке. — Капитан Эдвардс тогда сошел на берег, и, возможно, он сообщил о нас властям. А еще с корабля сошла масса людей, любой из них мог сообщить о нас газетчикам.

И вдруг до Мэри дошло, что рассказать мог только Ваткин Тенч. Капитан Эдвардс не сочувствовал ни им, ни мятежникам, которых поймали, поэтому любая информация от него представила бы их в черном цвете. А что касалось остальных офицеров, высадившихся в Портсмуте, их отчет не был бы таким подробным.

А еще Тенчу наверняка было известно о коррупции в тюрьмах еще со времени его службы на «Дюнкирке», и он знал, что предпринять, чтобы устроить им камеру в Ньюгейте.

Мэри тут же решила ничего не говорить остальным. Она была немного удивлена, что они не подумали о Тенче, но, с другой стороны, никто из них не знал его так близко, как она. Если бы Мэри рассказала им сейчас о своих мыслях, это только вызвало бы лишние вопросы, на которые ей не хотелось отвечать. Кроме того, если Тенч сделал это тайно, он не хотел, чтобы об этом кому-нибудь стало известно, иначе это поставило бы под угрозу его карьеру. Лучше, если они будут считать, что это какой-то благонамеренный незнакомец.

— Судьба снова улыбается нам, — радостно фыркнул Джеймс, не заметив, что Мэри не сказала ни слова. — Может быть, если деньги будут поступать и дальше, мы в конце концов, как и этот разбойник с большой дороги, будем спать на пуховых перинах.

«Храни тебя Бог, Ваткин», — подумала Мэри, и ей пришлось отвернуться от остальных, чтобы они не заметили слез благодарности в ее глазах.

В последующие дни в их камере было много посетителей. Некоторые хотели слышать только об их побеге, а большинство сами ожидали высылки и хотели знать, что их ждет.

Мэри чувствовала себя немного виноватой за то, что брала деньги с этих людей. Достаточно плохо было уже то, что их ждала разлука с близкими, и ей не хотелось увеличивать их страдания рассказами о кошмарном треугольнике для порки, о голоде и о непрекращающейся жаре. Но, как сказал Джеймс, для них было лучше потратить немного денег и подготовиться, узнав, что их ждет, чем пропить их, и Мэри решила, что он прав.

В первый раз, когда им разрешили выйти на тюремный двор, у Мэри возникло впечатление, что она попала на вечеринку для избранных. Люди приветствовали их с искренним теплом, предлагали выпивку из пивной, советы и свою дружбу. Джеймс и трое остальных мужчин с живостью принимали знаки внимания, особенно заигрывания со стороны женщин-заклученных. Но Мэри стояла в стороне.

Хотя она радовалась, что ими восхищаются, а не презирают и не жалеют их, она была еще не готова разговаривать и смеяться с чужими людьми, как бы благожелательно они к

ним ни относились. Все, что Мэри хотела, — это тихо посидеть на солнышке, но этого ей не удавалось, потому что все интересовались ею.

Кто-то хотел услышать подробности их побега, другие спрашивали ее о своих друзьях и родственниках, которые были высланы, а некоторые женщины даже интересовались, как там рождают. Потом еще были мужчины, которые пытались ухаживать за ней или делали ей непристойные предложения.

За пару часов Мэри увидела и наслушалась достаточно. Она не хотела ни давать представление в этом цирке, ни сидеть среди зрителей.

Мэри никогда раньше не задумывалась о чувствах, которые она питала к преступному миру, хоть и принадлежала к нему столько лет. И в плавучей тюрьме, и на корабле, и в колонии Мэри была просто одной из заключенных, отсиживающей свой срок и делающей все, чтобы выжить. И она всегда помогала своим товарищам-заключенным, покрывала их и иногда способствовала кражам из амбаров и другим проступкам, потому что они все жили по этому закону.

Но утрата обоих детей раскрыла ей глаза.

Мэри раньше никогда по-настоящему не раскаивалась в том, что украла шляпку у женщины в Плимуте. Она жалела, что попалась, и сердилась на себя за свое безрассудство. Но Мэри никогда не пыталась поставить себя на место этой женщины и представить, каково было ей, когда ее ударили и ограбили.

Теперь, задумавшись над этим, Мэри испытывала жгучее чувство стыда. Она тогда не умирала от голода, и шляпа была ей не нужна. Мэри вспоминала хороших людей, которых знала, когда была ребенком, таких, как Марта Дингвелл из булочной, которая раздавала нераспроданный хлеб в конце дня тем, кто не мог за него заплатить; или Чарли Оллсопа, могильщика, который бесплатно оказывал мелкие услуги родственникам покойного, проявляя тем самым свое сочувствие. Эти двое и другие, такие же, как они, сами имели немного, и некоторые насмехались над ними. Но теперь Мэри понимала, что такие, как Марта и Чарльз, делали мир лучше. Преступники только наполняли его страхом и жестокостью, они отравляли воздух своей эгоистичной тягой к деньгам и вещам, которых они не заработали.

Когда Мэри оглядела тюремный двор, она поняла, что все, кого она увидела, были людьми, которые не заботились ни о ком, кроме себя. Они без угрызений совести лгали, обманывали, воровали и убивали. Это подтверждал тот факт, что у них были деньги подкупать надзирателей, чтобы их выпускали во двор хвастать в пьяном угаре о своих преступлениях.

Мэри думала, что здесь, безусловно, находились самые отъявленные преступники и головорезы Лондона, закоренелые проститутки и самые изобретательные воры. В труппах была такая же родословная, как в богатых семьях, все заключенные пользовались тем воровским жаргоном, с которым Мэри познакомилась в колонии. А еще она ощущала в этом дворе опасные подводные течения: зависть, сексуальную неудовлетворенность, сдерживаемую агрессию и старые неоплаченные счета, накапливавшиеся по мере того, как эти люди пили.

Мэри не была ханжой. Она знала, что алкоголь — мощное средство для облегчения несчастий и страхов. Но как бы безнадежно Мэри себя ни чувствовала, она знала, что никогда не продаст себя за стакан джина и не позволит себе совершить сексуальный акт на глазах у всех, как поступали многие женщины в Ньюгейте, причем их дети смотрели на это.

В течение дня Мэри несколько раз опускала глаза при виде мужчин и женщин, которые спаривались, как животные. Они были настолько пьяны, что находились в полубессознательном состоянии, и оказалось, что некоторые из них вообще предпочитают детей. Пожилая женщина, которая подошла к Мэри и какое-то время сидела рядом с ней, рассказала, что некоторые мужчины подкупают надзирателей, чтобы те постоянно приводили к ним детей из общих камер. При этом она гоготала, и Мэри, вероятно, не поверила бы ей, но потом сама увидела, как упитанный мужчина ласкает оборванную маленькую девочку, которой было не больше шести.

У Мэри сжималось сердце при виде такого большого количества молодых девушек во дворе. Они напомнили ей, какой была она сама в этом возрасте: тот же свежий цвет лица, та же пикантная смесь невинности и смелости. Они были слишком заняты флиртом с мужчинами более-менее приличного вида, чтобы разговаривать с ней. Наверное, они думали, что эти элегантно одетые пажоны заберут их с собой, когда с помощью взяток выберутся из Ньюгейта.

Мэри знала лучше, что их ждет. Эти девочки после двух или трех недель пребывания здесь потеряют свою невинность, а на транспортных кораблях совсем падут духом. Несколько лет в Сиднее — и они будут выглядеть так же, как она: мешок костей без надежды и без будущего.

Они уже провели в Ньюгейте больше недели, когда в камеру зашел Спинкс и сказал Мэри, что ее хочет видеть один джентльмен.

Мэри заключила со Спинксом осторожную дружбу. Он на самом деле ей не нравился, так как был слишком хитрым и всегда ждал случая, чтобы нажиться на несчастливых заключенных. И все-таки, когда он узнал, что ее дети умерли, он проникся к ней искренним сочувствием. Он часто заходил в камеру, когда Мэри была одна, иногда приносил ей кружку чая или половинку какого-нибудь фрукта и не брал за это денег, просто хотел немного поболтать. Возможно, он был таким же одиноким, как и она.

Спинкс часто заставлял ее одну, потому что, выйдя во двор во второй раз, Мэри стала свидетелем сцены, во время которой одного из заключенных пырнули ножом. После этого она решила, что в мрачной камере ей будет лучше. В тот день она тоже была одна, потому что все мужчины спустились во двор.

— Кто этот джентльмен? — спросила Мэри. Спинкс называл джентльменами всех людей, у которых имелись деньги.

— Его фамилия Босвелл, — ответил он с самодовольной ухмылкой. — Он сказал, что он адвокат.

— Так он не из Ньюгейта?

— Ну у нас здесь адвокаты не очень приживаются, — возразил Спинкс и рассмеялся своей маленькой шутке. — Ну так что, хочешь его увидеть или нет? Мне-то все равно.

Мэри вздохнула. У нее не было настроения ни с кем разговаривать, но кто-то, живущий за стенами этой тюрьмы, мог бы вывести ее из состояния меланхолии.

— Веди его сюда, — сказала она устало.

— Ну вот и умница, — произнес Спинкс с теплом в голосе. — Пока я буду за ним ходить, может, причешешь свои роскошные волосы? Смотри, я тебе тут ленточку для волос принес.

Он вытащил из кармана красную сатиновую ленту, сунул ей в руку и тут же ушел. У

Мэри ком застрял в горле, когда она прошлась по ленточке пальцами, вспоминая отца. Он всегда привозил ей и Долли по ленте, когда возвращался с моря. Мэри тогда была настоящим сорванцом и никогда по-настоящему не ценила этого. Но этой ленточке она очень обрадовалась: Мэри нужно было что-то яркое и женственное, чтобы взбодриться.

— Добрый день, миссис Брайант!

Мэри резко обернулась на звук мелодичного голоса. Она была настолько поглощена завязыванием ленты на затылке, что не слышала, как посетитель поднялся по лестнице.

На этот раз Спинкс оказался прав: это был настоящий джентльмен — очень полный, с красным лицом, среднего роста, в красивой одежде (темно-зеленой треуголке, отделанной золотым шнуром, и пиджаке из тонкой парчи). Ему было около пятидесяти. Поднимаясь по лестнице, он запыхался и еле дышал.

— Меня здесь больше знают как Мэри Броуд, — сказала она резко, глянув на его безукоризненно белые чулки и туфли с вычурными пряжками. — Почему вы хотели увидеть меня?

— Я хочу помочь вам, дорогая, — ответил он и протянул ей руку. — Моя фамилия Босвелл, Джеймс Босвелл. Я адвокат, хотя больше известен как автор книги о докторе Сэмюэле Джонсоне, моем дорогим покойном друге.

Мэри узнала в его речи шотландский акцент, потому что в Порт-Джеконе было несколько офицеров, которые разговаривали так же. Но его упоминание о книге и о скончавшемся друге ничего ей не сказало. Ее больше впечатлила его золотая цепочка от часов и экстравагантный шелковый жилет. Мэри подумала, что даже король не оделся бы так шикарно.

Мэри пожала его руку и удивилась, почувствовав, какая она мягкая — наощупь она напоминала тесто.

— Мне уже ничего не поможет, — сказала она. — Но с вашей стороны очень любезно предлагать мне помощь, когда я не могу предложить вам даже стула.

Босвелл улыбнулся, и Мэри заметила, что его глаза огромные, как плоски, темные и блестящие. Поскольку на нем был парик, она не видела, какого цвета его волосы, но по его кустистым бровям догадалась, что они когда-то были такими же черными.

— Я не верю, что ваше положение безнадежно, — возразил Босвелл твердо. — Я хочу защищать вас. Поэтому я предлагаю вам рассказать мне свою историю. Все, что мне известно, — это необычный рассказ, который я прочитал в «Кроникл».

Глава восемнадцатая

Джеймс Босвелл шагал из Ньюгейта весь взъерошенный, потому что Мэри не упала к его ногам и не увидела в нем своего спасителя. Ему ни разу не пришло в голову, что она может не принять его предложение о помощи.

— Будь ты проклята, — пробормотал он. — Может, ты и героиня, но мозгов у тебя явно не хватает.

Один его близкий друг много лет назад заявил, что Боззи имеет пагубное пристрастие к проигрышным делам. В тот момент он намекал на его страсть к проституткам, но было общеизвестно, что Босвелл испытывал крайнюю симпатию к любому, если считал, что с ним несправедливо обошлись. Он часто защищал бедных, не беря с них денег, и брался за такие дела, от которых отказывались другие.

По правде говоря, его ничто так не волновало, как дела, которые все считали проигрышными, и женщины, которые были одержимы самоуничтожением. В случае с Мэри присутствовало и то, и другое.

Но все его достойные друзья, подшучивавшие над ним, не оценили в Босвелле то, что он находил в себе много общего со своими клиентами. Он понимал, что значит, когда тебя вынуждают заниматься нелюбимым делом: его часто недопонимали, он делал ошибки в своих суждениях и был беспечен.

Его отец, лорд Окинлек, судья Верховного суда в Шотландии, настоял, чтобы сын стал юристом, несмотря на желание Джеймса вступить в гвардию. Однако, окончив школу, Босвелл сбежал в Лондон и перешел в католичество, что привело в ужас его непреклонную пресвитерианскую семью. На самом деле он какое-то короткое время мечтал стать монахом. Но католик не мог стать ни армейским офицером, ни барристером [\[15\]](#), он даже не мог наследовать имущество отца, поэтому Босвелл вскоре оставил католичество и неохотно исполнил желание отца, войдя в святая святых суда. Но в его душе ничего не изменилось. Скорее всего, он сделал это, чтобы остаться в Лондоне и, используя свое материальное положение, добиться определенного общественного признания.

Сам Босвелл признавал, что был плохим студентом. Он проводил больше времени в театре, на скачках, за бутылкой вина и с женщинами, чем за учебой. Отец ожидал также, что он заключит выгодный брак, но Босвелл и здесь разочаровал его, женившись на своей кузине Маргарет, у которой не было за душой ни гроша. Но он женился по любви и считал, что это важнее денег.

К тому же никто не верил в искренность его дружбы с Сэмюэлем Джонсоном. Люди заявляли, что Босвелл добивается расположения этого выдающегося человека, чтобы продвинуться самому. Говорили, что Босвелл сноб, карьерист, бабник, пьяница и ипохондрик.

Да, он действительно любил женщин и вино. Босвелл не мог устоять перед хорошенькой горничной или шлюшкой, но это было еще одно проявление жизнелюбия. Его критики не смогли увидеть и понять, что он проводил большую часть своей жизни, планируя, собирая и классифицируя материал для книги «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Чтобы оценить его по достоинству, необходимо было войти в круги, в которых вращался Джонсон, наблюдать, слушать и видеть глазами самого Джонсона. Конечно, Босвелл получал от этого удовольствие и, возможно, пользовался некоторыми связями, которые заводил. Но он

никогда не использовал дружбу с Джонсоном для собственного продвижения: он любил его и хотел всему миру рассказать о его мудрости, уме и чувстве юмора.

В глубине души Босвелл знал, что написал блестящую биографию своего друга, и понимал, что в будущем его имя станет в одном ряду с другими великими деятелями литературы. Даже если он не получал восторженных похвал, которые, по его мнению, ему причитались, он заработал значительную сумму денег на своей книге. У него был шикарный дом фазу за Оксфорд-стрит и красивая одежда. Он хорошо ел и пил и имел множество друзей, а его любимые дети служили ему огромным утешением. В общем и целом он предполагал, что этого должно быть достаточно для любого человека.

И все же им овладело неудержимое желание сделать что-нибудь выдающееся, прежде чем отложить перо и повесить в шкаф свой парик и мантию. Ему исполнилось пятьдесят два, он был вдовцом, и его здоровье становилось все хуже. Босвелл понимал, что его жизнь подходит к концу. Он хотел, чтобы его запомнили как величайшего биографа всех времен, но ему доставило бы огромное удовольствие сбить с толку тех, кто считал его посредственным адвокатом. Он мечтал выиграть одно большое, громкое дело, после которого его будут вспоминать как защитника слабых и обиженных.

Босвелл улыбнулся сам себе, понимая всю степень своего эгоизма. И в самом деле, было непонятно, почему он так уцепился за дело Мэри Бруд, потому что до сегодняшнего утра он ничего не знал о затруднительном положении, в котором находилась она и ее товарищи. Правду говоря, в отличие от своего отца — яркого борца за справедливость — он никогда раньше не принимал во внимание благосостояние каторжников, осужденных на высылку.

С его точки зрения, высылка была как гуманной, так и практичной мерой, поскольку государство убирало преступников в место, где они уже не могли вредить обществу. Это намного лучше, чем повешение. В молодости он присутствовал на публичной казни разбойника с большой дороги и молодой воровки по имени Ханна Диего, и ужаса этой сцены он не мог забыть до сих пор.

И вот однажды утром он сидел и неторопливо пил кофе из чашки, читал газету и просто убивал время в ожидании встречи с издателями, чтобы узнать, как распродается книга, и наткнулся на статью о побеге из Ботанического залива.

Его интерес вызвала фраза, цитировавшая слова Мэри: «Пусть лучше меня повесят, чем вышлют обратно!»

Ботанический залив явно не был тропическим раем, как утверждали газеты, введя в заблуждение многих. Он должен прочитать дальше!

Босвелл был потрясен, узнав, что Мэри, восемь мужчин и двое детей проплыли около трех тысяч миль в открытой лодке. Еще более тревожным показался ему тот факт, что трое мужчин умерло после поимки. Но когда Босвелл прочитал, что Мэри потеряла двоих детей, у него по-настоящему сжалось сердце. Как человек, который обожал своих детей и был счастлив, что все они рядом с ним, Босвелл не мог представить ничего более трагичного, чем утрату кого-то из них. Эта несчастная женщина потеряла все: мужа, детей, и теперь, вероятнее всего, она потеряет и свою жизнь.

Босвелл снова увидел, как вырывалась Ханна Диего, когда ее тащили к петле. Он чувствовал ее страх, слышал отвратительный рев наблюдавшей за казнью толпы и вспомнил, как долго после того дня ему снились кошмары.

Босвелл почувствовал, как его охватывает волна гнева и к горлу подступает тошнота. Он не мог стоять в стороне и позволить, чтобы так же закончилась жизнь Мэри Бруд. Это было

бы чудовищно: она и так уже достаточно настрадалась.

Еще эта женщина интересовала Босвелла как личность. Она наверняка обладала беспримерной храбростью и решительностью, если повела за собой этих мужчин в борьбе за свободу, и невероятной силой духа, раз смогла пережить лихорадку и голод. Он хотел узнать о ней больше, хотел увидеть ее, поговорить с ней. В тот же момент он немедленно отложил газету, велел принести ему пальто и шляпу и отправился в Ньюгейт.

В своем воображении Босвелл представлял Мэри Броуд крупной женщиной, сильной и крепкой, точно такой же, как проститутки, которых он предпочитал. Он был немного удивлен, увидев, что она маленькая, худая и с мягким голосом. Кроме того, Мэри выглядела старше своих лет, была подавлена горем, и в ее серых глазах уже читалось примирение со смертью.

Она очень просто рассказала ему свою историю, будто уже устала пересказывать ее снова и снова. Мэри не пыталась вызвать его сочувствия, не рассказывала шокирующие подробности своих мучений, лишений и жестокости. Единственный раз у нее навернулись слезы на глаза, когда она рассказывала, как хоронили Шарлотту в море. Но и эти слезы она быстро смахнула и продолжала вспоминать, что на «Горгоне» с ней обращались по-доброму.

Босвелла невероятно тронули все ужасы, о которых сообщила Мэри. Он много раз до этого был в Ньюгейте и был готов ко лжи, преувеличению и искажению правды. Как и большинство его сверстников, он верил в существование преступного класса — слоя людей, которые предназначены для того, чтобы подрывать устои приличного общества. Их легко можно было распознать по их скотским манерам, праздности и отсутствию принципов. Внизу, в тюремном дворе, он видел множество таких людей, они расхаживали с самодовольным видом, как в частном клубе для избранных.

Мэри, безусловно, не принадлежала к их числу. Она больше походила на должников, которые сидели небольшими группками с безутешным видом и испытывали горький стыд от событий, которые довели их до тюрьмы, и ни надежд, ни присутствия духа у них больше не оставалось.

И все-таки блестящая красная лента в волосах Мэри, немного не гармонировавшая с ее потрепанным и грязным платьем, наводила на мысль, что неукротимый дух, который сохранял ей жизнь во всех этих испытаниях, еще теплился в ней, хоть и был подавлен. Она храбро спросила, собирается ли он защищать и ее четверых друзей. Когда он заявил, что чувствует силы только на то, чтобы бороться за ее дело, она отвернулась от него, будто давая понять, что аудиенция окончена.

— Тогда я не могу принять вашу помощь, — сказала Мэри. — Мы все время были вместе, они мои друзья, и я их не оставлю.

У Босвелла не укладывалось в голове, как кто-то, находящийся в таком отчаянном положении, мог считать дружбу важнее собственной жизни. Он умолял Мэри, объяснял, что может выиграть ее дело, поскольку симпатии общественности будут на ее стороне из-за ее детей. А еще он думал, но не мог сказать вслух, что рассматривает ее дело как подходящую арену для демонстрации своих талантов. Он хотел сыграть на чувствах и уже видел самого себя, произносящего драматичную и душераздирающую заключительную речь. Но если бы ему пришлось защищать еще и четырех мужчин, которые были, несомненно, сомнительными личностями, симпатии общественности к Мэри заметно поубавились бы.

— У меня не осталось никого — только четверо друзей, — произнесла Мэри просто. — Мы вместе прошли через ад, и они мне как братья. Я разделю их судьбу.

— Вы думаете, они сделали бы для вас тоже самое? — спросил Босвелл. — Я думаю, что нет, Мэри. Каждый из них сделал бы все, чтобы спасти свою шкуру вне зависимости от того, что произошло бы с вами.

— Может быть, — вздохнула она. — Когда-то для того, чтобы выжить, я была готова на все. Но это уже в прошлом. Теперь я уже не ценю свою жизнь так высоко.

Джеймс был потрясен ее благородством, но предположил, что, потеряв присутствие духа, она вместе с ним потеряла и здравый смысл.

— Ну и как ты собираешься вернуть ей это присутствие духа, Боззи? — спросил он сам себя, галантно поздоровавшись на ходу с хорошенькой девушкой, которая шла в сопровождении пожилой компаньонки.

Он задержался и оглянулся на девушку, заметив ее тонкую талию, элегантный бант на турнюре ее розового платья и шляпку, отделанную маргаритками. У Вероники и Эуфемии, его двух старших дочерей, в гардеробе было много таких платьев и шляпок, и ничего не радовало их так, как покупка новых нарядов. Может быть, Мэри снова оживет, если станет носить красивую одежду?

Атмосфера в крошечной камере Ньюгейта была напряженной. Четверо мужчин смотрели на Мэри с холодом и подозрительностью.

— Не смотрите на меня так! — воскликнула она с возмущением. — Я не рассказала вам о его визите только потому, что он не может нам помочь.

Мужчины вернулись в камеру поздно вечером в сильном подпитии. Если бы они были трезвыми, Мэри, вероятно, сообщила бы им о визите господина Босвелла. Но пока они отсыпались после пьянки, она решила, что от этого рассказа толку не будет. Господин Босвелл хотел помочь только ей, но не им, и, если бы она рассказала им об этом, они бы только оскорбились.

К несчастью, Мэри не подумала, что гость с воли привлечет столько внимания и пересудов как среди заключенных, так и среди надзирателей. К тому времени, когда мужчины протрезвели и вернулись в пивную, казалось, вся тюрьма уже знала о джентльмене-адвокате, посетившем ее.

— Что за интриги ты плетешь? — выпалил Джеймс, и при этом его худощавое лицо вспыхнуло от гнева.

— Нет никаких интриг, — отрезала Мэри. — Спинкс привел его сюда, потому что ему было любопытно узнать о нас, но он не был достаточно заинтересован, чтобы защищать нас.

— Ты позволила адвокату прийти и уйти, не позвав меня? — зарычал на нее Джеймс. — Я же мог его заинтересовать!

Мэри пожала плечами.

— В пьяном виде? Вряд ли он бы захотел защищать нас.

— Я могу держать стакан в руке и разговаривать с окружающими, пьяный или трезвый, — рявкнул Джеймс. — Держу пари, ты даже не попыталась уговорить его. Ты, может, и ждешь, когда тебе на шею накинут веревку, но никто из нас к этому не стремится.

Мэри умоляюще посмотрела на остальных.

— Ты же не можешь не знать, что я сделала бы все, что в моих силах, чтобы помочь вам! Неужели дешевый джин помутил ваш рассудок?

Все мужчины выглядели немного глуповато.

— Но Джеймс прав, ты должна была пойти и позвать нас, — сказал Билл упрямо. — Он

умеет уговаривать. Тебе уже просто все равно.

— Пусть мне все равно, что будет со мной, но не все равно, что будет с вами, — запальчиво ответила Мэри. — И если хотите знать, по-моему, вы уподобляетесь всем остальным в этой тюрьме: напиваетесь до безобразия и трахаете все, что шевелится.

— Он еще вернется? — спросил Нат с надеждой.

— Сомневаюсь, — сказала она коротко. — Он ничего не может для нас сделать.

Они услышали, как по коридору идет Спинкс, закрывая двери камер на ночь. Мэри удалилась в свой угол камеры и легла, надеясь, что быстро угасающий свет успокоит их. Джеймс и Билл еще какое-то время тихо разговаривали. Мэри даже не пыталась слушать, она была до крайности уставшей и подавленной.

Господин Босвелл был таким приятным человеком. Кроме Тенча, никто никогда не проявлял такого живого интереса к ней. Может быть, она должна была попытаться уговорить его помочь им всем? Что, если бы она умоляла со слезами, цеплялась за него или даже предложила бы ему себя?

«Тебя ни один мужчина не захочет, когда ты в таком виде», — подумала она. Даже не глядя на себя в зеркало, Мэри понимала, что она сейчас выглядит не очень соблазнительно. Пребывание на жарком солнце и плохое питание состарили ее раньше времени: в ее теле не было изгибов, ему не доставало мягкости. Даже Сэм, который в прошлом испытывал к ней романтические чувства, и она знала это наверняка, растерял их после ареста в Купанге.

Мэри слышала вдалеке женский крик. Так могла кричать только роженица, и у Мэри от сочувствия сжалось все внутри. Ее удивило, что после всех ужасов, которые она видела в прошлом, после всех обид и унижений она все еще способна сопереживать чужой боли. Мэри должна была совсем очерстветь. Ей должно быть все равно, выживет ли новорожденный младенец. Но она не испытывала безразличия: каждый раз, когда Мэри проходила мимо двери в общую камеру, она чувствовала себя виноватой в том, что эти несчастные голодны, грязны и больны, в то время как она может выходить на воздух, есть, пить и спать в приличной камере.

Крики вдруг прекратились. Мэри было интересно, родила ли женщина в конце концов или умерла. Ради ее же блага Мэри надеялась на последнее, потому что, если бы женщина выжила, ее неприятности только увеличились бы.

Прошло три дня, и мужчины мало-помалу снова стали обращаться с Мэри по-прежнему — дружески и непринужденно. На четвертый день их повели в суд и они предстали перед судьей, господином Николасом Бондом.

Все пятеро занервничали, как только на них снова надели кандалы. Потом, пока тюремная повозка грохотала по переполненным, шумным улицам, их беспокойство переросло в ужас по поводу того, что их ждало впереди. Голубые глаза Ната были широко распахнуты от страха. Билл так сильно сжимал кулаки, что костяшки его пальцев побелели, а Сэм, похоже, бормотал молитву. Даже Джеймс неожиданно замолчал, и, когда повозку вдруг окружила толпа людей, что-то кричавших им, он схватил Мэри за руку.

И вдруг до Мэри дошло, что толпа не жаждала их крови, а совсем наоборот. Они кричали; «Браво!», «Удачи!» и «Господь с вами!»

Кто-то бросил в повозку веточку белого вереска. Мэри подняла ее и улыбнулась.

— Они на нашей стороне, — выдохнула она.

Они уже все привыкли к своей репутации в Ньюгейте, но им не приходило в голову, что

их история заинтересует и обычных людей. А она явно заинтересовала, потому что целая толпа направлялась к зданию суда, чтобы поддержать Мэри и ее друзей.

* * *

Когда их повели к скамье подсудимых, они увидели, что мрачный, пыльный зал суда до отказа забит зрителями, среди которых Мэри заметила Джеймса Босвелла.

— Господин Босвелл здесь, — прошептала она Джеймсу, предполагая, что он и остальные мужчины снова накинутся на нее, если она ничего не скажет. — Вон тот толстый мужчина в нарядной куртке.

Джеймс посмотрел на него, изобразил улыбку и шепотом передал остальным.

Судья, мужчина с худым лицом и в очках на кончике очень острого носа, опрашивал их по одному и, казалось, проявлял значительное внимание к их ответам. Сам по себе этот факт уже был удивительным, поскольку все пятеро уже сталкивались с полным безразличием со стороны судей во время суда, результатом чего и стала их высылка. И все они знали людей, которых прогоняли через судебные процессы и приговаривали к заключению без улик и свидетелей.

Когда дошла очередь до Мэри, судья вел себя более чем внимательно. Было видно, что он по-настоящему заинтересован и стремится получить реальную картину событий. Несмотря на то что Мэри нервничала, она смотрела ему прямо в глаза и говорила четким голосом. Ее голос задрожал лишь тогда, когда она отвечала на вопросы о том, как умерли ее дети.

— Идея побега принадлежала мне, — созналась Мэри. — Я спланировала его, я достала карты и навигационные инструменты. Я заставила своего мужа Уилла согласиться с планом и сделала так, чтобы он убедил остальных присоединиться к нам.

Мэри ощутила на себе косые взгляды своих друзей. Они были явно удивлены, что она признает себя зачинщицей.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы планировали побег, до того, как вы фактически покинули колонию? — спросил судья, напряженно глядя на Мэри.

— Я думала о побеге с самого первого дня пребывания там, — сказала она. — Но окончательно решила на него только после того, как моего мужа выпороли. Его наказали только за то, что он спрятал несколько рыбин из своего улова. Мы голодали, вокруг нас все время умирали люди, и все-таки мой Уилл — единственный человек, поставлявший нам еду, — получил сто плетей. Это было несправедливо.

Судья продолжал задавать вопросы, и Мэри искренне ответила на каждый из них. В конце концов он спросил ее, раскаялась ли она в преступлении, за которое ее выслали в Новый Южный Уэльс.

— Да, я раскаялась, сэр, — ответила Мэри. — Не было ни дня, чтобы я не сожалела о содеянном.

По залу суда пробежал одобрителный шепот.

— Но скажите мне, почему вы решили рискнуть жизнью ваших маленьких детей и совершить такое долгое и опасное плавание в неисследованных водах? — спросил судья.

— Опасностей там было не меньше, чем в колонии, — решительно ответила Мэри. — Я считала, что для нас будет лучше погибнуть всем вместе в море, чем медленно умирать один

за другим от голода или какой-нибудь ужасной болезни.

Шепот одобрения в зале перерос в рев. Когда шум утих, судья объявил, что еще не готов передать подсудимых суду присяжных, поэтому они будут отправлены обратно в тюрьму и через неделю их привезут снова для дальнейшего слушания.

Всех пятерых увели под сочувственные крики. Их поместили в камеру под залом суда, где они должны были ожидать возвращения в Ньюгейт.

— Такая толпа, это просто невероятно! — торжественно воскликнул Джеймс, и его глаза светились так, как когда-то в Купанге. — Они все на нашей стороне. Нас уже точно не повесят.

Мэри не сказала ни слова. Для нее провести еще много лет в тюрьме казалось худшей перспективой, чем быть повешенной.

— Ты была бесподобна, — сказал ей Сэм, улыбаясь во весь рот. — Но тебе не следовало принимать всю вину на себя.

Мэри пожала плечами.

— Но это правда, я ведь уговорила Уилла и велела вовлечь в это вас.

— Ты смелая женщина, это несомненно, — произнес Билл с дрожью в голосе. — Прости, что мы тогда плохо о тебе подумали.

Прежде чем Мэри смогла ответить, она вдруг услышала голос господина Босвелла. Он стоял в конце каменного коридора и просил, чтобы его пропустили к ней. У Мэри упало сердце. Если он еще раз предложит защищать ее и сделает это в присутствии мужчин, они будут считать ее лгуньей.

Босвелл мгновенно оказался перед решеткой и весь сиял в своей темно-синей куртке и вышитом жилете, а его круглое красное лицо расплылось в улыбке.

— Мэри, моя дорогая, вы так хорошо отвечали! — пророкотал он радостно. — Толпа приняла вашу судьбу близко к сердцу. Через несколько дней люди во всей стране будут читать в газетах статьи о сегодняшних событиях — и вся Англия станет на вашу сторону.

— Я надеюсь, они не только мою судьбу приняли близко к сердцу, — вымолвила Мэри, надеясь, что до него дойдет, в каком она очутилась положении по отношению к мужчинам. — Мы все в этом деле, и вы еще не знакомы с моими друзьями.

— Конечно, конечно. Они сочувствуют всем вам, — сказал Босвелл и протянул коробку, в которой лежала значительная сумма денег. — Для вас собрали деньги, чтобы помочь с расходами, пока вы находитесь в Ньюгейте. Я так рад за вас.

Джеймс представился сам и представил остальных мужчин.

— Значит ли это, что вы готовы теперь нас защищать? — спросил он, беря коробку из рук Босвелла.

— Сейчас, когда публика стала на сторону Мэри, я просто вынужден передумать и предполагаю, что буду защищать вас всех, если Мэри тоже готова передумать. — Босвелл просиял, глядя в лицо каждому и явно не обращая при этом внимания на Мэри, которая отчаянно махала ему руками из-за их спин. — Я надеюсь, вы оцените вашу преданную подругу! А теперь мы должны поговорить о следующем этапе. Я считаю, что вероятность повешения сейчас отпала, остается только тюремное заключение. Но я настроен на то, чтобы добиться вашего помилования.

Он не сделал паузу, чтобы посмотреть, как они воспримут эту новость, а продолжал дальше:

— Я в вашем распоряжении всю следующую неделю, а пока я встречу с Генри

Дундасом, секретарем внутренних дел. Он мой хороший друг.

В тот же момент как Босвелл ушел, Джеймс издал радостный вопль и потряс коробкой с деньгами.

— Он знаком с секретарем внутренних дел! — захлебывался он. — А люди собирают для нас деньги. Нас выпустят!

Сэм задумчиво посмотрел на Мэри, от чего она вспыхнула.

— Он предлагал тебе защищать только тебя и ты отказалась, это правда? — спросил он с благоговением в голосе.

Трое остальных мужчин нахмурились, не понимая, о чем он говорит. Нат спросил Сэма, что он имеет в виду.

— Разве вы не понимаете? — Сэм покачал головой, удивляясь их глупости. — Этот адвокат был здесь не просто так. И он снова пришел увидеть Мэри. Она нам не рассказала о его визите только потому, что он хотел защищать ее одну. Она его отправила из-за нас!

— Ты это сделала? — спросил Нат, недоверчиво распахнув свои голубые глаза.

— Святая Матерь Божья! — воскликнул Джеймс. — А мы на тебя нападали.

Мэри покрылась пунцовым румянцем.

— Это уже не имеет значения, — пробормотала она.

— Нет, имеет, Мэри, — сказал Сэм и обнял ее. — Эта толпа собирает для нас деньги из-за того, что ты сказала на суде. Я уверен, что и адвокат передумал именно из-за этого. Ты снова спасла нам жизнь.

Мэри не спала всю ночь, у нее в голове крутились многочисленные «что» и «если». Что, если они останутся в тюрьме на многие месяцы или даже годы, пока интерес общественности к их судьбе угаснет? Тогда они никогда не получат помилования. А что, если Босвелл — такой же болтун, как Уилл, и на самом деле не знаком с секретарем внутренних дел? А что, если ее помилуют? Куда она пойдет и как она будет жить?

Если воображение публики разыгралось оттого, что они узнали о ее плачевном положении, тогда ее семья обязательно услышит о ней. Мать наверняка умрет от стыда, узнав, что имя ее дочери на страницах всех газет. Но Мэри невольно рассмешила мысль о том, что мать будет волноваться именно сейчас, после всего того, через что довелось пройти ее дочери. Но чувства матери были все еще важны для Мэри. И она так сильно хотела увидеть ее и всю семью.

На втором слушании в суде присяжных пятерых вернувшихся беглецов официально уведомили, что их не повесят. Им вынесли приговор о тюремном заключении на неопределенный срок без суда. Мужчин это вполне устраивало: у них была слава и достаточно денег, чтобы жить в Ньюгейте с комфортом, который после остальных тюрем, в которых они содержались, казался раем. Безусловно, было бы чудесно, если бы Босвелл добился их помилования, но на это они не рассчитывали.

Но Мэри думала по-другому. Она хотела, чтобы ее либо повесили, либо отпустили. Мэри могла ждать свободы, но ей нужно было точно знать, сколько пройдет времени, пока она снова сможет ходить по траве, плавать в море, нюхать цветы и готовить себе еду. Мэри не могла проводить свои дни, забывшись при помощи джина, как это водилось в Ньюгейте веками.

Босвелл был прав, сказав, что о них услышит вся Англия. Их история распространилась повсюду. Но Мэри не получала удовольствия от своей знаменитости. Каждый день в тюрьму приходили люди, чтобы увидеть ее. Некоторые из них принадлежали к организации, решительно выступавшей против высылки, но в основном это были просто зеваки, желавшие посмотреть на женщину, о которой говорили повсюду, будто она уродец в интермедии.

Мэри не могла отказаться встретиться со всеми этими людьми. Она знала, что от общественного мнения зависело помилование ее и мужчин. Но ей было больно рассказывать их историю в сотый раз. Эти люди ворошили прошлое, о котором она хотела бы забыть.

Джеймсу, наоборот, нравились посетители, особенно светские дамы, которые приходили к нему уже не с первым визитом. Мэри знала, что на самом деле им было безразлично его положение. Визиты в Ньюгейт отвлекали их от скучной жизни, и они испытывали возбуждение, посещая такое грязное и опасное место. Джеймс пустил в ход свой ирландский шарм и флиртовал с ними, рассказывая о шокирующих вещах, которые они шепотом пересказывали своим менее отчаянным подругам за послеполуденным чаем. В ответ они приносили ему еду, новую одежду и книги. Еще он начал писать воспоминания об их побеге и надеялся, что сможет продать его за хорошие деньги, которых хватит, чтобы вернуться в Ирландию и разводить лошадей.

Что же касалось Ната, Билла и Сэма, они впервые в жизни почувствовали свою значимость. У них тоже появились поклонницы, и с каждым днем они все меньше нуждались в Мэри.

А еще был господин Босвелл. Мэри он нравился: она считала его умным, забавным и очень добрым. Но она не знала, чего он от нее хочет.

Джеймс Мартин пообещал все разузнать об этом человеке, и часть информации заставила Мэри насторожиться. Хотя Босвелл был знаменитым и весьма почитаемым писателем и вращался в аристократических кругах, при этом он слыл распутником, пил как лошадь и общался со шлюхами. Возможно, он хороший и любящий отец для своих детей, но говорили, что он уделял жене недостаточно внимания вплоть до того, что не вернулся домой в Шотландию, когда она умирала. И его не считали очень хорошим адвокатом.

Мэри подумала, что по характеру Босвелл похож на Уилла. Он производил впечатление человека очень одаренного, умного и смелого так же, как и ее покойный муж. Конечно, господин Босвелл намного старше, образован и принадлежит к высшему обществу, но, если бы убавить его возраст и представить его без академического образования и без дорогой одежды, у них с Уиллом было бы много общего. Он говорил о высокопоставленных друзьях, но действительно ли это друзья или просто шапочные знакомые? Еще он хвастал о делах, которые выиграл в суде, и о своих любовных победах, а также о том, что он потомок Роберта Брюса [\[16\]](#).

Но Мэри чувствовала запах спиртного, который доносился от него в любое время суток каждый раз, когда он приходил к ней, а красный цвет его лица подтверждал, что он злоупотребляет алкоголем. У Уилла тяга к выпивке тоже была его слабым местом, и Мэри не могла забыть, какую роль это сыграло в их провале.

И все же во время визитов Босвелла Мэри всецело доверяла ему. Это было очень легко, потому что его мелодичный голос с легким шотландским акцентом ласкал ее слух. Босвелл рассказывал ей о новом для нее мире званых обедов, шикарных платьев и загородных домов. Он заставлял ее смеяться, красочно описывая своих знакомых. И все же за всем его внешним блеском скрывалось доброе сердце. Босвелл ненавидел несправедливость, он по-настоящему

жалел незащищенных людей, особенно женщин. Он любил детей, хотел видеть общество более справедливым и мечтал о школах для бедных.

Когда приходил Босвелл, в камере становилось теплее и светлее. Их разговоры вдохновляли Мэри и давали ей надежду. Но в тот момент, когда он уходил, над ее головой снова сгушались тучи. Чего он в действительности хотел от нее? Она не могла до конца поверить, что им движет только доброта. У него наверняка есть какой-то скрытый мотив, никто ничего не делает просто так.

В начале августа, немногим более месяца с их приезда в Ньюгейт, Босвелл пришел увидеть ее, и в этот раз они встретились в маленькой комнатке в верхнем этаже тюрьмы, обставленной столом и стульями.

— Господи, сегодня такая жарница, — начал он, тяжело дыша после утомительной дороги, и вытер лоб носовым платком. — Сегодня я отправляюсь в отпуск. В Корнуолл, моя дорогая. Но я позаботился о вас и запустил кое-какие дела, которые к моему возвращению, надеюсь, дадут хорошие результаты.

Босвелл рассыпался в объяснениях по поводу письма, адресованного Генри Дундасу, на которое еще не получил ответа. Мэри показалось, что его прошлые заверения о том, что они с Дундасом хорошие друзья, были, вероятно, преувеличены.

Потом Босвелл положил на стол коричневый пакет, который держал в руках.

— Здесь кое-что для вас, моя дорогая. Оно не новое, но я надеюсь, что оно вас порадует.

Мэри открыла пакет и ахнула от удивления, увидев платье, и подумала, что, вероятно, его когда-то носила дочь Босвелла. Оно было нежно-голубого цвета, с низким вырезом, отделанным белыми кружевами.

— Оно прекрасно, — сказала Мэри, вспыхнув от смущения. На самом деле, о таком платье могла бы мечтать любая женщина, причем это было платье для леди, которая пьет послеполуденный чай и прогуливается по парку, а не для вшивой заключенной из Ньюгейта. — Большое спасибо, господин Босвелл, но я не уверена, что оно мне подойдет.

— Мои друзья называют меня Боззи, — произнес он как бы с упреком. — Я считаю вас своим другом. И платье, безусловно, вам подходит, вы ведь еще молодая женщина, впереди вас ждет свобода, и мне будет приятно видеть, как вы носите это платье.

— Меня действительно освободят? — спросила Мэри, откладывая платье и сядя на стул. — А если освободят, что я буду делать?

— Я уверен, что вы будете свободной, — сказал Босвелл твердо. — И я ваш друг, поэтому я позабочусь, чтобы у вас была крыша над головой. Я с огромным удовольствием покажу вам лондонское жилье.

— Я не могу рассчитывать, что вы это сделаете, сэр, — возразила Мэри немного встревоженно. — Для меня более чем достаточно, если я смогу получить работу домашней прислуги или швеи.

Босвелл положил свою мягкую пухлую ладонь на ее руку.

— Вам нужно прийти в себя, прежде чем вы сможете работать, — сказал он, глядя ей в глаза. — От вас осталась кожа да кости, вас нужно подкормить и отпоить тоником, который очистит вашу кровь. А еще вам нужно научиться жить в Лондоне.

Мэри вдруг отчетливо вспомнила лейтенанта Грэхема. Неужели господин Босвелл тоже намеревается сделать ее своей любовницей?

Хоть Мэри и знала, что, если он добьется ее помилования, благодарность заставит ее переспать с ним, но эта мысль внушала ей отвращение. Босвелл был толстым, от него разило

перегаром, и она думала, что не сможет даже поцеловать его, не говоря уже о том, чтобы лечь с ним в постель.

— Я должна всего добиться сама, — сказала Мэри, секунду подумав. — Я очень благодарна вам, Боззи, но если я действительно выйду отсюда, то не буду полагаться на вас.

Он засмеялся и пощекотал ее под подбородком.

— Улыбнитесь мне, Мэри. Вы красивая женщина, когда на вашем лице нет этого страдальческого выражения. Не нужно торопиться с ответом. В Лондоне трудно жить, если у вас нет друга.

Потом, к великому облегчению Мэри, Босвелл сменил тему и рассказал о своем предстоящем отпуске, который он собирался провести в Корнуолле.

Уже одного упоминания о Корнуолле было достаточно, чтобы вызвать у Мэри яркие воспоминания о доме. Прошло уже семь лет с тех пор, как она села на корабль, идущий в Плимут, и в ее памяти всплыли слова Долли: «Ты можешь объехать весь мир, но нигде не найдешь такого красивого места, как Фоуэй».

Мэри побывала во многих странах, и это была правда: она нигде не видела таких красивых мест. Закрыв глаза, Мэри увидела море, поблескивающее под летним солнцем, и услышала запах водорослей и крики чаек.

— Я никогда не была в Труро, Фэлмаусе и на границе графства, — сказала она, когда Босвелл упомянул, что собирается посетить эти места.

— Да что вы! — воскликнул он удивленно. — Правда?

— Вы поймете почему, когда съездите туда, — сказала она и улыбнулась, потому что, несмотря на его возраст, у него было прямо мальчишеское жизнелюбие. — Возможно, они не так далеко от Фоуэя, если считать в милях, но дороги плохие, немногим лучше проселочных.

— В Труро были беспорядки, — вздохнул Босвелл. — Пришлось вызвать армию, чтобы подавить их. Но впрочем, с тех пор как вы уехали, беспорядки вспыхивают повсюду. На Англию оказала влияние Французская революция, и сейчас в стране, как я подозреваю, слишком много недовольных.

Мэри знала, что Босвелл читает массу газет. Одной из причин, по которой она так любила его визиты, была возможность поговорить о том, что происходит за тюремными стенами. Хотя ее четверо друзей всегда находились рядом с ней, их разговоры казались Мэри очень ограниченными. Она устала обсуждать их побег и общих знакомых из Нового Южного Уэльса, и ей было еще менее интересно говорить о заключенных Ньюгейта.

— Как бы я хотела уметь читать, — сказала Мэри с сожалением. — Я совершенно не разбираюсь в том, что происходит в мире.

Босвелл снова накрыл ее руку своей.

— Мэри, если вы захотите, то научитесь читать. Но не говорите, что вы невежественны, потому что в вас больше ума и мудрости, чем у многих людей, которых я знаю и которые считают себя умными.

Потом он встал.

— Я уже должен идти. Постарайтесь не беспокоиться и знайте, что, путешествуя по Корнуоллу, я буду думать о вас.

Босвелл поцеловал ее в щеку.

— Носите это платье, Мэри, пусть оно напомнит вам те дни, когда ваша юность еще не превратилась в кошмар.

И Босвелл был прав: это платье действительно напомнило Мэри о многом. Мэри вспомнила, как была юной девушкой, как бегала в Плимуте на свидания к Томасу Кугану, как он ловил ее в свои распростертые объятия и кружил и как у нее кружилась голова от его поцелуев.

В Ньюгейте не было зеркал, но взгляды мужчин говорили Мэри, что в этом платье она не такая ободранная и некрасивая, как она думала. Это помогло ей воспрянуть духом, она ловила себя на том, что все больше думает о свободе и иногда с отчаянием говорит себе, что свобода никогда не придет.

Глава девятнадцатая

— Что вас беспокоит, Мэри? — спросил Босвелл, потянувшись через стол в тюремной комнате для посетителей. — Вы сегодня мне ни слова не сказали.

Мэри просидела в тюрьме уже семь месяцев. Был студёный февральский день. Она надела мужское пальто, одно из тех двух, которое принесли для Джеймса Мартина его поклонницы. На ней были толстые шерстяные носки и варежки, но она все равно так замерзла, что просто умирала от холода. Но Мэри была мрачной не только от холода, а еще и потому, что снова пала духом.

— Нас вообще когда-нибудь помилуют? — спросила она тихим голосом. — Если этого не произойдет, скажите мне сейчас, Боззи. Я уже не могу больше ждать.

Каждый раз, приходя в тюрьму, Босвелл рассказывал ей, как он занят ее делом и делами ее друзей. Он сказал, что надоедает всем, давит на Генри Дундаса и всех своих знакомых влиятельных людей. Но месяцы медленно тянулись, и Мэри невольно начала подозревать, что обещания Босвелла оказались пустыми.

— Прошло уже семь лет с тех пор, как вас арестовали, — сказал мягко Босвелл. — Вы вытерпели это с такой стойкостью. Вы наверняка сможете потерпеть еще совсем чуть-чуть. Или вы потеряли веру в меня?

Мэри не хотела признать, что так оно и есть, потому что отлично отдавала себе отчет в том, что слишком мало знала о мире за стенами тюрьмы, о юристах, судьях и секретарях внутренних дел. Босвелл имел привычку разговаривать с ней как с равной, рассказывал ей о знаменитостях, с которыми встречался, вечеринках, в которых принимал участие, о театрах и о концертах, предполагая, что она знает, о чем или о ком он говорит. Но откуда она могла знать? Мэри была неграмотной деревенской девушкой. Единственным подобием концерта, которое она видела, был марширующий оркестр в Плимуте. Ни разу в жизни она не садилась за стол, сервированный серебряными приборами и хрустальными бокалами.

Когда Босвелл говорил о лорде Фэлмаусе, Эване Непине и Генри Дундасе — чиновниках, с которыми он встречался по делу Мэри, — эти имена ей ни о чем не говорили. Она не знала ничего об этих людях. Мэри иногда даже предполагала, что он выдумал их, чтобы создать впечатление бурной деятельности.

У ее отца была поговорка «В королевстве слепых одноглазый человек — король». Только в Порт-Джеконе она поняла, что это значит. Там она была умнее большинства заключенных, многих морских пехотинцев и даже некоторых офицеров. Мэри пришла к мнению, что разбирается в людях и способна справиться с любыми трудностями.

Но Лондон и Ньюгейт совсем не то же самое, что Порт-Джексон. Здесь все отличалось острым умом. Возможно, у них было не больше книжного образования, чем у нее, но они обладали хитростью. Все они — будь то заключенные, надзиратели или посетители — имели более глубокие знания и больше опыта, чем она.

Возможно, Мэри побывала на самом дне и вернулась оттуда, но, с тех пор как она попала в Ньюгейт, она увидела, насколько ограничены на самом деле ее способности. Мэри умела ловить рыбу, потрошить ее и готовить. Она умела управлять лодкой и могла помочь построить хижину. И это было практически все. Мэри возлагала все свои надежды на Босвелла, потому что он умен и образован, но, возможно, она сделала глупость.

— Я думаю, что потеряла веру в себя, — призналась Мэри с вздохом.

— Это вполне понятно, — сказал Босвелл, и в его темных глазах появилось сочувствие. — Ньюгейт пытается уничтожить каждого, кто проходит через его двери. Но вы должны бороться с этим, Мэри. Посмотрите вокруг: на женщин, которые продаются за стакан джина, на мужчин, которые могут стянуть ботинки со спящего, и напомним себе, что вы не одна из них. Вы, благодаря вашей смелости и выносливости, покорили сердца целой нации. Каждый день люди спрашивают меня, как ваши дела, и суют мне деньги для вас.

— Правда? — спросила Мэри удивленно, и ее глаза сузились. — Так где же они?

Босвелл фыркнул.

— Я держу их в надежном месте на тот момент, когда они вам понадобятся. Было бы неблагоприятно с вашей стороны держать их здесь, но я записываю каждый пенс, и, когда вас выпустят, деньги будут потрачены на жилье, одежду, еду и дорогу туда, куда вы захотите поехать.

Мэри кивнула, приободрившись оттого, что он сказал «когда», а не «если».

— Но вы мне можете сказать хотя бы, через сколько недель ситуация прояснится?

Босвелл покачал головой.

— Я не могу, Мэри. Я делаю все, что в моих силах, обращаясь к людям, которые могут ускорить ваше освобождение. Я не могу сделать больше, чем уже делаю.

После того как Босвелл ушел, Мэри отправилась в пивную разыскивать мужчин. Несмотря на ее отвращение к этому месту, у нее не было желания в одиночестве ждать в камере их возвращения.

Как всегда, запах дешевого спиртного, табака и человеческого пота чуть не сбили ее с ног, когда Мэри открыла дверь. Комната была маленькой, похожей на подвал, с серыми каменными стенами, холодными и влажными на ощупь. Она освещалась коптящим фонарем, и единственной мебелью была пара расшатанных скамеек. Свежий воздух проходил только через дверь, но завсегдатаи пивной, похоже, привыкли к этой духоте.

В тот день комната оказалась не такой переполненной, как всегда, вероятно, потому, что в общих камерах была эпидемия лихорадки. И все же в ней находилось около шестнадцати мужчин и четверо женщин, две из которых показались Мэри новенькими, потому что она не видела их раньше. Одна из женщин, одетая в кричащее, багрово-голубое, полосатое платье, сидела верхом на колене у мужчины, потягивая из бутылки, и позволяла ему ласкать свою грудь.

Каждый раз, когда Мэри заходила сюда, она испытывала приступ тошноты. Дело было не в том, что она не одобряла людей, которые пили здесь или в любом другом месте, — выпивка была таким же действенным способом справиться с пребыванием в тюрьме, как и молитва. Но пивная, казалось, будила в людях все самое худшее. Они хвастались, ныли, издевались над более слабыми. Неуклюжие сексуальные акты, часто с комментариями участников, были обычным явлением. Однажды Мэри зашла сюда и увидела, как мужчина столкнул женщину со своих колен, только что совокупившись с ней, а другой схватил ее и тоже использовал, причем все остальные аплодировали ему.

Здесь также затевались интриги против непопулярных заключенных, и, поскольку зависть обычно была главной причиной самых злобных нападков в Ньюгейте, Мэри все время боялась за себя и за своих друзей.

— Мэри, моя дорогая малышка! — воскликнул Джеймс, увидев ее в проходе. — Иди сюда, выпей с нами!

Джеймс сильно изменился с момента их прибытия в Ньюгейт. Его скандальная репутация, умение писать и читать и природное обаяние почти сразу выделили его среди остальных заключенных. Поддержанию его имиджа благоприятствовал также поток дам, приходивших навестить его. В красивой чистой одежде, аккуратно побритый, Джеймс стал похож на члена ирландского аристократического общества. Он никогда не отличался красотой из-за большого лба и носа, но он умел элегантно носить свою новую одежду, и его юмор и сердечность располагали к нему.

У Мэри упало сердце, когда она увидела его лицо, красное от алкоголя. Шатаясь, Джеймс двинулся к ней, но еще хуже, чем его пьяный вид, была компания, в которой он пил. Амос Китинг и Джек Снид были настоящими отбросами общества, безобразными как телом так и душой. Они вдвоем до смерти забили дубинками богатую пожилую вдову, когда она застала их за ограблением ее дома. И даже сейчас, в ожидании смертной казни, они не испытывали абсолютно никаких угрызений совести и даже хвастались этим. Ната, Билла и Сэма не было в комнате, и Мэри подозревала, что они ушли, потому что не желали находиться в компании Амоса и Джека.

— Я просто хотела поговорить с тобой, Джеймс, — сказала Мэри, отступая назад. — Но это подождет.

— Ты слишком высокомерная и могущественная, чтобы выпить с нами? — Амос, который был младше Джека, ухмыльнулся, обнажив свои гнилые зубы.

Мэри замешкалась. Она не могла просто уйти, оставив подобное замечание без ответа. Но это было ее ошибкой, потому что Джек, сообщник Амоса, чудовище шести футов росту с лицом, похожим на сырую печенку, двумя прыжками пересек комнату и схватил ее за талию.

— Я люблю таких высокомерных и могущественных, — сказал он и выругался.

Джек приподнял Мэри, сжимая ее словно в тисках, и попытался поцеловать. Мэри ударила его по лицу, но он только рассмеялся.

— Вот так, дерись со мной, — проревел он восхищенно. — Я не люблю, когда женщины слишком податливы.

Мэри попыталась вырваться, но Джек держал ее слишком крепко, чтобы она могла это сделать, и, подстрекаемый громкими одобрительными криками остальных пьяниц, не собирался ее отпускать.

— Пусти меня! — крикнула она, молотя его кулаками. — Джеймс, помоги мне!

Мэри увидела, как Джеймс ринулся к ней, но Амос схватил его за горло и удерживал в таком положении, и тут она поняла, что оказалась в серьезной опасности.

Большинство мужчин в Ньюгейте, как заключенные, так и тюремщики, считали, что все женщины принадлежат им и с ними можно делать все, что угодно. Мэри всегда чувствовала себя в относительной безопасности благодаря своей репутации и наличию четырех друзей-мужчин, которые находились рядом с ней. Но Джек и Амос явно не благоговели перед ней и, похоже, считали ее легкой добычей.

— Женщина, которая живет с четырьмя мужчинами, не должна возражать, если кто-то еще займет свою очередь, — прошипел Джек ей в ухо, прежде чем швырнуть ее на пол. Он расстегнул пряжку на ремне и накиннулся на нее, и Мэри затошнило от отвратительного запаха его одежды.

Она снова позвала Джеймса на помощь и на секунду увидела его лицо, пока остальные собирались вокруг посмотреть, что Джек собирается делать. В глазах Джеймса был ужас, но она догадалась, что Амос все еще держит его и он не в состоянии ничего сделать.

Мэри дралась с Джеком, дергала его за волосы и царапала ему лицо, но он поймал ее руки и сжал их в своей, пока его другая рука бесстыдно блуждала под ее одеждой. Ему немного мешало ее тяжелое пальто и то, что Мэри изворачивалась, как угорь.

— Слезь с меня, ты, грязный подонок! — завопила Мэри, плюнув ему в лицо. Она отчаянно пыталась дотронуться ботинками до пола, чтобы оттолкнуться, но пол был слишком скользким. Мэри продолжала орать во всю глотку, но это, похоже, только еще больше распалило Джека, так же, как и крики наблюдавших за ними мужчин. Мэри вспомнила, что, к несчастью, крики были в Ньюгейте слишком обыденным делом, чтобы рассчитывать, что кто-то услышит ее и придет на помощь.

Мэри почувствовала, как атмосфера постепенно накалялась, по мере того как возбуждались зрители, и она не сомневалась, что, если Джек одолеет ее, за ним последуют и другие. Но Мэри не собиралась позволить себя изнасиловать после всего, через что она прошла. Лучше умереть.

Мэри боролась с ним из последних сил, снова высвободив руки, пыталась выцарапать ему глаза ногтями и дергала за сальные волосы, пока их клочок не остался у нее в руке. Когда он попытался закрыть ей рот поцелуем, она больно укусила его за губу.

— Ты маленькая ведьма! — воскликнул Джек почти с восхищением, сделав секундную паузу, чтобы стереть кровь со рта.

Воспользовавшись этим, Мэри нырнула под него и ей удалось отступить на несколько дюймов влево. Но Джек оказался быстрее: он снова крепко схватил ее, прижав ее тело и руки к полу, и левой рукой стащил с себя ремень.

— Нет, скотина! — услышала она голос Джеймса, и ей показалось, что он рванулся, чтобы помочь ей. Но если он и пытался это сделать, ему это не удалось. Джек явно намеревался либо избить ее ремнем, пока она не покорится, либо связать ей руки.

В какой-то степени вид наблюдавших мужчин казался Мэри еще хуже, чем то, что собирался с ней сделать Джек. Свет от фонаря был тусклым, но она все же достаточно хорошо разглядела злобное ликование на их лицах. Ее страх перерос в ярость из-за их развращенности и добавил ей решительности не предоставить им развлечения, которого они так ждали.

Мэри всегда была наблюдательной, а за последние семь лет это чувство еще больше обострилось. Когда она была здесь раньше, то заметила лежавшие на полу пустые бутылки. Было слишком темно, чтобы увидеть, есть ли они сейчас, но она быстро вытянула свободную руку и нащупала одну из них.

Джек уже расстегнул бриджи, и Мэри видела его пенис, похожий на столб с багровой верхушкой. Он снова кинулся на нее с ремнем в руках, и Мэри догадалась, что он намеревается придушить ее, чтобы она замолчала и покорилась.

Мэри снова вскрикнула, чтобы отвлечь его, и сжала ноги, вынуждая его отпустить одну руку, чтобы раздвинуть их. Он заколебался, не зная, что предпринять. Мэри воспользовалась его замешательством и резко ударила бутылкой по полу, оставив в руке отбитое зазубренное горлышко. Одним быстрым движением, собрав все свои силы, она ткнула им в шею Джека, как раз под ухом.

Джек завопил от боли, поднялся на колени и сжал руками шею. Мэри вскочила с пола и встала, оперев руки в бока, тяжело дыша от усталости и презрительно глядя на него.

В пивной стало тихо. Джек все еще стоял на коленях, и между его пальцев брызгала кровь. Его глаза вращались от страха, и из горла доносился ужасный булькающий звук.

— Пусть это будет тебе уроком, — сказала Мэри сквозь зубы и ударила его ногой так, что он упал.

Она повернулась к толпе, все еще держа в руке осколок бутылки. Они отступили на пару шагов. По тому как Мэри оскалила зубы, они предположили, что она собирается напасть и на них. Какое-то мгновение ей хотелось это сделать, но заключенные напомнили ей крыс из больницы в Батавии. Как и у крыс, у всех этих людей были острые черты лица и вороватые манеры. Они охотились на более слабых. Они были жалкими и недостойными.

— Если кто-нибудь из вас когда-нибудь вздумает снова тронуть меня, я его убью, — крикнула им Мэри. — А теперь зовите за помощью для него. А ты, Джеймс, идешь со мной.

Остальные мужчины еще не вернулись в камеру, хотя уже начало смеркаться. Джеймс, рассыпавшийся в извинениях всю дорогу, пока они шли вверх по лестнице, сел на солому, подтянул колени к подбородку и опустил на них голову.

— У тебя такой вид, будто ты ждешь, что я тебя ударю, — сказала резко Мэри. — Может, я и должна это сделать за то, что ты так меня поддержал.

— А что, если он умрет, Мэри? — прошептал Джеймс, и его лицо в полумраке было бледным как мел.

— Ты думаешь, кому-то есть до этого дело? — воскликнула она, зажигая свечу. — Он убийца, и его должны повесить. Но он от этого не умрет, это только поверхностная рана. Если это на недельку-другую удержит тебя от посещения пивной, я сделала это не напрасно.

Какое-то время Джеймс молчал. Мэри села и оперлась спиной о стену. Ей было очень холодно, и она дрожала, понимая, что скорее удача, чем сила или превосходство ума позволили ей победить Джека.

— Ты меня ненавидишь? — спросил Джеймс через некоторое время дрожащим и слабым голосом. Мэри подумала, что шок отрезвил его.

— Почему я должна тебя ненавидеть? — возразила она. — Не ты же пытался меня изнасиловать.

— Я должен был найти способ остановить его. Я подвел тебя.

— Все мужчины подводят меня, — сказала Мэри и неожиданно разрыдалась. Она ни разу не плакала с тех пор, как они прибыли в Ньюгейт. Мэри сказала себе, что, после того как она потеряла детей, ничто уже не сможет заставить ее плакать. Но она снова была вынуждена бороться, защищая себя, и ей казалось, что вся ее жизнь — это сплошная затянувшаяся борьба, и она уже слишком устала, чтобы продолжать ее.

— Не надо, Мэри, — сказал Джеймс и быстро подполз к ней, чтобы утешить ее. — Я не могу видеть, как ты плачешь.

— Почему? — спросила она горько, и слезы продолжали катиться по ее щекам. — Ты боишься, что, если я паду духом, у вас не останется никакой надежды?

Мэри сказала это, не подумав, но тут же поняла, что это правда. Люди полагались на нее, рассчитывали на ее силы еще с тех пор, как она была на «Дюнкирке», Она вспомнила, как разбивали лагерь в Порт-Джексона и все спрашивали ее, как сделать то или это. Они хотели, чтобы она выслушивала их проблемы, обращались к ней за помощью во всем: от ухода за больным ребенком до выпрашивания у офицеров одеяла или кастрюли. Это не прекращалось никогда: ни во время побега, ни позже.

А на кого полагалась она, когда ей становилось плохо? Мэри была вынуждена держать себя в руках, потому что знала, что ей не на кого рассчитывать.

— Мы бы столько ошибок без тебя наделали, это уж наверняка, — сказал Джеймс с сожалением, будто читал ее мысли. — Но ты же знаешь, как мы любим тебя, и я и остальные?

— Я не уверена в том, что мужчины умеют любить, — всхлипывала Мэри. — Если они могут использовать одно и то же действие, доказывая свою любовь и пытаясь выразить свою ненависть или презрение, я не верю, что у них есть сердце.

Джеймс крепко обнял ее и покачивал, прижимая к своей груди.

— Это очень циничная мысль, Мэри. Я совершил много такого, за что мне стыдно, но я ни разу не взял женщину силой. Мужчина может любить женщину, не думая о том, как бы переспать с ней. Я, Нат, Билл и Сэм — мы все любим тебя, ты нам как сестра.

— Но где же вы пропадаете целыми днями, если я вам так дорога? — выпалила она. — Я сижу здесь одна и умираю от тоски. Вы оставляете визиты с господином Босвеллом на меня, это я договариваюсь о еде со Спинксом, я занимаюсь стиркой одежды. Что делаете все вы, кроме того что пьете?

— Мы оставляем Босвелла на тебя, потому что знаем, что именно тебя он хочет видеть, — сказал возмущенно Джеймс. — И со Спинксом ты лучше договариваешься, потому что ты ему нравишься. А оставляя тебя одну, мы думали, что ты этого хочешь.

— Это правда? — резко спросила Мэри.

— Ты же хорошо знаешь, что я сказал правду насчет Босвелла и Спинкса, — ответил Джеймс, защищаясь. — Это ты из-за Босвелла пришла искать меня в пивной?

Мэри на секунду задумалась. Она никак не могла забыть, что произошло между ней и Босвеллом.

— Я думаю, я была просто расстроена, потому что он не принес никаких новостей о нашем помиловании, — сказала она, вытирая слезы тыльной стороной ладони. — Я начинаю думать, что этого не произойдет никогда.

— Тогда, может быть, мне пора написать в газеты? — произнес Джеймс. — Маленькое напоминание о том, что мы еще здесь. Это может побудить судей к какому-нибудь действию.

Мэри хорошо понимала, что мужчины не так отчаянно стремились к свободе, как она. Конечно, они хотели оказаться на воле, но они уже привыкли к Ньюгейту, и, пока у них имелись деньги на еду и выпивку, они были довольны. Но с точки зрения Мэри, Джеймс жил в раю для дураков. У него были грандиозные планы, когда они только попали сюда: он хотел написать книгу и поехать домой в Ирландию разводить лошадей, но все, чем он занимался сейчас, это коротал время за пьянками. Казалось, Джеймс не понимал, что ни одна из женщин, находивших его таким обаятельным, не захочет ни звать с ним, ни помогать ему, когда его выпустят. Он должен начать думать об этом дне уже сейчас.

Мэри села и обхватила его лицо руками.

— Послушай меня, Джеймс, — сказала она убедительно. — Ты должен прекратить ходить в пивную. От людей, которых ты там встречаешь, не стоит ждать ничего хорошего. Пожалуйста, займись чем-нибудь другим: пиши свою книгу, читай, делай все, что угодно, но не пей, иначе, когда мы все-таки выйдем отсюда, ты снова попадешь в неприятности и в конце концов опять окажешься здесь.

— Не читай мне морали, Мэри, — ответил Джеймс, убирая ее руки. — Я все это знаю.

— Знаешь? — спросила она. — Так значит, ты намного умнее меня. Видишь ли, я постоянно об этом думаю и до сих пор не знаю, как буду жить. Я спрашиваю себя: что может

делать женщина, чтобы честно зарабатывать на жизнь, если она не умеет ни читать, ни писать? Мне интересно: какой человек в здравом уме захочет, чтобы в его шикарном доме работала бывшая каторжница?

— Кто-нибудь обязательно найдется, — сказал он беспечно.

Мэри вопросительно подняла одну бровь.

— Да что ты говоришь? Ты думаешь, эта тюремная вонь рассеется в тот момент, когда я выйду за ворота? Что там окажется какой-нибудь добрый человек, который будет ждать меня и с радостью заберет к себе домой, не опасаясь, что я сбегу от него с его фамильным серебром?

Джеймса передернуло. Ему не нравилось, когда Мэри напоминала им, что все они осуждены за воровство.

— Господин Босвелл поможет тебе. Кроме того, тебе встретится какой-нибудь отличный парень, он женится на тебе, и, может быть, у тебя еще будут дети.

Мэри отрывисто рассмеялась.

— Я похожа на старое чучело, Джеймс. Какой мужчина захочет на мне жениться?

— Я бы захотел, — сказал он, взяв ее руку и сжав ее. — И Сэм тоже. Ты красивая, Мэри, ты сильная, смелая, добрая и честная. Любой мужчина, у которого есть голова на плечах, был бы рад взять тебя в жены.

У Мэри чуть не сорвалось с языка, что, если бы она вышла замуж за одного из них, ее проблемы не только бы не решились, а удвоились бы. Но до нее дошло, что Джеймс говорил это как комплимент и было бы грубостью с ее стороны возражать ему.

— Ты благодаря своему языку мог бы очаровать всех женщин в Лондоне, — сказала она с натянутой улыбкой. — Но не меня, Джеймс, я слишком хорошо тебя знаю.

— Но ты не знаешь сама себя, — парировал он, наклонившись, чтобы поцеловать ее в щеку. — Поверь мне, Мэри, ты просто подарок. И заслуживаешь гораздо большего, чем ты думаешь.

Джеймс Босвелл стоял со стаканом бренди в руке и грелся у огня в гостиной. Был вечер, начало восьмого, и он чувствовал себя уставшим как морально, так и физически.

Прошла неделя с тех пор, как он в последний раз видел Мэри, и ее отчаяние заставило его удвоить усилия в борьбе за ее освобождение. С десяти утра он навещал своих самых влиятельных друзей и знакомых, чтобы заручиться их поддержкой. Хотя большинство из них выслушали его и даже проявили достаточно сочувствия, пожертвовав деньги для Мэри, никто не был настолько тронут ее положением, чтобы предложить свое время или свой опыт для ее освобождения.

Босвелл направился к своему креслу и тяжело опустился в него. Откинувшись на спинку, он задумчиво сделал глоток бренди и еще раз отчетливо вспомнил Мэри: большие серые глаза, которые напоминали ему море в шторм, грива густых темных кудрей, вздернутый маленький носик и губы, так легко складывавшиеся в мягкую улыбку. Она выглядела слишком худой и болезненно бледной, чтобы ее можно было назвать красавицей: тяжелые времена оставили свой след, а солнце, ветер и море состарили ее раньше времени. И все же в ней чувствовалось что-то необъяснимо привлекательное.

Босвелл часто встречался с ней как наедине, так и в присутствии ее четырех друзей. Босвелл уже знал историю их побега во всех подробностях и характер каждого ее участника, включая тех, кто погиб в неволе. Он научился угадывать в словах Мэри скрытый смысл,

потому что она всегда упрощала свой рассказ, обычно не упоминая о своей решающей роли во всех этих событиях. Она сказала, в какой день декабря умер Эммануэль, а также упомянула, что Уилл очутился в больнице еще до этого. И только благодаря случайно оброненному замечанию о том, когда она вернулась к другим мужчинам на сторожевой корабль, Босвелл понял, что Мэри оставалась в больнице с Уиллом до его смерти.

Босвелл знал, что чувствовали мужчины по отношению к Уиллу и почему. Мэри же считала, что стала виновницей их злоключений. Когда Босвелл спросил, почему она оставалась с мужем до самой его смерти, Мэри пожалала плечами.

— Я бы никого не оставила умирать в одиночестве без малейшего утешения, — сказала она.

Босвелл считал эту черту главной в характере Мэри. Она не рассматривала свой поступок как благородный или великодушный, для нее это было элементарное проявление человечности. Многие женщины, только что потерявшие ребенка, захотели бы, чтобы его отец страдал, даже если бы его вина была только частичной. Мэри, безусловно, могла тогда воспользоваться подходящим моментом, чтобы сбежать с Шарлоттой, но она этого не сделала. Она осталась и ухаживала за Уиллом.

Понять Мэри на самом деле было нелегко. Она умела ловко менять тему разговора, не придавала значения инцидентам и приписывала другим собственные подвиги. Но Босвелл отличался упорством, а еще у него была очень хорошая память, и, когда он сопоставлял то, что рассказывали мужчины о Мэри, с тем, что она говорила сама, правда всплывала на поверхность.

Мэри была женщиной исключительной храбрости, выносливости и ума. Было что-то определенно мужское в том, что она выказывала так мало эмоций, когда находилась в стрессовой ситуации, но в остальном она была очень женственной. Мэри искренне беспокоилась о младенцах, рождавшихся в тюрьме, и о том, что их матерям не предоставлялся надлежащий уход. Мэри восхищалась мудреными жилетами Босвелла, у нее навернулись слезы на глаза, когда он однажды принес ей букетик подснежников, и она по-настоящему сочувствовала, когда он входил в камеру, запыхавшись после тяжелого подъема. Босвелл отметил, с какой нежностью она относится к своим друзьям и в какой чистоте и опрятности содержит себя и их камеру. В Ньюгейте это было большой редкостью.

На улице трещал мороз, но в гостиной Босвелла было тепло от огня в камине и очень уютно. Ставни и тяжелые бархатные гардины защищали от сквозняков, и его кресло стояло в идеальном месте. Ему стоило только позвонить в звонок — и экономка приносила все, чего он хотел: тарелку с сыром или ветчиной, бутылку портвейна или даже плед, который он набрасывал на колени. Экономка обычно нагревала его постель горячими кирпичами, прежде чем он ложился в нее, и вывешивала его ночную рубашку у огня. Когда он просыпался по утрам, его всегда ждал поднос с чаем, огонь уже горел, и вода для утреннего умывания была подогрета.

«Сегодня ночью в Ньюгейте наверняка адский холод», — подумал Босвелл, и мысль о том, что Мэри спит, свернувшись калачиком на соломе, показалась ему невыносимой. И все же она никогда не жаловалась на неудобства, более того, выражала благодарность по поводу того, что ее избавили от общей камеры. И только когда Мэри вспоминала родной Корнуолл, Босвелл видел в ее глазах жгучее желание вдохнуть свежий воздух, увидеть величие бурного моря и простор вересковых пустошей.

Его поездка в Корнуолл прояснила для него некоторые черты Мэри. Сначала Босвелл

счел это место сырым и унылым, а некоторые районы показались ему более нищими, чем в Лондоне. Но когда вышло солнце и осветило красочный пейзаж, он понял, что ошибался.

Крошечные рыбацкие деревеньки надежно спрятались под утесами, и это явно свидетельствовало о цепкости их обитателей, которые ловили рыбу, спускались в шахты и занимались сельским хозяйством. Корнуолльцы, какими бы бедными они ни были, не заискивали перед зажиточными землевладельцами. Все то время, что Джеймс пробыл там, он ощущал, что у простого народа достаточно силы и храбрости, чтобы восстать и забрать то, что принадлежало ему по праву, если бы он так решил. Мэри до мозга костей была такой же, как все корнуолльцы, — крепкой и дикой, как необъезженная лошадь, цепкой, как растения в горных озерах, и часто такой же загадочной, как глубина этих озер.

Но на прошлой неделе Босвеллу показалось, что Мэри начала сдавать, так как была не в состоянии выдержать новые испытания, после всего что она вынесла с такой стойкостью. Он боялся, что подавленное состояние Мэри может сделать ее уязвимой для инфекции, так как у нее уже не останется сил бороться.

Возможно, вначале, взявшись за ее защиту, Босвелл искал славы, но сейчас он, безусловно, об этом уже не заботился. Он так хотел увезти Мэри из этого ужасного места и увидеть, как она расцветет благодаря хорошей еде, красивой одежде и свободе.

Недавно один из друзей насмешливо спросил его: неужели в Лондоне недостаточно проституток, чтобы удовлетворить его, раз ему приходится спасать заключенную? Когда-то Босвелл, может быть, и посмеялся бы над таким замечанием, и в прошлом его конечной целью действительно было бы переспать с женщиной, как только она окажется на свободе. Но Мэри затронула в нем глубоко скрытые чувства, которые не имели ничего общего с плотским желанием. И ему было больно, что его друзья не понимали этого.

Босвелл полагал, что, освободив Мэри, он сможет загладить свое небрежное обращение с женщинами, свойственное ему в прошлом. Он по-настоящему любил свою жену Маргарет, но не уделял ей должного внимания и множество раз изменял ей. С каким количеством шлюх и горничных он переспал и сколько невинных девушек обесчестил! Его нельзя было обвинить в черствости, потому что многие из них действительно пленили его сердце. Но он вел себя как бабочка, порхающая с цветка на цветок, и исчезал, когда страсть остывала.

Но Босвелл знал, что он не потеряет интереса к Мэри: первый раз в жизни он собирался довести дело до конца, чего бы это ему ни стоило. Он хотел не только добиться помилования для нее и ее друзей, он намеревался помочь Мэри обрести спокойную жизнь и достаток.

Босвелл допил остатки бренди и потянулся к графину, чтобы налить себе еще. Сейчас было не лучшее время для того, чтобы просить за Мэри. В последние три года повсюду в стране вспыхивали беспорядки. У бедных были все основания чувствовать озлобленность, потому что Акт об ограждении общинных земель согнал многих из них с земли в города, а ремесленники убеждались, что их умения больше не востребованы, так как на их место приходили машины. Они заявляли о своем возмущении стихийными восстаниями, и государство начало опасаться таких людей, как Томас Пейн [\[17\]](#), который разжигал недовольство, основываясь на убеждении, что нужно упразднить монархию и поднять рабочий класс, передав власть в его руки.

Бунтовщиков арестовывали, судили и высылали прежде, чем они успевали заразить других своими пылкими взглядами, и, хотя Генри Дундас с самого начала согласился, что пятеро вернувшихся с высылки каторжников заслуживают прощения, совсем недавно, когда Босвелл попросил его выполнить обещание, он отрицал, что обещал это, и обвинил его в

слишком богатом воображении.

Босвелл встретился с Эваном Непином, заместителем государственного секретаря. Этот человек отвечал за организацию транспортных кораблей первой флотилии, и говорили, что он пришел в ужас, услышав, как много заключенных умерло на кораблях второй флотилии. Не было сомнения, что Непин в общем заботился о благополучии каторжников, но он считал, что правительство и так уже проявило слишком большую снисходительность, не повесив этих пятерых, и не видел ни одной причины для их помилования.

Босвелл испытал легкое чувство стыда, вспомнив, что он заставил Мэри поверить, будто Генри Дундас его давний и близкий друг. Их связывало только то, что они ходили в одну школу, даже не испытывая приязни друг к другу. Но Босвелл решил, что, несмотря ни на что, он завтра снова свяжется с Дундасом и, кроме того, напишет лорду Фэлмаусу.

— Мне нельзя сдаваться, я не сдамся, — пробормотал он сам себе. — И если я буду настойчивым, справедливость восторжествует.

Когда Босвелл позже в тот же вечер дремал в кресле у камина, Мэри лежала в темноте с открытыми глазами, и лицо ее было мокрым от слез. Она так замерзла, что у нее окоченели пальцы ног и она не могла даже дрожать. Болела каждая косточка ее тела.

Мэри слышала, как кто-то скулит. Это был плач не от боли, скорее от безысходности, и этот звук отразил ее чувства. Она так устала от борьбы, что мысль о смерти снова стала казаться ей привлекательной. Мэри уже не помнила, почему когда-то ей так важно было выжить. Для чего теперь жить?

Глава двадцатая

— Какое сегодня число, Джеймс? — спросила Мэри, повернувшись на ящике, на который она встала, чтобы выглянуть из окна камеры. Она не видела ничего, кроме тюремной крыши здания, которое находилось напротив их камеры, и неба над ней, но было намного приятнее смотреть на облака и птиц, чем на стены камеры.

Джеймс сидел на полу и что-то писал. Он оторвался от работы, когда Мэри задала вопрос, и поднял голову.

— Второе мая, — ответил он. — А почему ты спрашиваешь, у тебя какие-то планы?

Время близилось к обеду, и все они были в камере. Сэм вырезал фигурку животного из дерева, Нат был занят пришиванием заплатки на свои бриджи, а Билл старательно заплетал соломку в причудливые формы. Он называл свои поделки «кукурузными куклами» и говорил, что в Беркширской деревне, откуда он родом, они считаются символом плодородия. Джеймс не раз шутил, что, если в тюрьме резко увеличится рождаемость, виноват в этом будет Билл.

С того дня, когда Джек напал на Мэри, все они стали проводить в камере гораздо больше времени. Джек оправился после ранения, но через несколько недель его повесили за совершенные им преступления. С тех пор заключенные начали обращаться с Мэри с большой осторожностью. Но каждый день в тюрьму прибывало пополнение, и многие из новоприбывших были еще более опасными, чем Джек, поэтому мужчины последовали совету Мэри и держались от пивной подальше.

Все они нашли, чем заполнить дневные часы. Мэри вязала шаль, а мужчины играли в карты, навещали других заключенных в соседних камерах, а в погожие дни выходили во двор. А еще они часто вспоминали о Новом Южном Уэльсе и о своем побеге, потому что Джеймс наконец начал писать книгу. Когда же они хотели пойти в пивную, они отправлялись туда по вечерам и оставались там не больше двух часов.

— Второе мая! — воскликнула Мэри. — Так мой день рождения был два дня назад, и мы просидели здесь уже почти одиннадцать месяцев! — Ее день рождения теперь мало что значил для нее, разве что напоминал ей о приближении майского праздника, который всегда по-особому отмечался в Корнуолле. Здесь никто никогда не упоминал об этом празднике, вероятно, в Лондоне его не отмечали.

— У меня такое ощущение, что мы находимся в тюрьме уже целую вечность, и, говорят, неприлично спрашивать женщину о ее возрасте, — сказал Джеймс с нахальной улыбкой.

— Ты старше меня, — отрезала Мэри, прыгнула с ящика и уселась на него.

— Я уже с трудом помню даты, — сказал задумчиво Билл, почесав лысину. — Я не уверен, тридцать два мне или тридцать три.

— А я все равно моложе всех, мне двадцать пять, — вмешался Нат.

Мэри не хотелось признаваться, что ей исполнилось двадцать восемь. Это казалось так странно. Но все же она чувствовала себя старой, и она уже была в Ньюгейте так долго, что почти всех, кого она встретила здесь в первый день, либо повесили, либо выслали, либо они умерли от лихорадки.

— Кто-то идет, — сказал Сэм, поднимая голову.

Он оказался прав. Они все слышали громкие шаги в коридоре. Это был не Спинкс, который обычно шаркал, и не кто-нибудь из заключенных, которые ходили очень медленно. Мэри сначала казалось это странным, пока она сама не начала так ходить. Какой смысл

куда-то торопиться, если у тебя впереди долгий праздничный день?

Шаги остановились у двери, и она открылась. Это был один из охранников, обычно стоявший у ворот, широкоплечий мужчина с изрытым оспой лицом. Они видели его, когда приехали сюда и потом, когда их вели в суд.

— Мэри Бруд! — сказал он, глядя на нее. — Тебя ждут внизу.

Мэри обменялась с мужчинами вопросительным взглядом. Обычно, когда к кому-нибудь из них приходил посетитель, появлялся Спинкс и вызывал их.

— Вероятно, это король, — сказал Джеймс и рассмеялся собственной шутке.

Мэри подобрала шаль и последовала за охранником вниз по лестнице. Через наружный двор они зашли в маленький кабинет, в который она попала сразу по прибытии в Ньюгейт.

— Господин Босвелл! — воскликнула она, когда увидела, кто ее ждет. Он выглядел еще более величественным, чем обычно, в темно-красной куртке, отделанной черным галуном, и в треуголке с красными перьями. — Я ожидала чего-то плохого. Почему охранник не сказал мне, что это вы меня ждете?

— Потому что это официальный визит, — сказал Босвелл, взглянув на охранника, и вдруг его лицо расплылось в широкой улыбке. Он достал из-за спины лист бумаги. — Это, моя дорогая, ваше помилование!

Мэри была слишком ошеломлена, чтобы ответить. Она моргнула, ухватила за край стола, чтобы опереться на что-нибудь, и уставилась на Босвелла.

— Ну скажите же что-нибудь, — рассмеялся он. — Или вы не поверите, пока я вам не прочитаю?

Босвелл прочистил горло, отвесил поклон, будто собирался декламировать для королевской особы, и поднес бумагу к глазам.

— *Ввиду того что Мэри Брайант, иначе называемая Бруд, в настоящий момент заключенная в Ньюгейте,* — прочитал он вслух и, сделав паузу, улыбнулся.

— Продолжайте, — прошептала она, боясь, что сейчас потеряет сознание от потрясения.

— *Обвиняется в побеге от лиц, на законном попечении которых она пребывала до окончания срока, определенного для ее высылки, и ввиду того что некоторые смягчающие обстоятельства были нижайше представлены нам от ее лица, побуждая нас предоставить наше Прощение ей и предоставить ей наше полное помилование за ее вышеуказанное преступление с освобождением...*

Босвелл продолжал читать и закончил, сказав Мэри, что письмо подписано Генри Дундасом по приказу его величества. Но она с трудом понимала, о чем он говорит. Для нее имели значение только два слова — «помилование» и «освобождение».

— О Боззи! — выдохнула Мэри, когда он закончил. — Ты это сделал! Я свободна?

— Да, вы свободны, моя дорогая, — просиял Босвелл. — С этого самого момента. Вы можете прямо сейчас выйти со мной из этих ворот. Вы провели в Ньюгейте вашу последнюю ночь.

Она кинулась к нему и расцеловала его в обе щеки.

— Вы чудесный, чудесный человек! — воскликнула Мэри радостно. — Я даже не представляю, как смогу отблагодарить вас.

У Босвелла всегда было такое красное лицо, что Мэри не поняла, покраснел ли он, но он схватил ее за руки, крепко сжал их и прослезился от избытка чувств. Мэри никогда не целовала и не пыталась обнять его раньше, и он ожидал, что она примет эту новость с

обычной сдержанностью. Видеть, как она взволнована от радости, было достаточной наградой для него.

— Вы отблагодарите меня, если быстро возьмете свои вещи и пойдете со мной праздновать свое освобождение, — сказал он.

Мэри сделала два шага к двери, затем резко остановилась и снова повернулась к нему. Ее улыбка исчезла, и вместо нее появилось выражение крайнего беспокойства.

— А что с мужчинами? — спросила она, снизив голос до шепота. — Они тоже помилованы?

Именно этого момента Босвелл и боялся.

— Еще нет, — сказал он осторожно, опасаясь, что Мэри не захочет уходить без них.

— Но они тоже в свое время получают помилование. Я обещаю.

Она заколебалась.

— Мэри, их освободят, — настаивал он. — Я уверен, что они будут рады за вас. Вы сможете сделать для них больше, если будете на свободе, а не останетесь здесь с ними.

После этих слов она ушла, но шагала медленно, опустив голову, словно задумавшись о чем-то.

* * *

Мэри выпалила новость еще у двери и заплакала, когда сообщила, что помиловали только ее, а им придется еще немного подождать. Она подумала, что они будут рассержены, обижены, возмущены, и прикрыла лицо в ожидании ругательств.

Джеймс был ошеломлен, но, увидев ее жест, он устыдился, что она ожидает зависти по поводу своей удачи. Мэри заслуживала свободу больше, чем кто-либо из них, потому что понесла гораздо более тяжелые потери.

— Ну, с нами будет все в порядке, правда, парни? — сказал он, бросив на них строгий взгляд, чтобы они не говорили ничего дурного.

— Но я хотела, чтобы мы вышли все вместе, — произнесла Мэри, и по ее щекам покатались слезы. — Как я могу уйти без вас?

Они все как один вскочили на ноги, тронутые ее непоколебимой преданностью.

— Не глупи, — сказал Джеймс. — Мы всегда ожидали, что ты уйдешь первой, так что вали и наслаждайся.

— Ты заслуживаешь этого больше, чем любой из нас, — проговорил Сэм, и теплая улыбка смягчила его худое лицо. Нат любовно потрепал ее по плечу, а Билл издал вопль восторга и ткнул кулаком в воздух.

Мэри вытерла слезы, тронутая тем, что они так радуются за нее и не показывают своего разочарования.

— Мы так долго были вместе, что я даже не знаю, как я без вас проживу, — сказала она.

— Убирайся! — воскликнул Сэм, театрально махнув рукой на дверь. — Мы будем рады избавиться от твоего вечного ворчания.

— Мы превратим эту камеру в навозную кучу, будем весь день пить и приглашать сюда шлюх, — рявкнул Билл, но губы его дрожали.

— Я возьму твое одеяло, — вмешался Нат. — Оно толще, чем мое.

Мэри со слезами на глазах смотрела каждому в лицо. Четыре храбрых улыбки, четыре

горячих сердца, каждый из них был так близок ей по тысяче разных причин. Они знали все сильные и слабые стороны друг друга. Они вместе сражались, смеялись и плакали. А теперь ей нужно уходить и научиться жить без них.

— Не напивайтесь и не деритесь, а ты, Джеймс, закончи свою книгу, — сказала Мэри материнским тоном, потому что знала, что если попытается сказать им, как она их любит, то разрыдается. — Я вернусь повидаться с вами, и мы все вместе отпразднуем, когда вы тоже получите помилование.

Мэри выскользнула из своего старого платья и надела голубое, которое подарил ей Босвелл, затем, вытряхнув солому из льняного мешка, который она принесла с «Горгоны» и использовала в качестве подушки, сложила туда свои немногие вещи.

Джеймс подошел к ней сзади и застегнул пуговицы на платье, потом повернул ее к себе лицом и поправил выбившуюся кудряшку.

— Храни тебя Бог, Мэри, — сказал он прерывистым от волнения голосом. Он поцеловал ее в щеку и прижал к себе. — Счастлив тот мужчина, который будет с тобой.

Мэри молча оторвалась от Джеймса, чтобы поцеловать и обнять остальных, чуть дольше задержавшись возле Сэма.

— Не повторяй прошлых ошибок, — прошептала она. — И найди женщину, достойную тебя.

Мэри приостановилась у двери, бросив на них прощальный взгляд. Она вспомнила, каким подозрительным и безобразным она считала Джеймса, когда смотрела, как они с Уиллом отправляются на работу на «Дюнкирке». Он был последним звеном в цепочке, связывавшей ее с этим тюремным кораблем. Но сейчас благодаря своей способности очаровывать дам Джеймс выглядел скорее как джентльмен, а не как заключенный.

Нат показался ей странным, когда она впервые увидела его. Она заметила блеск его волос и гладкую кожу и догадалась, благодаря чему этот хорошенький мальчик выжил на «Нептуне». Сейчас ей было грустно вспоминать, что она осудила его за это. Его поведение ничем не отличалось от того, что она делала с лейтенантом Грэхемом.

У Сэма на «Скарборо» был не такой привлекательный вид, чтобы торговать собой в обмен на удобства. Он находился при смерти, когда она дала ему напиток на набережной. Он тогда отчаянно сражался за жизнь, точно так же, как потом сражался вместе с Мэри со стихией, чтобы доплыть до безопасного места.

Что касается Билла, Мэри впечатлила его стойкость, когда он поднялся и пошел, после того как его выпороли, но на самом деле он не нравился ей до самого момента побега. Время доказало, что под грубой оболочкой скрывался добрый и порядочный человек.

Мэри не могла утверждать, что кто-то из них поразил ее с первого взгляда. Это было четверо простых, внешне ничем не примечательных мужчин, которые пережили вместе с ней лишения и стали ей как братья. Каждая черточка их характера врезалась в ее сердце, и каждое дорогое лицо навсегда запечатлелось в памяти.

— Я вас всех люблю, — сказала Мэри мягко, и ее глаза снова наполнились слезами. — Пожалуйста, не преступайте больше закон, я хочу, чтобы вы были честными и счастливыми.

И она убежала с мокрым от слез лицом.

— Я нашел для тебя жилье на Литл Титчфилд-стрит, — сказал Босвелл, усаживая Мэри в красивый кэб. Он заметил следы слез на ее лице и догадался, что ее расстроило прощание с друзьями. Но он чувствовал, что это расставание будет ей только на пользу. Босвелл не был

до конца уверен, что, выйдя из тюрьмы, все они станут честными и трудолюбивыми, и сейчас, когда Мэри обрела свободу, он не хотел бы, чтобы ее окружали люди, дурно на нее влияющие.

— Теперь вот что. У меня есть для тебя деньги, — произнес Босвелл, вынимая из кармана записную книжку и показывая ей. — Больше сорока фунтов, целое состояние. Из них я заплачу за твоё жильё, и ещё тебе понадобится одежда. Но сейчас ты должна просто наслаждаться своей свободой.

Грусть по поводу расставания с друзьями рассеялась. Мэри испытывала возбуждение, думая о своей свободе и любуясь видами Лондона. Босвелл отметил, что жалкий пейзаж, который она видела раньше по дороге от доков до Ньюгейта, был далеко не самой лучшей частью города и что сейчас она попадет в более приличный район.

Мэри смотрела вокруг в безмолвном удивлении. Стоял ясный солнечный летний день, и улицы были переполнены, так что возница пустил лошадей шагом. Грохотали железные ободья колес на тяжелогруженных повозках, кэбы и экипажи мчались по неровной дороге. Носильщики портшезов ловко оббегали кучи лошадиного навоза, шныряя в оживленном уличном движении.

На дамах, вышедших за покупками, были платья и красивые шляпки всех цветов радуги, мужчины в сюртуках и шляпах, как у Босвелла, спешили по своим неотложным делам. Уличные торговцы пронзительными голосами расхваливали свой товар. Худенькие девчонки-цветочницы ходили с корзинами примул в руках; мальчишки, совсем ещё дети, продавали газеты; дородные торговцы выгружали товары с повозок; а носильщики переносили все, что угодно: от приставных лестниц до предметов мебели.

Но больше всего Мэри заинтересовали здания. Частные дома, банки, конторы — все эти строения казались ей очень величественными. Мраморные ступеньки, колонны, барельефы она раньше видела только в церквях. Непохожие друг на друга здания сгрудились, будто им было мало места, причем каждый старался превзойти соседа роскошью. Некоторые дома выглядели очень старыми, половина из них были ещё деревянными и угрожающе нависали над улицей. С ними контрастировали изящные строения, в три или четыре этажа, с великолепными высокими арочными окнами.

А ещё Мэри бросилось в глаза большое количество шикарных экипажей. У некоторых из них выделялись колеса, выкрашенные алой краской, в другие были запряжены грациозные лошади, украшенные плюмажем, кое-где сидели лакеи в сияющей красно-золотой ливрее.

Босвелл обращал ее внимание на то, что, по его мнению, могло заинтересовать ее: мужчина с бараньим боком в руках, идущий с рынка Смитфилд, Судебные Инны [\[18\]](#), где он учился на адвоката, Линкольн Инн Филдс и множество красивых домов, принадлежавших его знакомым. Он рассказал ей о большом пожаре в Лондоне и о том, как город потом отстраивался.

— Посмотрите! — прервала его Мэри, когда Босвелл рассказывал о кофейне, в которой он обычно встречался с доктором Джонсоном. Она указала на женщину, толкавшую нечто, что могло быть только детской коляской, потому что внутри этого шикарного четырехколесного экипажика сидел ребенок и восторженно махал ручками. Мэри никогда раньше не видела ничего подобного. — Люди в Лондоне настолько богаты, что возят своих детей в повозках?

Босвелл хмыкнул. Он подумал, что это очень по-женски: больше интересоваться ребенком в экипажике на колесах, чем выслушивать рассказы о его великом друге. Ещё он

предположил, что если человек не умеет читать и писать, то он даже не в состоянии понять, почему кто-то занимается составлением словаря и какая вообще в нем польза.

— Я вижу нянь со своими питомцами в колясках в лондонских парках так часто, что не нахожу эти коляски чем-то выдающимся, — сказал Босвелл. — Но я подозреваю, что не только их стоимость удерживает большинство матерей от покупки. Коляски немного неуклюжие.

— Но это хорошая идея, — возразила Мэри. — Особенно если малышом двое или трое.

— Смею заметить, что обычные женщины с несколькими детьми скорее предпочли бы, чтобы к ним по трубам прямо в дом поступала вода, — сказал Босвелл. — Это избавило бы их от большого количества тяжелой работы. У некоторых богатых людей есть в доме комнаты, специально отведенные для купания, а от грязной воды они спокойно избавляются, открывая сток.

Мэри недоверчиво посмотрела на него.

— Это правда?

— О да, — кивнул Босвелл. — Построены целые улицы, куда подается вода по деревянным трубам и отводится грязная. Может быть, когда-нибудь, когда эти удобства распространятся по всему городу, по нашим улицам будет приятнее ходить.

Мэри рассмеялась, потому что как раз перед ними она увидела горничную, опрокидывавшую содержимое мусорного ведра из окна второго этажа.

— Я имел несчастье десятки раз попадать под дождь помоев, — признался печально Босвелл. — Я думаю, приличный водосток — это нечто такое, что должно стать приоритетом для государства.

— Я не думала, что в Лондоне будет такой же дурной запах, как в Плимуте, — сказала Мэри, наморщив нос. — Но так оно и есть.

— Чего же еще можно ожидать, если здесь столько лошадей? — заметил Босвелл, жестом указывая, по меньшей мере, на три десятка животных, находившихся в поле их зрения. — В дождливый день колеса повозок и экипажей обрызгивают людей с головы до ног. Пытались запретить водить скот через город, но все напрасно.

— Ну, по крайней мере, большинство жителей Лондона в основном кажутся упитанными и здоровыми, — заметила Мэри.

Босвелл вздохнул.

— Это приличный район, — сказал он. — А есть и другие, такие, как Сен-Жиль, там картина совершенно другая. Но я не собираюсь показывать вам бедность и нищету, этого вы уже достаточно насмотрелись.

Квартира на Литл Титчфилд-стрит, куда Босвелл повел Мэри, находилась в узком, но высоком доме, стоящем в ряду подобных ему зданий, со сверкающим медным молотком на двери и самыми белыми ступеньками, которые Мэри видела в своей жизни. Она на мгновение запаниковала, когда заметила удивление кучера, с которым расплатился Босвелл, потому что кучер явно не думал, что кто-то вроде нее остановится в таком месте.

Но розовощекая женщина в отделанном кружевном чепчике, открывшая им дверь и представленная Босвеллом как госпожа Вилькс, не была ни шокирована, ни удивлена видом Мэри.

— Заходите, моя дорогая, — сказала она. — Господин Босвелл мне о вас все рассказал, и я уверена, что мы с вами отлично поладим.

Не переводя дыхание, госпожа Вилькс констатировала хорошую погоду и рассказала Мэри, что она предоставляет завтрак и ужин, что с удовольствием будет стирать ее вещи и что Мэри вообще должна чувствовать себя в этой квартире как дома.

— Я грею воду, чтобы вы могли искупаться, — продолжала она, понизив при этом голос, будто заговорила на деликатную тему. — Господин Босвелл сказал, что вам это потребуется в первую очередь. Я вас только попрошу, чтобы вы подняли ведра наверх, потому что мне тяжело подниматься по ступенькам.

Мэри смогла лишь кивнуть в ответ при виде такого поразительного комфорта и великолепия, потому что она видела такое только тогда, когда смотрела в окна роскошных домов в Плимуте. Из узкого холла с отполированным деревянным полом она увидела толстый ковер с бахромой, мягкие стулья и блестящий деревянный столик с массой изысканных украшений. И все же то, как госпожа Вилькс постоянно поглядывала на Босвелла, будто ожидая его одобрения, свидетельствовало о том, что он привык к еще большему комфорту. Мэри замерла от ужаса, осознав, что от нее воняет ньюгейтской тюрьмой и что она, безусловно, принесла с собой множество ее самых крошечных обитателей.

— Я оставляю вас под нежным попечительством госпожи Вилькс, — сказал Босвелл, взяв Мэри за руку и хлопав по ней. — Сейчас вам необходима женская помощь и немного покоя и тишины. Я вернусь в шесть тридцать и поведу вас ужинать.

Через несколько часов Мэри лежала в кровати, слишком перевозбужденная, чтобы спать, хотя она и чувствовала себя уставшей.

У нее было две комнаты на верхнем этаже. Одна, выходящая на улицу, служила гостиной со столом, стульями и двумя деревянными креслами, причем одно из них оказалось креслом-качалкой.

В спальне находилась кованая железная кровать, шкаф для одежды и умывальник. По сравнению с тем, что Мэри видела внизу, комнаты были обставлены просто, и мебель походила на ту, которую она помнила в своем доме в Фоуэй. Но после стольких лет бедствий и ужасных условий они казались ей королевскими покоями, и почти все, на что падал ее взгляд, вызывало у нее слезы умиления.

Мэри с радостью подняла наверх ведра с горячей водой и рассмеялась, сбросив с себя одежду и погрузившись в оловянную ванну. Она уже не помнила, когда в последний раз мылась в горячей воде, не говоря уже о настоящей ванне. Когда Мэри соскребла с тела и волос тюремный запах, она почувствовала, что заново родилась.

Госпожа Вилькс оказалась на редкость прямолинейной.

— Я думаю, будет лучше, если я сожгу всю вашу одежду, — сказала она, как только они остались одни. — Господин Босвелл вчера вечером занес для вас кое-какие вещи, я думаю, оставшиеся от его дочери. А через день-два мы выйдем и купим все остальное. Все, что вам нужно, вы найдете в шкафу. Но обязательно хорошо вымойте голову.

Послеполуденное солнце залило спальню, и, когда Мэри приподнялась на кровати, глядя на свое отражение в зеркале над умывальником, она с изумлением увидела, что ее волосы блестят так же, как блестили, когда она была совсем девочкой. Госпожа Вилькс принесла ей свежей воды с уксусом, чтобы прополоскать их. Она заявила, что волосы от этого будут блестеть, хотя Мэри подозревала, что на самом деле уксус предназначался для

того, чтобы убить оставшихся вшей. Но как бы там ни было, а укус сделал свое дело, и волосы никогда не казались ей такими мягкими и не выглядели такими красивыми.

Мэри очень надеялась, что ее лицо тоже будет более красивым, чем она ожидала. Но к несчастью, это оказалось не так. Кожа лица стала серой и грубой, вокруг глаз появились морщины, а щеки были впалыми. Но госпожа Вилькс заставила Мэри проглотить огромную ложку солода и уверяла ее, что через пару недель свежего воздуха, хорошей еды и полноценного отдыха она сама себя не узнает.

И все же Мэри заметила, что ее щеки уже немного порозовели от счастья. Ей пришлось обратиться за помощью к госпоже Вилькс не только чтобы зашнуровать корсет, но и чтобы та помогла разобраться ей во всех тонкостях нижнего белья. Сначала надевалась изящная мягкая нижняя рубашка, которая пахла лавандой и доходила до колен, с низким вырезом на груди, затянутом лентой. Потом Мэри надела отделанную кружевом нижнюю юбку, нижнюю юбку из голубого хлопка и корсет. Госпоже Вилькс пришлось показать Мэри, как на юбку надевается передняя заостренная часть корсета с маленькими петельками, прикрепленными изнутри. И наконец бело-голубое платье с кринолином на бедрах легло сверху на все это почти как пальто, оставляя на виду корсет, рубашку и маленькую грудь Мэри.

— Такая в Лондоне мода, моя дорогая, — успокоила ее госпожа Вилькс, увидев пораженное и испуганное лицо Мэри. — Как хорошо, что больше не носят этих до смешного уродливых юбок с обручем, которые мне приходилось носить в вашем возрасте. Ну а теперь давайте я помогу вам с прической. Вы же не будете ходить растрепанная, как цыганка?

Мэри положила руку на покрывало и улыбнулась от восторга. Это было простое трикотажное покрывало цвета кофе с молоком, но ей оно показалось шелковым. Поверит ли госпожа Вилькс, что ее постоялица не спала на кровати с простынями и подушками с тех пор, как уехала из Плимута восемь лет назад? Это была редкая роскошь для простых людей, и дядя Питер привез их матери из одной из своих заграничных поездок. А еще поймет ли госпожа Вилькс, как странно для Мэри находиться в комнате с мебелью, после того как она столько лет сидела либо на полу из утрамбованной земли, либо на каменном полу, покрытом соломой?

Мэри подумала, что даже Босвелл не сможет по-настоящему оценить, насколько чудесным, странным и даже пугающим будет ей все это казаться еще некоторое время. Да и как он смог бы понять? Она даже сама этого не понимала, пока он не привел ее сюда.

— Кто эта восхитительная особа? — пошутил Босвелл, когда вернулся за ней, чтобы отправиться ужинать. — Я наверняка ошибся, мадам. Ваше имя Мэри Бруд?

— В самом деле, сэр, — засмеялась Мэри. — Мне кажется, что лондонская вода обладает волшебным действием.

Она знала, что изменилась не только благодаря купанию и новой одежде. В ней поселился дух свободы. Мэри оставалась в меблированных комнатах до вечера, но мысль, что она может, если захочет, выйти из входной двери и смешаться с толпой на улице, бодрила ее, как тоник. Она лежала на мягкой кровати и вдыхала чистый, свежий запах комнаты, и одно это так кружило ей голову, что Мэри чувствовала, что может остаться здесь навсегда и никогда не будет скучать.

Но госпожа Вилькс заколола ее волосы несколькими гребнями и одела на нее

маленький кружевной чепчик. Потом Мэри надела голубые чулки и туфли с позолоченными пряжками и почувствовала, что теперь она должна выйти и вкусить свою ново-приобретенную свободу.

— Я не думаю, что смогу это сделать, — сказала Мэри в панике, когда Босвелл помог ей выйти из кэба на оживленную улицу, полную магазинов.

— Вы не можете ужинать? — воскликнул он.

— Не здесь, — сказала она, глядя на сверкающие витрины ресторана, куда он собирался ее завести. Мэри увидела даму и джентльмена за столиком у окна. На даме было жемчужное ожерелье, и она изящно пила вино маленькими глоточками из бокала. Мэри подумала, что зайти туда было бы все равно что ворваться в дом капитана Филипа без приглашения, когда он ужинал с другими офицерами.

— Но почему же в конце концов? — рассмеялся Босвелл.

— Здесь слишком шикарно, — выпалила она. — Я буду выглядеть идиоткой и поставлю вас в неловкое положение.

— Не будете вы выглядеть идиоткой, — настаивал он и, взяв ее под руку, решительно повел к двери. — Все, что вам нужно делать, — это улыбаться и повторять то, что делаю я. Уверяю вас, в этом нет ничего страшного.

Пусть Босвелл думает, что нет ничего страшного в том, чтобы зайти в подобное место и обратить на себя всеобщее внимание, но Мэри это пугало больше, чем шторм на море. Она увидела любопытные взгляды, улыбки и кивки Босвеллу, услышала прошедший по залу шепот и поняла, что они знают, кто она такая.

Мэри становилось все жарче. Ее лицо пылало, как в огне: несмотря на то что, как только она села, на нее прекратили смотреть, Мэри догадалась, что все они наблюдают за ней краешком глаза и говорят о ней.

Босвелл изучал список блюд и комментировал те из них, которые он уже здесь пробовал. Похоже, он не замечал, насколько неуютно она себя чувствует.

— Что бы вы хотели съесть, моя дорогая? — спросил Босвелл. — Здесь очень хороший говяжий пудинг, но кролик и утка тоже неплохие.

Мэри была ужасно голодна еще до того, как они вышли от госпожи Вилькс, но здесь у нее пропал аппетит и она даже почувствовала тошноту. Корсет врезался в ее тело, а новые туфли были слишком тесными. И все же после стольких лет, в течение которых ее не покидало чувство голода, она не могла отказаться от еды.

— Выберите за меня, — прошептала она.

Мэри попыталась напомнить себе, что она уже ужинала в ресторане, это было еще в Плимуте с Томасом Куганом. Заведение, в котором они ужинали, не казалось таким шикарным, как это, в нем не было белых скатертей, но там она себя не опозорила, и здесь этого не сделает. Однако с тех пор прошло более девяти лет, и Мэри приобрела привычку заглатывать все, что удавалось раздобыть, будь это корабельный рацион, насыпанный в миску, или что-нибудь, что ей удавалось приготовить в горшке. Перед Мэри никогда не стояла проблема выбора.

Весь церемониал сидения за столом во время неторопливой трапезы был Мэри чужд. Посмотрев на серебряные приборы, она побледнела, потому что привыкла обходиться только ложкой и ножом, а еще чаще ела просто руками.

— Я хорошо понимаю, что все кажется вам странным, — сказал заботливо Босвелл,

наполняя ее стакан вином. — Но вы скоро к этому привыкнете. Ну, а теперь пейте и получайте удовольствие от вашей первой ночи на свободе.

Но Мэри никак не могла расслабиться. Она была напряжена до предела, сильнее, чем в первую ночь, проведенную в больнице в Батавии. Там она следила за крысами, здесь же люди следили за ней.

Подали ужин. Он выглядел и пахнул великолепно, но чуть ли не каждый раз, когда ей удавалось наколоть кусок на вилку так, как это делал Босвелл, кто-то подходил к столу, похлопывал его по плечу и говорил о том, какой выдающийся успех то, что ему удалось получить для Мэри помилование.

Они были настроены по-доброму, их улыбки были теплыми, и они желали ей долгой и счастливой жизни. Но язык Мэри прилип к гортани, и все, что ей удавалось, — это выдавить улыбку и пролепетать несколько слов благодарности.

— Вы не можете их винить за то, что они хотят встретиться с «девушкой из Ботанического залива», — сказал Босвелл после того, как отошел очередной его знакомый. — О вас говорит весь Лондон.

Мэри было стыдно жаловаться. Она подумала, что он вправе гордиться тем, чего достиг, и купаться в лучах восхищения своих друзей. Поэтому Мэри притворилась, что счастлива не меньше, чем он, и не проговорила, что хочет уйти домой.

Когда же они в конце концов ушли, Мэри немного нетвердо стояла на ногах. Она выпила гораздо больше, чем съела, но чувствовала, что смогла пережить этот вечер, не подведя Босвелла.

— Спокойной ночи, моя дорогая, — сказал он, когда госпожа Вилькс открыла им дверь. — Спи спокойно и наслаждайтесь вашей обретенной свободой. Я зайду к вам завтра.

Мэри не могла дождаться, когда госпожа Вилькс зажжет свечу, чтобы осветить ей на лестнице. Несмотря на это, едва закрыв за собой дверь, Мэри почувствовала страх. Почти год она жила в одной камере с четырьмя мужчинами, часто ругая их за то, что они храпели или кашляли по ночам. Но теперь эта сладко пахнущая комната с удобной кроватью показалась ей такой жутко зловещей при свете свечи и слишком большой для нее одной.

— Не будь дурой, — сказала она себе. — Здесь наверняка лучше, чем в Ньюгейте.

Глава двадцать первая

Однажды днем, через месяц, после того как Мэри освободили из тюрьмы, она прогуливалась с Босвеллом по залитому солнцем парку Сен-Джеймс.

Посещение лондонских парков доставляло Мэри огромное удовольствие. Было так приятно удалиться от шума и грязи городских улиц и смотреть на траву и деревья. Мэри встречала здесь оленей, а еще тут были овцы и коровы. Она находила забавным, что коров в парке Сен-Джеймс во второй половине дня отводили обратно в Уайтхолл, чтобы подоить, и за один пенс можно было купить стакан молока.

В течение недели аристократы, разодетые в самую красивую одежду, ходили в парк, чтобы встретиться с друзьями. Но по воскресеньям они здесь не появлялись, потому что в этот день парк заполняла толпа простого народа. Девушки, изготавливающие корсеты, шляпницы и продавщицы имели возможность насладиться своим выходным и, возможно, встретить какого-нибудь симпатичного молодого клерка или даже бравого солдата.

Парк Сен-Джеймс был, безусловно, любимым местом Мэри, в нем разрешалось ездить только всадникам и экипажам, принадлежащим королевским семьям. В озере плавали утки, лебеди и гуси, а цветочные клумбы поражали обилием красок.

— Я думаю, мне нужно найти какую-нибудь работу, — сказала задумчиво Мэри, когда они с Босвеллом остановились посмотреть, как дети кормят уток черствым хлебом. — Эти деньги когда-нибудь закончатся.

Они шли рука об руку, и он похлопал ее по плечу.

— Да, моя дорогая, они когда-нибудь закончатся, но их хватит еще очень надолго, и вы должны решить, чем хотите заняться и куда вы хотите поехать в первую очередь.

Мэри была готова поспорить с Босвеллом, может быть, даже сказать ему, что ей не очень нравится то, что она все больше начинает от него зависеть. Но после всего того, что он для нее сделал, это показалось бы невежливым.

Мэри уже не верилось, что она испытывала страх сразу после освобождения. Теперь она просыпалась каждое утро и благодарила Господа за его милосердие и за то, что он послал ей Джеймса Босвелла. Но в течение первой недели она неоднократно думала, что лучше ей вернуться в Ньюгейт.

Конечно, было чудесно чувствовать себя чистой, свободной, иметь удобную постель и есть вкусную еду. Тем не менее свобода пугала Мэри, особенно когда Босвелл окунал ее в эту свободу с головой, как он сделал это во время их первого ужина, не принимая во внимание то, что Мэри недостаточно знала мир, в котором он жил.

Все друзья Босвелла были аристократами, и, когда он брал Мэри с собой, нанося кому-нибудь из них визит, она в глубине души предпочитала остаться под лестницей со слугами, чем стать предметом изучения, будто какой-то курьезный экземпляр, привезенный из-за моря.

А еще Мэри испытывала чувство вины. Долгими ночами она лежала в своей удобной кровати и не могла заснуть, и все ее мысли были об Эммануэле и Шарлотте. Мэри казалось несправедливым то, что она теперь живет так хорошо, а их краткая жизнь оказалась такой тяжелой. Даже сейчас, месяц спустя, она не могла отделаться от этой мысли. Воспоминания снова и снова овладевали ею, чем бы она ни занималась. Мэри вспоминала жизнь своих детей, шаг за шагом, ничего не пропуская и пытаясь понять, что она сделала такого, что

привело к их смерти. И она все время приходила к одному выводу: если бы они остались в Порт-Джеконе, возможно, они бы выжили.

Эти мысли приходили к ней не только тогда, когда она была одна. Она могла ехать в кэбе с Босвеллом, увидеть мать с ребенком и почувствовать резкую боль в сердце. Когда Мэри видела маленьких девочек возраста Шарлотты в лохмотьях на улицах, в ней поднималась волна возмущения против общества, которое так мало заботилось о своих самых маленьких гражданах.

А еще ей безумно не хватало Джеймса, Сэма, Ната и Билла, не только из-за их поддержки и объединявших их воспоминаний, но и из-за положения, которое она занимала в их группе. Она была лидером, и друзья ценили ее ум, практичность и знания. За стенами Ньюгейта Мэри производила странное впечатление, и люди смотрели на нее сверху вниз, будто бы она была слабоумной.

Но дни шли, и Мэри постепенно приспособливалась. Она смирилась с тем, что ей придется научиться снова жить с нормальными людьми, вести светские беседы и освоить особенности женского поведения.

Мэри нашла в себе смелость переходить оживленные дороги, петляя среди экипажей. Она научилась пользоваться вилкой, тренируясь дома, и укладывать наверх волосы, как научила ее госпожа Вилькс. Она даже освоила самостоятельное зашнуровывание корсета.

Госпожа Вилькс была такой доброй, хорошей женщиной. В свои сорок лет она была достаточно старше Мэри, чтобы относиться к ней по-матерински, но и молодой, чтобы понимать, какой неполноценной и свехвосторженной Мэри иногда себя чувствовала. Госпожа Вилькс призналась, что временами находила господина Босвелла слишком высокомерным, но объясняла это его воспитанием и славой писателя. Она иногда заваривала чай и приглашала Мэри посидеть с ней в кухне, чтобы расспросить ее обо всех тревогах.

Госпожа Вилькс объясняла Мэри все, о чем той было неудобно спросить у Босвелла. Она понимала, почему Мэри не нравилось быть забавным экспонатом для его друзей, и подсказала пути, с помощью которых Мэри могла бы дать ему это понять. Но прежде всего, госпожа Вилькс понимала, как странно было для Мэри вдруг оказаться в несвойственном ей общественном положении.

— Это не должно вас погубить, — предостерегла она. — Учитесь как можно большему, наблюдая и слушая. Пользуйтесь своей славой, не думая о том, как долго это продлится. После того, через что вы прошли, вы этого заслуживаете. Но прежде всего, Мэри, не теряйте вашей храбрости, именно это делает вас такой привлекательной.

Госпожа Вилькс угощала Мэри чаем и советами, пичкала ее солодом, заставляла пить лимонный сок, чтобы отбелить цвет лица, и ходила с ней по магазинам за одеждой. Босвелл думал, что он единственный, кто учит Мэри, как стать тем, что он называл «средним классом». Это было большим шагом вперед по сравнению с ее бедными, но уважаемыми корнями. Но на самом деле главной учительницей Мэри была госпожа Вилькс.

И все-таки наряду с приступами боли и неуверенности Мэри испытала много радостных, счастливых моментов. Мэри побывала в Тауэре и видела там львов, она посетила Сен-Поль и Памятник, рассматривала королевские дворцы и была у речки, ведущей в Гринвич. Ей полюбились парки, переполненные магазины в Стрэнде и рынки, и ей просто нравилось смотреть на все эти красивые строения. Обычно именно Босвелл возил ее осматривать достопримечательности, но она и сама любила открывать новые места. Ему, конечно, требовался кэб, потому что он уже начинал стареть, но Мэри любила ходить

пешком, останавливаясь и глядеть на людей, на уличные сценки и на дома.

Сейчас, месяц спустя после освобождения, Мэри, вероятно, могла кого-то ввести в заблуждение и заставить думать, что она всегда жила такой жизнью. Мэри каждый день видела бедных людей, подметающих улицы, торгующих цветами и просящих милостыню на углу, и очень хорошо отдавала себе отчет в том, что эта комфортная жизнь, в которую она окунулась скорее по везению, чем по собственной инициативе, была непрочной. И Мэри понимала, что ей нужно найти какой-то способ укрепить свое положение.

Она была слишком проницательной, чтобы верить, что пара красивых платьев даст ей возможность найти хорошее место. Люди хотели, чтобы у них в доме служили молодые горничные. Они хотели иметь настоящих поваров, способных справиться с большими зваными обедами, а не кого-то, кто приобрел опыт, бросая все, что относительно съедобно, в один горшок на огне. Экономки должны знать обо всем: от того, как держать в порядке льняное белье и столовое серебро, до ведения счетов. Мэри всего этого не умела, и у нее не было рекомендаций. Чем больше она присматривалась к обстановке, тем лучше понимала, что у женщин вообще небольшой выбор работы.

Даже госпожа Вилькс, которую Мэри считала аристократкой, была вынуждена держать пансион. Она овдовела десять лет назад, и, когда иссякли те немногие деньги, которые у нее оставались, она получила место компаньонки-экономки у пожилого джентльмена в том же доме на Литл Титчфилд-стрит. Когда он умер, оставив деньги своему племяннику, госпожа Вилькс унаследовала его дом со всем имуществом. Она сдавала комнаты жильцам, и только таким образом ей удалось остаться в доме, который она уже успела полюбить.

Совет госпожи Вилькс по поводу того, как решить проблемы Мэри, был один — брак. Она намекнула, что Босвелл мог бы стать идеальным мужем. В конце концов, он был обеспеченным человеком и вдовцом и обожал ее.

Случались редкие минуты, когда Мэри задумывалась над этим. Ей очень нравился Босвелл, он был добрым, забавным и щедрым. Но к несчастью, она понимала, что никогда не ляжет с ним в постель по доброй воле. Он старел, толстел, и у него были гнилые зубы. Но он был очень умным человеком и делал все для своих детей, так что он, безусловно, не рискнул бы вызвать их неодобрение, сойдясь с бывшей заключенной, которая еще не доказала своей любви и страсти к нему.

— Я думаю, я бы хотела снова жить у моря, — сказала Мэри, когда они переходили маленький мостик через озеро. Лондон волновал ее, но она часто ловила себя на том, что тоскует по безмятежности вереска, свежему ветру с моря и более спокойной жизни.

— Тогда, наверное, мы должны связаться с вашей семьей, — сказал Босвелл. — Вы ведь помните, я встречался с преподобным Джоном Бэрном из Лоствителя, когда был в Корнуолле. Какой хороший человек!

Мэри кивнула. Босвелл упоминал о нем, но, поскольку она ездила в Лоствитель только два раза в своей жизни, она не была с ним знакома.

— Он бы зашел к вашим родителям, если бы я попросил его, — продолжал Босвелл. — Написать ему? Он очень вам сочувствует.

— Боюсь, что они укажут ему на дверь, — проговорила Мэри печально. Она слишком хорошо помнила, как мать громко заявляла свое мнение о тех, кто преступал закон. Мэри подумала, что Грейс, наверно, невероятно стыдится дурной репутации своей дочери. Ей не понравится священник, который будет просить за ее дочь, чтобы она простила и забыла ее

прегрешения. Наоборот, это могло бы еще больше настроить ее против Мэри.

— Стоит попытаться, — сказал Босвелл.

— Нет, — ответила твердо Мэри. — Я сама должна броситься к их ногам и умолять с прощеньем, это трусость — посылать кого-то от своего имени. Я поеду, когда мои друзья будут помилованы.

Единственное, что запретил ей Босвелл, — это видиться с мужчинами в Ньюгейте. Он объяснил это опасностью инфекционных болезней, но Мэри догадалась, что он, скорее, хочет избавить ее от их дурного влияния. Поскольку он был так добр с ней, она не могла его послушаться, и ей пришлось довольствоваться тем, чтобы передавать через него записки.

— На это может потребоваться еще какое-то время, Мэри, — предупредил ее Босвелл. — Вы же знаете, я делаю для них все, что могу, но судебная машина работает медленно, особенно летом.

— Тогда я подожду, — сказала Мэри.

Он улыбнулся и сжал ей руку.

— Хорошо. В Лондоне еще так много мест, которые я хочу вам показать. И не беспокойтесь по поводу денег. У вас их еще более чем достаточно.

Конец июня, июль и первые две недели августа были необычайно счастливым временем для Мэри. Любопытство людей к ее особе поубавилось, и она обнаружила, что ее новая жизнь очень ей нравится. Мэри помогала госпоже Вилькс как могла: ходила с ней за покупками, часто стирала и готовила ужин.

И все же время от времени на Мэри нападала странная меланхолия. В такие моменты она думала об Уилле, Тенче, Джейми Коксе и всех тех, кого она любила и кто остался в Порт-Джексоне. Она вспоминала какие-то незначительные эпизоды и могла вдруг расплакаться ни с того ни с сего. Ее раздражало, что люди в Англии не знали и не заботились о том, каким жестоким местом была колония и как бездарно ею управляли. И все же, разговаривая с людьми, Мэри часто хотела рассказать им, что Новый Южный Уэльс — красивое и загадочное место. И она сама удивлялась, почему думает так после всего, что случилось.

Ее часто ставили в тупик резкие контрасты между новой и старой жизнью. Однажды госпожа Вилькс попросила ее выбросить мясо, которое начало портиться. Мэри должна была сдержаться, чтобы не съесть его, потому что, после того как она пережила голод, выбросить еду ей казалось чудовищным поступком. Еще ей казалось смешным, что как леди она должна была притворяться слабой, беспомощной и привередливой, после того как она ела личинок, рубила на куски черепашьё мясо и усилием воли гнала вперед людей три тысячи миль в открытой лодке. Леди не должна была в разговоре касаться темы человеческих отправлений, особенно в присутствии мужчин. Но Мэри приходилось справлять нужду в компании восьми мужчин, и после долгого пребывания вместе с ними в тесном закрытом пространстве для нее уже не оставалось тайн в мужской физиологии.

Но время шло, и Мэри все реже оглядывалась назад. Хотя ее дети все еще были в ее мыслях, остальные воспоминания стирались, и она снова начала жить настоящим. Погода была хорошей, и Босвелл продолжал часто заходить за ней, водил ее по паркам, возил на речные прогулки и за город.

Однажды в августе он повез ее в кэбе в деревню Челси. Казалось, его очень забавляли стишки, которые гуляли о них по городу. Их авторы, похоже, считали их любовниками, и в

одном из стихков они вместе встретили смерть на виселице.

— Может быть, мне жениться на вас, моя дорогая? — спросил в шутку Босвелл. — Это сбило бы с толку всех этих горе-писак.

— Я думаю, ваших дочерей это слегка расстроило бы, — ответила Мэри с улыбкой. — Вряд ли из меня получится идеальная мачеха.

— Ваше сердце все еще принадлежит капитану Тенчу? — произнес Босвелл, вопросительно подняв одну бровь.

Мэри часто упоминала о Ваткине Тенче, но никогда не давала Босвеллу понять, какие она питает к нему чувства. Даже ее четверо друзей в Ньюгейте ничего об этом не знали. Поэтому Мэри была удивлена, услышав это от него.

— У меня нет сердца, — шутя ответила она.

— Неправда, — возразил он, но все равно рассмеялся. — Я разузнал, что это он платил за вашу камеру, Мэри. Видите ли, он прекратил платить, когда вас помиловали, и мужчины должны были договариваться заново.

В быстроте ума Мэри была равна Босвеллу. Она, как и он, мало что упускала из виду.

— Ну и что! Мы были друзьями, и он помогал мне. Но это не значит, что я была влюблена в него.

— Но я думаю, это означает, что ОН был влюблен в вас, — мудро заметил Босвелл. — Военные моряки, как известно, не отличаются щедростью. Но он кажется мне полным ничтожеством, потому что не приехал в Лондон и не добивается вашего расположения, зная, что вы на свободе. Он сейчас на военном корабле «Александр» с флотилией в проливе.

От этой новости у Мэри учащенно забилось сердце. Она всегда представляла себе, что Тенч уплыл в какие-нибудь далекие страны.

— Ага, — фыркнул Босвелл. — Я вижу легкий румянец. Не потому ли, что он недалеко от Англии?

Мэри решила, что нет смысла притворяться дальше.

— Я в самом деле питала к нему нежные чувства, а он отвечал мне взаимностью, — сказала она, пожав плечами. — Но между нами ничего не было и не могло произойти. И он не ничтожество. Я сама настояла, чтобы он не искал со мной встречи.

Все время в Ньюгейте Мэри пыталась не льстить себя надеждой, что Тенч еще может объявиться и навестить ее. Но в тюрьме было легко понять, что он принадлежит к другому миру.

Но вот Мэри уже на свободе. В глазах окружающих она выглядит respectable вдовой и против своей воли иногда грезит о том, как Тенч приедет за ней в Лондон и заберет ее, чтобы поселиться с ней в деревенском коттеджике. Иногда Мэри даже считала, что так изменилась, что могла бы стать отличной женой для офицера.

— Вы правы. Ничего не могло произойти, — согласился Босвелл, чем немного разочаровал Мэри. — Я сам столько раз связывался с женщинами не своего круга, и из этого не вышло ничего хорошего, и я, и они потом страдали. — Он взял ее за руку и сочувственно сжал. — Но горе — это такая штука, которой мы должны постараться избежать, несмотря на возраст и обстоятельства.

Хотя на первый взгляд замечание Босвелла касалось ее отношений с Ваткином Тенчем, у Мэри возникло чувство, что Босвелл имеет в виду что-то еще. Перед этим он в шутку упомянул о браке, но Мэри почувствовала, что он пытается проверить, не ожидает ли она от него предложения. Мэри подумала, что было бы разумно дать ему понять, что у нее нет

такой цели.

— Ну тогда скажите мне, о наимудрейший! — проговорила она шутливым тоном. — Какой же мужчина мог бы сделать меня счастливой?

Босвелл несколько секунд серьезно размышлял над вопросом.

— Я думаю, такой, который ходит в море, — ответил он наконец. — Военный моряк с блестящей карьерой. Может быть, вдовец, который будет меньше печалиться по поводу вашего прошлого. Не старше тридцати пяти. Достаточно молодой, чтобы иметь желание жениться.

— Вы случайно не знакомы с таким? — спросила Мэри, улыбаясь, потому что он говорил так, будто лично знал такого человека.

— Нет, моя дорогая, к несчастью, нет, — фыркнул Босвелл. — Я просто неисправимый романтик и старый дурак, который хотел бы видеть вас счастливой. Но с моей точки зрения, одна из самых больших прелестей жизни — это то, что никогда не знаешь, что тебя ждет за углом.

Глава двадцать вторая

— Снова этот несчастный! — воскликнула госпожа Вилькс в отчаянии, услышав стук в дверь. — Только вчера я пыталась ему объяснить, что это повредит вашей репутации, если он будет приходить сюда в любое время. И вот он снова, в воскресенье!

Было восемнадцатое августа, и день выдался очень жарким. Госпожа Вилькс и Мэри сидели в холодке на заднем дворе и шили. Они разговаривали о друзьях Мэри, которые все еще находились в Ньюгейте. Мэри стала печальнее, боясь, что их никогда не помилуют и что они начнут думать, будто стали ей безразличны.

Госпожа Вилькс, как и Босвелл, считала, что визиты в тюрьму — это плохая идея, потому что Мэри рисковала там чем-нибудь заразиться, но она предложила Мэри написать за нее письмо. В тот момент, когда они слышали стук в дверь, Мэри обдумывала, о чем сообщит своим друзьям.

Она улыбнулась, увидев негодование хозяйки пансиона, потому что отлично знала, что госпожа Вилькс получает удовольствие от соседских сплетен по поводу слишком частых визитов Босвелла. В конце концов, он пользовался известностью, был джентльменом, и полдень, будь то воскресенье или любой другой день, вполне приличное время для визита.

— Я открою, — произнесла Мэри, поднимаясь. — Сказать ему, чтобы он уходил?

— Нет, конечно, нет, — поспешно ответила госпожа Вилькс. — Вы должны пригласить его в гостиную, и я принесу вам чаю.

Но на этот раз Босвелл был не один. С ним пришел дюжий мужчина с красным лицом, в кричащей красной куртке, таких же бриджах и плохо сидящем тускло-коричневом парике, походивший на торговца.

— Добрый день, Мэри, — сказал Босвелл, приподнимая шляпу. Ей показалось, что он возбужден. — Это господин Кастел, стекольщик по профессии, уроженец Фоуэя. У него есть для вас новости от вашей семьи, и он настоял, чтобы мы пришли прямо сюда увидеться с вами.

Мэри перевела взгляд с одного на другого и заметила, какими они были разгоряченными и взволнованными. Босвелла явно не порадовала настоятельная просьба этого господина, и она догадалась, что он подозревает в этом какое-то мошенничество. Раньше уже несколько раз случалось, что к нему приходили люди, заявляли, будто они знакомы с Мэри, и просили ее адрес. Поэтому если уж Босвелл привел его прямо к ней в дом, его история должна быть правдоподобной.

Мэри пригласила их в гостиную и, как только они сели, посмотрела на мужчину строгим взглядом.

— Так вы из Фоуэя, господин Кастел? — спросила она. — Я не знаю никого с таким именем.

— Я уехал много лет назад, когда вы, судя по всему, были еще ребенком, — сказал он спокойно. — Но я очень хорошо знаю вашу сестру Долли.

Мэри ахнула, не сдержавшись.

— Вы знаете Долли? Как? Где она?

— Я знаю ее лишь с тех пор, как она приехала в Лондон, — сказал Кастел, промокая потный лоб платком. — Она находится в услужении у госпожи Морган на Бедфорд-сквер. Я встретил ее там, заменяя стекло, и мы разговорились о Фоуэе.

— Долли здесь, в Лондоне! — Мэри не верила своим ушам и, несмотря на то что Босвелл бросил на нее упреждающий взгляд, чтобы она не сильно волновалась, не могла сдержать эмоции.

— Похоже, господин Кастел ждет вашего позволения, чтобы написать вашей семье в Фоузэй и сообщить о вас, — вмешался Босвелл с насмешкой в голосе. — Он утверждает, что знаком еще с одним вашим родственником, живущим там, — Эдвардом Пакей.

— Нет! — Мэри снова ахнула. Они с Долли были подружками невесты на его свадьбе.

— У вас есть родственник по имени Эдвард Пакей? — спросил Босвелл.

Мэри кивнула.

— Это мой двоюродный брат, — сказала она.

Господин Кастел посмотрел на Мэри, и его нахмуренный лоб выдал его удрученность.

— Похоже, господин Босвелл не доверяет мне. Я знал Неда Пакей еще в молодости, он на пару лет моложе меня. Именно благодаря этому знакомству я так хорошо узнал Долли. Все, чего я хочу сейчас, — это видеть сестер снова вместе, передать новость, которая могла бы быть полезной для вас.

«Если не обращать внимания на одежду и плохо сидящий парик господина Кастела, который свидетельствовал о недостатке вкуса, — подумала Мэри, — у него честное лицо». Он смотрел ей прямо в глаза, не облизывал губы, не ерзал на стуле. Кроме того, у него сохранился корнуолльский акцент.

— Какую новость? — спросила она подозрительно и взглянула на Босвелла. Тот был напряжен, обильно вспотел, и по его недовольному виду было件нятно, что он очень хочет, чтобы тот замолчал.

— Что ваша семья разбогатела.

Мэри громко рассмеялась и откинулась в кресле.

— Я этому не поверю, даже если мне хочется верить, что вы знакомы с Долли, — сказала она.

— Это правда, — настаивал он. — Это Долли мне рассказала. Ваш дядя, Питер Броуд умер, пока вы были в Ботаническом заливе, и оставил наследство вашей семье.

Смех Мэри резко оборвался. Ее дядя Питер, брат отца, был шкипером, а это означало, что его наняли управлять кораблем, в отличие от ее отца, который работал обыкновенным моряком. Она не очень хорошо знала дядю Питера, потому что он всегда надолго уходил в море. Но Мэри помнила, что каждый раз, когда он возвращался, он приходил к ним в гости с подарками: засахаренными фруктами и прочими деликатесами. Именно дядя Питер привез матери ту шелковую розовую ткань, из которой она сшила платья и которые были на ней и Долли в тот день, когда они купались голыми. В Фоуэе всегда говаривали, что он богат, и, собственно говоря, каждый раз, когда мать заговаривала, что ей хочется чего-нибудь особенного, отец всегда отвечал в шутку:

— Тогда подожди, дорогая, пока Питер не вернется.

— Я не знаю, что сказать, — воскликнула Мэри. — Это так неожиданно, господин Кастел.

— Не сомневаюсь, что это неожиданно, — сказал он. — Но поверьте мне, в моем желании сообщить вам эту новость нет ничего дурного, я только хочу, чтобы семья снова была вместе. Видите ли, мы с Долли друзья. Мы встретились около четырех лет назад, и она рассказала мне, что у нее есть сестра, уехавшая работать в Плимут, о которой с тех пор ничего не было слышно. Долли сказала, что ваши родители все еще беспокоятся о вас, не

зная, живы вы или мертвы.

— Им неизвестно, что со мной случилось? — Мэри не знала, радоваться этому или огорчаться.

Господин Кастел покачал головой.

— Судя по тому, что рассказывала мне Долли, ваш отец ездил в Плимут искать вас, но безуспешно. Долли пришло в голову, что вы наверняка поедете в Лондон, и поэтому она нашла здесь место, надеясь, что в один прекрасный день столкнется с вами. Но годы шли, и она уже начала терять надежду. Я понял, как много вы значите для нее, еще в тот день, когда впервые ее встретил. Как только она услышала мой акцент и узнала, что я из Корнуолла, она стала искать возможность поговорить со мной.

Мэри кивнула. Это показалось ей логичным. Потому что если бы она сама встретила кого-нибудь с корнуолльским акцентом, она бы немедленно захотела с ним общаться.

— Вы тогда знали, где я нахожусь?

Кастел покачал головой.

— Я в самом деле не знал. Трудно было предположить, что у такой девушки, как Долли, есть сестра, которую могли выслать.

— Почему? — спросила Мэри.

— Ну, Долли такая... — Он замолчал, пытаясь подобрать нужное слово.

— Честная? — решила помочь ему Мэри. — Вы не думали, что у нее может быть сестра воровка?

Кастел выглядел смущенным.

— Я не это имел в виду, — сказал он поспешно. — Долли робкая и трудолюбивая. Я представлял, что ее сестра такая же, как она.

Услышав эти слова, Мэри убедилась, что он действительно знаком с Долли. «Робкая и трудолюбивая» — это ее точное описание. Мэри часто называла сестру мышкой, рассказывая о ней другим.

— Так почему вам потребовалось столько времени, чтобы прийти сюда? — спросила Мэри. Прошло около четырнадцати месяцев с тех пор, как в газетах появилась новость о ее заключении в Ньюгейт. Еще чаще о ней упоминалось в газетах около трех месяцев назад в связи с ее помилованием.

— Если хотите, можете назвать меня тугодумом, — сказал Кастел и робко взглянул на нее. — Потому что я читал статьи в газетах о «девушке из Ботанического залива» и даже заметил, что вас зовут так же, как сестру Долли. Но мне ни на секунду не пришло в голову, что это могла быть та самая Мэри Броуд.

— Правда? — спросила Мэри, слегка удивившись.

Он нервно поправил свой жесткий воротник.

— Это было бы слишком необычно. Никто, зная Долли, не подумал бы, что у нее такая смелая сестра. И потом, Мэри Броуд — достаточно распространенное имя, и в газете, которую я читал, не упоминалось, что вы родом из Корнуолла.

— И что в конце концов навело вас на мысль, что я могу быть ее сестрой? — спросила Мэри с любопытством.

— Стихотворение, — сказал Кастел и взглянул на Босвелла, надеясь на поддержку, но тот молчал.

— Стихотворение? — переспросила Мэри. Она догадалась, что он имеет в виду один из тех памфлетов, о которых упоминал Босвелл, хотя он ни одного ей не прочитал.

— Их расклеивают повсюду с того дня, как вас помиловали, — произнес Кастел смущенно. — Но я никогда их не читал, пока одно из них не попало мне на глаза в моем магазине. Я не могу объяснить, почему это произошло, но у меня возникло странное чувство, и оно не исчезало. Я не хотел показывать стихотворение Долли, ведь она могла бы расстроиться, если бы узнала, что ее сестру выслали. Или из-за намека на то, что вы с господином Босвеллом больше чем друзья. Поэтому сегодня утром я пошел к нему домой, чтобы спросить, что он думает по этому поводу.

Мэри вопросительно посмотрела на Босвелла.

— Господин Кастел в первую очередь спросил меня, не из Фоуэя ли вы, — объяснил Босвелл, пожав плечами и давая понять, что у него не было другого выхода. — Я это подтвердил, и тогда он рассказал мне о Долли. Я хотел сам сообщить вам об этом, но господин Кастел настойчивый человек, моя дорогая. Ну а теперь я предлагаю вот что: я проверю его слова и вернусь к вам, когда у меня будут доказательства.

Позже, в тот же день, Мэри помогала госпоже Вилькс мыть посуду после ужина, когда кто-то снова постучал в дверь.

— Держу пари, что это опять Босвелл, — сказала она с обеспокоенным видом. — Возможно, он узнал что-то еще об этом Кастеле.

Мэри была беспокойна весь день. Ей хотелось верить господину Кастелу, но, поскольку Босвелл с таким подозрением воспринял его утверждения, она изо всех сил старалась ни на что не надеяться.

Она поспешила в холл, по дороге снимая фартук, но, когда она открыла дверь, у нее подкосились ноги.

За дверью снова стоял господин Кастел, а рядом с ним была Долли.

Мэри не могла бы не узнать свою сестру. Долли выглядела точно так же, как девять лет назад, когда стояла и махала рукой Мэри, садившейся на корабль до Плимута. Мэри все эти годы помнила этот маленький вздернутый нос и эти голубые глаза. Она невольно охнула и закрыла лицо руками.

— Мэри! — произнесла Долли мягко. — Это действительно ты. Я так боялась, что господин Кастел ошибается.

И вдруг Мэри очутилась в ее объятиях. Они стояли на пороге, крепко обнявшись после стольких лет разлуки, и рыдали.

— Ну а теперь, пожалуйста, зайдите в дом, — проговорила решительным тоном госпожа Вилькс. — Все это очень трогательно, но я не хочу, чтобы это потом обсуждала вся улица.

Очутившись в гостиной, сестры несколько минут продолжали обниматься и плакать. Потом они начали истерически хохотать сквозь слезы. Затем посыпались вопросы, на которые сестры торопливо отвечали, спеша заполнить пустоту, образовавшуюся за девять лет.

Господин Кастел рассказал Долли кое-что о том, что приключилось с Мэри, но его версия, которую он почерпнул из газет, была неточной. Хотя Мэри попыталась поведать сестре правду, Долли явно была слишком шокирована, чтобы воспринимать все это.

— Я теперь выгляжу намного старше, чем ты, — сказала вдруг Мэри, с гордостью глядя на сестру.

Они всегда очень походили друг на друга благодаря одинаковым темным вьющимся

волосам, как у матери, и крепкому телосложению. Обе сестры были немного выше, чем остальные девушки в деревне. Но у Долли были голубые глаза, а не серые, как у Мэри, и, конечно, более курносый нос.

Но их характеры отличались. Долли всегда была кроткой, практичной и послушной. Мэри помнила, что ее сестра всегда выглядела опрятной, ее волосы всегда были аккуратно расчесаны и заплетены в тугую косу, а передничек выглядел безупречно чистым. Она обходила грязь, избегала шумных игр и обычно тихо сидела на пороге и наблюдала, как Мэри играет с мальчишками и при этом рвет и пачкает свою одежду.

Долли по-прежнему одевалась скромно и аккуратно, в соответствии со своим положением горничной знатной леди: ее голубое платье украшал высокий воротник, застегивающийся на перламутровые крошечные пуговицы, на ногах были хорошо начищенные черные ботинки на кнопках, а на голове маленькая соломенная шляпка с простой голубой лентой. Мэри помнила, что Долли тридцать лет, но ее сестра выглядела на двадцать, у нее был свежий цвет лица и никаких морщин.

— Какие тяжелые испытания довелось тебе пережить, — сказала Долли, глядя на сестру глазами, полными слез. — Ты такая худая, Мэри. Я помню, какое у тебя было хорошенькое пухлое личико.

В присутствии господина Кастела и госпожи Вилькс сестры не могли говорить откровенно. Долли начала спрашивать у Мэри о детях, но оборвала себя на полуслове. Точно так же и Мэри хотела задать много вопросов о матери и отце и о том, есть ли у Долли возлюбленный, но она не могла этого сделать в присутствии госпожи Вилькс и Кастела.

Наконец вернулся Босвелл.

Госпожа Вилькс открыла дверь, и Мэри услышала, как она сказала ему, что Долли уже здесь.

— О, это чудесно! — поделилась госпожа Вилькс своим восторгом. — Они плачут и смеются одновременно.

Босвелл выглядел раздраженным, когда зашел в комнату. Сегодня утром он просил Кастела позволить ему устроить встречу Мэри и Долли. Час назад он поехал на Бедфорд-сквер, чтобы встретиться с Долли, и узнал, что Кастел уже побывал там и повез молодую женщину сюда. Но когда Босвелл увидел радость Мэри, к нему снова вернулось его обычное хорошее расположение духа, и он извинился перед Кастелом за то, что сомневался в нем. Потом Босвелл изо всех сил попытался очаровать Долли, засыпая ее комплиментами. Он объяснил, что если он и пытался воспрепятствовать их встрече, то делал это лишь с целью защитить Мэри.

Госпожа Вилькс открыла бутылку портвейна, чтобы отпраздновать, а затем сказала, что, может быть, будет разумнее, если мужчины оставят сестер наедине и дадут им возможность поговорить.

— Но я обещал госпоже Морган, что доставлю Долли домой, — сказал быстро Кастел, и по обожающему взгляду, который он бросил на Долли, всем стало ясно, что он влюблен в нее.

— Боюсь, я не могу остаться надолго, — произнесла Долли, поворачиваясь к Мэри. — Госпожа Морган ожидает меня домой к половине десятого. Но я проведу с тобой свой выходной в среду.

— Хорошо, Долли. Но прежде чем уходить, может быть, вы расскажете Мэри о дядином наследстве? — предложил Босвелл. — Возможно, это дерзкий вопрос с моей стороны, но я

думаю, Мэри хотела бы выяснить это.

— Это истинная правда, — сказала Долли, сжимая руку Мэри, будто боясь, что если она ее выпустит, то младшая сестра снова исчезнет. — Дядя Питер действительно оставил все свои деньги отцу. Это значительная сумма. Отец попросил Неда написать мне. Он все объяснил и очень просит меня вернуться домой, потому что мне уже нет необходимости работать.

— Так почему же вы не поедете, Долли? — спросил Босвелл. Он не мог заставить себя спросить прямо, какова сумма наследства, в особенности перед Кастелом.

Долли вспыхнула.

— Мне нравится Лондон, — сказала она. — И мое место. Я очень счастлива у Морганов. И я не хочу остаться старой девой в Фоуэе.

— Сомневаюсь, что вы долго будете сидеть в девках, — произнес галантно Босвелл.

— Мэри меня поймет, — сказала Долли, взглянув на сестру и ища у нее поддержки.

— Правда, Мэри? — спросил Босвелл.

— Да, я понимаю, — ответила Мэри, грустно улыбнувшись сестре. — Все эти годы разлуки я представляла, что ты замужем и у тебя куча детей. Но по какой бы причине ты ни уехала, ты сделала хороший выбор. Вернуться сейчас — это все равно что похоронить себя заживо.

— Да, это так, — серьезно согласилась Долли. — Я не могу изменить свою жизнь только потому, что у отца есть деньги. Мы могли бы жить в большем доме, иметь лучшую одежду и еду. Но с кем я стану жить? Мои старые друзья бедны, они будут избегать меня. А богатые будут воротить от меня нос.

Мэри сочувственно кивнула. Она подумала, что это вполне вероятно. Но вставал еще вопрос об охотниках за приданым. Долли мечтала о мужчине, который любил бы ее, а не ее деньги. Мэри догадалась, что будет достаточно сложно судить об истинных чувствах мужчины, пока не пройдет значительное время после свадьбы.

— Вы решили не возвращаться вовсе? — спросил Босвелл. Ему было интересно, появился ли уже в жизни Долли какой-нибудь мужчина. Кастел явно имел на нее виды, но Босвелл не думал, что это взаимная симпатия.

— Может быть, через пару лет, — сказала Долли, потом посмотрела на Мэри и улыбнулась. — Но я думаю, что Мэри должна туда поехать. Хотя бы для того, чтобы увидеть родителей. Они будут просто счастливы, когда узнают, что она жива и здорова.

Мэри спросила у сестры, почему она так уверена, что родители не знают о ее судьбе.

— Они, безусловно, ни о чем не знали в прошлом году, когда я получила весточку от отца. Видишь ли, он упомянул о тебе. Он надеется, что ты не можешь вернуться из Плимута, потому что тебя не отпускают муж и дети.

Мэри на мгновение задумалась о словах сестры. Ей показалась забавной уверенностью ее родителей в том, что она находится в Плимуте лишь в каких-то сорока милях от них, когда на самом деле Мэри побывала на другом конце света. Если она поедет домой, как же она объяснит все, что она сделала? Ей и так достаточно тяжело было справляться со своими воспоминаниями, переменами и огромными расстояниями, которые она преодолела за свою жизнь. Мэри думала, что ее мать, которая никогда не уезжала дальше чем на двадцать миль от Фоуэя, не сможет все это понять.

— А отец мог узнать обо мне после того, как он послал тебе это письмо? — спросила Мэри.

— Возможно, — ответила Долли, нахмурившись. — Господин Кастел сказал мне, что о тебе много писали в газетах. Но если я не слышала об этом, будучи здесь, в Лондоне, то как могли услышать они, находясь так далеко?

Мэри вздохнула.

— Возможно, будет лучше, если они никогда не узнают обо мне, Долли. Это было бы слишком большим потрясением для них.

— Лучше им испытать потрясение, чем жить с мыслью о том, что младшая дочь покинула их или умерла, — настаивала Долли.

Позже Босвелл ушел с Кастелом и Долли. Прощаясь, сестры договорились, что Долли придет снова, когда у нее будет выходной. Когда они ушли, Мэри отправилась к себе в комнату, потому что ей очень захотелось побыть одной.

Она сидела у открытого окна и смотрела в темноту. Стук колес экипажей, болтовня, смех, детский плач и брэнчание пианино откуда-то издалека доносил до нее спокойный теплый ветер. Так было каждый вечер с тех пор, как Мэри поселилась у госпожи Вилькс. Ее окружали звуки семейной жизни, и до сегодняшнего дня она чувствовала себя ужасно одинокой каждый раз, когда слышала эти звуки, потому что судьба разлучила ее с семьей.

Иногда Мэри даже думала о свободе с цинизмом. Она размышляла о том, что, хотя может свободно гулять по городу, ее душа скована чувством вины, стыда и горя. Еще Мэри осознавала, что во всем зависит от Босвелла и в какой-то мере он стал ее тюремщиком. Конечно, Босвелл был добр к ней, но он всегда решал сам, куда она должна поехать и с кем она может встретиться, и обеспечивал ее. До этого момента Мэри не знала, как избавиться от этой зависимости и начать жить самостоятельно.

И вот она получила такую возможность.

— А хватит ли у тебя смелости, чтобы вернуться домой? — пробормотала она себе. Одно дело рассказать обо всем Долли: сестра еще молода и у нее нет укоренившихся предрассудков. Отец тоже, возможно, проявит понимание, ведь он побывал во многих странах и встречал людей разного социального происхождения.

Но совсем по-другому обстояло дело с ее матерью. Она жила в своем крошечном мирке, границами которого являлись церковь и соседи. Сможет ли мать достаточно непредубежденно выслушать дочь и согласится ли, что Мэри понесла гораздо более суровое наказание за свое преступление, чем это было предусмотрено законом? Сможет ли она простить и дать решительный отпор соседским сплетням?

Мэри сомневалась в этом. Грейс Бруд никогда не была терпимым человеком. В детстве Мэри считали странной, потому что она любила болтаться среди рыбаков, плавать в море, лазить по деревьям и бродить вдалеке от дома. Отец смеялся и говорил, что она должна была родиться мальчиком, но на лице матери при этом появлялось мрачное и неодобрительное выражение.

Но теперь Мэри понимала отчего. Когда она сама стала матерью, прояснилось многое из того, что раньше казалось таким странным. Обязанности матери заключаются в том, чтобы воспитывать и защищать, а похвала или порицание нужны лишь для того, чтобы направить ребенка и уберечь его. Мэри теперь уже не сомневалась, что мать боялась своенравности своей дочери. Может быть, она всегда опасалась, что это навлечет на Мэри серьезные неприятности. И мать, конечно, оказалась права.

К тому же Мэри сомневалась, что сплетницы в Фоуэе будут рассматривать ее дерзкий

побег как героический поступок, несмотря на то что именно так это восприняли в Лондоне. Земляки Мэри наверняка будут рассказывать друг другу о кораблях-тюрьмах, о кандалах и виселице, перешептываясь о том, что Мэри провела большую часть своего срока среди мужчин, и это будет рассматриваться как свидетельство ее распутности.

У Мэри по щеке покатились слезы. Она знала, что в юности была глупой, безрассудной и эгоистичной, но все это осталось в прошлом, и она так хотела, чтобы ее приняли обратно в семью. Мэри никому не рассказывала о том, какую страшную боль она испытала, потеряв детей, но, может быть, если бы мать обняла ее, она смогла бы рассказать об этом ей. Мэри хотела признаться своим близким, какое место они занимали в ее сердце, пока она была в неволе. Возможно, теперь, будучи взрослой, она сможет загладить свою вину за ту печаль и беспокойство, которые она им причинила.

А еще Мэри чувствовала, что знакомый покой и прелесть родной деревни необходимы ей, чтобы очистить душу от мерзости, в которой она пребывала. Пусть ее простил король и правительство, но это не имеет для нее никакого значения, если ее не простит семья.

В последующие несколько дней Мэри еще больше запуталась в своих мыслях. День, который она провела с Долли, был одним из лучших дней в ее жизни, потому что сестры смогли подробно поговорить обо всем, что случилось с ними за эти девять лет.

Долли всегда ставили в пример младшей сестре за ее многочисленные добродетели. Ее умение обращаться с иглой, ее сноровка во время уборки и стирки, талант готовить вкусную еду почти из ничего, и, разумеется, отсутствие в ней дерзости, и мягкий характер — все это в глазах юной Мэри делало Долли очень скучной. И все же через девять лет Мэри обнаружила, что ее старшая сестра обладает более живым умом, чем она предполагала.

Долли использовала свое положение горничной, чтобы познакомиться со всеми сторонами жизни небогатой аристократии. Было мало такого, чего бы она не знала: от того, как уложить волосы в модную прическу, до того, как вести домашнее хозяйство. Но она научилась у своих хозяев гораздо большему, чем вести дом. Долли знала их секреты, их взгляды на все — от религии до политики. Благодаря этому она стала образованной и уже больше не была наивной деревенской девушкой. Возможно, она все еще оставалась робкой, например, не перебивала собеседника и не могла выйти из дому одна ночью, но у нее было два любовника.

Долли призналась сестре, что один из них был младшим братом ее хозяина, и она смогла понять, что умная женщина может стать хозяйкой своей судьбы. Долли сказала, что в ее планы не входит выйти замуж за скромного лакея или даже за торговца, как господин Кастел, и провести остаток жизни, воспитывая детей в стесненных обстоятельствах. Долли сообщила сестре, что если еще через пару лет не найдет себе мужа-джентльмена, то откроет собственное дело, возможно, это будет бюро по найму прислуги.

Долли сказала, что отец не хочет афишировать размер наследства в целях безопасности. В письме, которое он попросил за него написать, говорилось только, что на эти деньги можно безбедно жить, и, если ей необходима какая-то определенная сумма, чтобы упрочить и продвинуть свое положение, ей стоит только попросить.

Мэри слушала Долли, не сомневаясь, что сестра сможет начать собственное дело. За ее мягкой, спокойной внешностью скрывалась масса решительности и здравого смысла. Поэтому когда Долли настаивала, что Мэри должна поехать домой в Корнуолл, та склонялась к мысли, что сестра права.

Долли обладала интуицией и воображением. Она говорила, что, имея пусть даже небольшой капитал, Мэри сможет управлять пансионом в Корнуолле. Долли предложила Труро, поскольку через него проезжало много людей, или даже Фэлмаус, где Мэри могла бы готовить обеды для морских офицеров и их семей. У нее была и другая идея — убедить родителей купить маленькую ферму, где Мэри станет выращивать овощи на продажу.

— Возможно, я тоже присоединюсь к тебе, если Лондон начнет мне приедаться, — рассмеялась Долли. — Ты только должна постоянно помнить о том, что ты неординарная женщина, Мэри, ты храбрая, сильная, у тебя острый ум. Этого более чем достаточно для успеха. Если ты останешься в Лондоне, для тебя будут открыты лишь самые скромные вакансии, такие, как помощница на кухне. Ты это возненавидишь. Ты не сможешь лебезить перед сварливым поваром или воображалой-хозяйкой, ты слишком многое повидала, чтобы так себя вести. Поэтому будь послушной девочкой, возвращайся домой.

Наступил сентябрь, и вместе с ним великолепная погода. Каждый раз, когда Долли могла на пару часов сбежать от своей хозяйки, она проводила их с Мэри. Они вместе смеялись, с восторгом находили между собой много общего, Долли разделяла с Мэри ее горе за детей, и Мэри чувствовала, что к ней возвращается ее прежний оптимизм и сила.

Господин Кастел с помощью Босвелла написал Неду Пакей и попросил его передать от Мэри привет семье. А Босвелл тоже написал своему другу, преподобному Джону Бэрону из Лоствителя, попросив его помочь и удостовериться, что Грейс и Уильям Броуд с радостью примут Мэри домой.

Но еще задолго до того, как Пакей или преподобный Бэрон могли получить эти письма, на адрес Босвелла пришло письмо от Элизабет Пакей, жены Неда. Оказалось, что семья Мэри услышала о ней только в связи с ее помилованием. Рассказ о ее высылке и последующем побеге был напечатан в корнуолльской газете. Теперь они очень беспокоились о том, где она находится и что с ней. Элизабет очень настаивала, чтобы Мэри вернулась домой, в семью, которая сейчас, по ее выражению, *«находилась в очень изменившемся положении в силу унаследования существенной суммы»*. Она заверила, что Мэри будет ожидать самый теплый прием со стороны всех членов семьи и что Уильяму и Грейс Броуд стало намного легче, когда они узнали, что их младшая дочь выжила, перенесла такие ужасные неприятности.

Хотя это письмо убедило Мэри в том, что ее родители по-прежнему ее любят, и еще больше усилило ее желание увидеть их, она все еще разрывалась на части. Она любила Лондон, ей хотелось остаться рядом с Долли, Босвелл был так добр к ней, общение с ним развивало ее, и потом, здесь еще была госпожа Вилькс, к которой Мэри очень привязалась.

Босвелл показал ей ту жизнь, которая была неизвестна жителям Корнуолла. Он водил Мэри по театрам, кофейням и ресторанам. С Долли она могла вернуться в детство, обсуждать мужчин, одежду и массу всего того, что они имели здесь и не имели в Фоуэе.

Госпожа Вилькс стала им второй матерью. Она была мудрой, доброй, эрудированной и утонченной. Мэри чувствовала, что госпожа Вилькс хотела бы, чтобы ее постоянщица осталась с ней и помогала ей управлять пансионом. Мэри очень привлекала эта возможность, потому что здесь она чувствовала себя в безопасности, но Долли была права: ей пришлось бы делать здесь грязную работу — выливать помои, носить горячую воду, стирать белье и натирать полы. Долли сказала, что она должна стремиться к большему.

Однако ее четверо друзей все еще находились в Ньюгейте. Мэри не могла уехать из Лондона, пока они сидят в тюрьме. Вскоре после ее очередной встречи с Долли она пошла

на свидание с ними, вопреки советам Босвелла и госпожи Вилькс. После пребывания в комфортной обстановке Мэри пришла в неопишуемый ужас от Ньюгейта, и ей казалось невероятным, что она почти год выносила такие ужасные условия. И хотя она знала, что Босвелл все еще борется за свободу ее друзей, в ближайшем будущем на помилование рассчитывать не стоило.

Сэм так пал духом, что решил записаться в Корпус Нового Южного Уэльса — отряд мужчин, которые должны были заменить морских пехотинцев и стать полицией новой колонии. Причина такого решения заключалась в том, что он убедился: Англия ничего не может предложить таким мужчинам, как он, а в Новом Южном Уэльсе ему как свободному человеку предоставят безвозмездно землю.

Джеймс все еще работал над своими мемуарами. Он говорил, что у Ната и у Билла каждый день возникает новая идея по поводу того, чем они будут заниматься, когда их освободят. Мэри очень боялась, что этот день никогда не наступит, но мужчины уверяли ее в обратном. Они были вполне счастливы и говорили, что она должна радоваться свободной жизни и не беспокоиться о них.

Именно Сэм убедил ее, что она должна жить своей жизнью. Он провел ее до ворот и поговорил с ней.

— Нас помилуют, — настойчиво произнес Сэм. — Но ты не должна этого ждать, Мэри. Мы вчетвером не останемся вместе, когда нас освободят, нас столько времени связывали обстоятельства, а не добровольный выбор. Я хочу вернуться в Новый Южный Уэльс, Джеймс мечтает об Ирландии. Билл поедет в Беркшир, а Нат домой в Эссекс. Мы вместе прошли через невероятные испытания и страшные лишения, но, как только нас освободят, они станут лишь воспоминаниями, и не более.

Мэри поняла, что он имел в виду. Они стали близки только из-за общих злоключений, и только это их объединяло. Она также догадалась, что Сэм хочет отдалиться от остальных, потому что боится, что ему придется нести за них ответственность. В глубине души Мэри тоже боялась этого, хотя никогда бы не сказала об этом вслух.

— Ты спасла мою жизнь на причале в Порт-Джеконе, — произнес Сэм, и его голос стал хриплым от волнения. — Я надеюсь, что в один прекрасный день смогу рассказать о тебе своим детям. Но сейчас уходи и не приходи к нам больше. Ты и так для всех нас сделала более чем достаточно.

Мэри обхватила ладонями его худое лицо и легонько поцеловала в губы.

— Удачи тебе, Сэм, — сказала она с нежностью, вспоминая, как когда-то рассматривала его как запасной вариант. Теперь она знала, что в этом нет необходимости.

К концу сентября теплая погода резко сменилась ветром, вырывавшим деревья в парках с корнями, и дождем, который затапливал улицы. Дождь продолжался после того, как утихла буря, и Мэри вдруг вспомнила и поняла рассказы Босвелла об ужасных условиях в Лондоне.

Улицы были скользкими, слипающаяся грязь смешивалась с испражнениями людей и животных, и каждый, кто предпринимал попытку выйти из дома, немедленно намокал. В самых бедных кварталах распространялась лихорадка, и Босвелл сказал Мэри, что ямы, служившие для массового захоронения, быстро заполнялись. В воздухе постоянно чувствовалось зловоние, и при этом каждую ночь над городом висел туман с запахом сероводорода.

Мэри сидела взаперти, буквально как в тюрьме, в доме на Литл Титчфилд-стрит, и ей

пришло в голову, что если она срочно не уедет в Корнуолл, то застрянет здесь до весны. Ее родители старели, и она никогда бы не простила себе, если кто-то из них умрет прежде, чем она вернется домой. И сам Корнуолл, казалось, звал ее, словно сирена, поющая свою обольстительную песню: каждую ночь, как только Мэри закрывала глаза, он умолял ее вернуться на родину.

Мэри представляла, как стоит на корме корабля, заходящего в Фоуэй как раз в тот момент, когда небо начинает сереть и осеннее солнце, огромный огненный шар, медленно закатывается в море.

Она видела как наяву маленькую деревушку, поднимающуюся от набережной вверх по холму. Серые коттеджи из камня, сбившиеся в кучу, виднеющиеся между ними мощные улочки, по которым бегут дети, торопясь попасть домой до наступления темноты.

А внизу на набережной рыбаки наверняка готовятся к ночной рыбалке. Хозяин таверны, наверное, зажигает лампы, и старики, ковыляя, направляются к таверне, на ходу поднимая шляпы и приветствуя возвращающихся домой женщин.

Мэри казалось, что до нее даже донесся запах сардин, коптящихся на огне, она почти слышала плеск волн о причал, пронзительные крики чаек и шум ветра в кронах деревьев. Ей хотелось наполнить легкие чистым соленым воздухом, услышать корнуолльский акцент и погрузиться с головой в простую деревенскую жизнь. Она поняла, что Лондон не для нее.

— Мне нужно, чтобы кто-то подвез меня до Корнуолла, — сказала Мэри Босвеллу как-то вечером, когда он зашел навестить ее.

Какое-то время он молчал и вопросительно смотрел на нее.

— Да, возможно, — произнес он наконец. — Но я не хочу, чтобы вы уезжали.

— Почему? — спросила Мэри. Она задумалась. Вероятно, Босвелл считает, что в Лондоне ее ожидает более благоприятное будущее.

— Потому что я буду скучать за вами, — сказал он просто, и Мэри с удивлением увидела слезы в его глазах.

Она не знала, что ответить. Может, он хочет сказать, что влюблен в нее? И если это так, то что ей делать?

— Вы не будете скучать обо мне. Вам нужно наносить визиты вашим важным друзьям, которых вы так надолго забыли, — пошутила Мэри.

— Я забыл их, потому что все они кажутся такими пустыми по сравнению с вами, — сказал Босвелл, и голос его при этом задрожал. — Вы наполнили мою жизнь смыслом и открыли так много новых горизонтов.

— Это так мило с вашей стороны, — произнесла Мэри ошеломленно. — Но это я должна вас благодарить. Вы вернули мне мою жизнь.

Босвелл слегка покачал головой, потупив глаза.

— Я был глупцом большую часть своей жизни, — сказал он тихо. — Но для меня большая честь, что судьба выбрала именно меня, чтобы помочь вам. Мэри, вы самый удивительный человек, которого я когда-либо встречал в своей жизни. Вы со смелостью и выносливостью приняли все жизненные испытания. Я никогда не слышал от вас ни одного обвинения в чей-нибудь адрес.

— Но мне некого винить, — возразила она резко. — Я сама виновата во всем, что я сделала.

Босвелл рассмеялся.

— О, Мэри! — воскликнул он. — В этом ваша суть. Если бы каждый думал так же, как и вы, каким прекрасным был бы этот мир. Меня всю жизнь окружали люди, пытавшиеся обвинить кого-то в своих несчастьях. Я и сам обвинял во всех моих неудачах отца, мать, мою дорогую почившую жену, шлюх, алкоголь, недостаток денег и даже еды. Мне бы хотелось снова стать молодым и начать свой жизненный путь рука об руку с вами.

Босвелл любовно пробежал пальцами по ее волосам, затем, подняв один локон, взял ножнички из корзинки для шитья госпожи Вилькс, которая стояла на столе рядом с ним, и отрезал его.

— На память, — объяснил Босвелл. Он достал из кармана маленький кошелечек и спрятал в него локон.

— Я сохраню воспоминания о вас вот здесь, — сказала Мэри, указывая рукой на сердце. — И позаботьтесь о том, чтобы моих друзей помиловали, или я буду обвинять вас.

— Их скоро освободят, — пообещал он. — Их делами занимается Генри Дундас.

Вечером двенадцатого октября Мэри и Босвелл стояли на причале Билз в Саусворке, где Мэри должна была сесть на корабль «Анна и Элизабет», направлявшийся в Фоуэй с утренним приливом.

Ночь была ветреной и влажной, и они поспешили укрыться в стоявшей неподалеку таверне. Когда Босвелл зашел на Литл Титчфилд-стрит, чтобы забрать Мэри с ее вещами, он привел с собой Джеймса, своего пятнадцатилетнего сына, чтобы познакомить их.

У молодого Джеймса Босвелла были такие же красивые темные глаза и полные губы, как у отца, но он казался выше, стройнее, изящнее, и его кожа поражала белизной. По понятной причине Джеймс робел, но ему очень хотелось познакомиться с Мэри. Он сказал, что отец рассказывал ему и сестрам ее историю и что все они желают ей счастья.

Джеймс договорился, что позже, в тот же вечер, встретится с отцом, и, пока кэб громычал по мокрым ветреным улицам к Темзе, Мэри сидела молча, полная опасений. Она уже не была так уверена в том, что хочет вернуться в Корнуолл, и в особенности в том, что хочет покинуть Босвелла, своего дорогого друга и спасителя. Мэри поглядывала на него всю дорогу, и ее охватывала невыносимая тоска. Она знала, что его здоровье находится не в лучшем состоянии. Нездоровый цвет лица и скованность движений свидетельствовали о том, что он страдает от какого-то недуга.

Мэри хотелось бы снова увидеть Долли и, может быть, госпожу Вилькс. Но у нее было предчувствие, что те несколько часов, которые оставались до отплытия корабля, будут последними, которые она проведет с Босвеллом.

В таверне Мэри сняла тяжелый темно-зеленый шерстяной плащ, который ей подарила госпожа Вилькс. Мэри испытывала огромную благодарность к этой добросердечной женщине, так же, как и к Босвеллу, за то, что она так многому ее научила. Никто в этой прибрежной таверне не принял бы Мэри за проститутку или каторжницу. Новая одежда — от плаща и шляпки до теплого шерстяного платья и крепких ботинок — придавала ей сходство с благовоспитанной гувернанткой. И все же госпожа Вилькс выбрала такую одежду не только потому, что она была теплой и практичной, но и потому, что в ней Мэри выглядела привлекательно. Под платьем с высоким воротником и кружевной оборкой кремового цвета была надета нижняя кружевная юбка и модные красные чулки. У Мэри в коробке лежало еще много одежды, и она с трудом отождествляла отражение красивой женщины, появлявшееся в зеркале, с той несчастной, которая когда-то носила лохмотья и

кандалы на ногах.

Они пили ром, сидя бок о бок на деревянной скамье с высокой спинкой у ревущего в камине огня, и чувствовали друг к другу нежность. Мэри хотелось бы найти нужные слова, чтобы сказать Босвеллу о своих чувствах к нему. Босвелл же, непривычно молчаливый, сидел, держа на скамье свою руку на ее руке, и этот жест говорил о том, что он хочет удержать ее как можно дольше.

Это место напомнило Мэри таверны в Фоуэе и Плимуте: пол из каменных плит, скользкий от мужских ботинок, густой прокуренный воздух и перекрывающий все это запах влажной одежды. И все-таки это было уютное, приветливое место, где моряки рассказывали друг другу свои истории, находили доступных женщин и пропивали деньги, заработанные тяжелым трудом. Мэри казалось, что последние часы перед расставанием они должны провести вместе в знакомой ей атмосфере. На следующий день Босвелл вернется к прежней жизни, будет обедать в шикарных ресторанах, пить кофе со своими знаменитыми друзьями или снова сидеть за письменным столом и писать, пока ее корабль будет прокладывать путь к Корнуоллу через бурное море.

— Я договорился с преподобным Джоном Бэроном в Лоствителе, чтобы он выдавал вам годовую ренту в размере десяти фунтов в год, — выпалил неожиданно Босвелл. Он вынул из бумажника пятифунтовую банкноту и вложил ей в руку. — Это на первые полгода. В апреле вы пойдете к нему, чтобы получить вторую половину, и подпишетесь вашим именем, как я учил вас.

— Но Боззи, — воскликнула она возмущенно, — зачем? Мне это не потребуется, и я знаю, что вы небогатый человек.

Босвелл был богат по сравнению с обычными рабочими людьми, но Мэри стало известно, что большую часть жизни он провел, выкарабкиваясь то из одного, то из другого финансового кризиса. Он неоднократно был близок к разорению, и только удача и верные друзья спасали его от этого.

— Это придаст вам уверенности, — сказал Босвелл. При этом он не добавил, что деньги ей пригодятся, если у нее ничего не получится в Фоуэе. Наверное, ему не хотелось признавать, что такая возможность существует, но Мэри поняла, что он имеет в виду.

Она поблагодарила его, и комок в горле помешал ей сказать больше. Мэри положила банкноту в маленький ридикюль, который в качестве прощального подарка вышила ей госпожа Вилькс, и вынула маленький пакет, перевязанный красной ленточкой.

— Это на память обо мне, — произнесла она мягко, вложив пакет ему в руку. — Он не имеет никакой ценности, но это единственное, что утешало меня в тяжелые времена в Порт-Джексоне.

Босвелл с любопытством взглянул на нее, заметив слезы в ее глазах, затем осторожно открыл пакетик. В нем было лишь несколько высохших, начавших осыпаться листьев.

— Мы называли это «сладким чаем», — объяснила Мэри. — Я собрала эти листья в последний день перед нашим побегом. Эти несколько листьев я хранила всю дорогу до Купанга, в Батавии и в Ньюгейте. Мне бы хотелось подарить вам золотые часы с вашим именем, выгравированным на обратной стороне крышки, но эти листья гораздо дороже, несмотря на их скромный вид. Смотрите на них иногда и вспоминайте обо мне.

Босвелл завязал пакетик и положил его в карман.

— Я буду хранить их вечно, — сказал он дрожащим голосом. — Но они не нужны мне для того, чтобы вспоминать о вас, Мэри, потому что вы заняли особое место в моем сердце.

Босвелл поднял ее руки и поднес их к своим губам, а его темные блестящие глаза при этом изучали ее лицо, будто он хотел навсегда запечатлеть его в памяти.

— В прошлом я клялся в любви стольким женщинам, что не решаюсь сделать это снова, потому что боюсь опознать мое чувство к вам, моя дорогая, — произнес он. — Но настоящая, самая искренняя дружба рождается из любви. Она никогда не умирает, никогда не тускнеет. Она остается даже после смерти.

Вдруг их разговор прервали громкие радостные крики. Мэри и Босвелл подняли головы и увидели, что мужчины в таверне приветствуют двоих входящих. Один был маленьким жилистым мужчиной лет сорока пяти, другой — высокий светловолосый и лет на десять моложе.

— Тот, который старше, — шкипер «Анны и Элизабет», его зовут Джоб Мойес, — сказал Босвелл. — Я встретил его, когда заказывал вам билет. Тот, что с ним, — его первый помощник. Я приглашу их на кружку пунша. Мы не должны оставшееся время сидеть вдвоем и грустить.

Джоб Мойес и его первый помощник Джон Трелони очень тепло поздоровались с Босвеллом и Мэри, и было ясно, что они знают о ней все.

— Ваше присутствие на борту доставит нам большое удовольствие, мисс Броуд, — произнес Джоб, и его голубые глаза сверкнули. — Мы знаем, что можем рассчитывать на ваши навигационные навыки, если попадем в шторм.

Джон Трелони смотрел на Мэри с откровенным восхищением.

— Вы такая маленькая и красивая, чего я никак не ожидал, — сказал он. — Я надеюсь, во время нашего плавания вы расскажете мне о ваших приключениях.

На душе у Мэри стало тепло от его комплимента. У Джона была необычная внешность: глаза янтарного цвета, как у кошки, высокие скулы, очень белые зубы и густые светлые волосы, завязанные в хвост на затылке. У него был приятный, глубокий и звучный голос, и он говорил с легким корнуолльским акцентом, который напомнил Мэри о доме.

Принесли пунш, и Босвелл произнес тост за будущее Мэри. Пока он спрашивал Мойеса, что они везут на корабле, Джон так смотрел на Мэри, что ее сердце затрепетало.

Она твердо поверила в то, что уже неспособна вызывать в мужчинах романтические чувства, и казалось нелепым, что это должно случиться сейчас, когда она вот-вот покинет Лондон.

— Вы из каких краев Корнуолла? — спросила она.

— Фэлмаус, — сказал он и улыбнулся, обнажив при этом свои красивые зубы. — Но у меня там никого нет, мои родители скончались несколько лет назад, а брат уехал в Америку.

— Так где же ваш дом? — удивилась Мэри.

— «Анна и Элизабет», — хмыкнул Джон. — Но если бы я захотел где-нибудь осесть, я бы выбрал Фоуэй.

— Так у вас нет ни жены, ни девушки? — Мэри вопросительно подняла одну бровь.

Он покачал головой.

— Я никогда не встречал женщины, которая смирилась бы с тем, что у меня есть любовница... Я имею в виду море.

Эта фраза всколыхнула в душе Мэри что-то такое, что было в ней глубоко спрятано. Она с любопытством посмотрела на Джона.

— Я украл это выражение у вашего дяди, — сказал он. — У Питера Броуда. Я плавал с ним простым моряком, будучи еще подростком. Он был хорошим человеком и научил меня

всему, что я знаю сейчас.

Мэри ахнула.

— Вы плавали с моим дядей?

Джон кивнул.

— И с вашим отцом тоже, Мэри. Он тоже хороший человек, и я горд тем, что доставлю вас к нему.

— О чем вы говорите? — спросил Босвелл, до которого долетел обрывок их разговора.

— Я просто рассказываю Мэри, что я плавал с ее дядей и отцом, сэр, — ответил Джон. — Впрочем, вы это знаете.

— Боззи, — сказала Мэри с упреком, — не поэтому ли вы так настаивали, чтобы я поплыла именно на этом корабле?

Босвелл лукаво улыбнулся.

— Ну я ведь не смог бы поручить такой ценный груз кому попало, — произнес он. — Я разговаривал с несколькими шкиперами, прежде чем встретил Джоба. Я хотел найти кого-то, с кем бы вы чувствовали себя непринужденно.

Они снова наполнили бокалы, и Босвелл рассмешил мужчин очень забавным рассказом о том, что он назвал «своей прошлогодней увеселительной прогулкой по Корнуоллу».

Мэри была счастлива, что может просто смотреть и слушать. Ее радовало то, что Босвелл снова сияет, рассказывая историю. У него был талант описывать сцены и людей так хорошо, что все слушатели будто становились участниками событий. Мэри чувствовала, что ей будет не хватать его, но ее тревога по поводу возвращения домой рассеялась. Ее место было в Корнуолле.

Только в десять часов они в конце концов вышли из таверны и направились к кораблю. Джон нес коробку Мэри и шел чуть впереди с Мойесом, а Мэри шла с Босвеллом сзади, держа его под руку.

— Давайте попросимся здесь, — сказала она ему, когда они подошли к кораблю. — Не поднимайтесь на борт. Вы должны вернуться и встретиться с Джеймсом, как обещали.

Ветер утих и дождь прекратился. Туман вдруг рассеялся, и на небе появились луна и яркие звезды, и их блики отражались в темной реке. Тихий плеск волны о борт вдруг до боли напомнил Мэри то проклятое плавание, о котором она давно уже перестала думать.

— С вами все будет в порядке? — спросил Босвелл, и было видно, что его обычная самоуверенность на этот раз покинула его.

— Конечно, все будет в порядке, — сказала Мэри, целуя его в щеку. — Все ужасы остались в прошлом.

Босвелл крепко сжал ее за плечи, и его лицо вдруг стало моложе при свете зажженного у корабля факела.

— Если я когда-нибудь вам понадобится, сообщите, — сказал он.

Мэри кивнула.

— А вы берегите себя, Боззи, — сказала она. — И попросите за меня с Джеймсом Биллом, Натом и Сэмом. Мне очень жаль, что я не смогу присутствовать на празднике в честь их освобождения.

Мэри услышала покашливание, принадлежавшее Мойесу или Джону, и поняла, что они ждут, когда она сядет на корабль.

— Прощайте, мой дорогой друг, — сказала она, целуя его снова, на этот раз в губы. — Я никогда не забуду вас. Вы вернули меня к жизни.

Мэри быстро пошла прочь, чувствуя, что вот-вот расплчется. Ступив на палубу, она повернулась и помахала снова. Босвелл неподвижно стоял и смотрел на нее, и серебряные пуговицы на его пальто и золотая цепочка от часов поблескивали при свете факела. Он поднял свою треуголку и величественно поклонился, потом повернулся и пошел прочь.

— Вы будете скучать по Лондону? — спросил Джон за ее спиной.

Мэри повернулась к нему и улыбнулась. Ей показалось, что на самом деле он хотел спросить, будет ли она скучать по светским людям вроде Босвелла, а не по городу.

— Нет, я не думаю, — честно призналась она. — Я рада, что увидела его, но я предпочитаю более простую жизнь и людей, с которыми я могу быть собой.

У нее вдруг возникло странное чувство, будто она уже здесь была. Мэри изумленно огляделась вокруг, но в темноте смогла увидеть немного — лишь сверкающую медь и белеющий свернутый канат.

— В чем дело? — спросил Джон. — Не говорите мне, что такой потомственной морячке, как вы, не по себе оттого, что палуба шатается под ногами.

— Нет, конечно, нет, — сказала Мэри и рассмеялась, потому что корнуолльской картавости Джона было достаточно, чтобы вызвать воспоминания. Запах речной воды и мужчина, нравившийся ей, дополнили видение из прошлого.

Мэри представила, как сидит на палубе «Дюнкирка» — девушка в лохмотьях и цепях — и мечтает об офицере с легким корнуолльским акцентом.

— Позвольте, я покажу вам вашу каюту, — произнес Джон. — Вы здесь замерзнете.

И Мэри вдруг почувствовала себя по-настоящему свободной, гораздо свободнее, чем тогда, когда ее выпустили из Ньюгейта. Она направилась в каюту, а не в трюм. Завтра на рассвете они поднимут парус, и она позавтракает с Мойесом, Джоном и другими моряками. И если она захочет, она будет есть ложкой, потому что здесь никто не станет возражать. Мужчины начнут пить ром и рассказывать о своих плаваниях, и она будет общаться с ними на равных.

Спускаясь по крутым ступенькам, ведущим в каюту, Мэри рассмеялась.

Джон стоял внизу с ее коробкой в руках и тоже рассмеялся.

— Вы счастливы, что вы на борту? — спросил он, и его рыже-коричневые глаза сверкнули. — Я очень счастлив. Но мы думали, что вы побывали на стольких кораблях, что вам хватило путешествий на целую жизнь.

— Я тоже так думала, вернее, мне так казалось, — ответила Мэри, и ее голос прозвучал радостно. — Но на этом корабле я чувствую себя как дома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Я сознаюсь, что никогда не смотрел на этих людей без жалости и удивления. Они потерпели неудачу в героической борьбе за свободу, после того как победили все невзгоды и справились со всеми трудностями.

Эта женщина плыла в Порт-Джексон на корабле, который должен был доставить меня туда, и отличалась своим хорошим поведением. Я не мог не восхищаться тем странным стечением обстоятельств, которое снова свело нас вместе, не поддаваясь никакому человеческому воображению, и которое было невозможно предвидеть.»

Отрывок из дневника Ваткина Тенча, 1792

Послесловие

Мне было тяжело оставлять Мэри на палубе «Анны и Элизабет». Я так привязалась к ней, что с удовольствием написала бы о том, как она влюбилась в Джона Трелони по дороге домой. Я бы также с удовольствием представила вашему вниманию ее радостное воссоединение с родителями в Фоуэе и продолжила бы повествованием о ее романтической свадьбе с Джоном, а потом о рождении нескольких здоровых, красивых детей. Но было бы неправильно исказить отрезок ее жизни после Лондона.

Джеймс Мартин, Сэм Брум (известный также как Мясник), Билл Аллен и Нат Лилл были наконец помилованы в ноябре, вскоре после того как Мэри уехала из Лондона. Прямо из Ньюгейта они пошли к Джеймсу Босвеллу, чтобы поблагодарить его за его доброту.

Сэм действительно вступил в Корпус Нового Южного Уэльса и вернулся в Австралию. О трех остальных ничего не известно. Но мне хочется думать, что Джеймс Мартин либо вернулся в Ирландию, получив достаточно прибыли от своих мемуаров, чтобы разводить лошадей, либо уехал в Америку.

Что касается Джеймса Босвелла, к несчастью, он умер семнадцатого мая 1795 года. Его семья аннулировала годовую ренту Мэри, и, хотя он сделал запись в своем дневнике, что написал четыре страницы о «девушке из Ботанического залива», эти страницы никогда не были найдены. Но я уверена, что душа Джеймса радуется на небесах, поскольку «Жизнь Сэмюэля Джонсона» действительно стала известна как лучшая биография всех времен.

Ваткин Тенч в последствии стал кем-то вроде героя. Он был схвачен во Франции и, возможно, бежал из лагеря для военнопленных. Он дослужился до звания генерал-майора. Я улыбнулась, когда обнаружила, что он женился на Анне-Марии Сарджент. Моя девичья фамилия Сарджент, и мой отец был морским офицером. Ваткин и Анна-Мария не имели своих детей, но они усыновили четверых детей золовки Тенча, когда ее муж умер в Вест-Индии.

Дневники Ваткина Тенча сохранились вместе с дневниками многих других офицеров, отправившихся в Австралию с первой флотилией, и свидетельствуют о том, что он, несомненно, был умным, милосердным человеком с развитым чувством справедливости.

Мэри так и не открыла, кто отец Шарлотты, поскольку лейтенант Спенсер Грэхем — это мой вымысел. Некоторые думают, что им был Ваткин Тенч, но я очень сомневаюсь в этом, поскольку он, несомненно, излил бы в дневнике свои страдания после похорон Шарлотты в море.

Акт об ограждении общинных земель. (*Примеч. пер.*)

Имеется в виду война за независимость в Северной Америке (1775–1783 гг.), в результате которой было образовано независимое государство — США (1776 г.). (*Примеч. ред.*)

Джеймс Кук (1728–1779) — английский мореплаватель. Открыл восточное побережье Австралии. (*Примеч. ред.*)

Георг III (1728–1820) — английский король с 1760 г. (*Примеч. ред.*)

Работный дом — английский приют для бедняков (XVII–XIX вв.) с тяжелыми условиями жизни и труда. По Закону о бедных 1834 г. в работные дома принудительно помещались все обращающиеся за общественной помощью. (*Примеч. ред.*)

Рундук — большой ларь с поднимающейся крышкой. (*Примеч. ред.*)

Английский обычай закрывать глаза покойника монетами достоинством в пенс. (*Примеч. пер.*)

Исторический рынок в Лондоне. (*Примеч. пер.*)

Английская мера веса, 14 фунтов. (*Примеч. пер.*)

Плеть с девятью ремнями. (*Примеч. пер.*)

Секстант (от лат. sextans) — угломерный инструмент, применяемый в мореходной астрономии. (*Примеч. ред.*)

Линь (голл. lijn) — судовой трос из высококачественной пеньки, применяемый для оснастки, такелажных работ и т. д. (*Примеч. ред.*)

Плавучее средство. (*Примеч. пер.*)

Место казни в Лондоне. (*Примеч. пер.*)

Барристер (англ. barrister) — высшее звание адвоката в Великобритании. (*Примеч. ред.*)

Роберт Брюс (1274–1329) — шотландский король. В 1328 г. добился от Англии признания независимости Шотландии. (*Примеч. ред.*)

Томас Пейн (1737–1809) — просветитель радикального направления, отстаивал идею суверенитета народа и его права на революционное восстание. (*Примеч. ред.*)

Четыре корпорации барристов в Лондоне. (*Примеч. пер.*)